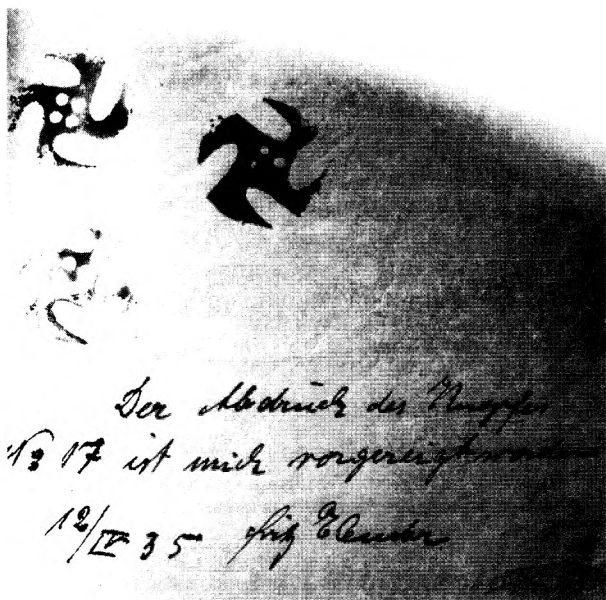

АЛЕКСАНДР ВАТЛИН

«НУ И НЕЧИСТЬ»

Немецкая операция НКВД
в Москве и Московской области
1936–1941 гг.

РОССПЭН

Москва
2012

УДК 323(470-25)
ББК 63.3(2)615-4
В21

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Германского исторического института в Москве*

Ватлин А. Ю.

В21 «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. / А. Ю. Ватлин. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; 2012. — 342 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1710-7

В монографии на материалах архивно-следственных дел, хранящихся в Государственном архиве РФ, реконструированы отдельные судьбы жертв большого террора — выходцев из Германии, а также представлен коллективный портрет двух основных социальных групп, составлявших «немецкую колонию» в революционной Москве — политэмигрантов и иностранных специалистов. Ключевым сюжетом книги является динамика немецкой операции НКВД в столичном регионе, формировавшиеся в ее ходе образы врага, репрессивные практики «упрощенного следствия» и социально-психологические последствия репрессий.

УДК 323(470-25)
ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-8243-1710-7

© Ватлин А. Ю., 2012
© Российская политическая энциклопедия,
2012

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подзаголовок книги вполне объясняет читателю авторский замысел. А вот заголовок требует некоторых комментариев. Это реплика Сталина в адрес немецкого инженера Фрица Элендера, работавшего на Московском заводе пластмасс и обвиненного в выпуске «фашистских пуговиц» — на их лицевой стороне просматривалось нечто похожее на свастику¹. Конечно, до личной встречи руководителя Советского Союза и одного из рядовых героев нашего исследования дела не дошло, Сталин оставил свою ремарку на полях сообщения НКВД о разоблачении очередной провокации коварного врага.

В личном архиве вождя сохранилось немало подобных резолюций, многие из которых по своему эмоциональному заряду превосходят приведенную выше. Обычные на первый взгляд вспышки гнева создавали соответствующий настрой у окружения Сталина, транслировались его приближенными, трансформировались в чеканные строки партийных постановлений или военных приказов.

Конечно, было бы наивно проводить прямую линию между брошенным вскользь замечанием вождя и начатой год спустя немецкой операцией органов НКВД, которая стала составной частью эпохи большого террора. Однако несомненно, что резолюция отражает маниакальную ненависть руководства страны ко всему тому, что исходило из «враждебного окружения» и пустило корни «в нашем советском огороде», как писала центральная пресса. Запад вообще и фашистская Германия в особенности оказывались на ее страницах олицетворением нечистых сил темного прошлого, которые вредят, пакостят и гадят, одним словом, мешают Советскому Союзу достичь столь близкого светлого будущего.

В таком почти религиозном сценарии нашлось место и для эмигрантов из стран межвоенной Европы, которые стремились найти в нашей стране свою новую родину. Каждый из них был должен прой-

---

¹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 637.

ти сквозь чистилище партийных и государственных структур, чтобы доказать свою верность делу социализма. Многим из них пришлось доказывать иное — то, что они не являются агентами иностранных разведок, скрытыми троцкистами, подлыми вредителями и прочей «нечистью». О выходах из Германии, немцах и не только, проживавших в столичном регионе и ставших жертвами политических репрессий предвоенного периода и первых месяцев войны, пойдет речь на страницах этой книги.

Внимание автора ограничено столичным регионом — Москвой и Московской областью в границах сентября 1937 г. Это объясняется наличием достаточной, и в то же время обозримой источниковой базы для индивидуального исследования. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится около ста тысяч прекращенных архивно-следственных дел (АСД) по политическим преступлениям, которые велись Московским областным управлением ВЧК—ОГПУ—НКВД—КГБ на протяжении всей его истории². В ходе предварительного поиска в этом фонде было выявлено свыше тысячи дел, которые можно условно определить как «немецкие». Почти все они относятся ко второй половине 30-х — началу 40-х гг. О критериях отбора и специфике этих дел будет подробно рассказано в основной части книги.

Региональные аспекты политических репрессий в эпоху сталинизма вызывают растущий интерес у исследователей как в России, так и на постсоветском пространстве³. На основе сопоставления архивных материалов отдельных республик, краев и областей подготовлены обобщающие работы о «массовых операциях» НКВД в 1937–1938 гг.⁴ Уже с середины 90-х гг. историки уделяют особое внимание «национальным контингентам» среди жертв сталинского террора⁵.

Несмотря на то что Москва и Подмосковье играли ключевую роль в советской истории межвоенного периода, исследование практики государственного террора на этой территории, выявление и публика-

---

² ГАРФ. Фонд 10035 — Московское областное управление КГБ СССР.

³ Только в серии «История сталинизма», выходящей в издательстве РОССПЭН, вышло более десяти монографий, посвященных данной теме; в октябре 2009 г. в Смоленске под эгидой издательства прошла международная научная конференция «Репрессированная российская провинция».

⁴ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал большим. Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00 447. М., 2009; «Включен в операцию»: массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М., 2009.

⁵ Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999.

ция имен его жертв отстают от других регионов России. Достаточно полными и исчерпывающими можно считать только данные по расстрелянным, но это менее трети от общего числа всех репрессированных. До сих пор нет ни электронной базы данных, ни книги памяти, включающей в себя имена и биографии всех жертв политических репрессий Московского региона, в том числе и тех, кто был приговорен к заключению в лагерь, умер или был освобожден на этапе следствия. Очевидно, что такая работа может быть проведена только в результате объединения усилий государственных учреждений Москвы и заинтересованной общественности. Утвердившаяся на сегодняшний день практика освоения этого фонда по частям, пусть понемногу, но приближает нас к достижению конечной цели, лучше всего высказанной в строке поэта: «Хотелось бы всех поименно назвать...».

Поиск и публикация биографических данных немецких жертв большого террора стали лишь частью исследовательского проекта, поддержанного Германским историческим институтом в Москве. Изученные архивные материалы позволяют в значительной степени дополнить наши представления о составе и динамике эмиграции из Германии в Советскую Россию, о политическом курсе германской компартии и Коминтерна, о специфике репрессий в отношении различных категорий немцев как «национального контингента».

Окончательные ответы на подобные вопросы могут быть получены только при сопоставлении информации, содержащейся в архивно-следственных делах с материалами государственных ведомств и политических организаций, решения которых определяли повседневную жизнь выходцев из Германии в сталинской России. Речь идет прежде всего о нормативных актах НКВД и оперативной практике органов внутренних дел на местах, документах германского посольства в Москве, личных делах немецких коммунистов, которые вел отдел кадров Исполкома Коминтерна (ИККИ). Как правило, эти архивные материалы продолжают оставаться недоступными для исследователей либо их научное освоение требует серьезной кооперации с коллегами из ФРГ.

Автор принимает на себя ответственность за публикацию промежуточных итогов исследования и рассматривает данный шаг как приглашение к дальнейшему научному диалогу с коллегами, которые давно и плодотворно разрабатывают иные аспекты данной темы. Подзаголовок книги мог бы звучать как «рабочие материалы», подразумевая, что знакомство с ними должно стать стимулом для критической проверки, содержательного дополнения и доведения до конца того, что было задумано в рамках настоящего проекта.

Его реализация была бы невозможной без помощи и содействия руководителей и сотрудников ГАРФ — С. В. Мироненко, Л. А. Роговой, Д. Ч. Нодия, Российского архива социально-политической истории — А. К. Сорокина, В. Н. Шепелева, С. М. Розенталь, Ю. Т. Туточкина. Я благодарен всем коллегам-историкам из России, Австрии и Германии, в дискуссиях с которыми формировалась концепция исследования, обсуждался его ход и подводились промежуточные итоги. В отборе данных из опубликованных источников и оформлении статистических приложений принимали активное участие мои студенты — Александра Терентьева и Людмила Лягушкина.

Особые слова признательности — директору-основателю Германского исторического института в Москве Бернду Бонвечу. Его вдохновляющая уверенность в том, что надо идти вперед и браться даже за такие темы, которые связаны с известным риском и не обещают стопроцентного результата, стала «повивальной бабкой» и путеводной звездой настоящего исследования. И, конечно, низкий поклон моим родителям, Лидии Ивановне и Юрию Геннадьевичу Ваглиным. Их постоянная и заинтересованная поддержка моих научных изысканий и сделала в конечном счете возможным появление этой книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧИСТИЛИЩЕ

Глава 1

ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Современное понимание сталинского террора

В отличие от своих соседей в леворадикальном политическом лагере России большевики отвергали индивидуальный террор. Придя к власти, РКП(б) на практике реализовала свою установку на насилие как мотор революционных преобразований, а также продемонстрировала прагматически-пренебрежительное отношение к нормам права и ценностям гражданского общества. Ленин в «Детской болезни левизны в коммунизме» искал опору в эпохе якобинской диктатуры, террор которой позволил выстоять Французской революции. Следовательно, и мы не можем быть против «террора со стороны победившей революционной партии, осаждаемой буржуазией всего мира»⁶.

Показательно, что эта цитата попала в подборку материалов, которую прихватил с собой один из героев нашего исследования — немецкий адвокат Феликс Галле, когда отправлялся в Швейцарию защищать видного функционера КПГ Гейнца Неймана от выдачи властям Третьего рейха. Галле смог доказать неправомерный характер гитлеровской диктатуры, где «судебный приговор был заменен приказом вождя в его качестве верховного вершителя правосудия»⁷. Однако эти слова в равной степени могут быть применены и к сталинской России. Политические репрессии, достигшие своего апогея в 1937 г., олицетворяли собой «как грубейшие деформации самого законодательства по сравнению с нормами цивилизованного общества, так и

---

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. С. 16.

⁷ Галле Ф. Борьба за право убежища для политических эмигрантов. Международно-правовое заключение по делу о выдаче Гейнца Неймана. М., 1936. С. 54.

преступные нарушения той элементарной законности, которая еще сохранялась в некоторых юридических документах»⁸.

Сталин выступил одновременно и как продолжатель традиции «кризисного прагматизма», заложенной Лениным, и как творец режима, который современные исследователи справедливо называют «избыточно репрессивным». Превентивный террор превратился в наиболее устойчивый элемент сохранения этого режима⁹. В то же время его юристы «так и не сформировали собственного понимания права, которое позволило бы оправдать уничтожение миллионов людей»¹⁰. Поэтому характерной чертой сталинских репрессий была их скрытность, которая до сих пор приводит некоторых историков к мысли о том, что они оставались незамеченными для основной массы населения¹¹.

Немалый отпечаток на их ход накладывала и безмерная подозрительность Сталина, доходящая до масштабов маниакальности. Он не делал принципиальных различий между периодом Веймарской республики и гитлеровской диктатуры, утверждая вопреки очевидным фактам, что тесные экономические отношения между двумя государствами рубежа 20–30-х гг. оказались на руку только фашистам. В беседе с Ежовым 21 мая 1937 г. вождь подчеркивал: «Необходимо полностью учесть урок сотрудничества с немцами. Рапалло, тесные взаимоотношения — создали иллюзию дружбы. Немцы же, оставаясь нашими врагами, лезли к нам и насадили свою (разведывательную. — А. В.) сеть»¹².

«НКВД предстает перед нами как гигантская машина консервации, замораживания социальных противоречий, раздирающих страну, противоречий, которые сталинская система не в состоянии была положительно разрешить или разумно примирить (будь то всплески национализма, борьба социальных групп или амбиции творческой личности)»¹³. Одним из таких противоречий был конфликт между

---

⁸ Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 8.

⁹ Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 448, 461, 463.

¹⁰ Erren L. "Selbstkritik" und Schuldbekentnis. Kommunikation und Herrschaft unter Stalin (1917–1953). Muenchen. 2008. С. 370. См. по этой проблеме также: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008.

¹¹ См. Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 140.

¹² Петров Н. В., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2009. С. 292.

¹³ Колязин В. Ф. Деятели искусства — жертвы сталинского режима // Россия и Германия в XX веке. Т 2. М., 2010. С. 257–258.

пропагандистским образом СССР как «авангарда прогрессивного человечества» и реалиями советской жизни, которые все больше напоминали эпоху самодержавия. Этот конфликт разрешался как на путях максимальной герметизации страны, изоляции населения от внешних воздействий, так и его форсированной унификации. Наряду с «бывшими людьми» всех мастей и категорий особой социальной группой, против которой была направлена прополка большого террора, являлись представители «инонациональностей», в том числе и немцы.

Исходной точкой идеологического обоснования массовых репрессий выступали показательные процессы, в ходе которых Сталин расправлялся со своими бывшими соратниками. Вымышленные сценарии взаимодействия последних с «разведками фашистских государств» для достижения политического реванша неизбежно должны были опуститься и на «низовую уровень». Такие установки содержались в инициированных сверху статьях, призывавших советских людей к бдительности, к разоблачению умело маскирующихся резидентов иностранных разведок. «Если существует капиталистическое окружение, то неизбежно должны существовать и шпионы, диверсанты, вредители и террористы, которые всякими путями пробираются в наш тыл и насаждаются здесь нашими врагами»¹⁴.

Кампания в прессе фактически готовила общественное мнение страны к тому, что в условиях предвоенного времени органы госбезопасности будут вести огонь по площадям, ибо установить индивидуальную вину каждого из врагов чрезвычайно трудно. «Надо прямо сказать, что маскироваться всегда легче, чем срывать маску», — утверждал Вышинский. Это выглядело как индульгенция правовому произволу в соответствии с часто звучавшей тогда поговоркой «лес рубят — щепки летят». Советская пропаганда развивала сталинский тезис о том, что укоренившиеся в стране шпионские сети иностранных держав являются важнейшим фактором, приближающим военную развязку: «Сильная разведка врага плюс наша немощь — провокация войны»¹⁵.

Критерием, при помощи которого следовало разоблачить врага, выступала не столько его национальная идентификация, сколько сам факт принадлежности к чуждому, «несоветскому» миру, даже про-

---

¹⁴ Вышинский А. Я. О некоторых методах диверсионно-шпионской работы иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской агентуры // Комсомольская правда. 28 июля 1937 г.

¹⁵ Петров Н. В., Янсен М., Указ. соч. С. 292.

стого соприкосновения с ним¹⁶. «В представлении большевиков враги принимают формы социальных и этнических групп. Но подобные коллективы представляли реальную опасность для советского строя лишь в тех случаях, когда их существование как бы «инфицировало» гомогенную социальную среду», — отмечает немецкий историк Йорг Баберовски¹⁷. Виктор Деннингхаус уточняет, что при выдвижении на первый план в ходе массовых репрессий контакта с заграницей советские власти «полностью игнорировали такой ключевой элемент большевистской идеологии, как классовый подход»¹⁸.

В 1937 г. немцы Поволжья в местах своего компактного проживания не воспринимались как «инонациональность», но, оказавшись в других регионах, уже подходили под критерий «чужого», «врага»¹⁹. Для иммигрантов решающим оказывалось место рождения, гражданство (неважно, бывшее или настоящее), сам факт пребывания за рубежом. Поэтому немецкую операцию НКВД не следует понимать как этническую чистку, в германские шпионы записывали представителей всех национальностей.

Непревзойденным исследованием по данной теме остается статья А. Рогинского и Н. Охотина²⁰. В ней проанализированы ключевые приказы и инструкции руководства ВКП(б) и карательных органов, приведены статистические данные о ходе операции, ежедневно

---

¹⁶ В руководящих статьях прессы первой половины 1937 г., появление которых было инициировано самим Сталиным, обильно приводились примеры советских специалистов, отправленных в заграничную командировку и попавших на удочку иностранных разведок. См. например: Уранов С. О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок // Правда. 4 мая 1937 г. (Под этим псевдонимом скрывался начальник Разведуправления РККА С. П. Урицкий. См. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004. С. 135).

¹⁷ Баберовски Й. Красный террор: история сталинизма. С. 185. Автор все же не отказывается от выделения национальной составляющей государственного террора: «Большевики грезил об этнически гомогенном ландшафте, в котором больше бы не было места для нелояльных групп населения» (Там же. С. 187).

¹⁸ Denninghaus V. Minderheiten in Bedraengnis. Sowietische Politik gegenueber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitaeten 1917–1938. Muenchen, 2009. S. 574.

¹⁹ В достаточно обширной литературе о российских немцах практически не затрагивается проблема большого террора — для этой этнической группы пик репрессий пришелся не на 1937 г., а на 1941 г. См. Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart. 1983; Pinkus B., Fleischhauer I. Die Deutschen in der Sowjetunion. Baden-Baden. 1987. Не выделяется период 1937–1938 гг. и в документальном сборнике, выпущенном сообществом российских немцев: Немцы Союза СССР. Драма великих потрясений. 1922–1939. Архивные документы и комментарии. М., 2009.

²⁰ Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. С. 35–74.

стекавшиеся на Лубянку. В то же время авторы подчеркивают, что подобный подход должен быть дополнен региональными исследованиями, проводимыми на базе местных архивов²¹. Действительно, сухие цифры и директивные документы мало что говорят о буднях «чекистской работы», здесь не обойтись без взгляда снизу, подразумевающего изучение судеб конкретных жертв, попавших в уникальный конвейер смерти.

Тем не менее модный в последнее время «микроисторический» подход не должен выступать в роли волшебной палочки-выручалочки. Фрагментарность источниковой базы порой приводит к неоправданным обобщениям, отдельные случаи возводятся в ранг системы. В качестве свежего примера можно привести абсурдное утверждение английского историка и публициста Д. Рейффилда о том, что «единственным относительно счастливым народом во время террора оказались немцы» — якобы потому, что Сталин боялся ответных репрессий Гитлера против коммунистов и поэтому заменял немцам расстрельный приговор на заключение в лагерь²².

Проведенное исследование не начинает разработку темы «с чистого листа», а встраивается в уже имеющуюся историографию. Прежде всего следует упомянуть работы, посвященные социальной истории немецкой политэмиграции в сталинской России. В новаторской для своего времени книге Каролы Тышлер, опирающейся на материалы бывшего архива Коминтерна, показано, что руководство КПГ всячески тормозило выезд членов партии в СССР после прихода к власти Гитлера. Такой подход был проекцией официальной линии советского руководства — «мы не хотим и не допустим массовой иммиграции» из Германии, указывал заместитель наркома иностранных дел Н. Н. Крестинский в феврале 1934 г.²³

Статистические данные о прибывавших из Германии специалистах и политэмигрантах содержатся в исследовании О. Деля,²⁴ их повседневная жизнь описана в работе С. В. Журавлева, посвященной иностранцам, работавшим на столичном Электрозаводе²⁵. Судьбы

---

²¹ Там же. С. 54.

²² Рейффилд Д. Сталин и его подручные. М., 2008. С. 335–336. В своей аргументации автор опирается на конкретный случай, когда НКВД с такой мотивировкой рекомендовал Сталину не выносить смертного приговора немецкому подданному.

²³ Tischler C. Flucht in die Verfolgung. Deutsche Emigranten im sowjetischen Exil 1933 bis 1945. Muenster. 1996. S. 33.

²⁴ Дель О. От иллюзий к трагедии. Немецкие политэмигранты в СССР в 30-е годы. М., 1997.

²⁵ Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.

функционеров КПГ, писателей, деятелей науки и искусства, репрессированных в 1937 г., представлены в книгах Рейнхарда Мюллера²⁶. Культ «обретенной родины», который были вынуждены исповедовать эмигранты из Германии, оказавшиеся в СССР, детально разбирается в исследовании Анны Хартманн²⁷. В духе «микроистории» выдержаны работы, посвященные отдельным группам немцев, ставших жертвами сталинского террора: горнякам, архитекторам, женам рабочих²⁸.

Опираясь на материалы архива германского внешнеполитического ведомства, Ганс Шафранек и Вильгельм Мензинг анализируют механизм высылки из СССР подданных этой страны, тот прием, который им оказывали в Третьем рейхе и который нередко завершался заключением в концлагерь²⁹. Важную роль для сопоставления с ситуацией в Москве и Московской области играют региональные исследования политических репрессий против российских немцев, охватывающие и период большого террора³⁰. Невозможно перечислить статьи и книги, посвященные судьбам отдельных выходцев из Германии, которые стали жертвами немецкой операции НКВД.

2. Следственные дела как исторический источник

Приступая к работе, исследователь должен быть уверен в том, что «допрашиваемый» источник способен приблизить его к пониманию реалий прошлого. А как же быть с архивно-следственными делами (АСД), которые, по сути, выворачивали наизнанку подлинную биографию жертвы политических репрессий, заменяя ее фантазмагори-

---

²⁶ Mueller R. Menschenfalle Moskau. Exil und stalinistische Verfolgung. Hamburg. 2001; Mueller R. Herbert Wehner — Moskau 1937. Hamburg, 2004.

²⁷ Хартманн А. Советский Союз: мечта или кошмар. Немецкие авторы о своей жизни в советской эмиграции // Россия и Германия в XX веке. Т. 2. М., 2010. С. 293–340.

²⁸ Mensing W. Von der Ruhr in den Gulag. Opfer des Stalinschen Massenterrors aus dem Ruhrgebiet. Essen, 2001; Stark M., Die Gezeichneten. Gulag-Häftlinge nach der Entlassung. Berlin, 2010; Plener U. Leben mit Hoffnung in Pein. Frauenschicksale unter Stalin. Frankfurt am Oder, 1997.

²⁹ Schafranek H. Zwischen NKWD und Gestapo. Die Auslieferung deutscher und oesterreichischer Antifaschisten aus der Sowjetunion an Nazideutschland 1937–1941. Frankfurt am Main, 1990; Mensing W. Eine „Morgengabe“ Stalins an den Paktfreund Hitler? Die Auslieferung deutscher Emigranten an das NS-Regime nach Abschluß des Hitler/Stalin-Pakts — eine zwischen den Diktatoren arrangierte Preisgabe von „Antifaschisten“? // Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. 2006. Nr. 20. S. 57–84.

³⁰ Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х–1930-е гг.). М., 1995; Ченцов В. В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е гг. М., 1998.

ей шпионских гнезд и контрреволюционных заговоров? Есть ли вообще смысл читать каждое из этих дел «от корки до корки», изучать каждый протокол в отдельности, отдавая себе отчет в том, что перед нами — микрочастица масштабной фальсификации? Или достаточно извлечь из них «упрямые факты», т. е. биографические и статистические данные, чтобы на этой основе построить «типологию большого террора»?

Ряд исследователей предпочитают идти именно по такому пути, утверждая, что «нет смысла вникать во все сфабрикованные НКВД дела в отношении немцев,... важнее проследить типичные судьбы репрессированных немцев»³¹. Автор солидарен с иной позицией С. В. Журавлева, который в своем источниковедческом очерке подчеркивает, что «сохранившийся многотысячный комплекс следственных дел представляет исключительное значение для исследователей советской эпохи, и далеко не только в плане изучения собственно истории политических репрессий»³². Однако для того, чтобы из этого источника вычленить правду, а не ложь, при работе с ним следует пользоваться особыми приемами, прежде всего «методикой двойной перепроверки данных»³³.

Здесь не может быть готовых рецептов и однозначных ответов. Очевидно, что использование того или иного, генерализирующего или индивидуализирующего подхода к источнику зависит от поставленных исследователем задач. Структура предлагаемой читателю работы соответствует ключевым проблемам, с которыми приходится иметь дело историкам, занимающимся эмиграцией в СССР и технологией «большого террора». В первой части речь пойдет о «предыстории» репрессий — и в отношении немецких эмигрантов как социальной группы, и применительно к отдельным людям. Во второй части внимание сосредоточено на динамике и механизме немецкой операции, методах следствия и градации приговоров, на социально-психологических последствиях террора. Заключительная часть книги содержит несколько очерков, посвященных немецким жертвам репрессий, биографии которых по тем или иным причинам оказались автору выдающимися или, наоборот, типичными. В приложении приводятся краткие данные на лиц, следственные материалы которых легли в основу настоящего исследования, выделены родственные группы, представлены результаты статистической обработки этих материалов по «немецким делам».

---

³¹ Ченцов В. В. Указ. соч. С. 115.

³² Журавлев С. В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века. М., 2010. С. 126–127.

³³ Там же. С. 164.

Каждый из историков, который обращается к данной теме, сталкивается с принципиальным вопросом — кого считать «немцем», где проводить границы источниковой базы исследования. Перед ним оказывается достаточно широкий спектр критериев: национальная самоидентификация, гражданство, длительность пребывания в Германии и т. д. Наиболее очевидны различия между «российскими немцами» и немецкими эмигрантами, эти группы жертв политических репрессий рассматриваются, как правило, раздельно.

Мы сосредоточим наше внимание на представителях второй группы, хотя и понятие «эмигранты», употребляемое российскими историками, и принятое в Германии понятие «имперские немцы» не могут в полной мере описать ее специфику. Дело в том, что эмигранты делились на германских подданных, лиц, лишенных подданства, и лиц, принявших советское гражданство. Это разделение представляется достаточно важным, ибо различия в правовом статусе определяли специфику следствия и характер приговора после ареста этих людей.

Этническая составляющая выходцев из Германии («немцы по крови») в процессе исследовательской работы потеряла характер доминирующего критерия. В самой Германии после Первой мировой войны проживало значительное количество иностранцев, в том числе и из бывшей Российской империи. Они активно участвовали в экономической, общественной и политической жизни страны, а при приезде в Советскую Россию чувствовали себя немцами независимо от национальности своих родителей. Более строгий подход предлагает Олег Дель, считая немецкими эмигрантами только лиц, «постоянно проживавших в Германии и имевших германское гражданство, приехавших по экономическим, политическим или иным мотивам на жительство в СССР и сохранивших здесь свое прежнее либо принявших советское гражданство»³⁴.

По данным посольства Германии, в 1935 г. в СССР проживало 11 327 немецких подданных, из них около 4000 — в Москве³⁵. В результате активной кампании по переводу иностранцев в советское гражданство их число заметно уменьшилось³⁶, и на начало 1937 г. в СССР проживало только 4015 граждан Германии. Согласно статистическим сводкам центрального аппарата НКВД 608 из них было

---

³⁴ Дель О. Указ. соч. С. 15.

³⁵ Pinkus B., Fleischhauer I. Op. cit. S. 197.

³⁶ По данным гестапо, к 1939 г. гражданами СССР стало около тысячи немцев, прибывших в страну, начиная с конца 20-х гг. Эта цифра представляется явно заниженной. — См. Mensing W. Die Vernehmungsprotokolle der "Russlandrueckkehrer" — eine unausgeschöpfte Fundgrube im Politischen Archiv des Auswertigen Amtes // Jahrbuch zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin. 2003/III. S. 155.

арестовано с июля 1937 по декабрь 1938 г. Приводя эти данные, Н. Охотин и А. Рогинский считают их неполными и предполагают, что в период «массовых операций» было арестовано 660–700 граждан Германии³⁷. Это почти полностью совпадает с данными посольства этой страны³⁸. Из них за пределы СССР было выслано 622 человека, т. е. практически все арестованные³⁹.

Политэмигранты, даже оставшиеся гражданами Германии, в эту статистику, как правило, не включались, так как прибывали в Советский Союз по подложным документам и не проходили регистрацию в посольстве. По данным Каролы Тышлер, к 1936 г. в СССР находилось 4,6 тыс. немецких политэмигрантов⁴⁰. К сожалению, мы не можем сказать, какое количество из них стало советскими гражданами к началу большого террора.

Использованное в тексте понятие «политэмигранты» шире, чем только круг лиц, находившихся на попечении советского отделения Международной организации помощи революционерам (МОПР) — статус политэмигранта получал далеко не каждый из тех, кто его заслуживал. Этот статус подразумевал прежде всего социальную помощь — пенсию или пособие, проживание за счет МОПРа. В нашем понимании к ним относились все те, кто прибыл, спасаясь от полицейских репрессий в Германии за свою партийную и политическую деятельность, получив на это разрешение КПП или соответствующей организации МОПР за границей.

При трудоустройстве и принятии советского гражданства иностранных коммунистов и революционеров лишали опеки МОПРа, их переводили в ряды ВКП(б). Политэмигранты же оставались иностранными гражданами и членами соответствующих компартий. Согласно данным представительства Компартии Германии (КПГ) при ИККИ, к весне 1938 г. были арестованы 70 % членов этой партии, проживавших в СССР. К октябрю того же года на свободе осталось 363 члена КПГ, 328 их них проживало в Москве⁴¹.

---

³⁷ Охотин Н. Рогинский А. Указ. соч. С. 49.

³⁸ Посольство называло общую цифру в 730 человек (Pinkus B., Fleischhauer I. *Op. cit.* S. 197), по данным Охотина и Рогинского аналогичная цифра, включающая в себя арестованных в первой половине 1937 г., составляла 750–820 человек (Охотин Н. Рогинский А. Указ. соч. С. 49).

³⁹ Schafranek H. *Op. cit.* S. 20. Это составляло около трети всех иностранцев, приговоренных Особым совещанием НКВД к высылке за границу.

⁴⁰ Tischler C. *Op. cit.* S. 26, 97.

⁴¹ Мюллер Р. Донос и террор: Герберт Венер в московской эмиграции // Сталин и немцы. М., 2009. С. 74.

Иного пути для формирования достоверной базы данных на репрессированных немцев, кроме сплошного просмотра их следственных дел, на сегодняшний день нет. Таблица, публикуемая в приложении, — результат авторских усилий, открытый для критики, исправлений и дополнений. Трудности с научным освоением данных архивных фондов связаны прежде всего с отсутствием прочной нормативно-правовой базы, регулирующей доступ к ним историков. С одной стороны, законы о реабилитации, принятые в начале 90-х гг., требуют предания гласности имен как жертв политических репрессий, так и их палачей. С другой стороны, расширительное толкование понятия «тайна личной жизни» позволяет архивистам закрывать любые материалы исходя из житейского принципа «лучше перестраховаться». Семидесятипятилетний юбилей большого террора не за горами, но можно не сомневаться, что и после этой даты, когда потеряет свое значение «тайна личной жизни», у руководителей региональных архивов найдутся новые препоны и отговорки.

Ситуацию в ГАРФ, куда с начала 90-х гг. передаются АСД реабилитированных жертв политических репрессий, которые вело Управление ВЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ по Москве и Московской области, можно назвать счастливым исключением. На сегодняшний день в двух описях фонда 10 035 находится 98 995 архивных единиц, в которых содержатся материалы следствия на 121 700 человек. Дела сброшюрованы, но не имеют сплошной нумерации, как правило, на каждом листе от руки проставлено несколько цифр, которые появлялись в процессе комплектования дела⁴². Руководство архива понимает значение данного комплекса документов для формирования сознательного и ответственного отношения российского общества к самым трагическим страницам нашей новейшей истории, и вместе с инициативными группами, представляющими «Мемориал», региональные общества жертв политических репрессий, Русскую православную церковь, печатные СМИ, проводит большую научную и публикаторскую деятельность.

Первым из законченных проектов следует назвать мартиролог расстрелянных на Бутовском полигоне к югу от Москвы, где погребено (по неполным данным) 20 761 человек, казненных с 7 августа 1937

---

⁴² Чтобы избежать путаницы при цитировании, ссылка дается только на архивную единицу хранения без указания страницы. Там, где из текста ясно, о каком человеке из числа репрессированных немцев идет речь, ссылка на номер его АСД не дается, ибо эти данные указаны в таблице, помещенной в приложении.

по 19 октября 1938 г.⁴³ Подавляющее число АСД на лиц, осужденных к расстрелу за политические преступления и ныне реабилитированных, хранится именно в ГАРФ⁴⁴. Приведенные в «бутовских сборниках» биографические данные расстрелянных, сверенные с материалами архивов, являются отправной точкой для дальнейших поисков и исследований. Так, на их основе в Германии был подготовлен сборник, куда вошли имена немцев, казненных в СССР по надуманным обвинениям в 1937–1938 гг.⁴⁵

Следует упомянуть огромную работу, которую ведут представители Русской православной церкви по поиску лиц, пострадавших за веру, — как священнослужителей, так и мирян. Полный просмотр фонда АСД в ГАРФ выявил около 5 тыс. человек, которых на служебном жаргоне НКВД называли «церковниками». В настоящее время проводится их канонизация, опубликовано более 500 житий мучеников и исповедников, арестованных на территории Московской епархии⁴⁶. Высокое качество исполнения отличает книгу памяти репрессированных жителей Мытищинского района Московской области, аналогичный поиск ведется краеведами других районов и подмосковных городов⁴⁷. Автором было проведено исследование, посвященное «большому террору» в Кунцевском районе, в приложении к опубликованной книге содержится более 700 имен и данных о приговорах в отношении людей, следствие по которым велось местным райотделом НКВД⁴⁸.

---

⁴³ Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий. Выпуски 1–8. М., 1997–2004. В завершающем выпуске содержится список с указанием места хранения АСД каждого расстрелянного, однако не приводится его архивный номер, что затрудняет родственникам поиск и ознакомление с материалами следствия.

⁴⁴ Дела на 5658 человек, осужденных «тройкой» по уголовным статьям, расстрелянных в Бутово и нереабилитированных, хранятся в архиве МВД. Об этой категории см. подробнее: Бутовский полигон. Выпуск 8. М., 2004. С. 138–141.

⁴⁵ Verurteilt zur Hochtstrafe: Tod durch Erschiessen. Todesopfer aus Deutschland im Grossen Terror in der Sowjetunion 1937/1938. Hrsg. von Ulla Plener, Natalia Mussienko. Berlin, 2007. В качестве критерия отбора имен в данном сборнике берется место рождения, а потому в него включены немцы, приехавшие в Россию до 1914 г., например Карл Гинц.

⁴⁶ Жития новомучеников и проповедников Российских XX века Московской епархии. 8 томов. Тверь, 2003–2005.

⁴⁷ Книга памяти жертв политических репрессий. Мытищинский муниципальный район Московской области. М., 2009.

⁴⁸ Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004. С. 216–247.

Списки репрессированных жителей Московской области — около 30 тыс. имен — опубликованы в книге памяти, изданной под патронажем областной администрации. К сожалению, издатели не обращались к архивным материалам, поэтому в данном издании содержится немало фактических ошибок, отсутствует содержательное введение и научно-справочный аппарат⁴⁹. Одной из первых инициатив по передаче гласности имен жертв политических репрессий столичного региона стала публикация соответствующих списков газетой «Московская правда»⁵⁰. Вот уже около десятилетия историки, архивисты и правозащитники ставят вопрос о полном научном освоении фонда 10 035. Однако его колоссальный объем не позволяет приступить к этой работе только силами общественности, без государственного финансирования. А значит, не приходится рассчитывать на завершение этой работы в обозримом будущем.

3. Формирование базы данных

Справочный аппарат фонда прекращенных архивно-следственных дел был передан в ГАРФ из ФСБ РФ и представляет собой картотеку, в которой содержатся лишь данные о дате и месте рождения того или иного человека. Лишь изредка на карточке отмечена дата ареста и приговора, содержание последнего. Именно место рождения и стало отправной точкой для формирования источниковой базы проекта — очевидно, что тот, кто родился в границах Германской империи, должен быть так или иначе связанным с этой страной. Первоначальная выборка включала в себя более тысячи имен репрессированных, имя и место рождения которых звучали на немецкий лад. Очевидно, что для ее очистки был необходим сплошной просмотр АСД, что и стало содержанием первой фазы проекта. Итогом этой фазы стала база данных на 720 человек, которых мы в дальнейшем с известной долей условности будем называть немцами. Даты и места их рождения, данные об аресте и приговоре приведены в таблице, открывающей приложение.

---

⁴⁹ Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. М., 2002.

⁵⁰ Со списками, в которых содержится более 25 тыс. имен, можно познакомиться в Интернете (<http://www.mospravda.ru/returned>). Биографическая информация по каждому человеку ограничивается местом рождения и работы, а также адресом проживания на момент ареста.

Первый из немцев, токарь московского Электрозавода Иосиф Егер, был арестован по политическим обвинениям в августе 1934 года; последняя, сторож Наркомрыбпрома Эльза Слуцкая — в марте сорок четвертого. Всего за рамками обозначенных в названии книги хронологических рамок (1936–1941) оказалось 8 случаев политических репрессий, документированных в АСД, они принимались в расчет при статистической обработке данных. Следует отметить, что из упомянутых 720 человек только на 338 имеются краткие биографические справки в мартирологах и научных публикациях, более половины удалось «поименно назвать» только в рамках настоящего исследования.

В ходе очистки первоначальной выборки из нее были исключены лица, родившиеся и проживавшие в Швейцарии, Австро-Венгрии (после 1918 г. — в Австрии), на территориях компактного проживания немцев в Восточной Европе (Польша, Прибалтика, Бессарабия, Северное Причерноморье, Поволжье). Основным критерием для попадания в базу данных стало постоянное местожительство в Германии и прибытие из нее (в том числе и через третьи страны) в Советскую Россию после окончания Первой мировой войны. Отметим еще раз, что при такой трактовке этническая принадлежность репрессированных теряет свое определяющее значение, однако в практике немецкой операции НКВД она его и не имела⁵¹. Главным являлся сам факт «сопричастности» к жизни в Германии, толковавшийся в ходе следствия максимально широко.

Так, если человек, не родившийся в Германии, прожил там значительную часть своей жизни, он оставался в базе данных⁵². Напротив, если эта страна являлась лишь «пересадочным узлом» в его биографии (это могла быть учеба в университете, бегство от преследования за революционную работу в России, переезды вместе с семьей в поисках заработка), такие люди исключались из выборки. Национальность человека (еврей, русский, поляк) и его подданство (швейцарец, австриец) как в первом, так и во втором случае не принималась во внимание. Данное обстоятельство имеет свое оправдание в условиях «великого переселения народов» в эпоху мировых войн — к примеру,

---

⁵¹ Так, практически все выходцы из Австрии, репрессированные в эпоху большого террора, были квалифицированы как «германские шпионы» из-за их принадлежности к немецкому культурному сообществу (Маклоклин Б. Бутово: австрийские жертвы сталинского террора // Бутовский полигон. Выпуск 5. М., 2001. С. 5).

⁵² Например, родившийся в Галиции архитектор Лео Вассерман, являвшийся активным членом германской компартии.

среди членов КПГ, прибывших в СССР в межвоенные годы, около 10 % не являлись этническими немцами⁵³.

В ходе работы пришлось столкнуться с еще одной достаточно обширной категорией лиц, имевших «немецкую» привязку. Речь идет о германских и австрийских военнопленных, оказавшихся в России в годы Первой мировой войны, а также о немецких женах российских военнопленных, прибывших в Россию со своими мужьями после 1918 г. Хотя по формальным признакам эти люди вполне попадали в рамки проекта, просмотр их АСД показал, что к 1937 г. они прожили большую часть своей жизни на новой родине и почти полностью ассимилировались. Их самоидентификация как «немца» или «немки» являлась скорее шемющим воспоминанием о молодости, нежели фактором, оказывавшим реальное влияние на их повседневную жизнь.

Несмотря на то что эти люди стали жертвами репрессий именно как представители немецкой национальности (мужчины — в 1937–1938 гг., женщины — в 1941 г.), они были исключены из базы данных. Такая же участь постигла российских немцев, даже если они по тем или иным причинам оставались подданными Германии вплоть до момента ареста. Наконец, из выборки были исключены этнические немцы, проживавшие до 1914 г. в «русской Польше» и Прибалтике и эвакуированные в глубь страны в годы Первой мировой войны⁵⁴. Напротив, русские военнопленные и гражданские лица, прожившие в Германии весь период Веймарской республики и уехавшие оттуда зачастую лишь под давлением гитлеровских властей, остаются в базе данных. Как правило, даже не имея германского подданства, эти люди принимали активное участие в политической жизни страны, являлись членами КПГ и СДПГ, работали в советских загранучреждениях в Берлине, Гамбурге, Штеттине, Кенигсберге.

Около двух десятков немецких АСД, хранящихся в ГАРФ, относятся к периоду деятельности ВЧК в начале 20-х гг. Как правило, по подозрению в шпионаже арестовывались немецкие военнопленные, которые возвращались домой⁵⁵. Следствие по этим делам велось формально, решение ограничивалось административными взысканиями или высылкой, т. е. тем, чего немцы, собственно говоря, и добивались.

---

⁵³ Дель О. Указ. соч. С. 19.

⁵⁴ Данные на этих лиц сохранены и могут лечь в основу отдельных исследовательских проектов, а также быть использованы при составлении книги памяти жертв политических репрессий Москвы и Московской области.

⁵⁵ См. дела Московской ВЧК 1920–1921 года: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38435, П-38503, П-38570, П-38602, П-38616, П-38641, П-38659.

Отличительной чертой данной категории дел, также исключенных из источниковой базы проекта, являлось обилие фальшивых документов, которые «выправляли» себе немцы, стремясь поскорее попасть на родину. Получается, что едва ли не каждый второй из арестованных отправлялся за рубеж, чтобы раздуть на Западе пожар мировой революции. Нельзя исключать того, что ряд мандатов был все же подлинным, и арест являлся следствием неразберихи в компетенциях советских ведомств и Коминтерна, характерной для первых после революционных лет.

Архивные материалы свидетельствуют и о движении в обратном направлении. В Москве на Виндавском вокзале в конце 1920 г. ВЧК арестовала группу молодых немцев, которые отправились в Россию в поисках лучшей доли. Проехав всю Польшу и нелегально перейдя польско-литовскую границу, они получили от советского полпреда в Литве Т. Л. Аксельрода въездные визы и беспрепятственно добрались до Москвы. Большинство перебежчиков отправили обратно в Германию, двух самых идейных передали в распоряжение Германского совета в Москве⁵⁶.

Отказ от этнического фактора в качестве решающего диктуется, кроме того, нередкими фальсификациями национальности подследственных в ходе массовых репрессий. Особенно доставалось евреям, родившимся на территории бывшей Речи Посполитой, разделенной между Австрией, Пруссией и Россией. Их «записывали» немцами, а место их рождения переименовывали так, чтобы оно звучало по-немецки. Случались и более экзотические фальсификации, соучастниками которых становились сами подследственные. Так, Иоганн Концевитц родился в Краснодаре у украинки, его отчимом был немец, погибший в годы Гражданской войны. При получении паспорта он придумал себе немецкое имя, а местом рождения назвал Берлин. Желание выделиться среди сверстников дорого ему обошлось. Следователь составил протокол допроса, в котором содержалась придуманная история о семье военнопленного, которая оказалась в России. Услышав все это, Концевитц назвал сотрудника НКВД «сумасшедшим», за что был жестоко избит двумя его подручными. И получил пять лет лагерей как немецкий шпион⁵⁷.

Методика исследовательской работы с АСД жертв политических репрессий находится в процессе становления, поэтому автору в ряде

---

⁵⁶ Дело в отношении Бема Р. И., Бертрама П. Р., Краузе О. Э., Лешера К. Ф., Фогеля М. Г. и Фукса Г. Г. (Там же. П–38 667).

⁵⁷ При пересмотре дела следственные органы проявили «гуманность» — в 1940 г. лагерный срок Концевитцу снизили до трех лет (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 18852).

случаев приходилось самостоятельно разрабатывать инструментарий источниковедческого анализа⁵⁸. Наряду с обязательными документами — справкой и ордером на арест, анкетой арестованного, копией приговора, материалами прокурорской проверки и документами о реабилитации — в изученных делах содержится немало «отклонений от нормы». К сожалению, применительно к эпохе «большого террора» приходится говорить о процессуальном минимализме, вызванном огромным темпом, который набрала репрессивная машина при сохранении своего кадрового состава. Речь идет не столько об отсутствии тех или иных процессуальных документов, сколько об их небрежном исполнении, явных несоответствиях в биографических данных, которые не подвергались дополнительной проверке. На фоне масштабных фальсификаций такие «мелочи» в 1937–1938 гг. просто не бросались в глаза, однако сегодня они в значительной степени осложняют унификацию и выстраивание базы данных.

В то же время практически в каждом АСД исследователя ждут сюрпризы, позволяющие дополнить тягостную картину новыми штрихами и красками. В некоторых делах сохранилась переписка с родными и знакомыми в Германии, бытовые фотографии, записные книжки и дневники. Хотя личные документы арестованного, не имевшие отношения к предъявленному обвинению, предписывалось уничтожать, в спешке это правило выполнялось не всегда. Значительный массив информации о ходе и методах следствия содержится в заявлениях обвиняемых и осужденных, которые также находили свое последнее пристанище в АСД. Наконец, в состав некоторых АСД входят такие приложения, как «тюремное дело», фиксировавшее вызовы на допрос и поведение обвиняемого в камере, а также «имущественное дело», в котором содержится опись личных вещей, конфискованных после приговора.

До лета 1937 г. основной массив следственных дел по немецким политэмигрантам и выходцам из Германии был результатом работы Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД, он и ныне продолжает находиться в Центральном архиве ФСБ. Как правило, по этим делам проходили ключевые фигуры мифических шпионских сетей и контрреволюционных организаций, к которым после начала «массовых операций» следователи приписывали так называемую «низовку». В качестве примера можно привести дело Ганса

---

⁵⁸ Ватлин А. Ю. Архивно-следственные дела УНКВД Московской области как источник по истории «массовых операций» 1937–1938 гг. — В книге: «Возвращенные имена». Сборник материалов для участников партнерской сети. Нижний Тагил, 2002. С. 190–220.

Бека, одного из «брандлеристов», т. е. представителей «правого уклона» в КПГ⁵⁹, или Лео Фридляндера, который был одним из заметных фигур в группе еврейских врачей, лишившихся работы в нацистской Германии.

Дело на группу советских граждан, получивших высшее образование или работавших в Берлине, разворачивалось в 3-м отделе УНКВД МО весной-летом 1936 г. как вполне рядовое⁶⁰. Однако один из обвиняемых — Моисей Лурье (Эмель), профессор исторического факультета МГУ, а до приезда в Москву функционер КПГ, заинтересовал высшие инстанции и был передан «наверх», чтобы стать одним из обвиняемых в рамках первого показательного процесса. О том, в какой спешке готовился последний, свидетельствует один факт — за три дня до его начала обвиняемые Моисей Лурье и Натан Лурье (член КПГ и профессор Ленинградского мединститута) продолжали числиться за Особым отделом Московского военного округа (МВО), относящимся к областному управлению НКВД⁶¹.

Хотя данные на репрессированных немцев, чьи дела не хранятся в ГАРФ, не включены в источниковую базу проекта, их отличали те же самые закономерности в фальсификации обвинений и вынесении несправедливых приговоров. Излишне говорить о том, какой ущерб историческим исследованиям наносит ведомственная разобщенность архивного наследия советской эпохи, запутанные бюрократические процедуры, предшествующие работе с теми или иными фондами, находящимися в режиме «ограниченного доступа».

Серьезным подспорьем в работе по реконструкции судеб политэмигрантов стали материалы их личных дел, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)⁶². В них содержится уникальная биографическая информация, имеются документы о взаимодействии отдела кадров ИККИ, представительства КПГ и советских органов госбезопасности во второй половине 30-х гг. Во многих случаях арест того или иного немецкого эмигранта предвворяли запросы из НКВД, не менее часто

---

⁵⁹ Vatlin A. Hans Beck und Versuche der Wiedervereinigung der deutschen kommunistischen Bewegung im Rahmen der Volksfrontpolitik // «Dann fangen wir von vorne an». Fragen des kritischen Kommunismus. Hamburg, 2007. S. 62–68.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. П–61 126.

⁶¹ «Постановление о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей» касалось 10 обвиняемых, в том числе обоих Лурье и декана исторического факультета Г. С. Фридлянда, оно было составлено и утверждено 4 августа 1936 г.

⁶² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Личные дела членов КПГ.

инициативу поставки «компромата» брали на себя функционеры КПП или ИККИ. Достаточно указать на такой документ, как список исключенных из рядов КПП в связи с арестом, составленный московским представительством партии на пике большого террора⁶³. В нем содержится более 900 фамилий, этот документ лег в основу книги памяти репрессированных немецких коммунистов, подготовленной в последний год существования ГДР⁶⁴.

В Политическом архиве внешнеполитического ведомства ФРГ сохранилось около 4,5 тыс. допросов немецких эмигрантов, высланных из СССР⁶⁵. Допросы проводили местные органы гестапо, офицеров полиции интересовал обширный круг вопросов, начиная с продукции оборонных заводов и кончая ролью евреев в общественной жизни Советского Союза. Обращение к этим материалам позволило бы в значительной степени дополнить имеющиеся в АСД биографические материалы, а также получить новую информацию о методах следствия, практиковавшихся в конце 30-х гг. в НКВД. Это могло бы стать темой отдельного сопоставительного проекта, который, используя название известной книги Маргариты Бубер-Нейман, реконструировал бы судьбы немцев, оказавшихся «между Гитлером и Сталиным».

Глава 2

ПОВОРОТЫ ИСТОРИИ И ЛИЧНЫЕ СУДЬБЫ

1. Веймарские коммунисты

Если говорить о «смежных темах», по которым исследование немецких АСД может дать максимальный прирост знаний, то это прежде всего история Германской компартии и антифашистской борьбы в последние годы Веймарской республики. Цифры говорят сами за себя: как минимум 436 из 720 человек, учтенных в базе данных, являлись членами КПП, причем 158 из них вступило в партию в 1919–1921 гг. Динамике «эпохи катастроф», радикализации общественных настроений в революционные годы соответствовала и партийная

---

⁶³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 175. Д. 100. Л. 19–34. Первая дата «списочных» исключений в документе – 3 сентября 1936 г., последняя – 15 января 1938 г.

⁶⁴ In den Faengen des NKWD. Deutsche Opfer des stalinistischen Terrors in der UdSSR. Berlin, 1991.

⁶⁵ Несколько протоколов были любезно предоставлены автору немецким коллегой В. Мензингом. Об этом источнике см. подробнее: Tischler С. Op. cit. S. 120–125; Mensing W. Die Vernehmungsprotokolle der "Russlandrueckkehrer". S. 154–170.

биография наших героев. 87 человек пришли в КПГ из социалистического движения, причем подавляющее большинство из них (67) — в 1919–1920 гг.

Исключения из типичной для эмигрантов эволюции от СДПГ к КПГ можно пересчитать по пальцам. Михаил Зелигман, еврей из Польши, оказавшийся в Германии в годы мировой войны, вступил там вначале в НСДПГ, потом в КПГ, был исключен как «правый» и вступил в социал-демократическую партию, где пробыл до 1930 г. Очевидно, и там он не чувствовал себя комфортно, поэтому последние годы Веймарской республики являлся активистом Социалистической рабочей партии — «левого» осколка СДПГ, а после прихода к власти Гитлера сотрудничал в подполье с коммунистами, хотя и не вступил вторично в КПГ. Столь извилистая партийная биография удивила следователя НКВД, и он задал вопрос о том, каких же политических убеждений придерживается Зелигман. Тот ответил: «Я себя по политическим убеждениям считаю марксистом».

К сожалению, данные о партийности, содержащиеся в АСД, при сопоставлении с документами отдела кадров ИККИ и справочной литературой дают серьезные отклонения, поэтому приведенные цифры, скорее, занижены. Иногда пункт анкеты арестованного о его «политическом прошлом» просто не заполнялся, в нескольких случаях следователь записывал лишь то, что ранее немец состоял в «меньшевистской партии» (под которой можно предполагать и социал-демократов и оппозиционные течения в самой КПГ). Еще около ста человек, попавших в базу данных, входили в примыкавшие к КПГ политические организации — германский комсомол (ГКСМ), Союз красных фронтовиков, немецкие отделения МОПРа, Спорт- и Профинтерна и даже общество пролетарских эсперантистов.

Статистика показывает и то, что многие эмигранты вступали в компартию только для того, чтобы облегчить въезд и легитимацию в Советском Союзе. Как правило, это касается периода 1930–1933 гг., когда рабочих выталкивала из Германии нужда и безработица. 47 человек вступили в партию как раз накануне приезда в СССР, надеясь, что так будет легче получить визу Интуриста или разрешение на работу. Достигнув цели, они, выражаясь бюрократическим языком, «механически выбывали из партии».

Из 436 учтенных в базе данных лиц, являвшихся в разное время членами КПГ, 21 человек вышел из партии до отъезда в СССР. Уже в эмиграции до своего ареста партийные ряды покинуло еще 95 человек⁶⁶. Из них 49 выбыло в первый год после приезда в СССР, т. е. фак-

---

⁶⁶ Данные неполные, так как в некоторых случаях на основе АСД не удалось установить дату вступления и выхода из КПГ.

тически эти люди даже не становились на учет в московском представительстве КПГ. Членами партии большевиков успели стать всего лишь 103 эмигранта из 720. На данном показателе отразилось то, что в 1933–1935 гг., когда в СССР приезжало больше всего немецко-политэмигрантов, прием в ВКП(б) был закрыт по причине партийной чистки. Таким образом, с учетом людей, принявших советское гражданство и перешедших в ряды ВКП(б), получается, что около половины коммунистов — выходцев из Германии к моменту ареста прервали организационную связь с КПГ.

В соответствии с требованиями следователя арестованные признавались на допросах, что, вступая в германскую компартию, рассчитывали выдать себя за участников революционной борьбы⁶⁷. Интересно, что буквально то же самое утверждали высланные из СССР немецкие эмигранты на допросах в гестапо⁶⁸. Уникальным был случай Вильгельма Яна — он был членом КПГ с 1932 г., но после прихода Гитлера к власти вступил в национал-социалистический союз студентов, взял с собой в СССР соответствующее удостоверение, а по приезду умудрился получить статус политэмигранта.

Те или иные сюжеты истории КПГ, в которых принимали участие арестованные в Москве немецкие эмигранты, представлены в АСД достаточно подробно. Сами обвиняемые рассматривали свою партийную работу, в том числе и нелегальную борьбу, в качестве главного доказательства абсурдности выдвинутых против них обвинений. Напротив, следователь искал здесь «зацепки» для того, чтобы повысить правдоподобность этих обвинений, привязать к конкретным обстоятельствам стандартные фразы о шпионаже и контрреволюционной деятельности.

К этим данным, как, впрочем, и к любой иной информации, содержащейся в протоколах допросов и собственноручных признаниях обвиняемых, следует подходить с известной долей скепсиса и осторожности. Нелегально перешедший советскую границу в 1927 г. Павел Бахман представил себя жертвой революционной борьбы, сбежавшей из страны после тюремного заключения. Десять лет спустя, когда следователь сопоставил очевидные факты, Бахман был вынужден сознаться: «Когда меня задержали при переходе советско-польской

---

⁶⁷ См. показания Альфонса Дольского (Дальске), нелегально преодолевшего в 1932 г. польско-германскую и советско-польскую границу.

⁶⁸ Допрос Курта Койтца (Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes, Berlin (PAAA). R 104 557).

границы, я опасался, что меня могут перебросить обратно за границу, если я не укажу о своих революционных заслугах»⁶⁹.

Однако такие «упрямые факты», как стычки с полицией или нацистскими штурмовиками, политические убийства и судебные процессы, пребывание в тюрьме или концлагере, вряд ли можно было выдумать от начала до конца. Большинство из этих людей не были рядовыми членами партии, «молчащей массой». Левые радикалы с активной жизненной позицией, они постоянно подвергались репрессиям и в Веймарской республике и после прихода Гитлера к власти.

Среди жертв большого террора представлен практически весь кадровый состав компартии Германии: от высших функционеров (Вальтер Диттбендер, Пауль Шербер-Швенк, Фриц Шульте-Швейцер), депутатов рейхстага и ландтагов (Артур Гольке, Георг Шарш-Каслер, Теодор Бойтлинг, Пауль Франкен), ключевых работников аппарата ЦК КПГ (Вилли Клейст, Эрн Шефтер, Роберта Гроппер) до рядовых сотрудников партийного дома на Бюлов-платц — художника-оформителя (Герхард Мозер), шоферов и швейцаров (Курт Гельвиг и Рихард Ульбрихт), машинисток (Луиза Гадроссек) и даже продавцов книжного магазина, где продавалась литература КПГ (Ганс Шрепфер, Лео Розенталь). Около семидесяти имен из нашей базы данных представлены в биографическом справочнике «Немецкие коммунисты 1918–1945»⁷⁰.

Нет практически ни одного сюжета из истории коммунистического движения в Германии, который не был бы отражен в материалах их следственных дел. Самые ранние из этих сюжетов — подпольная деятельность левого крыла социалистического движения в годы Первой мировой войны, «спартаковское восстание» января 1919 г. Вот как описывал обстоятельства ареста Карла Либкнехта и Розы Люксембург на квартире врача Массмана его сын Эрвин, присутствовавший при этом: «Они у нас жили дня 4–6. Почему полиция узнала, что Либкнехт и Люксембург находятся в квартире моего отца, я не знаю. Арест их был произведен не полицией, а какой-то белой организацией. Когда у нас в квартире жили Либкнехт и Люксембург, я из квартиры выходил в магазины за продуктами... Телефона в нашей квартире не было. Меня арестовали утром, после ареста Либкнехта. Арестовали меня вместе с моим отцом».

---

⁶⁹ Бахман в 1927 г. находился под следствием несколько месяцев, позже был оставлен в СССР и даже сумел получить в посольстве Германии национальный паспорт.

⁷⁰ Deutsche Kommunisten. Biographisches Handbuch 1918–1945. Berlin, 2004.

В обвинительном заключении факты были переставлены местами, и этот рассказ получил следующую трактовку: «При аресте в 1919 г. обвинялся в принадлежности к компартии и в государственной измене. На допросе дал показания о Карле Либкнехте, что он нелегально проживал в квартире его отца, после чего Маркуссон вскоре был освобожден». Очевидно, что в такой интерпретации Эрвин, который был арестован вместе с отцом на следующее утро после того, как из их квартиры были уведены Карл Либкнехт и Роза Люксембург, оказывался виновником их гибели. Однако столь топорная фальсификация не нашла понимания у военных судей, и по приговору Военного трибунала (ВТ) МВО Эрвин Маркуссон был оправдан. В тот же день по постановлению следователя из-под стражи была освобождена его жена Гильда. Это произошло 22 марта 1940 г., день в день через два года после ареста суругов, евреев по национальности и врачей по профессии⁷¹.

Особняком среди сюжетов истории КПГ, получивших освещение в материалах АСД, стоит история Баварской советской республики, несколько лидеров которой, включая Макса Левина, Вилли Будиха и Т. Л. Аксельрода, стали жертвами большого террора⁷². Георг Губер участвовал в расстреле контрреволюционеров накануне падения Баварской республики и получил за это 15 лет тюремного заключения⁷³. Первыми политэмигрантами, получившими убежище в столице советской России, стали бойцы Красной Армии Рура (Александр Гермилин, Фриц Элендер). Участниками «мартовской акции» 1921 г. — попытки КПГ захватить власть в ряде районов Центральной Германии — являлись Фриц Фрейман и Эрнст Мейер. Последний, получивший после приезда в СССР имя Конрад Марбель, был арестован вместе с Максом Гельцем и Отто Вегеришем, вождями «партизанской армии Фогтланда». Мейера приговорили к 15 годам заключения, но ему удалось совершить побег из берлинской тюрьмы Лихтенберг в 1927 г.

Густав Грабнер рассказывал на допросе о том, что привело его в ряды компартии Германии: к нам приехал агитатор-коммунист, «после его призыва о вступлении в члены КПГ все население, прожива-

---

⁷¹ Биографические данные Эрвина Маркуссона см. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 572.

⁷² Следствие по делу Аксельрода вел центральный аппарат НКВД, см. подробнее: Ватлин А. Ю. Товий Аксельрод // Вопросы истории. 2010. № 1.

⁷³ Губер первоначально прибыл в СССР в 1928 г., сразу же после освобождения по гинденбургской амнистии, но вскоре вернулся на родину. Вновь он приехал в феврале 1933 г. и был признан политэмигрантом — в условиях гитлеровской диктатуры он рано или поздно оказался бы в застенках гестапо.

ющее в нашей деревне Пульфнек, вступило в члены КПГ, в том числе вступил и я, это происходило в 1921 г.». Художник Герхард Мозер сам организовал ячейку КПГ в 1927 г. в архитектурном институте «Баухауз» в Дессау.

О попытке коммунистов организовать «германский Октябрь» осенью 1923 г. давали показания Курт Шуман и Ганс Мориц-Гримм. Последний должен был организовать вооруженное восстание в Южной Германии, за что получил четыре года тюрьмы. Владимир Торнер был участником и «спартаковского восстания» и боев в Руре весной 1920 г. Его разыскивала полиция, и он сбежал в Бельгию, а оттуда на пароходе вместе с русскими военнопленными добрался до Советской России. Торнер прошел подготовку в военной школе Коминтерна и в августе 1923 г. вновь был направлен в Германию. Он стал секретарем баварской организации КПГ и вскоре был вновь арестован. После этого Торнер работал в ИККИ и советской разведке, был освобожденным секретарем Сокольниковского райкома ВКП(б).

Следователей крайне интересовали перипетии внутривнутрипартийной борьбы в германской компартии, до начала массовых операций они детально фиксировали показания функционеров КПГ, примыкавших к тем или иным уклонам и оппозициям. Густав Бург (Кениг), арестованный в августе 1936 г., изложил в ходе допросов всю историю партии в 1924–1925 гг., когда ее руководителями были Рут Фишер и Аркадий Маслов, позже объявленные «левацкими уклонистами». Поскольку Бург поддерживал дружеские отношения с упоминавшимся выше Моисеем Лурье, в сценарии антисоветского заговора ему была отведена роль связного между иностранными троцкистами и группой Г. Е. Зиновьева. Складывается впечатление, что следователь «впрок» интересовался малейшими поворотами «генеральной линии» КПГ, проникновением ее агентов в круги высшего военного руководства, ибо данные сюжеты не нашли никакого отражения в обвинительном заключении по делу Бурга. История «антипартийной группы Реммеле-Неймана», бросившей вызов лидеру КПГ Эрнсту Тельману в 1932 г., подробно излагается в показаниях Роберты Гроппер, которая, как и ее муж Пауль Лангнер, являлась ответственной сотрудницей аппарата ЦК КПГ и была посвящена во все детали обширной склоки в партийном руководстве.

Более десятка немецких коммунистов были вынуждены покинуть Веймарскую Германию на рубеже 30-х гг., так как им грозило судебное преследование за совершение уголовных преступлений (мы не относим к ним стандартное «подстрекательство к бунту», имевшее политический характер). Чаще всего упоминается нанесение телесных повреждений или даже убийство представителей власти, поли-

цейских, провокаторов, на втором — нелегальное хранение оружия. Фриц Воловец занимался поставками винтовок и пулеметов для «пролетарских сотен» в начале 20-х гг. За попытку добыть оружие полиция разыскивала сотрудника военного отдела КПГ Карла Кислинга, и он в 1931 г. бежал из страны. В том же году за перевозку винтовок и боеприпасов был арестован Ганс Ротер, но отпущен до суда под подписку и переправлен в СССР по фиктивному паспорту. Скрываясь от ареста, покинул Германию по подложным документам и Генрих Шиллер — он входил в конспиративную группу, которая «была обязана хранить и ухаживать за оружием, припрятанным компартией в годы империалистической войны и революции». Один из членов группы проводил в лесу пробные стрельбы и был схвачен полицией, после чего руководство КПГ приняло решение об отправке всех членов группы в СССР.

Очевидно, нельзя принимать все рассказы обвиняемых о своих революционных подвигах за чистую монету, хотя эти факты и могут стать основой для дополнительных исследований по истории КПГ. Среди немецких эмигрантов было немало людей, которых отличала неумеренная бравада, склонность к экстравагантным поступкам, после ареста такого человека работникам НКВД не составляло особого труда найти в его биографии «зацепки», которые можно было истолковать в обвинительном ключе.

Порой это порождало трагикомичные ситуации. Так, молодой немец Герхард Вильнер показывал на допросе, что в 1932 г. у себя на родине был «осужден за кражу автомобиля и попытку уехать на нем в СССР». Очевидно, он решил прибыть на землю обетованную не с пустыми руками. Вильнера поймали только в Польше и вернули в Германию, после небольшого срока в тюрьме он все-таки присоединился к своим родителям, перебравшимся в Москву ранее. Здесь Вильнер устроился работать шофером на одном из столичных заводов, собрал вокруг себя молодежь и создал тайную организацию, отчасти копирувавшую ритуалы гитлеровских штурмовиков. Осенью 1936 г. в гараже неутомный юноша настроил радиоприемник на Германию, чтобы услышать речь Гитлера, а потом стал комментировать ее в антисоветском духе. Вильнера выслали из страны с обязательством работать на советскую разведку, о чем он рассказал на первом же допросе в гестапо, а его товарищи по играм «в фашистов» были отправлены в ГУЛАГ.

Даже в годы Веймарской республики немецкие коммунисты могли приехать в СССР только с разрешения своего непосредственного партийного руководства. Тот, кто приезжал без него, обращался в представительство КПГ при ИККИ, где проверялась обоснованность

его бегства из страны. В случае, если секция не подтверждала этого, шансов ни на сохранение партийного стажа, ни тем более на переход в ВКП(б) у эмигранта не было. Он оставался в СССР на общих основаниях, но в случае ареста по политическим статьям данное обстоятельство обязательно всплывало. Обвиняемый признавался в ходе допросов, что «дезертировал с фронта классовой борьбы», и это рассматривалось как отягчающее обстоятельство (Альберт Ройгер).

2. Антифашистская борьба до и после 30 января 1933 г.

После прихода Гитлера к власти в СССР прибыл 291 из 720 человек, взятых нами в качестве объекта исследования. Пожалуй, среди изученных материалов не найти ни одного следственного дела, где в той или иной форме не фигурировало бы понятие «фашизм». Конкретные обвинения, адресованные немцам, могли быть самыми различными — восхваление фашизма, пособничество гитлеровскому режиму, шпионаж в интересах гестапо и т. п. Однако общим знаменателем всего спектра сфальсифицированных политических преступлений было ослабление Советского Союза перед угрозой интервенции с Запада. Оперативные работники НКВД, особенно районного звена, не слишком много знали о сути и конкретных шагах гитлеровского фашизма, поэтому черпали исходную информацию у своих подследственных. Подобные диалоги, даже при неизбежных поправках на последующие фальсификации, содержат уникальные данные о реалиях антифашистской борьбы в Германии.

Оказавшись в СССР, политэмигранты неизбежно ставили вопрос о причинах поражения левых политических сил, противостоявших нацизму. Вопреки официальной идеологии, героизировавшей их борьбу, здесь хватало и самокритики и обвинений в адрес Москвы: «Коминтерн виноват в приходе Гитлера к власти, так как повел неправильную политику в отношении Германии, социал-демократическую партию назвал фашистской, запутал рабочих Германии в этом и потому рабочие Германии голосовали за гитлеровскую партию — фашистов»⁷⁴.

Хотя левацкие перегибы КПГ вроде тезиса о «социал-фашистах» были осуждены на Седьмом конгрессе Коминтерна, подобные мысли под пером следователей превращались в образчики антисоветской

---

⁷⁴ Показания свидетеля по делу Гильды Шмидт, следствие по которому было прекращено из-за смерти обвиняемой.

агитации. Молодым оперативникам из органов госбезопасности, сформировавшимся уже в годы советской власти и впитавшим в себя основные тезисы партийной пропаганды, стоило немалых усилий подавлять в себе естественное чувство солидарности с сидевшими перед ними в камере для допросов немцами, прошедшими через пытки штурмовиков и концентрационные лагеря.

Обвиняемые это инстинктивно чувствовали, и максимально подробно описывали эту часть своей биографии. Уже при заполнении анкеты арестованного, точнее, ее двадцатого пункта («состоял ли под судом и следствием»), человек в деталях вспоминал не только собственные тюремные сроки, но и любые приводы в полицию — до и после 1933 г. Рекордсменом здесь был проживавший в городе Кунцево Макс Фивег, утверждавший, что арестовывался полицией 12 раз. Участники антифашистской борьбы в Германии инстинктивно или осознанно рассчитывали на то, что их участие в революционной и антифашистской борьбе станет индульгенцией, позволит поскорее разобраться в произошедшем недоразумении и вернуть им свободу. Однако для тех, кто их допрашивал, подобная информация являлась отправной точкой для того, чтобы сконструировать ситуацию вербовки в полиции или гестапо.

Без всякого преувеличения можно сказать, что у каждого второго из политэмигрантов, оказавшихся на Лубянке, за плечами было либо пребывание в концлагере после января 1933 г. либо уличные битвы со штурмовиками в предшествующие годы. В ходе допросов они детально рассказывали о том, какими путями им удалось выбраться из фашистских застенков, работать в подполье и покинуть Германию. Эти показания позволяют живо ощутить накал страстей в политической жизни последних лет Веймарской республики, масштабы насилия, к которому прибегали правые и левые радикалы, рассчитывая занять место «прогнившей демократии».

Одним из первых, кто был осужден в Германии за стычки с фашистами, был Эрих Шмидт, работавший на московском Электрозаводе. В 1929 г. он получил 2,5 года тюрьмы, но вскоре бежал из нее, спустившись по стене по веревочной лестнице — ему как маляру по профессии это было не впервой. В мае 1932 г. в ходе уличных столкновений между коммунистами и фашистами в Кенигсберге погибло несколько человек, в том числе двое полицейских. Один из активных участников этих событий — Пауль Давид заочно получил 3 года тюрьмы, но скрылся и при содействии МОПРа приехал в СССР как интурист.

Насилие, непарламентские формы политической борьбы отличали повседневную жизнь Веймарской республики. Полиция оказыва-

лась не в состоянии держать ситуацию под контролем, для правых и левых радикалов она сама являлась частью ненавистой «системы». В убийстве фашистов и полицейских в ходе следствия признавались Георг Керн⁷⁵, Вилли и Эрнст Майеры⁷⁶, Густав Брюн, Вилли Бисмарк, Йозеф Шрамм, Эрих Бонзак, Вильгельм Рерс, Фриц Шиманский. Практически все они в годы мирового экономического кризиса оказались безработными.

В июне 1933 г., т. е. уже после установления гитлеровской диктатуры, группой пикетчиков из Союза красных фронтовиков, в которую входил Рудольф Брамфельд, был убит полицейский, охранявший штрейкбрехеров. Подобные деяния, формально не одобрявшиеся пропагандой КПГ, вызывали восхищение у соратников и героизировались в устной традиции левого радикализма. В 1937–1938 гг. эти люди с гордостью рассказывали следователям о деталях произошедшего, о том, какими путями они потом добирались до СССР.

Их прятали на партийных квартирах, потом выдавали подложные паспорта либо тайно отправляли на советские суда, стоявшие в Гамбурге или Штеттине. Так, Бонзака под видом грузчика переправили на советский пароход «Комсомолец». Он спрятался в трюме и вылез только тогда, когда корабль был уже в открытом море. Капитан хотел высадить «зайца» в первом же порту, но у Бонзака была справка от местной организации КПГ, и корабельная партиячейка решила взять его в СССР. В Одессе Бонзак был первым делом отправлен в тюрьму, но вскоре выпущен по ходатайству МОПРа и признан политэмигрантом.

Случайно это или нет, но дела большинства из партийных активистов, совершивших в Германии уголовные преступления, в архиве оказались рядом. Одинаковым был и срок, назначенный им Особым совещанием (ОСО) НКВД — 10 лет. Они даже попали в один и тот же лагерь на Крайнем Севере. После подписания советско-германского пакта те из них, кто не успел принять советского гражданства, были возвращены из Норильсклага и выданы Германии, хотя подобный «жест доброй воли» обещал им только перемещение из ГУЛАГА в нацистский концлагерь.

---

⁷⁵ В личном деле Керна отмечается, что организованная им демонстрация на Рихардштрассе в Берлине закончилась перестрелкой с полицией (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 4662).

⁷⁶ По показаниям Вилли Мейера, в 1929 г. во время уличных столкновений они вместе с братом стреляли в фашиста и были арестованы, но позже освобождены за недостатком улик. Когда следствие спустя два года возобновилось, оба по подложным паспортам прибыли в СССР.

Лозунг одного из лидеров КПГ Гейнца Неймана — «бей фашиста там, где его встретишь» — вполне соответствовал настроениям маргиналов, выброшенных экономическим кризисом на обочину цивилизованной жизни. Для них приход Гитлера к власти являлся одним из ухищрений ненавистной «системы», с которой они были готовы бороться не на жизнь, а на смерть. Того, кто постоянно имел конфликты с полицией Веймарской республики, не мог испугать уличный террор нацистов. В пролетарских кварталах Берлина или Гамбурга, Ганновера или Бреслау в борьбе участвовали целыми семьями. Так, в 1933 г. в гамбургской тюрьме по обвинению в коммунистической пропаганде оказались братья Ганс и Карл Бороши, а также два сына последнего. Поодиночке им удалось вырваться из страны. В ноябре 1937 г. Карл и его сыновья будут расстреляны на Бутовском полигоне как немецкие шпионы.

Немецкая секция ИККИ, постепенно превратившаяся в эмигрантское руководство КПГ, после прихода Гитлера к власти стала более либерально относиться к членам партии, самостоятельно выбравшимся из Германии. Во многом благодаря их рассказам о терроре, развязанном штурмовиками при попустительстве полиции, стало ясно, что речь идет не об отдельном эпизоде в процессе загнивания капитализма, а о чем-то более серьезном и долговременном. В течение нескольких месяцев были разрушены каналы партийной коммуникации между Москвой и Берлином, лидеры партии арестованы, а некоторые местные организации просто перестали существовать. Рассказы прибывших в СССР немецких коммунистов о терроре гитлеровских штурмовиков, о пытках, которым их подвергали в полиции и концлагерях, говорили сами за себя. Позже некоторые из них получают возможность сопоставить пережитое с методами, которыми действовали советские органы госбезопасности.

Приток эмигрантов из Германии привел к резкому увеличению нагрузки на бюджет советского отделения МОПРа. Многие прибывали в СССР инвалидами, как Гельмут Кадеман, находившийся в заключении с марта 1933 по ноябрь 1935 г.; Герхард Мозер, 11 месяцев проведенный в концлагере Бергермоор. Вилли Будиху, потерявшему руку в декабре 1918 г., в декабре 1932 г. во время драки с депутатами от НСДАП прямо в зале заседаний рейхстага раздробили колено. После прихода Гитлера к власти Будих был арестован и вновь подвергнут мучительным пыткам. В АСД сохранилось письмо журналиста Ганса Вистуба министру пропаганды Йозефу Геббельсу с просьбой выпустить арестованного коммуниста-инвалида из тюрьмы. Оно стало основой для вовлечения Будиха в сконструированную на Лубянке

«контрреволюционную троцкистскую организацию», и в конечном счете — для расстрельного приговора⁷⁷.

Жертв революционной борьбы устраивали в лучшие санатории страны, окружали заботой, они выступали в школах и на предприятиях, рассказывая об ужасах фашистского режима. Генрих Стафффорд (Бернгард Кенен), получивший тяжелые ранения в стычке с фашистами 12 февраля 1933 г., прибыл по подложным документам в СССР на лечение, а позже и сам стал одним из руководителей МОПРа. Одним из тех, кто прошел через нацистские концлагеря, был Вальтер Диттбендер, который до прихода Гитлера к власти занимался нелегальной отправкой коммунистов из Германии, в том числе и на советских судах. В его следственном деле заслуги были вывернуты наизнанку — получалось, что Диттбендер отправлял в СССР сплошь шпионов и диверсантов. Вместе с ним в фашистском концлагере Зонненберг сидел Вилли Клейст (Керф), секретарь ЦК КПГ по работе с крестьянством. В ходе допросов он подробно рассказывал следователю Московского управления НКВД о деятельности подпольной коммунистической фракции в этом лагере, ее борьбе с провокаторами, подготовке выступления Клейста на процессе о поджоге рейхстага.

В рамках данного исследования можно лишь перечислить отдельные сюжеты антифашистской борьбы в Германии, нашедшие свое отражение в протоколах допросов. Ганс Ридель возглавлял подпольную организацию КПГ в Ганновере, дважды арестовывался гестапо, но каждый раз выходил сухим из воды. Будучи наборщиком, он печатал и распространял нелегальные листовки и прессу КПГ. Ганс Эйлер рассказывал о своем участии в издании нелегальной газеты в округе Берлин-Штеглиц. Переправкой литературы и периодики КПГ через германо-голландскую границу в 1934–1936 гг. занимался Генрих Гисберц. Активную роль в проведении пропагандистской кампании против саарского плебисцита играл член парламента этой области от КПГ Эрнст Штельцер, его жена Эмилия являлась партийным курьером и была схвачена гестапо при переходе границы.

Главным каналом, по которому осуществлялась связь подпольщиков из КПГ с внешним миром, были так называемые «переправы» на германо-чехословацкой границе. Детальный рассказ об их устройстве и функционировании содержится в показаниях Гейнца Тонке. Ганс Шиссель более двадцати пяти раз нелегально пересекал границу с

---

⁷⁷ Об этой конструкции, во главе которой, согласно обвинительному заключению по делу Будиха, находились Макс Гельц и Эрих Волленберг, см. подробнее: Mueller R. Menschenfalle Moskau. S. 59–126.

чемоданами, полными коммунистической литературы. В последний раз его попытался задержать местный фашист. Отстреливаясь от преследователя, Шиссель его убил. Поскольку дело получило широкую огласку (в руках фашиста остался фальшивый чешский паспорт курьера), Шисселя срочно переправили из Чехословакии в Вену, а от туда в Советский Союз.

Компартия Германии пыталась вывести из страны не только партийных работников, которым грозил арест, но и их близких. Эмма, жена депутата рейхстага от КПП Франца Штенцера, содержалась в мюнхенской тюрьме Штадельхайм в качестве заложницы, пока гестапо искало ее мужа. После ареста Штенцер был замучен в концлагере Дахау, а его жена, ставшая вдовой, была выпущена на свободу, где ее дожидались три маленькие дочки. В ходе одного из допросов на Лубянке Эмма рассказывала о случайной встрече в полицейско-президиуме Мюнхена, где она добивалась выдачи личных вещей своего мужа. В одном из коридоров ей пересекли дорогу Рудольф Гесс и Генрих Гиммлер, к которым она бросилась за разъяснениями. Гесс промолчал, а Гиммлер заявил, что «очень жалеет, что Штенцер не попал ему в руки, так как он очень хотел бы с ним посчитаться». Через Францию Эмма с дочерьми в августе 1934 г. добралась до Советского Союза. Ее дочери были приняты в Интернациональный детский дом в Иваново, сама она до ареста работала на Первом подшипниковом заводе в Москве.

Еще одной из тех, кому помогли выбраться из Германии, беременной и с маленьким ребенком на руках, была Анна Фелер. Вместе с пятью другими женами арестованных или ушедших в подполье функционеров КПП ее переправили во Францию обычным маршрутом — через Саарскую область, находившуюся под контролем Лиги наций. Весьма непростым был путь в СССР Эриха Лютера — вначале нелегальный переход границы в Сааре, потом Швейцария, Франция, и наконец, путешествие из Лондона на советском теплоходе в Ленинград.

Недостаток данных не дает возможности представить статистику, через какие страны выбирались из Германии политэмигранты, но тенденция выглядела следующим образом: в 1933–1934 гг. доминировали Чехословакия и Франция, потом все больше немецких антифашистов прибывало в СССР из Голландии и скандинавских стран. Австрия и Польша, имевшие значительную границу с Германией, почти не присутствуют в рассказах беженцев. Очевидно, сказывалось наличие в этих странах авторитарных режимов, не желавших портить отношения с «третьим рейхом». Впрочем, через Польшу пешком до-

бирались до советской границы «нелегалы», не имевшие никаких документов, а железнодорожным транспортом до пограничной станции Негорелое — те, кому в Праге выдавали подложные паспорта.

В подпольном аппарате ЦК КПГ отправку за границу членов партии курировал Карл Гельвиг (Зингфогель). Впоследствии ему самому, его жене и сыну удалось перебраться в Советский Союз. В его подчинении находился Генрих Шульмайер, который отвечал за явочные квартиры в округе Франкфурт-Кассель. Почти неизвестна в научной литературе об антифашистском сопротивлении деятельность «белого отдела» военно-политического аппарата КПГ, который занимался сбором данных об отрядах штурмовиков и «стального шлема», направляя туда шпионов. Об этой работе рассказывал в ходе допросов член ЦК КСМГ Эрнст Баум (Оше). Борьба велась не на жизнь, а на смерть. Баум участвовал в убийстве провокатора во время эмиграции в Праге, после чего был переправлен в СССР. Составной частью сопротивления фашизму были и случаи, кажущиеся на первый взгляд не слишком героическими. Так, Карл Шустер после прихода к власти Гитлера три месяца сидел в тюрьме только за то, что отказывался продавать в своем киоске фашистские газеты.

Говоря о немецких антифашистах, нашедших прибежище в СССР и впоследствии ставших жертвами политических репрессий, нельзя не упомянуть рядовых членов и функционеров Социал-демократической партии Германии. Одним из первых эмигрантов по времени прибытия в Россию в нашей базе данных является член СДПГ Карл Майзель. В 1919 г. он нелегально перешел границу в Восточной Пруссии, чтобы добровольцем пойти в Красную Армию. Социал-демократами были отец и сын Бюрены, участники антифашистского сопротивления, журналисты издававшейся в Москве газеты на немецком языке «Дейче Центральцайтунг» (ДЦЦ) Мартин Эриг и Пауль Франкен. Последний в годы германской революции 1918 г. являлся председателем совета рабочих и солдатских депутатов в городе Золинген, а после образования КПГ вошел в ее руководство. Осудив вместе с лидером партии Паулем Леви «мартовскую акцию» 1921 г., Франкен покинул коммунистов и вернулся к социал-демократам. В 1921 г. он являлся депутатом Прусского ландтага от КПГ, в 1928 г. — от СДПГ.

Пауль Франкен прибыл в СССР вместе с женой Флорой из Латвии и работал на Путиловском заводе в Ленинграде. Накануне Седьмого конгресса Коминтерна он отправился по поручению ЦК КПГ в Прагу для установления контактов с эмигрировавшими туда левыми социалистами, прежде всего с Максом Зейдевицем и группой Ауф-

хойзер⁷⁸. Отчет Франкена о его деятельности в Праге понравился председателю КПП Вильгельму Пику, и тот настоял на его повторном приеме в компартию и оставлении в Москве. Вся переписка Франкена с Прагой ложилась на стол Пика. Параллельно КПП предпринимала попытки наладить контакт с Зейдевицем через его сыновей Хорста и Фридолина, прибывших в Москву в 1935 г. и арестованных три года спустя.

3. Совзагранслужащие

На стыке российской и германской истории находится весьма интересная тема, которая пока еще не нашла своих исследователей. Речь идет о деятельности советских учреждений в Германии — полпредства, консульств и торговых представительств. Анализ АСД показал, что около 50 немцев, ставших объектом нашего исследования, работали в этих учреждениях. Как правило, занимали они низовые должности (курьер, переводчик, заведующий канцелярией, машинистка), да и особой работы от них не требовали. Их силы и таланты разворачивались в другой сфере — в сфере партийной борьбы. Заполнение низовых постов в советских загранучреждениях немецкими коммунистами являлось ключевой формой прикрытия и финансирования деятельности КПП и в меньшей степени резидентуры советской разведки.

Из этих людей вербовались сотрудники разного рода экспортно-импортных учреждений в Москве, и среди них было немало приехавших в Советский Союз в качестве «иностранных специалистов». Особым спросом и в Исполкоме Коминтерна и в промышленных наркоматах пользовались машинистки-стенографистки, владевшие немецким языком, поэтому среди прибывавших по этой линии преобладали женщины.

Обращают на себя внимание две даты, когда приток таких кадров значительно усиливался. Первая — 1931 г., когда советское руководство приняло решение о резком сокращении персонала загранучреждений. И вторая — 1933 г., когда гитлеровское правительство взяло курс на репрессии в отношении их сотрудников, являвшихся германскими гражданами. Кроме того, стали закрываться целые представительства, такие как советское консульство в Штеттине (там работал

---

⁷⁸ В письме от 30 апреля 1935 г. Франкен отмечал, что недоверие еще очень сильно и социалисты не готовы к прямым переговорам с КПП (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 1481).

Эдуард Штилов, утверждавший на допросе, что в связи с ликвидацией консульства всем его сотрудникам была предоставлена возможность выехать в СССР), филиалы торгпредства в Гамбурге (Павел Вальд) и Данциге (Вильгельм Фейерхерд). Георг Кульц с 1925 г. работал в берлинском торгпредстве курьером и завхозом, в июне 1933 г. он участвовал в отражении налета фашистов на это учреждение и находился под следствием, советские дипломаты помогли ему выехать из страны. После приезда в СССР Кульц получил статус политэмигранта.

В Москве таких людей старались трудоустроить, помогали с принятием советского гражданства. Спрос на специалистов такого рода был большой, и они в большинстве своем встраивались в советскую номенклатуру, продолжали работать на советскую разведку. Приведем в качестве примера судьбу Эдуарда Шейбе, получившего в 1928 г. 6 лет тюрьмы за промышленный шпионаж в пользу СССР. Он пытался сфотографировать новейшую конструкцию дирижабля и был взят с поличным. Латышское подданство Шейбе позволило Москве галантно не заметить произошедшее. Его не стали менять на арестованных германских шпионов, что было в те времена обычной практикой.

Однако в советском полпредстве все эти годы продолжали заботиться о семье Шейбе, оставшейся проживать в Берлине, ей выплачивали постоянное пособие. Когда Эдуард вышел из тюрьмы летом 1934 г., нацистские власти тут же выдворили советского шпиона из страны. Коллеги-разведчики встретили Эдуарда Шейбе в Москве без особых почестей, но в беде не оставили — обеспечили работой, взяли на себя оплату номера в гостинице. Были быстро улажены формальности, связанные с воссоединением семьи⁷⁹.

Извилистые судьбы немцев, связавших себя с советской разведкой и заграничными учреждениями, не раз ставили в тупик бюрократические структуры. Зачастую разбирательство продолжалось до тех пор, пока сотрудники органов госбезопасности не разрубали «гордиев узел» накопившихся проблем. Родившийся в Риге, т. е. на территории Российской империи Бруно Альбрехт в годы Гражданской войны работал в немецкой секции ЦК РКП(б). В начале 20-х гг. он был командирован на партийную работу в КПП. Для своей легализации он был принят на работу вначале в полпредство, а потом в торгпредство СССР. Ему удалось уговорить полпреда Н. Н. Крестинского оформить советское гражданство. Погрязнув в финансовых нарушениях, Альбрехт был

---

⁷⁹ О трагической судьбе семьи Шейбе см. очерк в третьей части книги.

вынужден уволиться, и отправился в Советский Союз. Позже выяснилось, что паспорт он в полпредстве не забрал, а параллельно оформил германское подданство и приехал по въездной визе.

Не встретив в Москве приема, который соответствовал бы его амбициям, Альбрехт засобирался обратно. Он попросил убежища в посольстве Германии, заявив, что с рождения был подданным Пруссии и объявив себя заложником. Непростой случай разбирался в самых различных инстанциях, и Крестинский писал по этому поводу в Наркоминдел следующее: «Я понимаю, что не особенно приятно выпускать из СССР человека, который, вернувшись в Германию при помощи германского посольства, тем самым рвет с нами, становится нашим врагом, но вряд ли у нас есть формальная возможность его задержать»⁸⁰. Впрочем, такая возможность нашлась у другого ведомства, и по приговору ОГПУ Альбрехт получил пять лет лагерей, а после «отсидки» выбраться из СССР у него уже не было никаких шансов⁸¹.

Среди антифашистской молодежи, прибывавшей из Германии после 1933 г., представительство КПГ отбирало кадры для обучения подпольной работе и возвращения в страну. Параллельно свою вербовочную работу среди них вели сотрудники советской военной разведки — Разведупра РККА. Молодых людей и девушек направляли в немецкое отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), причем на период обучения им старались дать новые имена и не переводили в советское гражданство. Еще более засекреченной была деятельность немецкого сектора Международной ленинской школы (МЛШ), существовавшей при Исполкоме Коминтерна. Подготовка радистов велась еще в одной школе, которая в целях конспирации была замаскирована под «культурную базу» в подмосковных Подлипках⁸².

---

⁸⁰ Письмо Крестинского заведующему центральноевропейским отделом НКВД В. Л. Лоренцу от 16 августа 1928 г. Полпред предлагал, в случае если Альбрехт будет настаивать на выезде, показать представителям посольства Германии его анкету, в которой содержались данные и о его партийной деятельности, и о принятии советского гражданства (ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-62 186).

⁸¹ Освободившись, Альбрехт получил в 1934 г. в германском посольстве новый паспорт, но так и не смог оформить выездную визу. Устроившись на работу, в 1936 г. он вновь принял советское гражданство. На момент ареста Альбрехт работал всего лишь заведующим сапожной мастерской, но, на его несчастье, она обслуживала авиазавод № 22, находившийся в Филях.

⁸² При поступлении в школу Гертруда Тифенау получила документы на фамилию Штруппер, все ее товарищи по группе также проживали под вымышленными именами.

Дисциплина в этих учебных учреждениях была военная, и любой проступок, даже простое знакомство с девушками «со стороны», карался исключением и лишением статуса политэмигранта. И мелкие и крупные прегрешения учащихся всплывали в процессе следствия, их «беспечность», «распушенность» и «потеря бдительности» транслировались отделом кадров ИККИ в «компетентные органы», а там уже под пером оперативных сотрудников НКВД превращались в стандартное обвинение в шпионаже.

Такая же участь постигала и тех немецких эмигрантов, которых готовили к командировке за рубеж по «линии А», что означало отправку на гражданскую войну в Испанию. Накануне отъезда Эрнст Вейгельт стал раздавать свои личные вещи знакомым и проговорился, куда едет. Вначале это обернулось выговором по партийной линии и оставлением в Москве, затем стало частью обвинительного заключения. Сражавшийся в Испании Вилли Фелендорф фигурировал в деле Рудольфа Брамфельда как резидент германской разведки.

В Испанию просились многие молодые немцы, попавшие в базу данных репрессированных. Заявления братьев Германа и Фридриха Борошей, работавших на Коломенском машиностроительном заводе и расстрелянных впоследствии вместе со своим отцом, сохранились в их личных делах в архиве Коминтерна⁸³. Ганс Беймлер погиб в ходе гражданской войны в Испании и после 1949 г. стал культовой фигурой в ГДР. Его сын Иоганн был арестован в Москве и освобожден на этапе следствия, очевидно, не без вмешательства первых лиц Исполкома Коминтерна⁸⁴.

Глава 3

ПУТИ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

1. Свет с Востока

Хотя большинство людей, попавших в нашу базу данных, так или иначе были связаны с коммунистической деятельностью, далеко не все из них прибыли в СССР, спасаясь от полицейских преследований и нацистских репрессий. Партийные функционеры, считавшие себя профессиональными революционерами, рассматривали свое пребы-

---

⁸³ См. очерк о семье Борошей в третьей части книги.

⁸⁴ В настоящее время И. Беймлер проживает в Мексике, куда сумел добраться уже в годы Второй мировой войны.

вание в России как временное, как передышку между очередным погружением в пучину политической борьбы у себя на родине. Однако многих эмигрантов манил именно позитивный образ страны строящегося социализма, который всячески пропагандировала коминтерновская пресса, распространявшаяся в Германии.

Если смотреть на место рождения репрессированных немцев, то здесь с огромным отрывом лидирует Берлин — 160 случаев. Затем идут крупнейшие города Германии — 26 уроженцев Гамбурга, 17 — Мюнхена, 13 — Галле, 10 — Франкфурта-на-Майне, 8 — Хемница. Обращает на себя внимание обилие выходцев из таких индустриальных центров, как Рур, Силезия — там была в годы мирового кризиса самая высокая безработица, да и наиболее активное рабочее движение. Еще одну заметную группу составляют эмигранты, которые родились и проживали на территориях, отошедших по условиям Версальского мира к Польше. Там они оказались нежелательным национальным меньшинством; в Германии, куда они отправились, к ним тоже относились не слишком хорошо. Это была достаточно массовая категория жертв Первой мировой войны и последующей перекройки границ в Центральной Европе, которая пополняла ряды радикальных партий, как левых так и правых. К данной категории примыкали и балтийские немцы, потерявшие свое привилегированное положение в новых национальных государствах, прежде всего в Латвии⁸⁵.

Решение навсегда уехать в Россию было во многом эмоциональным и выглядело как попытка разом разрешить все проблемы, выбраться из болота нужды и неуверенности. Ехали не потому, что «там» лучше, а оттого, что в Германии так плохо. Несколько человек прибыли в СССР, уже побывав в эмиграции в США и странах Латинской Америки, — они видели на собственном опыте, что и там иностранным рабочим приходится не сладко⁸⁶.

В ходе следствия эмигранты рассказывали о том, что до прибытия на постоянное место жительства они были в СССР на отдыхе и учебе, приезжали в составе рабочих делегаций, бывали в кратковременных командировках⁸⁷. В эту категорию входили и те, кто приезжал на ко-

---

⁸⁵ Если этнические немцы прибывали в СССР напрямую из Прибалтики, либо прожили к моменту приезда в Германии незначительное время, они не включались в базу данных.

⁸⁶ Пауль Мюллер уехал в США в 1929 г., был выслан оттуда в 1932 г. за революционную деятельность. Из США прибыли в СССР рабочий Гуго Оттилигер с семьей, инженер Август Асман.

⁸⁷ В ходе исследования не проводилось специальных подсчетов того, кто из жертв репрессий уже бывал ранее в СССР, но подобных «возвращенцев» несколько десятков.

роткое время в составе рабочих делегаций, и те, кто несколько лет жил в республике немцев Поволжья, как Луиза Гадроссек. Вилли Будих, ставший инвалидом в ходе революционных столкновений 1918 г., по несколько лет жил в Советском Союзе, занимая ответственные посты в МОПРе и Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Павел Вальд был военнопленным, он уехал в Германию в 1921 г., работал в советском торгпредстве в Гамбурге, но вернулся в 1934 г., отсидев полгода в концлагере за принадлежность к КПГ.

Среди временных эмигрантов были не только партийные деятели, но и режиссеры, учителя, врачи. Длительным было пребывание в СССР и немцев, принятых на работу в аппарат Исполкома Коминтерна и примыкавших к нему организаций. Даже если им показывали лакированную действительность, все же мир, куда они приезжали «всерьез и надолго», не был для них совершенно чужим. В глазах рабочих он выигрывал в сравнении с ситуацией в Веймарской Германии, особенно в годы мирового экономического кризиса — там не было безработицы, праздных богатеев, парламентской говорильни, плотного полицейского контроля.

Даже с поправкой на то, что мы имеем дело лишь с определенной социальной группой, мобильной и легкой на подъем, материалы АСД содержат в себе важную информацию о масштабах эмиграции из Германии после Первой мировой войны. Массовая демобилизация, экономические неурядицы порождали избыток трудовых ресурсов в стране, государство отнюдь не препятствовало тому, чтобы из него уезжали «лишние рты». Напротив, Советская Россия была крайне заинтересована в притоке квалифицированной рабочей силы, способной поставить крестьянскую страну на рельсы ускоренной индустриализации. Еще до установления дипломатических отношений между двумя странами началась активная деятельность посреднических контор, набиравших трудовых эмигрантов в Россию. Вербовщики обещали золотые горы, и на первых порах им удавалось сколачивать довольно большие группы переселенцев.

Чаще других в АСД упоминается организация «Аусзидлунг Ост», которая вела пропаганду среди рабочих Берлина, Гамбурга, других крупных городов. По этой линии в Россию приехали Эрих Нейлицц, семьи Дитрих и Нейшефер. Франц Бандельман показывал на допросе, что в их группе собралось около 250 человек. На теплоходе, который отправился из Штеттина в Петроград, вместе с Готфридом Бандом было 380 переселенцев из Лейпцига.

Большевистские власти старались разместить иностранных рабочих поближе к Москве. Саксонцы были отправлены в Каширу, большая группа немцев прибыла на Коломенский машиностроительный завод в 1920 г. По показаниям Франца Дитриха, в ней было не меньше

120 человек. Условия труда и быта на предприятии оказались весьма далеки от тех, что обещали людям в Германии. Дитрих интерпретировал ситуацию на допросе по-иному: «Большинство лиц, ехавших на Коломенский завод, оказалось авантюристами и жуликами. По приезде в Коломну 80 человек отказались работать и выехали обратно в Германию. Из числа оставшихся 40 человек через месяц-два уехали еще 16 человек, не желавших работать в СССР».

Тот, кто планировал обосноваться в сельском хозяйстве, приезжал всей семьей с огромным скарбом, таких отправляли на Юг России, на плодородные земли. Вильгельм Филиппиак прибыл в составе 30 семей из Германии, которые основали в 1924 г. коммуну-совхоз «Красная Германия» в сальских степях недалеко от города Азов. Фридрих Рейзе, прибывший в Россию в 1921 г., тоже попытался основать земледельческую колонию, но так и не справился с сопротивлением бюрократической машины. Практически никто из немцев, приехавших заниматься сельским хозяйством в начале 20-х гг., а их более десяти в базе данных, к 1937 г. не остался в деревне. Все так или иначе устроились в городе, хотя и на самых низших этажах профессиональной иерархии, что отражало общую тенденцию социального «замораживания» сталинской России.

2. Нелегалы и перебежчики

«Нелегалами» на жаргоне оперативных работников НКВД назывались иностранцы, прибывшие в СССР без соответствующего оформления документов. В ходе «массовых операций» в эту категорию стали включать и тех, кого можно было бы назвать «официальным нелегалом». Речь шла о партийных функционерах, бежавших от репрессий в своих странах без документов. Сотрудники отдела международной связи (ОМС) ИККИ по согласованию с ОГПУ использовали для этого специальные переходы на границе, так называемые «зеленые переправы». Ими активно пользовались представители компартий Польши, Западной Украины и Белоруссии. Немцев же приходилось отправлять через территорию «санитарного кордона» либо с фальшивыми либо с дипломатическими паспортами. Для подстраховки им давали провожатых с «чистыми» документами. Уже упоминавшийся сотрудник советского торгпредства Бруно Альбрехт именно таким образом вывез из Германии одного из лидеров КПГ Гуго Эберлейна⁸⁸.

---

⁸⁸ Из письма Альбрехта А. И. Рыкову от 28 августа 1929 г.

Альтернативным путем отправки «официальных нелегалов» в 20-е годы было использование советских пароходов. Пройти на территорию порта в момент их разгрузки и погрузки было не слишком сложно — докеры симпатизировали коммунистам, а капитан и команда, как правило, были в курсе дела. Так прибыл в Советскую Россию Вилли Будих — на допросе он рассказывал, что восемь дней безвылазно просидел в трюме, пока корабль не вышел в открытое море.

Но основную массу «нелегалов» составляли те, кто приехал на свой страх и риск. Среди них были и убежденные сторонники Советской России, и откровенные авантюристы. Альфред Кензи летом 1932 г. присоединился к транспорту из 85 евреев, переселявшихся в Биробиджан, хотя сам называл себя чистокровным немцем. С одним из таких транспортов в СССР прибыл Вальтер Рефельд, однако жизнь на Дальнем Востоке показалась ему слишком тяжелой. К моменту ареста он стал обычным «бомжом» без прописки и документов, перебивавшимся случайными заработками на Рублевском шоссе.

Таких людей называли «перебежчиками», в 1937–1938 гг. эта категория почти без исключений получала расстрельные приговоры. Первоначально перебежчики пользовались прозрачностью новых границ в Центральной Европе — так, Оскар Цербе прибыл в Россию, примкнув к транспорту русских военнопленных. Нелегально пересечь германо-польскую границу не составляло особого труда, советские же пограничники не выдавали беглецов обратно. Достаточно экзотичным был морской вариант. Перебежчики прятались в трюме советского парохода либо нанимались матросами на немецкий корабль и сбегали во время стоянки в советском порту. Макс Кок прибыл в СССР первый раз в 1924 г., самовольно покинув борт корабля в Архангельске. Через четыре года он вернулся домой, но в условиях кризиса вновь поспешил на новую родину, воспользовавшись уже опробованным способом — дважды пытался сойти с корабля в Ленинграде, но его водворяли обратно, на третий раз ему удалось совершить задуманное.

Перебежчиков, как поляков, так и немцев, направляли в карантинный лагерь НКВД, находившийся на северном Урале в городе Серов. В лагере, по показаниям арестованных в 1937 г., находилось 5–6 тыс. человек, процедура фильтрации продолжалась от нескольких недель до года. Тот, кому разрешали остаться в СССР, не подвергался какой-либо дискриминации. Курт Зильберман поступил на учебу в медицинский институт, Вальтер Рингман, напротив, стал типичным советским «летуном», по несколько раз в году меняя места работы и проживания.

Для своей полной легализации перебежчик должен был прийти в посольство Германии и получить германский паспорт, а затем вид на жительство. Немцы признавали на допросах, что дипломатов из посольства очень интересовал режим и размеры лагеря в Серове, сама процедура проверки. В обвинительном заключении это трактовалось как «разглашение государственной тайны» и оказывалось дополнительным обоснованием расстрельного приговора.

3. «Интуристы» навсегда

Анализ следственных материалов показывает, что среди экономических эмигрантов из Германии, прибывших легально, значительную долю составляют не «иностранные специалисты», т. е. рабочие и специалисты, заранее подписавшие трудовой контракт, а люди, искавшие работу уже после прибытия в Россию. Для того чтобы получить въездную визу и пересечь границу немцы, искавшие работу в СССР, использовали либо приглашение от родственников либо просто покупали туристскую путевку. На 150 приехавших по контракту в базе данных приходится как минимум 43 «интуриста».

Постановление правительства СССР от 2 декабря 1930 г., посвященное деятельности государственной кампании «Интурист», созданной годом ранее, специально оговаривало, что не менее 20 % приезжающих должно представлять «катеорию пролетарских туристов»⁸⁹. Оказавшись у цели, некоторые из них попросту отказывались возвращаться на родину. Год спустя руководство «Интуриста» разработало специальную программу мер борьбы с «псевдотуристами», отмечая, что они становятся «балластом для государства, попадая на его обеспечение»⁹⁰. Это было как минимум преувеличением, если не сознательным искажением реальной ситуации.

В то время как особые привилегии и обязанности «иностранных специалистов» были гарантированы их контрактом (который, впрочем, также продлевался и изменялся по прихоти администрации заводов и учреждений), поступившие на работу в СССР «интуристы»

---

⁸⁹ «Интурист» планировал в 1930 г. принять в СССР 10 тыс. иностранцев, в 3,5 раза больше, чем в 1929 г. (Шмидт Т. И. Дом на набережной. Люди и судьбы. М., 2010. С. 10).

⁹⁰ В данном документе подчеркивалось, что «приезд в СССР, под видом туристов, иностранцев, ищущих труда в Союзе, превращающихся в фактических иммигрантов, принял за последнее время весьма значительные размеры» (Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е гг. М., 2007. С. 40).

или прибывшие частным образом приравнивались к правовому положению советских трудящихся. Масштаб «псевдотуризма» как способа вербовки рабочей силы в годы мирового экономического кризиса был таков, что о нем не могло не знать руководство страны. Очевидно, его преимущества перевешивали недостатки, и на такую форму миграции трудовых ресурсов попросту закрывали глаза.

Глянцевая сторона советской жизни, которую представляли туристам из Германии, также способствовала принятию ими решения остаться и попробовать найти новую родину в стране строящегося социализма. Согласно показаниям конструктора Коломенского машиностроительного завода Фрица Рубинштейна, «перед выездом цели остаться в Советском Союзе у меня абсолютно не было». Но уже в поезде он узнал, что многие из членов туристской группы планируют найти работу в СССР, и поддался общему настроению. Правда, такому объяснению противоречит тот факт, что Рубинштейн за пару месяцев до отъезда вступил в КПГ.

Вопрос решался обыденно просто: «Женщина-переводчица сказала нам в гостинице... что кто желает остаться в Москве, может получить в конторе паспорт»⁹¹. После этого человек, как правило, с кем-то из знакомых, знавших русский язык, отправлялся трудоустроиваться напрямую на завод, как это было с приехавшим из Германии безработным Фредом Бауром. Популярными адресами, куда обращались искавшие работу «интуристы», являлись Иностранное бюро ВСНХ, Иносектор ВЦСПС, иногда они шли за помощью просто в редакцию московской газеты ДЦЦ.

Оставшийся без работы инженер Эрих Вронке прибыл как «интурист», но с рекомендацией торгпредства, чтобы не ждать в Германии оформления всех необходимых бумаг. В ряде случаев как «интуристы» были вынуждены прибывать и политэмигранты — Густав Грабнер, нелегально покинувший Германию, пытался получить визу в Варшавском полпредстве СССР. Его долго гоняли из кабинета в кабинет, потом по-дружески посоветовали отправиться в Вену и купить тур в тамошнем представительстве «Интуриста».

Все эти подробности, зафиксированные в материалах следствия, представляются вполне правдоподобными. Иногда сквозь мертвые строчки документов пробиваются весьма яркие эмоции. Так, Людвиг Ганн заявил на одном из допросов, что впервые прибыл в СССР в 1931 г. как турист и несколько недель провел в санатории в Сочи,

---

⁹¹ Из показаний Арнольда Гаушильда, который был в Германии безработным с сентября 1928 по октябрь 1931 г.

«потому что, будучи безработным, решил отдохнуть». Это вызвало неподдельное возмущение следователя — он расценил такое заявление как наглую ложь и провокацию, ведь в любой советской газете было написано, что в Германии безработные пухнут от голода. Арестованный оправдывался ссылками на валютный курс: «То, что нужно в Германии для жизни на 2 дня, мне хватило в СССР на 6 недель прожить на курорте».

4. Носители знаний

Мировой экономический кризис коснулся рабочих, техников, инженеров, конструкторов. Но не только они обращали свои взгляды на Восток. Лица творческих профессий, врачи, ученые, стремились поставить свои знания на службу обществу социальной справедливости, каким виделась Россия из-за рубежа. В автобиографическом романе эмигрантской писательницы-коммунистки Берты Ласк, оба сына которой были арестованы в период большого террора, муж, провожая ее в Москву, просит ее узнать, не нужен ли там «старый хик» — он не хочет, чтобы его открытия достались нацистам⁹².

О своих изобретениях и желании безвозмездно передать их Советскому Союзу писали иностранцы руководителю Коминтерна Георгию Димитрову⁹³, с идеей новой методики борьбы с раком приехал по рекомендации КПГ в Москву восемнадцатилетний Вильгельм Геккер. На момент ареста он являлся аспирантом Первого медицинского института. Известный немецкий архитектор Эрнст Май просил приема у Сталина, чтобы советские градостроители не допускали ошибки, совершенные при развитии «буржуазных городов»⁹⁴. Члены творческой группы Эрнста Мая осуществили грандиозные проекты, многие из которых вошли в историю мировой архитектуры.

В СССР на работу приехали выпускники архитектурно-дизайнерской школы «Баухаус» Исаак Бутков, Герхард Мозер, Филипп Тольцинер, Лео Вассерман, Михаил Коварский. Все они позже были репрессированы. В архивно-следственных делах, которые хранятся в ГАРФе, упоминаются такие учреждения прикладной и фундаментальной науки, где работали выходцы из Германии, как Институт теоретической физики, Всесоюзный институт эксперимен-

---

⁹² Ласк Б. Штиль и шторм. М., 1985. С. 273.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 210.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 775. Л. 69–70.

тальной медицины (ВИЭМ), научно-производственный трест «Оргаметалл», Институт юстиции Наркомюста, Центральный институт технико-экономической информации, научно-исследовательские институты эпидемиологии, почвоведения защиты растений, ветеринарии и многие другие.

К сожалению, на основе просмотренных АСД невозможно установить тот реальный вклад, который внесли ученые из Германии, ставшие жертвами политических репрессий, в развитие отечественной науки. Согласно обвинительным заключениям все они либо выведывали секреты у своих российских коллег, либо вводили последних в заблуждение, а то и готовили крупномасштабные диверсии (которые, как нетрудно догадаться, были предотвращены в последний момент). Однако упоминание публикаций в ведущих мировых журналах, приложенные статьи, фотографии архитектурных макетов и даже чертежи позволяют сделать вывод о том, что потеря этих людей была серьезным ударом не только для отечественной, но и для мировой науки.

Это признание не должно вести к идеализации любого из немецких ученых, оказавшихся в СССР — такая версия была бы всего лишь вариантом теории «культуртрегерства». Наряду с идеалистическими устремлениями в их действиях присутствовали и личные амбиции, и корыстные мотивы. Врач Адольф Босс, прибывший весной 1934 г. в Москву, выражал не только восторги, но и недовольство своими соотечественниками: «Тут имеются специалисты, мнящие о себе, что они приехали, так сказать, как носители прогресса, для того, чтобы колонизировать, и нагло подчеркивающие свои привилегии. Вероятно, есть и такие товарищи, которые сразу же осмеливаются давать даже политические советы и требовать для себя соответствующей карьеры»⁹⁵. Приведенная цитата из частного письма является лишним подтверждением того, как важно историку при исследовании социальных движений и групп не потерять из виду конкретных судеб, чтобы избежать опасности «не увидеть за лесом отдельных деревьев».

О трагической судьбе инженера Эдуарда Шейбе, отсидевшего 6 лет в германской тюрьме за промышленный шпионаж в пользу СССР и расстрелянного в Бутово, уже шла речь выше. Эрна Виндт прибыла в СССР уже после того, как вместе с мужем два года отрабо-

---

⁹⁵ Письмо жене от 24 апреля 1934 г. Выдержки из переписки были направлены родными Босса в качестве оправдательного материала в органы НКВД и сохранились в его следственном деле.

тала радисткой в Японии. Затем она еще год провела в Португалии, на сей раз с фиктивным мужем, также на секретной радиостанции Разведывательного управления Красной Армии. Приехав в Москву, она ждала нового назначения на нелегальную работу за границей, но дождалась только собственного ареста.

Интересы советской разведки, Коминтерна и органов госбезопасности были так тесно переплетены, что выяснение истины невозможно без обращения к архивам этих организаций. Приведем только один пример: в следственном деле Павла Виндзберга сохранилось его письмо начальнику Иностранного отдела ГУГБ НКВД А. Х. Артузову, в котором тот ручался за Натана Лурье, одного из своих соратников по нелегальной работе в Берлине. Несколько позже этот человек, член КПГ и профессор медицины, станет одним из обвиняемых на первом показательном процессе. Его поведение дало повод Троцкому считать его «подсадной уткой», которая обеспечивала нужный ход судебного заседания. Возникает предположение о том, что Натан Лурье в ходе процесса совершал очередной «подвиг разведчика», хотя и заплатил за него смертным приговором. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу смогут только архивные материалы, и по сей день остающиеся недоступными для историка.

5. Еврейская ветвь эмиграции

На основе АСД можно достаточно точно установить гражданство обвиняемых, поскольку наличие личных заявлений и официальных документов позволяет устроить их «перекрестный допрос». Гораздо труднее обстоит дело с национальностью — если она не была утверждена соответствующей графой советского паспорта, то могла стать основой как сознательных фальсификаций, так и неосознанных мистификаций. В условиях первичной паспортизации в СССР рубежа 20–30-х гг. многие записывали свою национальность так, как хотели, исходя из самых разных критериев — языка, этнической принадлежности родителей, места рождения и проживания.

Поэтому автор отказался от попыток выделения в базе данных соответствующей строки. И все же особо следует сказать о евреях, прибывавших из Германии в СССР. Вопрос об их национальности вставал как раз в контексте преследований со стороны нацистского режима, хотя сами эмигранты не связывали ее ни с религией, ни с культурно-исторической традицией. В базе данных — свыше 30 евреев, прибывших в СССР после прихода Гитлера к власти, хотя эти данные, конечно, ни в коей мере нельзя считать полными.

Ключевую роль в еврейской эмиграции из Германии играла организация «Агроджойнт», базировавшаяся в США и имевшая представительство в европейских странах, в том числе в СССР⁹⁶. Новейшие публикации документов пусть не до конца, но все же прояснили позицию советского руководства в данном вопросе. Первоначально Советский Союз, не желая обострять и без того конфликтные отношения с гитлеровской Германией, отказался включиться в международную кампанию по приему беженцев-евреев. Еще одним аргументом было то, что «социальный состав этих беженцев (представители свободных профессий, мелкие торговцы, городские ремесленники и торговые служащие) делает их малопригодным материалом для эмиграции в СССР»⁹⁷.

Тем не менее к середине 1936 г. по запросам различных организаций в Советский Союз прибыло 75–80 евреев-специалистов, около 50 из них работали врачами⁹⁸. В нашей базе данных — еврейские врачи из Германии Адольф Босс, Эрнст Вайсенберг, Лотар Вольф, Вальтер Домке, Зигфрид Гильде, Гильда и Эрвин Маркуссон, Йозеф Рубенс, Макс Хейтеман, Эрих Штернберг. Они приезжали, как правило, через третьи страны, оформляя там при помощи «Агроджойнта» все необходимые документы. В Советском Союзе приглашающей стороной являлась иностранная комиссия Наркомздрава во главе с профессором В. М. Броннером, всемирно известным врачом-венерологом, позже репрессированным.

Материалы следствия показывают, что, несмотря на незнание русского языка, еврейские врачи отлично интегрировались, публиковали научные труды, передавали свой опыт советским коллегам. Научный сотрудник Института психиатрии имени Ганнушкина доктор медицины Эрих Штернберг писал в 1953 г. Берии, требуя немедленной реабилитации: «Я просил от чистого сердца и с честными намерениями убежища именно в Советском Союзе, ибо я правильно понял, что только здесь я смогу найти применение своей науке, своим знаниям, что только здесь смогу найти новую родину, без которой человек не может творчески работать». Подъем по карьерной лестнице прибывших из Германии врачей высшей квалификации вызывал зависть у советских коллег, что стимулировало как индивидуальные доносы,

---

⁹⁶ Tischler С. Op. cit. S. 65–86.

⁹⁷ Записка С.Чуцкаева и Н.Крестинского И.Сталину от 30 июня 1936 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР–Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 145.

⁹⁸ Там же. В записке подчеркивалось, что в настоящее время ведутся переговоры о приглашении в СССР еще большего числа специалистов еврейской национальности.

так и негативные характеристики по запросам из НКВД от учреждений, где они работали.

В названном выше Сталину число приглашенных специалистов не входили немецкие беженцы-евреи, прибывавшие в СССР по линии воссоединения семей или как политэмигранты, а также те евреи, которые, проживая в Веймарской республике, получили советское гражданство как родившиеся на территории Российской империи. Каждый из них мог немало рассказать о фактах преследования и дискриминации по расовому признаку, и в ходе допросов они делали это, рассчитывая вызвать сочувствие и снисхождение следователя, подобно тому, как коммунисты рассказывали о своих революционных подвигах.

Первыми почувствовали изменение отношения к себе в Германии представители творческой интеллигенции — режиссер Объединения рейнских театров Борис Ширман лишился своего поста уже в первой половине 1933 г. В СССР ему удалось устроиться диктором Инорадио, после увольнения оттуда он занимался театральными постановками в рабочем клубе. Актер Ганс Цедлиц в ходе допросов рассказывал, что его в силу неарийского происхождения (бабушка была еврейкой) «стали брать только на вторые роли». В отличие от героя романа Клауса Манна «Мефистофель» он отказался приспособляться к новой системе, хотя и обратился с просьбой о заступничестве к самому Геббельсу. Цедлиц уехал в Вену, но и там ситуация с актерским ремеслом оказалась не лучше. В результате он принял приглашение «Мосфильма» и снимался у режиссера Ганса Роденберга.

Макс Хейтеман после прихода Гитлера к власти был уволен из городской больницы Берлина, ему пришлось работать за мизерную зарплату в специальной больнице для евреев, власти требовали от него развода с женой-арийкой. В нескольких следственных делах речь идет о том, что после принятия расовых Нюрнбергских законов жене и мужу пришлось бы развестись, и это стало решающим мотивом для выезда в СССР (Макс Карлинский, Курт Лоцкат). Были и те, кто бежал из Германии только потому, что связь с арийкой рассматривалась в Третьем рейхе как уголовное преступление⁹⁹.

Соломон Урих, родившийся в Берлине, но имевший польское подданство, в октябре 1938 г. был насильственно выслан из Германии в Польшу. Согласно его показаниям, высылка проходила следующим образом: «Гестапо и представители “СС” перевели (нас. — А. В.) через польскую границу, предварительно обыскав. Оставили денег до

---

⁹⁹ См. очерк о Гансе Лаксе в третьей части книги.

10 марок. У меня лично ничего не отобрали. Я заранее знал и взял с собой ровно 10 марок и 50 пфеннигов копеек. В момент, когда переводили через польскую границу, я был не один, а было примерно триста-четырееста человек. Все были только евреи. После того как мы перешли польскую границу, вернее, прошли нейтральную зону метров сто, то были встречены польской пограничной охраной, которая нас не принимала и заставила вернуться опять в Германию. Но вернуться никто не пожелал и остались на границе, так как у всех были польские паспорта. Пробыв на границе семь часов, польская пограничная охрана всех завела в помещение школы. Затем прибыла польская полиция, всех обыскала, проверила паспорта, поставила каждому в паспорт штамп 29 октября 1938 г.».

Интересна дальнейшая судьба Уриха — он проживал во Львове и после раздела Польши был призван в ряды Красной Армии. В 1943 г. он был арестован по политической статье, так как резко отвечал на нападки своих товарищей по службе. «В СССР так развит антисемитизм, что даже в фашистской Германии антисемитизм куда слабее», — это свое высказывание Урих подтвердил в ходе следствия, получив за него 8 лет лагерей.

Естественно, антисемитские настроения в советском обществе 30-х гг. не возникали на пустом месте, они имели глубокие корни. Массовые аресты по национальному признаку напоминали людям старшего поколения о еврейских погромах рубежа веков. В одном из писем Георгию Димитрову простая рабочая нарисовала яркую картину рецидива национального психоза: «Неделю назад, на прошлой пятитдневке, приходит мой мальчик из школы и говорит, что все мальчики готовятся на погром и будут бить все другие нации, поляков, латышей, немцев, потому что ихние все родители шпионы. Когда я допытывала, кто это так говорил, он говорит, что у одного мальчика брат комсомолец и работает в НКВД и сказал, что будут скоро судить всех заграничных шпионов, кто жил в Москве, а их семей и детей в школах будут избивать как при царе жидов»¹⁰⁰.

В случае ареста, в заявлениях на этапе следствия и из лагерей евреи всячески подчеркивали, что являются не этническими немцами, а преследуемым в Германии национальным меньшинством. Кто-то потом с сожалением признавался, что записался при выдаче советского паспорта немцем, так как лучше говорил на этом языке, чем на идиш. Однако еврейская самоидентификация и преследования в Третьем

---

¹⁰⁰ Письмо М. И.Семеновой Георгию Димитрову от 10 мая 1938 г. (Дель О. Указ. соч. С. 90).

рейхе по расовому признаку не рассматривалась органами госбезопасности как смягчающее обстоятельство, они ни разу не упоминаются в обвинительных заключениях.

Впрочем, в АСД не зафиксировано и явных проявлений антисемитизма или злорадства со стороны следователей. Выполняя поставленную задачу, они чувствовали себя «государственниками», стоящими выше симпатий и антипатий, и искали любую зацепку для максимально жесткого приговора. В случае с евреями это было социальное происхождение («из семьи богатого торговца»), письменная связь с границей (многие еврейские семьи были разбросаны по всему миру) и, конечно, антисоветские анекдоты (неизвестно, на каком языке они рассказывались). Действительность, какая бы она ни была, приводилась к привычной марксистской схеме. Тот же Урих был вынужден пояснить, что тех, «у кого были магазины, фабрики, фермы, германские власти считали ценными евреями и никогда не трогали».

Иногда любопытство работников НКВД принимало навязчивые формы. «Почему ваш половой орган подвержен изменениям согласно еврейским обычаям?» — неоднократно в ходе допросов спрашивали немецкого политэмигранта, не являвшегося евреем (по понятным причинам мы не называем его фамилию). Его ответы, что он хотел выглядеть евреем в глазах семьи своей жены, следователей не удовлетворяли. В конце концов и обвиняемый, увидев в этом один из принципиальных пунктов обвинения, написал собственноручное покаяние, признав, что «как коммунист я не должен был этого делать».

КПП также не делала скидок на национальный вопрос — коммунисты-евреи, прибывшие в СССР без разрешения партийного руководства, рассматривались как дезертиры с фронта классовой борьбы и получали партийные взыскания. Зигфрид Гумбель, член КПП с 1925 г., был активным участником агитгруппы «Красный рупор» (Das Rote Sprechrohr), она исполняла написанные им песни. После 1933 г. он сохранил у себя часть архива творческого коллектива. При попытке перевести архив в Голландию документы попали в руки гестапо, и Гумбель был вынужден бежать. Он прибыл в СССР в качестве «интуриста» и сразу же попросил политическое убежище. После долгого партийного разбирательства Гумбель был исключен из КПП, однако смог получить вид на жительство.

Евреи принимали самое активное участие в политической борьбе Веймарской эпохи в Германии, в том числе и с этим связана та ненависть, которую питали к ним нацисты. Лидеры КПП, такие как Гейнц Нейман или Лео Флиг, не обращали особого внимания на свои еврейские корни, считая себя равноправными солдатами мировой пролетарской революции. Однако жизнь постоянно об этом напоми-

нала. «Он еврей, но с приходом фашизма не убежал, а работал подпольно», — писала о своем арестованном муже Рихарде Эрна Брандт. Иногда именно преследования заставляли человека занять активную позицию, принять участие в политической борьбе. Уволенный за еврейское происхождение беспартийный берлинский инженер Георг Мюнц переселился в Париж, где в 1933–1935 гг. работал в Институте по изучению фашизма, проводившем широкую пропагандистскую работу. Попытка разобраться в произошедшем с ним произволе стоила ему двух приговоров — уже в лагере он получил дополнительный срок за «восхваление Гитлера».

Глава 4

ОБУСТРОЙСТВО НА НОВОЙ РОДИНЕ

1. Проблемы легализации

Вопрос о пребывании того или иного человека в СССР начинал решаться, как только он подавал заявку на получение визы в консульский отдел советского полпредства. Если человек не находился в «черном списке», ему давали добро. Особое внимание в межвоенный период советские консульства уделяли не иностранцам, а соотечественникам — боялись, что под видом туристов в страну вернутся бывшие белогвардейцы или представители уничтоженных политических партий. На кратковременные поездки иностранцам отказов практически не было — стране нужна была валюта, в Берлине работало солидное представительство «Интуриста», туры которого в годы мирового экономического кризиса продавались по демпинговым ценам.

Тот из немцев, кто собирался в Советский Союз «всерьез и надолго», должен был заранее обеспечить себе поддержку властей двух стран — той, которую он покидал, и той, куда он направлялся. Паспорт для поездок за границу (Reisepass) выдавали в полиции достаточно быстро, если у человека не было проблем с законом. Хотя германский подданный не должен был при этом называть место и цель своей поездки, именно визит в полицию (при отсутствии других «зацепок») становился для следователей НКВД исходным моментом для конструирования «вербовки по шпионажу» человека, арестованного в период немецкой операции.

Для тех, кто подписывал контракт на работу в качестве «иностранного специалиста», партнерами с советской стороны выступали

представители ВСНХ и отдельных наркоматов при торгпредстве в Германии. Некоторые устанавливали прямой контакт с ведомствами в СССР, предлагали к внедрению собственные изобретения и научные открытия. Часть эмигрантов могла опереться на помощь международных еврейских организаций, до 1937 г. имевших свои представительства в Москве.

Оказавшись в СССР, иностранец сразу попадал в густую сеть бюрократических инструкций и предписаний, о которых его заранее не оповещали. Незнание русского языка, отсутствие знакомых могли превратить первые дни пребывания того или иного человека в Союзе в настоящие мучения. Напротив, плотная и доброжелательная опека со стороны хозяев вызывала положительные эмоции и чувство защищенности, позволяла говорить о традиционном русском радушии. Политические эмигранты по прибытии обращались за помощью в представительство КПГ при ИККИ, экономические — заранее вступали в переписку со знакомыми, уже обосновавшимися в городах Советского Союза.

Известных деятелей науки и культуры, иностранных специалистов встречали уже на пограничной станции Негорелое, чтобы смягчить «культурный шок», который вызывало знакомство с советскими реалиями. Пропагандистское шоу разыгрывалось как по нотам. Когда из Австрии в Москву отправился поезд с участниками февральского восстания — шуцбундовцами, — в Негорелое прибыла целая делегация сопровождающих из иностранного отдела ВЦСПС, которые уже в поезде помогали австрийским рабочим заполнять необходимые бумаги¹⁰¹. Люди попроще рассчитывали прежде всего на помощь родственников. Семью Рихарда Фрука ожидал на границе брат его жены Фриц Шааф, прибывший ранее и устроившийся в республике немцев Поволжья.

Сразу же после прибытия в пункт назначения иностранец должен был встать на учет в местных органах милиции. Эта процедура и по сей день вызывает немало нареканий у иностранцев, как видим, она имеет долгую предысторию. Иностранцев регистрировали в гостиницах, командированными на короткий срок из-за рубежа (как правило, это были специалисты, занимавшиеся наладкой импортного оборудования) занимались соответствующие отделы наркоматов или крупных заводов.

---

¹⁰¹ Материалы об организации встречи и трудоустройства шуцбундовцев в СССР см.: РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 666.

Тем самым принимающая сторона брала на себя ответственность за приглашенных лиц и контролировала их пребывание в СССР вплоть до получения «выездных виз». Только с особым штампом в паспорте иностранец мог покинуть пределы Советского Союза¹⁰². Отто Гиршман по договору с Техноимпортом прибыл в Москву 28 июля 1937 г. Выполнив свою работу, он ждал, когда будут оформлены необходимые документы на выезд. Из-за несогласованности действий различных учреждений решение вопроса затягивалось, и иностранцу не оставалось ничего иного, как проживать за казенный счет в гостинице и бродить по Москве. Попавшись в течение нескольких дней подряд на глаза охране Дома Союзов, Гиршман был схвачен как раз возле третьего подъезда, через который обычно входили в здание руководители партии и правительства. Техноимпорт пытался заступиться за своего подопечного, даже признал свою вину в задержке с его отправкой на родину — но было уже поздно.

Иностранные специалисты получали в Отделе виз и регистрации областного управления рабоче-крестьянской милиции (ОВИР УРКМ МО) «вид на жительство» (ВНЖ), который был действителен только вместе с их национальным паспортом. В ВНЖ клеивалась фотография, в нем указывался номер визы, по которой иностранец въехал в страну, отмечалось его гражданство, цель пребывания и место проживания (прописка), наличие детей и т. д. Первоначально документ мог выдаваться на срок до трех лет, в дальнейшем требовалось его продление, которое обычно было ежегодным¹⁰³.

Анализ ВНЖ, сохранившихся в просмотренных следственных делах, показывает, как ужесточалась практика легализации иностранцев в СССР. Рихард Фрук первоначально получал ВНЖ в районном исполкоме, затем этот документ выдавался уже областным ОВИР УРКМ. В 1935 г. он получил ВНЖ сроком на год, в 1936 г. — на полгода, а с начала 1937 г. этот документ продлевался только на три месяца.

22 августа 1937 г. центральный аппарат НКВД разослал на места циркуляр «Об иностранцах», в котором речь шла об отказе в прод-

---

¹⁰² Для того чтобы поехать в отпуск в Германию, иностранные рабочие должны были получить разрешение своего предприятия, затем документы направлялись в иностранный отдел наркомата или треста, а уже оттуда — в Наркомат иностранных дел. См. показания Вильгельма Лубса, Рудольфа Пельца и других немецких специалистов.

¹⁰³ Выдававшиеся в 1940 г. ВНЖ поменяли свой внешний вид — теперь это уже был не лист гербовой бумаги формата А4, а книжечка, копировавшая советский внутренний паспорт. В случае ареста ВНЖ приобщали к документам следствия, зачастую в них содержатся единственные сохранившиеся фотографии немецких жертв политических репрессий.

лении ВНЖ подданным тех государств, которые рассматривались как враждебные¹⁰⁴. Тот, кто не укладывался с отъездом в предоставленный срок, например по причине отсутствия германского паспорта или по семейным обстоятельствам, подвергался аресту как лицо, нелегально находящееся на территории СССР. Это заставляло иностранцев под угрозой ареста либо подавать заявление о переходе в советское гражданство (тогда в ВНЖ делалась соответствующая отметка) либо спешно покидать пределы советской страны.

Получение или продление ВНЖ было невозможно без справки с места работы, поэтому уволенный иностранец рано или поздно терял право на пребывание в стране. В такой же ситуации оказывались и «интуристы», не сумевшие в течение отведенных им нескольких дней решить вопрос с поступлением на работу. С просроченным ВНЖ или национальным паспортом нельзя было преодолеть еще одну бюрократическую процедуру — получить прописку по месту жительства¹⁰⁵. Людей попросту выселяли из квартир, они ночевали у знакомых, на вокзалах, а летом даже в лесу.

Тем не менее в ряде случаев жертвы немецкой операции УНКВД МО в течение нескольких лет жили в СССР без вида на жительство (Георг Керн, Вальтер Рефельд). Чтобы разрубить «гордиев узел» бюрократических согласований, некоторые из них самовольно продлевали свои ВНЖ, например, ставя печать домоуправления, к которой они имели доступ (Петер Ландбек). Это рассматривалось как подделка документов и уголовное преступление.

2. Социальная мобильность

Восторги первых недель пребывания в СССР отражены в письме врача Адольфа Босса своей жене (21 апреля 1934 г.): «То красивое, что переживаешь здесь (конечно, как коммунист) — это подчинение огромному, еще никогда не бывалому кругу задач, которые гармонически совпадают с тем, о чем мы годами интенсивно читали, о чем мы рассуждали. А вот здесь все теперь стало конкретным, или же, точнее, находится в начальной стадии конкретизации, причем предчувству-

---

¹⁰⁴ См. Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С. 46.

¹⁰⁵ В такой ситуации оказался «бомж» Вальтер Рефельд из подмосковного города Кунцево, выписанный (т. е. лишенный прописки) из дома собственной женой. В ходе допросов он «признался», что готовил взрывы в метро, так как «хорошо знал расположение главных входов на станцию Киевская». Взрывчатку он должен был получить в германском посольстве сразу же после нападения Гитлера на Советский Союз.

ются великие перспективы. Факт диктатуры пролетариата с замечательной установкой на бесклассовое общество... имеет огромное значение для сознания марксиста, обладает громадной ферментативной силой для решения самых важных проблем, начиная от скотоводства и кончая принципиальными философскими вопросами».

Однако вскоре любого из эмигрантов, неважно, политического или специалиста, настигали советские будни и совершенно иная иерархия забот и интересов: поиск работы и сносного жилья, установление социальных контактов с «местными», самоутверждение в новой жизни и профессиональная карьера. Иными словами, начиналась каждодневная борьба за место под солнцем. И законтрактованных специалистов, и «интуристов» старались отправить подальше от Москвы — на Дальний Восток, в Кузбасс, на Урал, где были самые примитивные условия быта, радикально отличавшиеся от априорных представлений о стране социализма. Исключения делались только для тех, кто обладал «эксклюзивными знаниями» — например, архитекторов, которых в СССР крайне не хватало.

Тот, кто оказался в «медвежьем уголке», стремился всеми правдами и неправдами вернуться в Москву или хотя бы в Подмоскowie. Рабочие и специалисты писали письма в Иностраннный отдел ВЦСПС, в представительство КПГ, подключали «личные связи». Многие самовольно покидали предписанные им места работы, благо что рабочие руки и технические знания требовались повсеместно (многие заводы переманивали себе хороших специалистов, обещая жилье и особые зарплаты). При этом люди теряли в зарплате, отказывались от работы по специальности, и самое главное — бросали выделенное им «служебное жилье». На новом месте они шли на работу в подмосковные колхозы или на строительство метро, инженеры устраивались простыми автомеханиками, шоферами и даже сторожами.

В результате складывались целые мини-колонии немецких эмигрантов, проживавших и работавших компактно в Москве и Подмоскowie. Иногда, как на Электрозаводе или Первом часовом заводе, это было результатом целенаправленного набора рабочей силы, но чаще — следствием сочетания ряда бюрократических и личных факторов. Сотрудники МОПРа обращались с просьбами о трудоустройстве немцев на те заводы, с которыми были установлены добрые отношения. Среди них выделялись Автозавод имени Сталина, Станкозавод имени Орджоникидзе, Подшипниковый завод имени Кагановича. В нашей базе данных — от 10 до 20 имен людей, работавших на этих предприятиях.

В Подмоскowie лидировали по числу эмигрантов Коломенский машзавод, Воскресенский химический комбинат, завод № 3 в

Орехово-Зуево, производивший оборудование для машиностроительных предприятий, Паровозоремонтный завод в Люблино, Егорьевский завод «Комсомолец». Вряд ли, опираясь только на данные АСД, можно собрать достаточно точную статистику трудового использования эмигрантов из Германии в столичном регионе. Очевидно, что решающую роль в том, сколько сотрудников того или иного предприятия оказались в нашей базе данных, играли не его величина и значение, а масштаб его «чекистского обслуживания» со стороны того или иного райотдела НКВД. Не случайно в число предприятий с максимальным числом немецких жертв попали ничем не примечательные Игольная фабрика и Камвольный комбинат в городе Кунцево, где местные оперативники проявляли в период массовых операций особое рвение¹⁰⁶.

И все же хотелось бы отметить несколько явно выраженных тенденций. Большинству эмигрантов, несмотря на частую смену места работы, удалось сохранить профессию, полученную в Германии. «Ранние эмигранты», равно как и молодежь, занимали низшие должности в иерархии профессий, высшие же и самые высокооплачиваемые доставались специалистам, прибывшим в СССР в начале 30-х гг. Последние работали, как правило, на крупных предприятиях, порой занимая руководящие должности даже без высшего образования. Вот только некоторые из «главных инженеров»: Ганс Мориц-Гримм на киностудии «Мосфильм», Эрих Констант на строительстве Истомкинской фабрики в Ногинске, Фриц Элендер на Московской фабрике пластмасс, Отто Вильке в артели по производству промтоваров.

Еще одной характерной чертой является то, что практически никто из немцев к моменту ареста не работал на оборонных предприятиях, хотя некоторые ранее и трудились в этом секторе экономики. Таким образом, выполнение печально известного приказа № 00439 началось задолго до его появления — отделы кадров военных заводов, перестраховываясь и согласовывая назначения ведущих кадров с органами госбезопасности, давно уже провели собственную «чистку снизу». Чтобы рапортовать о «выкорчевывании шпионских гнезд» в оборонной промышленности, оперативные сотрудники требовали от руководства совершенно безобидных заводов справки о том, что их оборудование «способно выпускать продукцию военного назначения». К ней были отнесены даже иголки Кунцевской фабрики, ибо без них был бы невозможен пошив одежды красноармейцев.

---

¹⁰⁶ См. Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба.

Производственный принцип построения советской жизни находил свое отражение и в практике репрессий, в значительной мере облегчая работу органам НКВД. Мини-колонии немецких эмигрантов на том или ином заводе трансформировались в «шпионско-диверсионные сети германской разведки», во главе которых старались поставить лицо с некими выдающимися характеристиками. Таковыми могли оказаться высшее образование, богатое и извилистое политическое прошлое, доступ к секретной производственной информации. Если «избранник» отказывался сотрудничать со следствием, искали более подходящую кандидатуру. Этническая принадлежность здесь не являлась абсолютным приоритетом — группу немецких шпионов и диверсантов на Егорьевском заводе «Комсомолец» возглавлял инженер Саломон Аринский, еврей по национальности¹⁰⁷.

В протоколах обысков, которые есть в каждом АСД, отражена невероятная скученность, в которой приходилось жить эмигрантам, если они не попадали в разряд «номенклатурных работников». Приезжая в Москву, немцы снимали койку друг у друга, заключали договоры «поднайма», вместе с семьей поселялись в общежитиях. Инициатива, находчивость, хитрость и обман при решении «квартирного вопроса», испортившего, как известно, не только москвичей, должны стать темой отдельных исследований. Материалы следственных дел дают для этого достаточно оснований.

Как правило, если семья проживала в отдельной квартире, то после ареста человека опечатывалась одна из комнат — так легче потом было оформить конфискацию имущества осужденного. Так же поступали, если арестованный проживал один в комнате коммунальной квартиры. Бытующее в литературе мнение, что жилплощадь получали соседи (и это якобы подталкивало их к написанию доносов), явно упрощает ситуацию — комната оставалась опечатанной до окончания следствия, а в условиях массовых арестов — и на годы после расстрела осужденного. Потом ведомственная жилплощадь возвращалась предприятиям и учреждениям, а комнаты и квартиры, расположенные в центре Москвы, иногда передавались сотрудникам НКВД.

Случаи с опечатыванием жилплощади среди немецких дел — в явном меньшинстве. Как правило, при аресте делалась отметка, что в комнате остались проживать члены семьи арестованного. В протоколах обыска отмечена жилая площадь и состав семьи — так, у

---

¹⁰⁷ В эту группу входили Курт Шуман, Вильгельм Керков, Артур Штенцель, Пауль-Вильям Лейстнер, Вилли Мейер.

Фрица Банда на 10 кв. метрах остались «жена, теща, ребенок». Некоторые немцы в ходе допросов рассказывали, что им приходилось жить с семьями на летних дачах практически без отопления — главным преимуществом было то, что дача находилась недалеко от станции электрички. Однако овчинка стоила выделки: в столице качество жизни было несравненно выше, чем в глубокой провинции, несмотря на острейший дефицит жилья. В Москве легче было найти нужного врача, устроить ребенка в хорошую школу, сходить в театр, провести свободное время в интересной компании, взять книги в Библиотеке иностранной литературы.

Центром притяжения немецкой колонии в столице был клуб иностранных рабочих на улице Герцена, его часто называли «немецким клубом». Там не только проходили политические мероприятия, работали кружки и т. д. В клубе заводили полезные знакомства и делились опытом, искали совета в сложных жизненных ситуациях. Игнорирование работы клуба немецкими коммунистами в первой половине 30-х гг. рассматривалось как уклонение от участия в общественной жизни. Однако в период массовых репрессий все кардинально изменилось — посещение здания на улице Герцена получало криминально-шпионский подтекст. А вопрос об этом в ходе допросов следователи задавали практически каждому эмигранту из Германии.

Немцы, даже прожившие в СССР несколько лет, не понимали, что в стране социализма все взаимосвязано: увольнение означает потерю права на жилье и в конечном счете на проживание в стране. Конструктор завода ЭНИМС Курт Лощкат был задержан 16 сентября 1937 г. в сквере на Старой площади, напротив здания ЦК ВКП(б). Он попытался объяснить на ломаном русском, что ждет возвращения жены, которая отправилась в Наркомздрав, чтобы определить детей в детдом. Семья Лощкатов была выселена из квартиры по решению суда за пять дней до этого события, и вот как ее глава описывал их дальнейшие мытарства: первые две ночи мы спали на улице, отдав детей знакомой, третью — на скамейке Сретенского бульвара, откуда нас прогнали милиционеры и мы отправились на вокзал. Наконец, последнюю ночь мы провели с детьми в электричке, купив билет до Загорска и обратно.

В целом мобильность немецких эмигрантов не являлась чем-то особенным на фоне «разбуженного муравейника», каким представляла перед иностранным наблюдателем Россия начала 30-х гг. Однако их естественное стремление получше устроиться в советской жизни трактовалось следователем как сбор шпионской информации и находило неизбежное отражение в обвинительном заключении.

3. Эмигрантские семьи, повседневная жизнь

Наверное, решающим фактором, привязывавшим эмигрантов к новой родине, являлись их русские подруги и жены. Здесь тесно переплетались высокие чувства и корыстные расчеты, причем и то и другое (в каждом конкретном случае в разной степени) демонстрировали обе стороны. Советским женщинам импонировали «культурные иностранцы», хорошо зарабатывавшие и имевшие доступ в Торгсин. Иной привлекательностью обладали политэмигранты, овеянные ореолом классовой борьбы и готовые вернуться в темное зарубежье — не исключено, что вместе с боевой подругой, как об этом писали романы революционной эпохи.

Немцев, помимо естественных личных симпатий, привлекала возможность убежать от одиночества, расширить круг знакомых, выучить русский язык. Женитьба, помимо всего прочего, позволяла укорениться в советском обществе, наладить быт, избавиться от опостылевшего «койкоместа» в общежитии (порой это был единственный способ улучшить жилищные условия, получить прописку в Москве). Для многих специалистов из Германии именно нежелание разрывать отношения с любимым человеком становилось аргументом в пользу принятия советского гражданства, даже если жизнь в СССР им и не нравилась. Христиан Шеффер и Герман Вебер обращались в посольство с просьбой предоставить германское подданство своим русским женам, чтобы вернуться с ними на свою родину. Получив отказ, они остались в стране социализма, где были впоследствии репрессированы.

Среди тех немцев, кто приехал со своими женами (один из политэмигрантов, не будем называть его по имени, привез с собой не только жену, но и любовницу, оформив ее как сестру), достаточно высок был процент разводов. Причем определяющую роль играли сами женщины — они либо возвращались в Германию, если им не нравились бытовые условия, либо находили себе новых партнеров (процедура брака, как и развода, в СССР тех лет была максимально упрощена).

Самые активные из женщин формировали землячества по месту жительства и работы их супругов. Фрида Голланд рассказывала на допросе о немецкой колонии в Кунцево: «Дружили мы потому, что эти люди культурнее, чем русские. Встречались мы почти каждый вечер, так как совместно изучали немецкий и русский языки». Как и вся остальная информация, данные о повседневной жизни эмигрантов и их семей в материалах следствия несут на себе отпечаток «обвинительного уклона», поэтому для полной исторической реконструкции необходимо обращение к источникам иного рода. Однако

наряду с выдуманными преступлениями в доносах, допросах и обвинительных заключениях фиксировались некоторые важные реалии эмигрантской жизни. Это была прежде всего изолированность от внешнего мира, порожденная незнанием языка, обычаев и традиций России, но в еще большей степени — непониманием насаждавшегося сверху «социалистического образа жизни».

Следующим фактором, формировавшим эмигрантскую повседневность, следует назвать тривиальную борьбу за престижное и влиятельное место службы (именно службы, а не работы, ибо среди рабочих и инженеров настроения конкуренции были не столь ярко выражены). Несмотря на всю раздутость советского бюрократического аппарата, мест на всех не хватало. Ценилась работа в Исполкоме Коминтерна, на Инорадио, в Издательстве иностранных рабочих. Женщины подрабатывали переводами, перепечатывали тексты на пишущей машинке, поэтому последняя была их главной ценностью и главным «средством производства» в сталинской Москве.

Несмотря на громогласные заявления о полном равенстве при социализме, в среде эмигрантов существовала строгая иерархия, своего рода «неформальная номенклатура». Она отличалась от аналогичной иерархии в советском обществе, где значительную часть верхних этажей занимали представители «силовых структур» и лица, имевшие доступ к распределению материальных ценностей. В среде политэмигрантов решающим оказывался доступ к социальным благам — жилью, персональным пенсиям, путевкам в санаторий. Значительную роль в получении привилегий играли «записочки» от немецкой секции ИККИ. Поэтому ее руководители, а также сотрудники отдела кадров Коминтерна, активно публиковавшиеся писатели-антифашисты, находились на вершине «неформальной номенклатуры». Этажом ниже располагались те, кто мог оказать важную, хотя и разовую услугу — врачи, учителя немецкой школы.

Особое место в иерархии занимали те, кто имел в прошлом известное имя, хотя ныне и впал в немилость — например, лидер КПП Гейнц Нейман, актриса Карола Нейер, писатель Альфред Курелла. Они вызывали и интерес, и страх, что общение с ними может обернуться немилостью, а в период массовых репрессий — и собственным арестом. Находясь в условиях почти полной изоляции, политэмигранты внимательно следили друг за другом, ибо подозрение вызывало любое отклонение от нормы, будь то перерастание производственных отношений в личные симпатии или личных симпатий — в политическую близость.

Тот из немцев, кто однажды оказался «троцкистом» или «правым уклонистом», не мог избавиться от этого клейма до момента ареста.

Естественно, он продолжал вращаться в кругу «своих», иногда даже не скрывая своих взглядов, подобно одному из лидеров «примиренцев» в КПГ Гансу Беку, работавшему вначале на Кузнецкстрое, а потом в Москве. Превращение социального окружения того или иного эмигранта в «шпионскую сеть» было делом не слишком сложным, особенно если принять во внимание, что именно эта фальсификация лежала в основе национальных операций НКВД. Нелегко было обрести себя в стандартах новой советской жизни не только немцам по рождению, но и тем россиянам, кто несколько лет провел в Германии, учась в вузе или работая сотрудником торгпредства. Ярким примером является несколько групповых дел на студентов, учившихся в Германии, с некоторыми из них в СССР приехали их немецкие жены.

Вернувшись в СССР, эти молодые люди продолжали вести такую же божественную жизнь, к которой привыкли в Веймарской Германии, издавали рукописные журналы, обменивались анекдотами, стремились перешеголять друг друга в критике существовавших порядков. В 1935 г. Московским управлением НКВД было завершено дело о «фашистской группе» бывших советских студентов, лидером которых являлся художник и актер Константин Алин. Под пером следователя вольные беседы вчерашних студентов, не нашедших себя в советской действительности, превращались в восхваление гитлеровского режима, хотя большинство членов группы являлось евреями. В результате получалась достаточно сложная конструкция, согласно которой Алин проповедовал, что «фашизм — лучшая форма мирового государства, его надо приветствовать... с оговоркой — не трогать евреев».

В деле «фашистской группы Алина» сохранились вещественные доказательства — отнюдь не злобные шаржи на руководителей СССР, включая и самого Сталина, здесь же карикатуры на оппозиционеров — гораздо более едкие. В 1937 г. одного-единственного из подобных «вещдоков» было бы достаточно для расстрельного приговора, однако за полтора года до первого показательного процесса «еврейские фашисты» получили сроки, которые вскоре окажутся минимальными — по пять лет лагерей.

Что касается немецких рабочих, то нежелание части из них приспособиться к советской повседневности (а зачастую и просто непонимание правил игры в сталинской России) вело к постоянным трениям с заводской администрацией и в конечном счете — возвращению на родину¹⁰⁸. Большинство «бузотеров» к 1937 г. покинуло СССР, поэтому в АСД мы имеем дело лишь с отголосками трудовых

---

¹⁰⁸ См. подробно: Дель О. Указ. соч. С. 61–67.

конфликтов. Уже упоминавшаяся группа немцев с егорьевского завода «Комсомолец» подбивала товарищей на забастовку, требуя отмены кабальных условий оплаты, аналогичное обвинение было предъявлено и Карлу Борошу.

Подобные проявления классовой борьбы в условиях социализма далеко не всегда находили понимание у местных коллег, которых раздражал особый статус иностранцев. «Советские рабочие понимали, что иностранцы, которые занимаются особой работой, получают за нее соответствующее вознаграждение. Но иностранные рабочие, которые на тех же станках производят то же самое, но при этом получают несравненно большую зарплату — этого они никак не могли понять. Поэтому они скрипели зубами от злости и сжимали кулаки в карманах из-за такого “равенства”, когда шли мимо зала для иностранцев в свою грязную и душную столовую, чтобы получить там порцию отвратительной еды»¹⁰⁹. Ручейки «компроматов» о высокомерии иностранных рабочих, об их негативном влиянии на советских товарищей стекались на высшие этажи советской власти, исподволь готовили почву для массовых репрессий.

И немцы, родившиеся в Германии, и тот, кто прожил там годы Веймарской республики, являлись носителями знаний о «другой жизни» и мультипликаторами ее практического опыта. Сознательно или бессознательно они переносили в советскую повседневность свои привычки и настроения, свою независимость и раскованность, свою политическую строптивость, наконец. Для сталинского режима, нацелившегося на максимальную унификацию социальной жизни, это было неприемлемо. Катализатором грядущей эпохи государственного террора выступала международная обстановка, трактованная как в политических документах ВКП(б), так и в служебной переписке органов госбезопасности как «предвоенная»¹¹⁰.

4. Специфика политэмигрантов

Правовой статус и реальные условия жизни политэмигрантов из Германии изучены относительно неплохо. Их обустройством в СССР

---

¹⁰⁹ Derendinger E. Erzaehlungen aus dem Leben. Als Graphiker in Moskau 1910 bis 1938. Zuerich. 2006. С. 362.

¹¹⁰ Директивное письмо НКВД СССР от 2 апреля 1937 г. подчеркивало: «Материалы по делам, ликвидированным во второй половине 1936 г., свидетельствуют о том, что значительно усилилась деятельность германских фашистов, типичная для предвоенного периода» (Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С. 40).

занимался центральный аппарат МОПР¹¹¹. Но большинству антифашистов, прибывших в СССР после прихода Гитлера к власти, приходилось знакомиться с отделениями этой организации уже в Праге и Париже, — эти города являлись своего рода «перевалочными пунктами» на пути в Москву. В марте 1936 г. полномочия легитимационной комиссии МОПР по предоставлению политического убежища были радикально урезаны, а политэмигранты, уже находившихся в СССР, подвергнуты серьезной «чистке». В качестве мотива решение Политбюро называло проникновение в страну под видом политэмигрантов «прямых агентов разведывательных и полицейских органов капиталистических государств»¹¹².

В Веймарской Германии ведущие функционеры КПГ часто скрывались от преследований властей и не могли обратиться в полицию за заграничным паспортом. После прихода Гитлера к власти обмануть сотрудников гестапо и получить документы на выезд стало трудно даже для рядовых членов партии. Если в Прагу или Париж можно было добраться без паспорта, нелегально покинув Германию, то доехать до СССР через страны «санитарного кордона» без этого документа было практически невозможно¹¹³.

Отделения МОПР, работавшие в той или иной европейской стране, обеспечивали политэмигрантов фальшивыми паспортами. По прибытии в Москву этот паспорт сдавался в Коминтерн (некоторые документы использовались многократно), а человек получал новую, вымышленную фамилию. Делалось это, по признаниям самих эмигрантов, для того, чтобы замести следы и избавить их от преследования со стороны немецкой полиции — по крайней мере, так это объясняли контактировавшие с ними сотрудники МОПР. Таким образом, беженцы из Германии оказывались не только в новой социальной среде, но и получали новую идентичность, им приходилось привыкать откликаться на новое имя.

Преимущество статуса политэмигрантов заключалось в том, что вид на жительство им выдавали «без предъявления национального паспорта», делая в документе соответствующую пометку. Подать заявление на признание себя политэмигрантом мог практически каждый, однако положительное решение зависело прежде всего от

---

¹¹¹ О работе этой комиссии см. Дель О. Указ. соч. С. 68–72.

¹¹² Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов» от 9 марта 1936 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 738–741.

¹¹³ Исключением являлись политэмигранты, которых нелегально переправляли на советские теплоходы в портах Германии, Франции и других стран.

мнения представительства КПП в Москве. В середине 30-х гг. ряды эмигрантов постоянно просеивались, и их число неуклонно уменьшалось.

Очевидно, что политэмигрантом мог оставаться только тот, кто сохранял свое иностранное гражданство. Поэтому МОПР был крайне заинтересован в принятии ими советского гражданства, о чем пойдет речь в следующем разделе. Правовой статус политэмигрантов был уникальным, практически они оказывались сидящими меж двух стульев. С одной стороны, формально они оставались гражданами Германии, хотя и отказывались от каких-либо контактов и со своей родиной, и с ее дипломатическим представительством (конечно, были и исключения, например, переписка с родными через подставные адреса или сотрудников посольства). В случае, если политэмигрантов лишали германского гражданства, они просто не знали об этом. Данное обстоятельство вскрывалось только тогда, когда посольство отказывалось выдавать приговоренным к высылке из СССР выездные документы.

С другой — политэмигранты не претендовали на «нансеновский паспорт», признанный Лигой наций для лиц, находившихся вне подданства. После своего ареста они путались в показаниях, называя себя то советскими, то германскими гражданами. В первом случае это было связано с нежеланием ни при каких обстоятельствах возвращаться в Германию, во втором, наоборот, с расчетом на то, что отправка в ГУЛАГ будет заменена высылкой на родину.

Для следователей НКВД такая двойственность также доставляла немало хлопот. Они знали, что по отношению к иностранным подданным действуют особые правила обращения, а потому действовали по обычной бюрократической схеме — для формирования «удобной реальности» нужна всего лишь одна бумага от начальства. И такую бумагу можно встретить в десятках АСД. Она является лишним подтверждением того, сколь велика была власть бюрократа «средней руки» над судьбами десятков и сотен людей.

Речь идет о разъяснении, что «все прибывшие в СССР иностранцы и получившие вид на жительство в СССР не на основании национального паспорта, а по ходатайству МОПРа или Коминтерна, иноподданными не считаются, а являются внеподданными и подлежат ответственности наравне с гражданами СССР». Сам факт приравнивания друг к другу лиц вне подданства и советских граждан являлся правовым нонсенсом, но это уже тема юридического исследования. В качестве лица, давшего процитированное разъяснение, в документах назывались сотрудники то первого, то третьего отдела центрального аппарата НКВД. Поскольку речь идет в данном случае только

о ссылке на «разъяснение», а его оригинала нет ни в одном из АСД, нельзя исключать, что оно было устным и даже «стимулированным снизу».

Таким образом, преимущества, которыми обладали политэмигранты в Советском Союзе, после их ареста превращались в «отягчающие обстоятельства». Любая деталь их биографии оказывалась свидетелем обвинения. Освобождение из концлагеря увязывалось с вербовкой в шпионы, отсутствие арестов, предворающих выезд из Германии, оказывалось не менее подозрительным фактом. «Прибыл в СССР по фальшивому паспорту», — так звучал один из пунктов обвинительного заключения в делах многих немецких политэмигрантов, хотя эти паспорта они получали от сотрудников МОПР во Франции или Чехословакии¹¹⁴. Получалось, что одна рука советского бюрократического аппарата не желала ничего знать о том, что делала другая!

Эмигранты задавали немало задачек разным звеньям этого аппарата, их случаи требовали нестандартных решений. У Екатерины Розенбаум не было своего германского паспорта, она была вписана в паспорт своего мужа. Иосиф Швиппе приехал в СССР по паспорту брата, так как в Германии ему грозил тюремный срок за нападение на полицейского¹¹⁵. Генри Борн настаивал в ходе допросов, что он подданный «Свободного Данцигского государства» — этот город находился под контролем Лиги наций.

На основе допросов свидетелей можно утверждать, что политэмигранты хуже адаптировались в заводской среде, нежели те их соотечественники, кто приезжали в СССР по трудовым контрактам. У последних не было таких восторженных представлений о Советском Союзе, они бежали от безработицы, движимые материальным интересом. Политэмигранты же воспринимали себя как профессиональных революционеров и рассматривали свое пребывание в СССР как временное, постоянно просились на нелегальную работу в Германию или третьи страны, готовы были идти добровольцами на войну в Испанию. Многие из них хотели, но так и не смогли найти свое место в особом укладе советской жизни. Слишком долго они смотрели на нее издалека, да еще и сквозь розовые очки...

---

¹¹⁴ См. например обвинительное заключение по делу Герхарда Мозера, работавшего художником-оформителем в ЦК германского комсомола. Мозер умер в тюрьме от туберкулеза за неделю до судебного заседания по его делу.

¹¹⁵ Швиппе был арестован в 1932 г. при попытке выехать из СССР по этому паспорту, после отбытия срока сохранил германское гражданство и жил по ВНЖ на свое имя, не смог своевременно его продлить. Вторично арестован в городе Алексин 29 августа 1937 г.

5. Принятие советского гражданства

Среди 720 человек, учтенных в базе данных, лишь 185 сохранили свое германское гражданство. Лицами вне подданства считались согласно материалам следствия, 95 человек, в основном это были политэмигранты, получившие ВНЖ с отметкой «без предъявления национального паспорта». 438 человек на момент ареста имели советское гражданство, но подавляющее большинство из них когда-то являлись подданными Германии.

Трудно установить точную дату начала массовой кампании по обращению иностранцев в советское гражданство. Кто-то из арестованных говорил в ходе допросов даже о начале 30-х гг., коммунисты увязывали эту кампанию с партийной чисткой 1933–1935 гг. и последующим обменом партдокументов¹¹⁶, основной массой выходцев из Германии советский паспорт был получен в 1936–1937 гг. Характерно, что массовая «советизация» политэмигрантов проходила раньше, чем эмигрантов экономических. Очевидно, что мы имеем дело не с одномоментным актом, подразумевающим ясную политическую директиву, а с нарастающей унификацией того пестрого социально-этнического конгломерата, который проживал на территории СССР и в перспективе должен был оказаться «советским народом».

Одним из проявлений этой унификации являлось постановление ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1934 г. «О работе среди немецкого населения», нацеливавшее на решительную борьбу с антисоветскими элементами прежде всего в местах компактного проживания немцев¹¹⁷. В годы партийной чистки иностранных подданных уже автоматически исключали из состава ВКП(б). С 1936 г. иностранцев, служащих в государственных учреждениях, начали в массовом порядке увольнять с работы, причем это касалось не только ключевых наркоматов. Вскоре аналогичная кампания коснулась и рабочих, занятых на оборонных предприятиях. При этом придумывались формальные поводы — «чистка аппарата», «сокращение персонала» и т. д.

Вследствие давления властей накануне большого террора начался массовый исход из СССР немецких рабочих и специалистов, это была уже вторая волна после первых месяцев 1933 г. В результате отъездов и принятия советского гражданства число германских подданных в Советском Союзе резко сократилось. По данным посольства, в 1935 г. их было 11 327 (из них около 4000 — в Москве), по данным

---

¹¹⁶ См. показания Людвиг Гана и Эмиля Бартошата.

¹¹⁷ См. Дель О. Указ. соч. С. 94.

ОВИР ГУРКМ НКВД к началу 1937 г. в стране осталось всего 4015 граждан Германии¹¹⁸.

Политическая часть эмиграции и в данном аспекте имела свою специфику. Для сотрудников аппарата Коминтерна переход в советское гражданство (и автоматически — в члены ВКП(б)) определялся политической целесообразностью. Руководящие функционеры КПП не переходили в гражданство СССР, даже если были лишены подданства Германии. Один из руководителей германского комсомола Арнольд Арно писал в своем заявлении из лагеря, что «не принял советское гражданство по приказу немецкой секции Коминтерна»¹¹⁹. От перехода в советское гражданство освобождались студенты Коммунистического университета нацменьшинств Запада (КУНМЗ) и Ленинской школы Коминтерна, так как планировалась их отправка на подпольную работу в Германию.

В ряде случаев решение о сохранении германского подданства было техническим — если паспорт того или иного немца использовался для подпольной переправки эмиссаров Коминтерна за границу, тому даже предписывали сходить в посольство для его продления. Политэмигрантов, отказавшихся от принятия советского гражданства, заносили в список «плохих элементов» и принуждали к выезду из СССР. Курт Койтц, подумав в 1933 г. пару недель, потребовал обратно свой германский паспорт. Тогда это обернулось для него только исключением из списков лиц, получающих помощь, в 1937 г. — десятью годами лагерей.

Прибывший в 1932 г. как иностранный специалист Альберт Вильнер на допросе не дал прямого ответа на вопрос о том, почему он оставался гражданином Германии, говоря, что не хотел рвать связи с родиной. Это вызвало бурную реакцию следователя: «Вы уклоняетесь от ответа, вы хорошо понимаете, что быть членом компартии Германии и в то же время патриотом фашистской Германии никак несовместимо». Проводившие допросы сотрудники НКВД настаивали на том, что «антисоветские настроения» того или иного эмигранта проявлялись в «упорном нежелании» стать советским гражданином. Здесь были и свои рекордсмены — Готфрид Банд прибыл в Россию с первой волной переселенцев еще в 1920 г., и сдался лишь пятнадцать

---

¹¹⁸ Pinkus B., Fleischhauer I. Op. cit. S. 197; Наказанный народ. С. 49.

¹¹⁹ Так было и с политэмигрантом Паулем Франкеном, который ездил в Прагу для установления контактов с левыми социал-демократами — 19 ноября 1935 г. представительство КПП писало в отдел эмигрантов МОПР, что «из-за будущей работы перевод Пауля и Флоры Франкен в советское гражданство не представляется целесообразным» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 1481. Л. 8).

лет спустя, уже после того, как его исключили из партии. В ходе допроса он признался, что в основе его позиции лежали тривиальные мотивы — «я как иностранец пользовался правами в получении продуктов инснаба, и после отмены карточек написал заявление» о желании стать гражданином СССР.

Немцы утверждали, что до определенного времени, проживая в СССР, вообще не замечали никакой разницы в статусе советских и иностранных граждан. Пауль Фрелих заявил следователю, что, даже оставаясь германским подданным, он чувствовал себя вполне советским человеком, в частности, в 1934 г. участвовал в выборах наряду с гражданами СССР. Обвинительный уклон следствия превращал в преступление как отказ от советского гражданства, так и его принятие. Архитектор Курт Либкнехт был вынужден признаться, что данная процедура была им проведена «по прямым директивам разведывательных органов Германии, так как, являясь гражданином Советского Союза, мне легче было бы вести активную шпионскую деятельность в пользу Германии».

Процедура перехода в советское гражданство выглядела следующим образом: заявитель заполнял анкету, в конце которой ставили подписи два поручителя (как правило, это были коллеги по работе либо соседи). В особом пункте он должен был обосновать мотивы своего решения. Здесь приветствовался патетический стиль, освоить который помогали немцам их советские знакомые. Вот что писал инженер, начальник отдела Люберецкого силикатного завода Рольф Габелин: «Во время моего пребывания в Советском Союзе я вполне осознал, что только в нем труд может быть свободным, и свой свободный труд я хочу отдать в Советском Союзе не в качестве иностранца, а как свободный гражданин Советского Союза»¹²⁰.

Формального выхода из германского подданства до принятия гражданства СССР не требовалось. Субъективно каждый, кто подавал заявление, считал себя человеком «вне подданства», позже он подчеркивал данное обстоятельство в ходе допросов, вероятно, рассчитывая на снисхождение следователей. У Марии Притвиц, много лет проработавшей в советском торгпредстве в Берлине, решение принять гражданство СССР было стимулировано двумя обстоятельствами — исключением из ВКП(б) и окончанием срока действия германского паспорта. Хотя к моменту ареста два года спустя заявление все еще рассматривалось бюрократией ВЦИК, приговор к высшей

---

¹²⁰ Сохранена стилистика документа. Габелин не успел получить гражданства СССР, и по приговору ОСО был выслан из Советского Союза.

мере наказания был предопределен тем, что Марию записали в сопроводительных документах как «лицо вне подданства».

Подача заявления о переходе в советское гражданство ставила вопрос о национальной (этнической) самоидентификации — в советском паспорте была графа «национальность», которой не было в германском. Еврей из Германии Макс Хейтеман при получении паспорта записался немцем, что привело к его аресту в 1941 г. Наоборот получалось не лучше — в производственной характеристике на врача Адольфа Босса, присланной в НКВД, отмечалось: «Выдавал себя за члена КПП... В анкетах в вопросе о национальности писал “немец”, хотя в разговорах отмечал, что он еврей»¹²¹. Получалось, что у человека оказывалась двойная идентичность, и это никак не укладывалось в голове советских бюрократов. Врач-хирург Йозеф Рубенс в заявлениях из тюрьмы также подчеркивал, что он еврей, а не немец, и в немцы попал только потому, что не понял вопроса анкеты о национальной принадлежности.

Еврей Гершель Рындохорн родился на территории Российской империи и, оказавшись в начале 20-х гг. в Германии, принял советское гражданство. Это облегчило его семье переезд в СССР в 1934 г., хотя в материалах следствия и он сам, и трое его сыновей фигурировали как немцы. Дочь Рындохорна Лидия в начале 1941 г. была вынуждена еще раз пройти процедуру получения советского гражданства, что не спасло ее от репрессий после начала войны¹²².

Заявление о переходе в советское гражданство и приложенные к нему документы — национальный паспорт, справки с места работы, выписки из домового книги — подавались в Центральный ОВИР Москвы, в райотделы НКВД Московской области, а в сельской местности — в местные органы власти. В ВНЖ ставилась соответствующая отметка, которая объясняла в случае проверок, почему человек оказался без паспорта. У Вильгельма Яна отобрали еще и вид на жительство, выдав квитанцию с перечнем изъятых документов. После ряда проверок собранные материалы приходили в соответствующую комиссию ВЦИК СССР, которая и принимала окончательное решение.

---

¹²¹ Босс действительно был членом КПП, германским подданным до 1936 г. и евреем.

¹²² Гершель и один из его сыновей были расстреляны, еще двое погибли в лагере. Лидия скончалась в тюрьме еще до вынесения приговора. Оставшаяся в Германии сестра Элеонора писала в 1941 г. матери, что после трех лет борьбы ее признали арийской и приняли в число граждан «третьего рейха» (ГАРФ. Ф. 10 035. Оп.1. Д. П-10422, П-61955).

Процесс был очень долгим, занимая от нескольких месяцев до года, иногда процедура растягивалась на несколько лет¹²³. Арестованный в 1938 г. Йозеф Рубенс говорил, что подал заявление на переход в советское гражданство два года назад, но бумаги регулярно возвращались, так как не хватало отдельных справок. Политэмигранты и здесь оказывались в особом положении — некоторые из них при содействии МОПР получали решение о принятии в советское гражданство в течение одного месяца.

Решение ВЦИК о приеме в советское гражданство было отнюдь не автоматическим. Иностранец не должен был иметь никаких конфликтов с законом, кроме того, он должен был продемонстрировать свою политическую лояльность, показать себя «полезным членом общества». В какой-то степени гражданство рассматривалось как знак доверия, как награда¹²⁴. В одном из доносов автор требовал не давать своему соседу Вильгельму Франкенбергу советского гражданства, ибо, «будучи иноподданным, он будет подвергнут более строгому наблюдению и контролю». Однако принятие гражданства не освобождало от такого контроля. В марте 1937 г. был издан приказ НКВД, требовавший провести персональный учет всех иностранцев, принятых в гражданство СССР после 1 января 1936 г.¹²⁵

Более половины из тех, кто был приговорен к высылке как германский гражданин с начала массовых операций и до конца 1937 г., утверждали, что подавали заявление о приеме в советское гражданство. Оно либо все еще рассматривалось, либо было отвергнуто. Многие эмигранты из Германии решались на этот шаг лишь в последний момент, под угрозой увольнения с работы¹²⁶. Так, инженер завода «Тизприбор» Ганс Шлосберг обращался за помощью к директору 3 июня 1937 г., утверждая, что его заявление о принятии советского

---

¹²³ Бывший сотрудник советского полпредства в Германии Бруно Альбрехт оформлял гражданство СССР в течение трех лет. Рихард Фрук подал заявление 23 декабря 1935 г., к моменту его ареста в августе 1937 г. оно еще не было рассмотрено.

¹²⁴ В ряде случаев советское гражданство немецкие антифашисты получали еще в Германии. Начинаящий писатель и журналист Гельмут Вейс, проживавший в Дрездене, в мае 1934 г. подал заявление о переходе в гражданство СССР. Сразу же после получения паспорта от советского полпредства в сентябре 1934 г. он отправился в Москву. Находясь в эмиграции в Праге, советский паспорт получил немецкий коммунист Эрнст Хаберланд (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 1479).

¹²⁵ Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 310.

¹²⁶ См. докладную записку заведующего отделом кадров ИККИ Белова от 15 сентября 1937 г. о массовых увольнениях эмигрантов, работавших в Исполкоме Коминтерна и других московских учреждениях. «Имеются сообщения, что снимают с работы и лиц, давно принявших советское гражданство и переведенных в ВКП(б), только из-за того, что они бывшие иностранцы» (Дель О. Указ. соч. С. 100–101).

гражданства вот уже несколько месяцев рассматривается по инстанциям. «Для меня как для еврея и антифашиста возвращение в Германию неприемлемо», — подчеркивал он. Накануне большого террора просьбы и отношения в ОВИР, подписанные руководством предприятия, уже не помогали. Тем более что завод, на котором вот уже несколько лет работал Шлосберг, был переподчинен Наркомату обороны, а значит, инженер попадал под действие известного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) об аресте «всех немцев, работающих на оборонных предприятиях»¹²⁷.

Шлосберг был арестован в первые дни массовых арестов 30 июля 1937 г. Не ведая об этом, 10 сентября ВЦИК принял постановление о его принятии в советское гражданство. В свою очередь, не имея информации о данном факте, Особое совещание НКВД (ОСО) 15 ноября приняло решение о высылке Шлосберга из страны как иностранного подданного. Однако посольство отказалось выдать ему германский паспорт, и началась бумажная волокита. Дело кончилось тем, что Шлосберг был освобожден по постановлению Военной прокуратуры в марте 1940 г., после почти трех лет предварительного заключения.

Случай, когда решение о принятии того или иного немца в советское гражданство приходило, когда он уже был арестован, не являлся чем-то исключительным в период немецкой операции. Эрих Констант был арестован 5 июня, получил советское гражданство 20 июня, расстрелян 25 октября 1936 г. В условиях тотальной закрытости информационных каналов отдельные части государственного аппарата оказывались изолированными друг от друга. Если Шлосберг все-таки остался в СССР, то в иных случаях органам НКВД приходилось возбуждать вопрос о лишении высланных советского гражданства *post factum*. Так, зоотехник птицеводческой фермы в городе Загорске Эрих Морштадт стал гражданином СССР 3 июня 1937 г., почти за два месяца до своего ареста, но в спешке его выслали как германского подданного. Вопрос о лишении его гражданства был поставлен НКВД перед ВЦИК только 3 октября 1939 г.

Тот, кого принимали в советское гражданство, получал в ОВИРе соответствующую справку с фотографией, в которой были обозначены дата и номер решения ВЦИК. Эта справка являлась основанием для получения советского паспорта по месту жительства. В случае если из ВЦИК приходил отказ, шансов вернуть предшествующий статус у иностранца практически не было. Из ОВИРа приходило

---

¹²⁷ Наказанный народ. С. 35.

распоряжение об аннулировании ВНЖ, человеку сообщали о необходимости в течение 10 дней покинуть СССР. На бюрократическом жаргоне это называлось «принудительной выездной визой».

Так поступили с Эрикой Гюбнер, Гансом Эйлером, Адольфом Боссом и многими другими немцами, так и не добравшимися до советского гражданства. В случае неподчинения германского подданного арестовывали, и его дело передавалось на решение ОСО. Даже в горячке массовых репрессий каждый из иностранцев находился под неослабным контролем. Архитектор Вернер Хебербанд получил «принудительную визу» до 1 декабря 1937 г., но в срок его семья выехать не успела, и 4 декабря он уже был арестован.

Происходившее не являлось секретом для немцев, ходили слухи о некоем секретном «письме ГПУ», согласно которому всех иностранцев без суда и следствия высылают за границу. Рудольф Бройнинг с обидой заявлял на допросе: «Я ждал, что меня, как и других немцев, вышлют из СССР за то, что я в течение 7 лет работал честно по 12 часов на производстве». Это подтверждают и воспоминания швейцарского гражданина Эрнста Дерендингера, в которых детально воспроизводится процедура выдавливания иностранцев из страны. Чиновники ссылались на приближение войны — «этого требует общее положение». Дерендигер со злорадством отмечал, что с началом массовых репрессий иностранным коммунистам доставалось больше, чем простым немцам¹²⁸. Ему самому начальство смогло оказать действие только в продлении ВНЖ на три месяца для того, чтобы не уезжать в полной спешке из страны, где он прожил четверть века.

Другой гражданин Швейцарии не смог избежать ареста, хотя обстоятельства его дела оказались весьма необычны. Иосиф Егер приехал в 1931 г. в СССР на лечение, вступив для этого в ряды КПГ. Как сам он позже заявил на допросе, «повидав СССР, я уже не мог долго оставаться в Цюрихе и снова выехал в СССР». Чтобы не обращаться в посольство своей страны за продлением своего национального паспорта, он подделал срок его действия, а когда при получении ВНЖ данное обстоятельство вскрылось, Егеру предложили покинуть пределы СССР. Но у него уже были в Москве жена и ребенок. Очевидно, не чуравшийся жульничества, Егер через знакомых купил себе советский паспорт, да еще и со столичной пропиской. Полукриминальная история завершилась пятью годами лагерей по политической статье.

В случае принятия того или иного немца в советское гражданство его германский паспорт не возвращался обратно, а пересылался через

---

¹²⁸ Derendinger E. Op. cit. S. 537.

НКВД в консульство. Только после этого его бывшего владельца вычеркивали из списков германских граждан. Данная процедура с 1937 г. находилась под плотным контролем гестапо, которое получало копии паспортов и таким образом пополняло картотеку «врагов рейха»¹²⁹.

В ряде АСД зафиксированы попытки немцев выйти из советского гражданства, что фигурировало в обвинительном заключении как отягчающее обстоятельство. Как правило, причиной этого было отсутствие работы, тяжелое материальное положение. Леонид Швальбе писал в марте 1937 г. брату о желании вернуться в Польшу, так как он более года является безработным, «мы здесь в большой нужде, живем продажей наших вещей, которые привезли из Германии».

Проживавший в Кунцево политэмигрант Эрнст Мейер забрал свое заявление со следующим обоснованием: «Во-первых, у меня в Германию 17 июля 1937 г. уехала жена, я не хотел жить без нее, и, во-вторых, я знал, что меня все равно здесь должны арестовать». Активист Союза красных фронтовиков Отто Занднер (подлинное имя Альфред Ахтер) прибыл в СССР после бегства из концлагеря Зонненберг и двух лет скитаний по Европе. Благодаря ходатайству МОПР он получил советское гражданство сразу после приезда, однако образ жизни в стране ему не понравился. Очереди, отсутствие жилья, бытовые неудобства, «культурная отсталость, в которой мне приходилось жить в СССР, меня не устраивали. Мои чувства и взгляды расходятся с русскими».

Но больше всего Занднера оскорбило то, что его обманули при оформлении документов, сказав, что советский паспорт открывает возможность выезда в любую страну мира. В ноябре 1936 г. немец и его жена, бывшая чехословацкая подданная, подали заявление о выходе из советского гражданства. За этим последовало немедленное увольнение, отказ в помощи МОПР, и наконец, в апреле следующего года — арест. Следователь был прекрасно осведомлен о намерениях четы Занднеров, фактически сюжет с попыткой выехать за рубеж стал ключевым в обвинении. В нужном направлении были подобраны и показания свидетелей: «Занднер говорил, что если ему удастся выехать за границу, то он разоблачит тот обман, который имеется в СССР и которым вводят в заблуждение общественное мнение за границей». Чтобы не допустить этого, немца на 8 лет отправили в лагерь, откуда он уже не вернулся.

---

¹²⁹ См. Белковец Л. П. Между Гитлером и Сталиным: германские дипломаты в СССР в условиях противоборства двух политических культур // Политическая культура в Германии и России. Сборник научных статей. Кемерово, 2009. С. 63.

Альберт Вильнер стал мастером на заводе «Можерез» в подмосковном городе Люблино, исправно платил взносы в представительство КПГ. Позже к чете Вильнеров приехали дети, они всей семьей подали заявление о приеме в советское гражданство, однако на момент ареста Альберта и его сыновей Герхарда и Ганса (31 июля 1937 г.), решения еще не было принято. Гедвига Вильнер оказалась в полном одиночестве в стране, не зная русского языка, не имея никаких контактов и потеряв всех близких. Можно представить себе состояние этой женщины, когда ее вызвали в районный отдел милиции. Однако там ее ждал сюрприз, который в других обстоятельствах можно было бы назвать приятным — ей сообщили о том, что она стала гражданкой СССР. В кругах эмигрантов ходили слухи о том, что всех арестованных немцев отправляют в Германию, и она решила на мужественный шаг — отказалась от получения «серпастого и молоткастого» паспорта, заявив, что собирается ехать обратно на родину.

Впав в полное отчаяние, не имея сведений о судьбе близких (муж был расстрелян, а сын выслан из СССР), Гедвига отправилась в Москву, в консульство Германии. Там ее ждал более чем холодный прием — узнав, что она вышла из германского гражданства, дипломаты попросту не пожелали с ней разговаривать. А на выходе из здания посольства ее уже ожидали сотрудники НКВД. Немецкая женщина, так и не получившая советского паспорта, была репрессирована как гражданка СССР. Так было удобнее и проще исполнителям «большого террора» — меньше хлопот и бюрократических согласований¹³⁰.

6. Попытка социально-психологической систематизации

Трагический финал в судьбах тысяч эмигрантов из Германии, оказавшихся к 1937 г. в СССР, не может не воздействовать на позицию исследователя. Роль безвинной жертвы как будто лишает человека обычных недостатков, говорить и писать о них становится попросту неудобно. Тем более что существует и другая крайность — в околонучной публицистике, оправдывающей сталинские преступления, эти люди выступают в роли потенциальной «пятой колонны» на-

---

¹³⁰ История на этом не закончилась. Вернувшись из лагеря, Гедвига принялась разыскивать своих близких. Старшего сына Герхарда она нашла в 1952 г. — высланный из СССР, он был отправлен в Германии в концлагерь, а потом на фронт, где сразу же перешел на сторону Красной Армии, сражался до конца войны и осел в Польше. Она добилась реабилитации мужа, и в 1957 г. вместе с семьей младшего сына выехала в ГДР (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-65023; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 4469).

цистской Германии. Так или иначе оказавшиеся в СССР выходцы из Германии являлись составной частью того масштабного миграционного потока, который был вызван Первой мировой войной и получил название «второго переселения народов». «Охота к перемене мест» охватывала прежде всего тех, кто не смог найти достойной работы на своей собственной родине, чувствовал себя выброшенным на обочину социальной жизни. Среди них были и политические радикалы, и восторженные идеалисты, и обремененные семьями трудоголики, искавшие достойной оплаты своего труда, и романтически настроенные бродяги.

Среди рабочих-эмигрантов, прибывших в СССР, было немало людей с иждивенческими настроениями, которые в полной мере использовали социальное законодательство в личных целях, пополняя армию «летунов», «рвачей» и т. п. Попадались и лица с откровенно уголовными наклонностями, пьяницы и хулиганы, о чем представительство германской компартии в Москве неоднократно сообщало в ЦК КПГ¹³¹. Как среди шувбундовцев, так и среди немецких политэмигрантов, прибывших в СССР, было немало законченных смутьянов и бескомпромиссных борцов за справедливость. «Понятно, что по приезду в СССР в одночасье изменить стереотип своего поведения они психологически не могли, и их адаптация к советской жизни, которая все больше требовала навыков “послушания”, лояльности и конформизма, проходила с большими издержками и сопровождалась неминуемыми срывами»¹³².

Имеющаяся источниковая база заставляет автора быть крайне осторожным в негативных оценках — и в личных делах, и тем более в документах следствия, откладывались характеристики и оперативные материалы на эмигрантов, концентрировавшие в себе «компромат». Вряд ли будет преувеличением сказать, что основная масса трудовых эмигрантов из Германии вполне соответствовала тому типу «своевольного» рабочего, о котором пишут немецкие историки повседневности применительно к периоду гитлеровской диктатуры¹³³. Конечно, не может быть и речи о создании единого психологического портрета всех эмигрантов из Германии, оказавшихся в Советском Союзе к началу большого террора. Но можно выделить несколько условных типов, к которым в той или иной степени можно отнести

---

¹³¹ Tischler С. Оp. cit. S. 15.

¹³² Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история». С. 229.

¹³³ Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 131–181.

большинство людей, чьи судьбы были изучены в рамках исследовательского проекта.

Так, явно выделяются «идеалисты» как среди политических, так и трудовых эмигрантов. Первые рассматривали свой приезд в СССР как временную передышку в политической борьбе, связанной с риском для жизни, как заслуженную награду¹³⁴. Среди вторых тон задавали высококвалифицированные специалисты и представители технической интеллигенции. Это были настоящие профессионалы, которые думали не только о собственной зарплате и карьере, но и о справедливых отношениях в своей производственной ячейке, в обществе в целом. Советский Союз манил их именно как «страна равных возможностей», где они могли реализовать свое мастерство и творческие задатки. Как правило, эти люди, несмотря на практически нулевое знание языка, становились неформальными лидерами рабочих коллективов, проектных групп, а со временем оказывались бригадирами, руководителями конструкторских бюро, главными инженерами на производстве.

Согласно поговорке о том, что тот, кто высоко летает, больно падает, данная категория людей в условиях развертывания в СССР большого террора превращалась в особую группу риска. Это были не просто немцы по национальности и месту рождения, это были «выскочки», «пришельцы», «чужаки», активная деятельность которых вызывала зависть и раздражение советских коллег, считавших, что их оттирают на второй план. Результатом был поток доносов, адресатом которых являлись низовые партийные и профсоюзные организации, но отдельные ручейки этого потока достигали и органов госбезопасности.

К моменту своего ареста «идеалисты» уже, как правило, прошли полосу проверок и чисток, которая только добавила компромата в их личные дела. Многие были исключены из партии и сняты со своих постов. В ходе следствия они отказывались признавать сфальсифицированные обвинения, если их не принуждали к этому пытками. В диалогах со следователями эти люди пытались доказать абсурдность происходящего. Даже находясь у последней черты, они продолжали верить, что там наверху разберутся, что они стали жертвой роковой ошибки, которая ни в коей мере не бросает тень на победную поступь социализма в СССР.

---

¹³⁴ «По решению ЦК КПГ в конце 1933 г. я эмигрировал. Эту награду я получил за многолетнее участие в революционном рабочем движении и работу в КПГ», — из письма находившегося под следствием Георга Штрецеля В. М. Молотову от 17 января 1941 г.

Противоположным типом являлись приспособленцы, для которых, если воспользоваться одним из отмеченных в АСД антисоветских высказываний, «партийный билет является хлебной карточкой»¹³⁵. Для этой группы эмигрантов было характерно вступление в КПГ накануне приезда в СССР и механическое выбывание из партии после того, как проблемы трудоустройства на новой родине были успешно решены. Следует отметить, что доля приспособленцев в среде иностранных специалистов была меньше, нежели у политэмигрантов. Среди последних встречались откровенные симулянты и лжецы, своего рода немецкие «дети лейтенанта Шмидта». Так, прибывший нелегально в СССР в 1926 г. Альфред Ширмахер за 10 лет зарабатывал на хлеб только три года, успев поменять около десятка мест работы, остальное же время находился на содержании МОПР.

Ужесточение правил регистрации политэмигрантов в начале 30-х гг., постоянные проверки и принудительное трудоустройство привели к тому, что число «персональных пенсионеров» с заграничным революционным прошлым в Москве значительно сократилось. Впрочем, группа «социальных нахлебников» на фоне всех изученных дел ничтожно мала. Преобладали приспособленцы иного, позитивного толка — ориентированные на карьеру, они с готовностью принимали неформальные правила игры, господствовавшие в СССР. Как правило, представители этой категории эмигрантов вполне прилично устраивались в советской реальности, хотя и ее не пощадили массовые операции.

Еще один типаж, который рисуют материалы АСД на выходцев из Германии — социальный бунтарь, максималист, не терпящий фальши и полутонов. Биографию бунтаря открывает обычно какое-то яркое событие, перевернувшее все его прошлое. Для большинства таковым являлось участие в военных действиях, для кого-то — эмоциональные травмы, полученные в семье, унижения сиротской юности. Складывается впечатление, что роль такого «изначального взрыва» нередко играла чуждая среда после приезда в СССР, неспособность и нежелание приспособливаться. Отсюда — частая смена мест жительства и работы, бродяжничество, асоциальное поведение. Однако такие люди не опускались до криминала — среди заключенных Дмитлага, осужденных по общеуголовным преступлениям и получивших в ходе большого террора политическую статью (их АСД также хранятся в ГАРФ), выходцев из Германии практически нет.

---

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. П-46575.

Образ «социального бунтаря» прекрасно описан Эриком Хобсбаумом на примерах из ранней новой истории¹³⁶, в силу своего драматизма и внутренней противоречивости он нередко становится основой для художественных произведений. Естественно, жизнь в Советском Союзе 30-х гг. с ее жесткой регламентацией и нарастанием тотального контроля по всем направлениям не могла устроить людей такого склада. Бунтари не скрывали своих негативных эмоций, испытывали нервные срывы, устраивали забастовки на предприятиях, просились обратно в Германию, чтобы «задать фашистам жару». Таким был «немецкий Пугачев» Макс Гельц, отсидевший шесть лет в германской тюрьме и погибший в СССР в 1933 г.¹³⁷, таким был Карл Борош, доводивший своей непокорностью до белого каления заводскую администрацию и в Гамбурге и в подмосковной Коломне¹³⁸.

И наконец, еще один тип, тип вечного скитальца, для которого жизнь без постоянных перемен и острых ощущений лишалась всякого смысла. Для таких людей в русском языке есть емкое выражение — «перекати-поле». Их биография в конечном счете оказывалась сплошным перформансом¹³⁹, игрой без правил и пьесой без сценария. Активная жизненная позиция подобных людей и их участие в политической борьбе являлись не осознанным движением к цели и не спонтанным протестом против «мерзости сегодняшнего дня», а единственно возможной формой существования, в которой человек смотрел на себя как бы со стороны.

«Скитальцы» пользовались неформальным авторитетом у окружающих, ибо олицетворяли собой и озвучивали ту неудовлетворенность итогами произошедшего, которая отличала советское общество на исходе революционных потрясений. Власть пыталась «заморозить» подобные настроения, закрепив своих подданных на земле, на заводе, в той или иной социально-политической нише. Естественно, что представители девиантного поведения в самых разных своих ипостасях, будь то «летуны», «бузотеры», «правдолюбцы», «подстрекатели» или «деклассированные» выступали в роли прямых врагов, сопротивлявшихся унифицирующим устремлениям высшей власти.

Сюда же относились и выходцы из зарубежных стран, по определению являвшиеся носителями иной ментальности и чуждых «культ-

---

¹³⁶ Hobsbawm E. Die Banditen. Ræuber als Sozialrebelln. Muenchen, 2007.

¹³⁷ См. Ватлин А. Ю. Немецкий Пугачев // Родина. 2006. № 2. С. 42–49.

¹³⁸ См. очерк о семье Борошей в третьей части книги.

¹³⁹ См. Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки. М., 2011. С. 227.

турных кодов». Их сопротивление следовало сломить любой ценой, и там, где не помогали «переплавка» и «перековка», в дело вступали карательные органы. В биографии «скитальцев» из Германии следователь НКВД всегда мог найти удобную зацепку для того, чтобы сформулировать обвинение, будь то недолгий период участия в нацистском движении или нелегальный переход границы, добровольный выход из рядов компартии или тривиальное многоженство.

Естественно, мы не можем распределить все изученные биографии по четырем означенным категориям, понимая как всю условность подобной схемы, так и смешение в каждой судьбе различных социально-психологических доминант. Однако такая классификация может оказаться полезной для дальнейших исследований, соединяющих в себе микро- и макроподходы, расширяющих источниковый горизонт до более массовых и значимых социальных групп, нежели выходцы из Германии. Говоря об уникальности биографии каждого из своих героев, историк в отличие от писателя обязан вписывать ее в контекст эпохи, связывать с характерными для последней социальными, политическими и ментальными нормами и отклонениями. И все же чрезвычайно трудно, тем более в рамках избранной темы, удержаться от постоянного возвращения к индивидуальному и неповторимому, без которого прошлое теряет свое человеческое измерение.

Ученик выпускного класса гимназии в русской Польше Яков Сина совершил неординарный поступок. Немцы, оккупировавшие эту часть Российской империи в 1915 г., в полупринудительном порядке набирали молодежь для работы в рейхе, и один из товарищей Якова получил мобилизационное предписание. Яков, будучи сиротой, обменялся с ним документами, став Михаилом Зелигманом, родившимся в далеком Кременчуге.

После завершения Первой мировой войны Яков-Михаил сумел натурализоваться в Германии, и на протяжении 20-х — первой половины 30-х гг. вел активную политическую работу в рабочем движении, являясь последовательно членом четырех социалистических партий, включая КПГ. Его арестовывали и французские оккупационные власти в Руре в 1923 г., и гестапо десять лет спустя. Получив предписание покинуть Германию как еврей и иностранный подданный, Зелигман со своей женой купил путевку «Интуриста» и отправился в СССР, где в очередной раз начал обустривать свою личную и профессиональную жизнь до тех пор, пока не попал в поле зрения карательных органов. Следователям не пришлось особо утруждать себя фальсификациями; биография современного Агасфера, менявшего на своем жизненном пути не только страны и профессии, но и собственную идентичность, говорила сама за себя.

Глава 5

КОНТРОЛЬ СВЕРХУ И СНИЗУ

Наряду с учреждениями, определявшими социальный и правовой статус эмигранта, в СССР существовала целая сеть бюрократических структур, которые так или иначе контролировали его повседневную жизнь на новой родине. Понятие «сеть» здесь весьма уместно, так как имеет двойной смысл. В негативе эта сеть — сдерживала свободу передвижения, глушила инициативу, в позитиве — не давала упасть на дно, заменяя собой горизонтальные структуры отсутствующего гражданского общества. Герд Кенен справедливо говорит о почти полной потере механизмов социальной самозащиты, о внутренней маргинализации, характерной для новой советской элиты эпохи большого террора¹⁴⁰. Эмигрантов это касалось вдвойне, ведь они не имели родственных, соседских и земляческих связей, которые были у «местных».

Сразу оговоримся, что мы не берем в качестве объекта исследования контроль со стороны органов госбезопасности, что на сегодняшний момент практически невозможно ввиду недоступности источниковой базы. «Чекистское обслуживание», несмотря на то что определенная часть эмигрантов сама являлась внештатными сотрудниками НКВД («сексотами»), не оказывало прямого влияния на будни немецкой колонии, ибо по своей сути должно было оставаться незаметным для конкретного человека (конечно, если тот находился на свободе).

Иной характер имел контроль партийных и коминтерновских структур, которые рассматривали эмигрантов в качестве объекта для своей воспитательной работы, а также в качестве кадрового резерва, что позже сыграет решающую роль в предыстории ГДР. Этот контроль неоднократно становился предметом научного анализа, однако преимущественно на основе материалов архива Коминтерна. Привлечение в качестве источника АСД позволяет исследовать новые грани данной проблемы, преимущественно на микроуровне.

Гораздо существенней в материалах следствия объем информации, затрагивающий проблему взаимоотношений немецких эмигрантов и посольства Германии. Хотя отбор и накопление данных было подчинено задаче фальсификации обвинения в шпионаже, при их критическом анализе можно дополнить наши знания о деятельности посольства Третьего рейха в сталинской Москве — деятельности, из-

---

¹⁴⁰ Koenen G. Was war der Kommunismus? Goettingen. 2010. S. 86.

вестной нам скорее «изнутри», чем «извне» — из воспоминаний его сотрудников и работ, построенных на архивных материалах МИД ФРГ¹⁴¹. Это открывает возможность для сравнительного анализа функционирования бюрократических механизмов двух диктатур, их вынужденного взаимодействия и противодействия друг другу, предопределенного остротой советско-германских отношений во второй половине 30-х гг.

1. Германское посольство

Прежде всего возникает вопрос о том, в какой мере посольство Германии после 1933 г. олицетворяло собой гитлеровский режим, а в какой — продолжало автономное существование, выполняя рутинные задачи любого дипломатического представительства. Очевидно, что отнюдь не все функции внешнеполитического аппарата Германии были проекцией гитлеровских планов мировой экспансии. Являются преувеличением утверждения, что «в ходе преследования немецких антифашистов-эмигрантов МИД фактически исполнял роль филиала гестапо»¹⁴².

Для дипломатов, даже представляющих диктаторские режимы, характерна известная независимость в суждениях, иногда доходящая до открытого противостояния господствующей идеологии¹⁴³. Советник посольства в Москве Ганс Херварт писал в своих мемуарах: «Мы были убеждены в том, что Сталин, отбросив идеологический балласт и проводя прагматичную политику, стал возводить на месте коммунистического хаоса сильную в экономическом и военном отношении державу. Мы воспринимали Россию гораздо серьезнее, чем национал-социалисты»¹⁴⁴.

В то же время было бы неправильно впадать и в другую крайность — рассматривать работу посольства вне политического контекста

---

¹⁴¹ Herwarth H. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931–1945. Frankfurt am Main, 1985; Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt am Main, 1964; Белковец Л. П. Между Гитлером и Сталиным: германские дипломаты в СССР в условиях противоборства двух политических культур.

¹⁴² Борозняк А. И. Нацистское прошлое германских дипломатов // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 175.

¹⁴³ Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa». Die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau 1939–1941. Berlin, 1991. См. применительно к СССР: Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009.

¹⁴⁴ Herwarth H. Op. cit. S. 87.

ста, существовавшего на тот момент в Берлине. Оно являлось далеко не последним «винтиком» в государственной машине Третьего рейха. К утверждению главы экономического отдела Густава Хильгера о том, что приход Гитлера к власти никак не отразился на жизни посольства, надо относиться достаточно осторожно¹⁴⁵. Авторитетная комиссия немецких историков только в 2010 г. представила свой доклад о степени вовлеченности дипломатов в преступления Третьего рейха — до сего времени данная проблема оставалась одним из последних «белых пятен» в изучении нацистской эпохи¹⁴⁶.

Вне рамок настоящего исследования остаются контакты с посольством подданных Германии, проживавших в России до 1917 г., а также взаимодействие посольства с этническими немцами, являвшееся частью выполнения программы по «собираанию германской нации». Несколько десятков лиц, исключенных из базы данных, являлись гражданами Германии, но никогда там не бывали. Это либо российские немцы, сохранившие гражданство своей исторической родины, либо жены и дети германских подданных. Материалы следствия свидетельствуют о том, с каким упорством эти люди цеплялись за свое «иноподданство» — и многих это спасло от заключения в лагерь. Впрочем, высылка в Германию была достаточно серьезным испытанием для тех, кто никогда не был в этой стране, не имел там родных и даже не говорил по-немецки¹⁴⁷.

В АСД зафиксированы многочисленные попытки проживавших в СССР немцев или детей от смешанных браков получить или подтвердить германское гражданство. В начале 20-х гг. посольство осаждали военнопленные, стремившиеся поскорее вернуться домой, но не обладавшие никакими документами, кроме справки из лагеря. Сотрудникам посольства приходилось быть чрезвычайно изобретательными, чтобы определить, можно ли считать того или иного человека германским подданным. Иосифу Матызику, обратившемуся в посольство в 1925 г., дали винтовку и попросили показать несколько артикулов. Когда тот выполнил приемы, которым его учили в кайзеровской армии, ему сказали, что он выдержал испытание и может

---

¹⁴⁵ Hilger G. Op. cit. S. 261.

¹⁴⁶ Conze E., Frei N., Hayes P., Zimmermann M. Das Amt und die Vergangenheit: Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik. Muenchen, 2010. Критическая оценка данного труда представлена в статье: Huerter J. Das Auswaertige Amt, die NS-Diktatur und der Holocaust // Vierteljahreshefte fuer Zeitgeschichte. 2011. Heft 2. S. 167–192.

¹⁴⁷ Среди высланных граждан Германии была русская женщина Екатерина Вундерлих с сыном, которая развелась со своим немецким мужем после начала Первой мировой войны — ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 2. Д. 27 944.

приходить за германским паспортом¹⁴⁸. Чем дальше, тем жестче становились препоны при выдаче паспортов, даже если ситуация казалась очевидной по действовавшему в Германии «праву крови» (*ius sanguinis*). Одним из последних, кто обратился за подтверждением гражданства в момент потепления советско-германских отношений в 1940 г. был Рудольф Герасимов, сын русского военнопленного и немки¹⁴⁹.

Внимание сотрудников консульского отдела было сосредоточено на тех, кого в России называли «иностранными специалистами». Они рассматривались не только как лица, требующие защиты в условиях большевистской диктатуры, но и как поставщики ценной информации¹⁵⁰. Начальник канцелярии германского посольства в Москве с 1921 по 1941 г. Йохен Ламла после войны показывал на одном из допросов: «Данные разведывательного характера сотрудники посольства и консульств получали путем общения с немецкими специалистами, работавшими на предприятиях Советского Союза, от советских граждан немецкого происхождения, которые по тем или иным вопросам личного порядка посещали посольство, где они и опрашивались»¹⁵¹.

По отношению к политэмигрантам проводилась политика их игнорирования (впрочем, они отвечали взаимностью) при тщательном отборе информации об их антифашистской деятельности. Уже в 1933 г. Министерство иностранных дел давало указания посольству в Москве не содействовать возвращению коммунистов в Германию¹⁵². Но те из них, кто имел действительный паспорт и не был лишен гражданства, имели возможность прибыть в Германию и без такого содействия — въездная виза для возвращения на родину им была не нужна.

Иностранным специалистам, работавшим в СССР по контракту, посольство рекомендовало встать на консульский учет. Вот как это выглядело в показаниях штурмана Пауля Мюнделя: «Сотрудник

---

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 2. Д. 28 056.

¹⁴⁹ В просьбе Герасимову было отказано, а в 1943 г. он получил за посещение германского посольства 5 лет лагерей (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 36545).

¹⁵⁰ Herwarth H. Op. cit. S. 68.

¹⁵¹ Тайны дипломатии Третьего рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. М., 2011. С. 363. Многие из служивших в Москве германских дипломатов показывали, что вести агентурную разведку в Москве было невозможно из-за плотной опеки посольства со стороны органов НКВД (Там же. С. 93, 517).

¹⁵² Tischler C. Op.cit. S. 120.

записал в книгу наши фамилии, где мы работаем и адреса местожительства. Записал, на какой срок действительны наши паспорта... Он также спросил, нравится ли нам здесь, пригласил на вечер, устраиваемый посольством». Человек получал достаточно обширную анкету, которую следовало заполнить. Многие из иностранных специалистов не решались заполнять эту анкету без согласия советских властей, отнесли ее в иностранные отделы своих предприятий. Там им рекомендовали воздержаться от поставки дополнительной информации посольству, утверждая, что необходимый минимум процедур будет проведен и без их участия.

Тот, кто добросовестно завершил регистрацию, получал от посольства Германии приглашения на различные мероприятия и праздники, в том числе проводившиеся в шикарном ресторане гостиницы «Метрополь»¹⁵³. После 1933 г. такие мероприятия приобрели «коричневую» окраску, приходивших на них агитировали за вступление в заграничную ячейку Германского трудового фронт¹⁵⁴. «Отказ от контактов с посольством» неоднократно фигурировал в качестве причины лишения того или иного эмигранта гражданства Германии¹⁵⁵. В ряде случаев немецким специалистам посольство прямо предписывало покинуть СССР, а по возвращении в Германию заявить о себе в полицейском участке. Неподчинение означало фактическое вычеркивание из числа немецких граждан, как следствие человек подавал заявление о переходе в советское гражданство¹⁵⁶.

Вне зависимости от того, становился германский подданный на консульский учет или нет, посольство принимало на себя функции по защите его интересов. Так, по просьбам родственников выяснялась судьба уехавших из Германии, совершались необходимые нотариальные действия — отказ от наследства, расторжение брака, через адрес

---

¹⁵³ Генконсульство Германии в Ленинграде раз в месяц устраивало «пивные вечера», на которые приглашало всех немецких граждан, проживавших в городе. В их ходе собиралась информация о положении в СССР, которая потом передавалась в Берлин (Тайны дипломатии Третьего рейха. С. 494, 497).

¹⁵⁴ Согласно показаниям Эриха Шютце, посольство приглашало германских граждан на следующие праздники: День прихода национал-социалистов к власти (30 января), День национального героя (1 марта), День труда (1 мая) и Рождество. Другие обываемые упоминали еще и день рождения фюрера (21 апреля).

¹⁵⁵ Как правило, эта причина упоминалось среди других, более веских, таких как участие в антифашистской агитации или подача заявления о переходе в советское гражданство (РААА. Botschaft Moskau. Akte Erich Meir). Следует отметить, что среди причин лишения гражданства упоминались такие, как аморальное поведение или пьянство, «дискредитировавшие образ немца за рубежом» (Ibid. Akte Erich Frank).

¹⁵⁶ Так произошло с архитектором Михаилом Коварским, работавшим художником-декоратором в Центральном универмаге Москвы.

посольства шла переписка тех немцев, кто еще не обрел в Москве постоянного места жительства. На протяжении 30-х гг. подобная «защита» превращалась в свою собственную противоположность, ставя под удар тех, кто скорее по привычке, чем по беспечности продолжал посещать здание в Леонтьевском переулке хотя бы для того, чтобы позаниматься спортом в гимнастическом кружке или почитать свежие берлинские газеты.

Большинство из арестованных в ходе немецкой операции утверждало, что не становилось на консульский учет, а бывало в посольстве только для того, чтобы продлить или восстановить свой национальный паспорт. Чиновники проверяли, не был ли заявитель лишен германского гражданства за прошедшее время. Паспорт продлевали либо на три, либо на один год, ставя соответствующую отметку. Здесь, как и в случае с ВНЖ, заметна тенденция к выдаче документов на все более короткие сроки. Процедура обмена или выдачи нового паспорта затягивалась на несколько месяцев, если паспорт был просрочен либо заявитель утверждал, что его паспорт был утерян. Альфреду Гаушильду пришлось побывать в посольстве 5–6 раз для того, чтобы через полгода ему восстановили украденный у него паспорт.

В германском посольстве знали, что паспорта используются Коминтерном для переправки в Европу своих эмиссаров, и с большим недоверием относились к подобным случаям. Данной практике старались противодействовать — когда в посольство пришли продлевать свои паспорта супруги Петерман, работавшие в аппарате Коминтерна, паспорта у них попросту отобрали, сказав, что если те захотят выехать в Германию, соответствующие документы им тут же оформят. Вернер Петерман позже в ходе допросов объяснял, что в посольство они отправились по прямому указанию начальника отдела международной связи ИККИ Абрамова-Мирова.

Примерно такой же случай произошел у Эмилии Франке — когда она пришла в посольство в 1935 г. зарегистрировать родившегося ребенка, у нее забрали паспорт, объяснив это тем, что она вышла замуж за русского подданного. Вместо паспорта выдали справку, что она считается подданной Германии. Но когда в 1937 г. для перехода в советское гражданство паспорт потребовался, его все же выдали, очевидно, вычеркнув Эмилию из списков германских подданных. Если человек уже подавал заявление о получении советского гражданства и получил отказ, паспорт ему не продлевали (Вилли Венде).

Антон Гаймерль, участник боев в Баварской советской республике, прибыл в СССР в 1932 г. В 1936 г. он подал документы на получение советского гражданства, а свой немецкий паспорт отправил заказным письмом в посольство, сообщив, что отказывается быть

подданным фашистского государства. Однако вместо «сerpастого и молоткастого» в мае 1937 г. получил предписание Особого совещания НКВД — в десятидневный срок покинуть СССР. Но покинуть страну без паспорта было никак нельзя, Гаймерль оказался в западне. На работу его не брали, любые переговоры в отделах кадров заканчивались доносами в НКВД. Столь необычный случай породил обильную внутриведомственную переписку, и проживавший в Щелковском районе Гаймерль едва недотянул до завершения немецкой операции — его арестовали одним из последних, 28 марта 1938 г.

При заполнении анкет для продления паспорта чиновники консульского отдела посольства старались получить максимум информации о том, где работает заявитель, в каких общественных организациях состоит, нет ли у него контактов с советскими властями и Коминтерном. С простыми рабочими, особенно теми, кто не выказывал должного уважения немецким чиновникам или рассматривался как «враг рейха», в консульстве обращались достаточно бесцеремонно. Беспартийный слесарь Первого часового завода Альфред Рейхельт, после нескольких визитов так и не получивший отметки о продлении паспорта, забрал его и подал заявление о переходе в советское гражданство.

Напротив, чиновник благосклонно отнесся к просьбе Вальтера Рингмана, нелегально прибывшего в СССР, о выдаче ему германского паспорта. Вероятно, сказалось то, что Рингман живописал свои мучения в «карантинном лагере НКВД» в городе Серове, где содержались так называемые «перебежчики». Немец, оказавшийся без работы и без документов, трижды прорывался в посольство, но так и не смог принести фотографию, которая требовалась для получения паспорта. На третий раз он был задержан наружным контролем советских органов госбезопасности. В тюрьме его сфотографировали бесплатно — перед выводом на расстрел людей, привезенных на Бутовский полигон, тщательно сверяли с фотографиями.

Между советскими и германскими бюрократическими жерновами оказался немецкий политэмигрант Эдуард Штилов, работавший в издательстве иностранных рабочих. В ноябре 1937 г. он был уволен со службы, а через месяц получил уведомление, что не может быть принят в советское гражданство, так как его германский паспорт просрочен. То, что паспорт был сдан в ОВИР ровно год назад, когда он еще являлся действительным, советскую бюрократию не волновало. Под угрозой административной высылки из СССР Штилов обратился в представительство КПП при ИККИ, но получил отвод: «Вальтер (Ульбрихт. — А. В.) объяснил мне, что Коминтерн не вмешивается в дела Советского Союза и помочь мне ничем не может». Что оставалось делать человеку, фактически выброшенному на улицу по-

сле того, как он десять лет проработал в советском генконсульстве в Штеттине?

Штилов отправился в германское посольство, но и там его ждал не слишком теплый прием. Чиновник не пожелал входить в положение просителя, заявив ему со злорадством, что в Германии как коммунист он никому не нужен, а вот теперь и в России Штилов оказался «ненужный человек, Ваши товарищи Вас предали». Штилову заявили, что он лишен германского гражданства, забрали паспорт, выдав справку и попросив зайти через три месяца — тогда будет получен ответ из Берлина. Для человека, оставшегося без работы и угла, это решение немецкой бюрократии не слишком отличалось от обвинительного приговора НКВД. Когда немец пришел в очередной раз справиться о своей судьбе, на выходе из посольства его арестовали.

В ходе следствия такое отношение к Штилову сотрудников консульства было интерпретировано как шантаж с целью вербовки для шпионской деятельности. Вряд ли это было именно так, однако во многих случаях сотрудники посольства требовали от людей, попавших в трудную ситуацию, выполнения разного рода «домашних заданий». Было бы наивным предполагать, что германские дипломаты не использовали своего положения для получения информации разведывательного характера. Эта тема практически не изучена в литературе, так как архивные фонды разведки Третьего рейха не сохранились.

Визиты германских подданных в консульский отдел давали удобную возможность получить хоть какие-то сведения о ситуации в России. В своих донесениях в Берлин дипломаты подчеркивали, что с середины 30-х гг. условия их работы в этой стране радикально ухудшились. Посольства превращались в осажденные крепости, всячески пресекались любые контакты их сотрудников с местным населением¹⁵⁷. В условиях тотальной закрытости советской системы ценность стали представлять вполне невинные с современной точки зрения вещи — названия заводов и их расположение, настроения населения, транспортная инфраструктура. Очевидно, что ответы на эти вопросы не являлись шпионажем в обычном смысле слова, но в условиях немецкой операции НКВД становились исходной точкой для обвинительного приговора.

Сбор информации проводился в ходе праздников, на которые приглашали немецкую колонию в Москве, а также в ходе индивидуальных встреч сотрудников консульства со своими «источниками». Немецкие рабочие и инженеры, все еще далекие от советской шпио-

---

¹⁵⁷ Тайны дипломатии Третьего рейха. С. 517.

номании, охотно шли на подобные контакты, тем более что новости, которые они сообщали, вряд ли можно было отнести к разряду государственных или военных тайн. Ситуация мало изменилась и после прихода к власти Гитлера — для большинства проживавших в СССР немецких специалистов данное событие на первых порах представлялось очередной сменой правительства, которая не изменила их отношения к родной стране. Естественно, что это не касалось политэмигрантов, которые всячески избегали встреч с «фашистами».

Чаще всего в качестве «резидентов германской разведки» в АСД упоминаются имена реальных сотрудников посольства. Лидирует по частоте упоминаний секретарь консульского отдела Карл Демпе, переведенный в конце 1937 г. на работу в Токио, на втором месте — руководитель того же отдела в 1934–1937 гг. Герберт Гензель. Последний являлся «доверенным лицом НСДАП» в посольстве. Вопрос о том, были ли они кадровыми разведчиками, можно считать решенным — в трофейных материалах, попавших в СССР, таких данных не было обнаружено¹⁵⁸. Демпе активно приглашал представителей немецкой колонии в Москве на вечера, которые устраивались в посольстве по государственным праздникам. На допросах обвиняемые признавали, что там «хорошо угощают немецким пивом».

Отношение сотрудников консульского отдела германского посольства к своим подопечным, если опираться на протоколы допросов последних, было выдержано в традициях прусской бюрократии. Должное уважение оказывалось профессорам и ученым, инженерам и лицам с высшим образованием. Еврейским врачам, получившим в СССР принудительную выездную визу, участливо советовали не возвращаться в Германию, а перебраться в безопасные третьи страны. И это притом что консульствам запрещалось визировать и продлевать паспорта лицам, попавшим в разряд «неарийцев». Впрочем, в АСД сохранились и отдельные случаи инициативной борьбы за «чистоту расы». Так, в продлении паспорта было отказано болгарину по крови Железко Перфанову, который получил германское подданство во время работы в Берлине в 1929 г. В данном случае сотрудники консульства явно превышали пределы своих компетенций — «государство произвольных решений» торжествовало над «государством правовых норм» даже в отдельно взятом чиновничьем кабинете¹⁵⁹.

---

¹⁵⁸ Соответствующая справка 1956 г. находится в деле Альфреда Зегнера. В справке наряду с Демпе и Гензелем упоминаются Август Метцгер и Павел Генер, проработавшие в посольстве до 1941 г.

¹⁵⁹ О «двойном государстве» эпохи нацизма как политологической категории см. Fraenkel E. Der Doppelstaat. Frankfurt am Main, 1974.

Достаточно часто в консульство приходили работавшие по контракту специалисты, чтобы оформить германское гражданство для своих жен. Еще в 1933 г. это не было связано с особыми трудностями — русская жена приехавшего в составе большой группы строителей Клауса Зубклеве вначале получила германский паспорт, а потом из-за семейных неурядиц от него отказалась. Позже процедура значительно усложнилась, и здесь бюрократические препоны чинила как советская, так и германская сторона. Формовщик завода имени Кагановича в подмосковном городе Люблино Генрих Экштейн несколько раз обращался в посольство с просьбой разрешить выезд в Германию своей супруге, но так и не добился желаемого результата.

Для многих специалистов из Германии именно нежелание разрывать отношения с любимым человеком становилось аргументом в пользу принятия советского гражданства, даже если жизнь в СССР им совсем не нравилась. В 1934 г. Христиан Шефер и Герман Вебер обращались в посольство с просьбой предоставить германское подданство своим русским женам, но получили отказ — и выбрали страну социализма. Через три года оба получили по 10 лет лагерей. Сотрудники консульства заявляли, что не могут помочь и при оформлении германского подданства детей, родившихся от смешанных браков. Ученый-химик Ганс Гельман безуспешно пытался вывезти за границу своего малолетнего сына, ему объяснили, что «по советским законам, если один из родителей имел советское гражданство во время рождения ребенка, то ребенок является советским подданным, и этот вопрос мы разрешить не можем».

Посольство не информировало государственные органы СССР о том, что тот или иной эмигрант лишен германского подданства, но делало это по запросам НКВД. Бывшего социал-демократа Пауля Франкена приговорили к высылке из СССР, но затем следователям стало известно, что его лишили германского гражданства, и Франкен отправился в ГУЛАГ, откуда уже не вернулся. Инженер, член КПГ с 1919 г. Рихард Даниэль узнал о том, что лишен германского гражданства в ноябре 1937 г., когда пришел в посольство продлевать свой паспорт — «паспорт отобрали и выдали справку об исключении из подданства Германии». После этого он до ареста жил без документов, ведь для того, чтобы подать заявление на получение советского гражданства, надо было сдать в ОВИР национальный паспорт. У таких «бывших иностранцев» шансов спастись от всевидящего ока органов госбезопасности практически не было.

Несмотря на все усилия партийных и государственных структур по изоляции и дискредитации «представительств враждебных государств» в Москве, все же сохранялись известные границы уважения

дипломатического иммунитета, поставленные высшей властью. Глава НКВД Литвинов выступил против того, чтобы при подготовке сценария одного из показательных процессов протягивать нити преступления (получение бомбы для террористического акта) в германское посольство¹⁶⁰. Хотя подобные обвинения возникают в нескольких десятках АСД, они являлись результатом инициативы низовых сотрудников органов госбезопасности и само посольство об этом, конечно, информации не получало.

Консульский отдел германского посольства контактировал даже с политэмигрантами. Если в ходе следствия на вопрос о контактах с посольством обвиняемый давал утвердительный ответ, то именно это обстоятельство становилось той осью, на которую в дальнейшем наматывалась паутина фальсифицированных обвинений. Даже те из эмигрантов, которые никогда не посещали германское посольство в Москве, по цепочке посредников привязывались к «резидентам», населявшим особняк в Леонтьевском переулке, над которым по праздникам развевалось красное знамя со свастикой.

С теми, кто считался коммунистом, в посольстве не церемонились, особенно если те прибыли в СССР после января 1933 г. Им трудно было добиться решения простых вопросов, получить нужную справку и т. д. «Сотрудник посмотрел мою карточку и сказал про меня “это коммунист”», — показывал на допросе Франц Цик. Впрочем, и здесь были исключения — порвавший с партий функционер КПГ Карл Зингфогель (Гельвиг), которого поддерживали жена и сын, обивал пороги германского посольства в Москве, чтобы получить возможность выехать из страны (он прибыл в СССР нелегально). Пока шло согласование деталей, отца и сына арестовали (оба будут расстреляны в один день). На допросе 3 июля Карл заявил: «Я предпочитаю быть арестованным в Германии, чем остаться в СССР». Анну Зингфогель приютили в посольстве, где она провела три недели. Покинув территорию посольства уже с германским паспортом, она тут же была арестована и после полутора лет пребывания в тюрьме выслана из СССР.

В посольстве были прекрасно осведомлены о подобной практике, равно как и о том, что в СССР идут массовые аресты. Немец Карл Фрейзе, работавший в подмосковном совхозе «агрономом закрытого грунта», показывал на допросе: «В последнее мое посещение германского посольства я сообщил, что получил предписание в десятиднев-

---

¹⁶⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. С. 40.

ный срок выехать из СССР в Германию, на что мне сообщили, что сейчас такие же предписания получили многие германские подданные, проживающие в СССР, а очень многие арестованы органами НКВД».

Посольство Германии в период «национальных операций» вело обширную переписку с НКВД СССР. Получив от родных сигнал об аресте германского подданного, оно сразу же обращалось в НКВД с вербальной нотой, направляло стандартный «опросный лист» для заполнения арестованным и просило о встрече с ним. Из наркомата иностранных дел приходил ответ, в котором содержалась информация об аресте и стандартная фраза: «До окончания следствия свидания не предоставляются»¹⁶¹. В целом данные о репрессиях, которыми располагали немецкие дипломаты по всему Советскому Союзу, были достаточно адекватными. Они приходили из НКВД, а также через жалобы и заявления родных и близких арестованных. Лишь в спорных случаях завязывалась оживленная переписка.

Так было с архитектором Рихардом Зурке, который был приговорен к расстрелу судебной тройкой УНКВД как «лицо вне подданства». Основанием для такого вывода следственных органов была обычная история — Зурке просрочил свой германский паспорт, пока ждал решения о предоставлении советского гражданства. Его уволили с работы, и он отправился в посольство оформлять документы на выезд из СССР. Там забрали просроченный паспорт и велели приходиться через три месяца. На запросы о судьбе Зурке посольство вначале получало стандартные отписки о том, что данных не имеется. Но дипломаты продолжали настаивать, сославшись на то, что при аресте присутствовала жена архитектора. Наркомат иностранных дел попал в неловкое положение, после чего сделал форменный выговор коллегам из НКВД — «просим срочно ответить по существу этого дела». После полугодовой переписки 1 спецотделу НКВД пришлось сознаться — да, арестован, но у Зурке не имелось при себе никаких документов, подтверждавших его иностранное подданство. Ни НКВД, ни посольство не были проинформированы о том, что немецкий архитектор к тому моменту уже полтора года как был расстрелян. История повторилась и в 1980 г., когда проживавшая в ФРГ дочь Рихарда Зурке попыталась узнать о судьбе отца.

В целом дипломаты нацистской Германии воспринимали происходившее как очередное проявление «азиатской деспотии», царив-

---

¹⁶¹ См. соответствующий запрос НКВД в деле Макса Шульца, датированный 20 августа 1937 г., спустя две недели после его ареста.

шей в СССР. Документированные в АСД случаи, когда сотрудники посольства пытались помочь людям, оказавшимся перед угрозой ареста, можно пересчитать по пальцам. Вероятно, в реальности таких случаев было гораздо больше, если причислить к ним тех германских подданных, которые успели выехать из СССР накануне большого террора. По воспоминаниям Ганса Герварта, личного референта посла Шуленбурга, из Берлина приходили запросы о том, не следует ли в ответ на аресты германских граждан начать аналогичные репрессии против членов советской колонии в Третьем рейхе. Посол осудил эту идею, сославшись на то, что попытка ее практического воплощения только ухудшит судьбу арестованных немцев¹⁶².

Вряд ли бюрократический контроль, осуществлявшийся посольством, можно ставить на одну доску с контролем со стороны советских административных структур — у него были иные масштабы и направленность. Однако любой факт контактов немецких эмигрантов с посольством своей страны получал в ходе немецкой операции криминальное толкование, или «шпионский окрас», если пользоваться жаргоном следователей НКВД той эпохи. Они не делали никаких различий между ролью германского посольства в годы Веймарской республики и фашистской диктатуры — оно всегда оставалось форпостом классового врага, который только менял свои маски.

2. Структуры Коминтерна и КПГ

Ко второй половине 30-х гг. аппарат Исполкома Коминтерна, работавший в здании перед Кутафьей башней Кремля, не только вырос количественно (для размещения сотрудников ИККИ пришлось достроить два этажа в гостинице «Люкс» на улице Горького, переименованной в общежитие Коминтерна), но и встроился в достаточно жесткую иерархию советских государственных учреждений. Слово «коминтерновец» означало уже не членство в одной из зарубежных компартий, а работу в соответствующем ведомстве. Причем работу престижную и высокооплачиваемую, и в то же время — рискованную и нестабильную. Рядовым гражданам Советской России «коминтерновцы» на протяжении полутора десятилетий представлялись кем-то вроде разведчиков и диверсантов, регулярно отправлявшихся за рубеж для подрыва устоев мирового империализма.

---

¹⁶² Herwarth H. Op. cit. S. 119.

Сотрудникам органов госбезопасности, занимавших гораздо более высокое место в упоминавшейся иерархии государственных учреждений, образ Коминтерна во второй половине 30-х гг. представлялся далеко не столь светлым и безоблачным. Для Ежова не являлась секретом фраза Сталина, брошенная Генеральному секретарю Исполкома Коммунистического Интернационала Георгию Димитрову 11 февраля 1937 г. — «все вы в Коминтерне работаете на руку врагу»¹⁶³. В этой на первый взгляд уничтожающей оценке, на самом деле не содержится ничего удивительного. Коминтерн и коминтерновцы олицетворяли собой окно в «железном занавесе», воздвигнутом сталинской системой по границам собственной страны. Это окно, а точнее маленькая форточка, несла в себе опасность инфицирования населения страны, или по меньшей мере ее политического руководства, новыми микробами, расплывшимися во внешнем мире, от троцкизма до фашизма, не говоря уж о таких старых болячках умирающего капитализма, как либерализм и парламентаризм.

Подобно тому, как применительно к отдельным лицам в период массовых репрессий решающим признаком виновности оказывался «контакт с классовым врагом», Коминтерн как структура, контактировавшая с враждебным окружением СССР, заслуживал особого «чеккистского обслуживания». Этим занималось специальное подразделение центрального аппарата НКВД, сотрудники которого, безусловно, могли бы написать самую полную историю Коминтерна и его кадров. Последними в аппарате ИККИ также занимался специальный отдел, который осуществлял повседневную связь с «инстанцией», или «соседями», как на бюрократическом жаргоне называли органы госбезопасности¹⁶⁴.

Ко второй половине 30-х гг. механизм их взаимодействия был уже отработан до мелочей. Отдел кадров отправлял запросы на проверку в ГУГБ НКВД не только лиц, командированных награничную работу, но и иностранных коммунистов, намеченных к переводу в ВКП(б)¹⁶⁵. Любой «компрогат», пусть даже имевший самое далекое отношение к человеку, ставил под вопрос его партийную карьеру, а

---

¹⁶³ Dimitroff G. Tagebuecher 1933–1943. Berlin, 2000. S. 149.

¹⁶⁴ В отдел кадров ИККИ направлялись запросы не только из Управления госбезопасности, но и из других структур НКВД, в частности из милицейского Отдела виз и регистраций. Так, вопрос о принятии советского гражданства Виктором Штерном в 1940 г. был решен после того, как ОВИР получил положительный ответ отдела кадров и соответствующее решение Политбюро КПС (РСФСР). Ф. 495. Оп. 205. Д. 12901. Т. 1. Л. 65).

¹⁶⁵ Такая переписка велась в 1936 г. в отношении Отто Винцера, работавшего в издательском отделе ИККИ (РСФСР). Ф. 495. Оп. 205. Д. 237. Т. 1). В августе 1937 г.

начиная с 1936 г. — и жизнь. Посланная в письме отцом Курта Шумана вырезка из газеты о голоде в СССР до сына так и не дошла — она была перехвачена и отправлена в «наблюдательное дело», которое велось органами госбезопасности на каждого иностранца. А через два года клочок газеты переключался и в материалы следствия по делу Шумана.

Не менее активным был и поток запросов с Лубянки, многократно выросший в 1936–1937 гг. Записки на четвертинке листа писчей бумаги, без печати учреждения и указания должности, подписанные сотрудниками 3 отдела ГУГБ НКВД Горбом, Полячеком или Корнильевым, попадают в значительной части личных дел коминтерновцев. Здесь же сохранились и развернутые ответы, подготовленные отделом кадров ИККИ, в которых даны биографии тех или иных лиц с акцентом на их негативные стороны, такие как партийные взыскания, политические уклоны, несанкционированная переписка, подозрительные знакомства и т. д. Применительно к эмигрантам из Германии специально отмечалось их заключение в тюрьме и концлагере, допросы в полиции и гестапо, участие в «брандлеровских» или «троцкистских» группировках.

Работники отдела кадров ИККИ, осознавая свою особую роль в разоблачении «врагов народа», предпочитали перестраховываться. Достаточно было обращенной к ним просьбы предоставить дополнительную информацию для «соседей», как это было с Гертрудой Тифенау, чтобы вопрос о ее использовании на нелегальной работе (она закончила двухгодичные курсы радистов ОМС ИККИ) отпал сам собой. Данные об антисоветских высказываниях Георга Керна из отдела кадров были переданы в контрольную комиссию Коминтерна, и он был исключен из КПГ в феврале 1936 г. Но его личное дело продолжало пополняться «компроматом», который с Моховой регулярно пересылался на Лубянку¹⁶⁶.

В то же время отдел кадров пытался оградить «проверенную часть политэмиграции» от репрессий и дискриминации. 15 сентября 1937 г. его руководитель предлагал среди прочего: «в) дать указание органам НКВД, что все иностранцы, оставляемые в СССР, должны получить соответствующие документы с указанием, где они имеют право проживать, г) дать специальное указание соответствующим советским органам о месте проживания и порядке направления на работу чле-

---

аналогичный запрос поступил в ГУГБ НКВД по поводу Пауля Шербера-Швенка, намечавшегося на работу в тот же отдел (Там же. Д. 6249. Л. 60).

¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 4662.

нов семей лиц, арестованных органами НКВД»¹⁶⁷. Из данных предложений видно, что сотрудники ОК ИККИ имели сведения о начавшейся немецкой операции, хотя воспринимали ее скорее как серию административных репрессий, нежели как масштабную кампанию государственного террора.

Сотрудники Московского управления НКВД свои запросы в отдел кадров ИККИ делали только через центральный аппарат. После ареста Генриха Шиллера 3 отдел УНКВД МО обратился в Центр: «Просим проверить по Коминтерну и сообщить об обстоятельствах приезда Шиллера в СССР и о его деятельности в Германии как члена КПГ». Гильда Гаушильд уже в сентябре 1936 г. фигурировала в списке «троцкистских и прочих враждебных элементов» из числа членов КП Германии в эмиграции, составленном ОК ИККИ¹⁶⁸. Арест ее мужа Роберта ускорил приближение развязки. Гаушильд была арестована через полгода после того, как «компромат» на нее был отправлен Полячком в областное управление НКВД. Негативные материалы, присланные из ИККИ, решили судьбу этой женщины — она попала в ГУЛАГ, хотя являлась гражданкой Германии и первоначально предназначалась к высылке¹⁶⁹.

В АСД Эрны Петерман отмечено, что ее арест столичные чекисты согласовали с Полячком. Эрн и ее муж Вернер до этого были отстранены от работы и исключены из партии. Оба работали в аппарате ИККИ, но отказывались порвать связь с родными в Германии, регулярно посылали деньги отцу Эрны. Между увольнением и арестом не прошло и трех месяцев. Интересно, что Вернер на одном из первых допросов достаточно точно определил число репрессированных работников ИККИ — около 70 человек. Очевидно, масштаб репрессий было невозможно скрыть, поскольку все работники этого учреждения, несмотря на его секретный характер, были на виду друг у друга.

Дело Петерманов лишний раз подчеркивает, насколько силен был «семейный принцип» в кадровой политике ИККИ. Действительно, работа в Коминтерне являлась высокооплачиваемой и престижной, и ответственные работники старались устроить туда своих близких. Как правило, жены профессиональных революционеров разделя-

---

¹⁶⁷ Цит. по: Дель О. Указ. соч. С. 102.

¹⁶⁸ См. Мюллер Р. Указ. соч. С. 75. Сн. 58.

¹⁶⁹ Ее видели в камере Бутырской тюрьмы, где содержались женщины, которых готовили к высылке в Германию (Buber-Neumann M. Als Gefangene bei Stalin und Hitler. Eine Welt im Dunkel. Herford. 1985. S. 161). Гильда Гаушильд (она работала на Инорадио и выпускала передачи под псевдонимом Гильда Левен) получила по приговору Особого совещания НКВД от 18 января 1941 г. 8 лет и умерла в Карлаге в 1942 г.

ли не только все тяготы жизни своих мужей, но и их политические убеждения. Кроме того, в условиях, когда решающим обвинением становилось «знакомство с арестованным врагом народа», выходящее за рамки служебной необходимости (т. е. обычные приятельские отношения, проведение досуга и т. д.), это обвинение касалось семьи в целом.

Процедура разбора персональных дел вначале в низовой партийной организации аппарата ИККИ, а затем и в Интернациональной контрольной комиссии (ИКК), выглядела как настоящее самоедство. Обвиняемый каялся и признавал свои проступки, обвиняющие находили эти покаяния недостаточными и требовали «саморазоблачиться перед партией», «открыть свое подлинное лицо»¹⁷⁰. Впоследствии копии протоколов этих заседаний, или по крайней мере выдержки из них, оказывались в АСД. Следователи НКВД продолжали «чистить лук», развивая логику партийных разбирательств в уверенности, что те попросту не дошли до антисоветской сердцевины обвиняемого.

Если движение от партийной прелюдии к чекистскому финалу в годы большого террора было правилом, то исключением являлась остановка между этими этапами и балансирование над пропастью, ожидание неминуемого ареста, который так и не произошел. Попытки исследователей найти здесь некие закономерности, обобщив анализ отдельных случаев, на взгляд автора, обречены на неудачу. Сказывается скудость и подчиненное значение сохранившихся источников (протоколов заседаний, объяснений обвиняемых) в условиях, когда решающую роль играло неформальное заступничество «патрона» в коминтерновской иерархии, редко находившее прямое отражение в письменной форме.

Показательный анализ исключения такого рода дан на примере партийного разбирательства в отношении Герберта Венера¹⁷¹. Приведем в качестве еще одного примера персональное дело Отто Винцера (будущего министра иностранных дел ГДР) и его жены, которым занимались партийная организация аппарата ИККИ и ИКК во второй половине 1936 — начале 1937 г. За «порочащие связи» с арестованными работниками Коминтерна оба получили строгие взыскания и были уволены, однако удержались в кадровой обойме КППГ. В данном случае определяющую роль сыграл «позитивный настрой» партийных лидеров, который можно почувствовать в записках и справках, подписанных Вальтером Ульбрихтом и Гербертом Венером, а также благоже-

---

¹⁷⁰ Studer B., Unfried B. Der stalinistische Parteikader. Identitätsstiftende Praktiken und Diskurse in der Sowjetunion der 30er Jahre. Koeln, 2001.

¹⁷¹ Mueller R. Herbert Wehner—Moskau 1937.

лательный подход, который демонстрировал в ходе разбирательства член Политбюро ЦК КПП и председатель ИКК Петер Флорин.

Дело Винцера (работавшего в СССР под псевдонимом Отто Лоренц) в конечном счете было спущено на тормозах, однако на протяжении четырех лет оно занимало умы и самого обвиняемого, и руководителей эмигрантского правления КПП. Было найдено рациональное объяснение и получению Винцером в июле 1934 г. заграничного паспорта в Берлине, и освобождению после допросов в гестапо, и утрате значительной суммы партийных денег. Тон обвинений изменился после того, как в СССР закончилась эпоха «большого террора» и из тюрьмы был выпущен Эрих Вендт, знакомство с которым ставилось в вину Винцеру. Один из участников разбирательства позволил себе даже самоиронию: «Я уже на заседании ИКК выражал сомнения в том, что Вендт является троцкистом, заметив, что мне не известно ни одного случая, чтобы органы НКВД выпускали на свободу троцкиста»¹⁷².

Сказавший эти слова Вальтер Ульбрихт, будучи секретарем немецкого представительства (секции) при ИККИ, а фактически эмигрантского правления КПП, имел полное представление и о масштабах арестов своих товарищей, и о предшествовавшей им партийной инквизиции. Правда, речь шла только о тех из них, кто поддерживал постоянную письменную или личную связь с представительством, регулярно платил членские взносы — таковых было чуть более трети от общего числа внесенных в картотеку¹⁷³. Там, где работали или проживали несколько членов КПП, они образовывали первичную партийную ячейку — в Доме политэмигранта, гостиницах «Люкс» и «Балчуг», в ДЦЦ, на Электрозаводе. В различных отделениях аппарата Коминтерна было создано пять таких ячеек.

Исходя из принципа, что у коммуниста не может быть тайн от партии, московское представительство КПП стремилось к тотальному контролю за своими подопечными. Там не только принимались решения, кому подавать заявление о переходе в советское гражданство или вступлении в ВКП(б), но и распределялась финансовая помощь политэмигрантам, разбирались неурядицы их личной жизни. Отвечая на обязательный вопрос следователя о контактах с родственниками, оставшимися в Германии, Ганс Шрепфер, как и многие другие

---

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 237. Т. 1. Л. 206.

¹⁷³ На конец 1937 г. из 1769 членов КПП, зарегистрированных в картотеке представительства, платили взносы только 678 человек. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 94. Л. 1.

эмигранты, показывал, что письменную связь им в 1935 г. запретила поддерживать именно немецкая секция ИККИ.

Лидеры КПГ, оказавшиеся в московской эмиграции, были уверены в том, что большинство простых членов партии оказалось в СССР отнюдь не из-за того, что за ними по пятам следовало гестапо, а из корыстных побуждений. Вильгельм Пик настаивал на высылке не менее двух третей эмигрантов, даже если их в Германии будет ждать временный арест. «Только таким образом гнойник, образовавшийся в среде здешних эмигрантов, будет как следует вскрыт и вычищен»¹⁷⁴. Конечно, ни Пик, ни его соратники не могли предположить, чем обернется кампания профилактической «чистки» для эмигрантской колонии в СССР.

Но в неведении были не только они. Так, Бухарин, ознакомившись в 1936 г. с положением немецких эмигрантов в странах Западной Европы, пришел к выводу, что российским социалистам до 1917 г. приходилось сталкиваться с гораздо меньшими трудностями: «Положение настолько более ужасно по сравнению с нашими былыми временами, насколько концлагеря Гитлера свирепее наших царских ссылок...»¹⁷⁵ Конечно, ни Бухарин, ни лидеры КПГ еще не могли сопоставить концлагеря со сталинским ГУЛАГом — это смог сделать только тот, кто прошел через оба земных воплощения небесного ада.

После начала массовых репрессий немецкое представительство тщательно собирало данные об арестованных членах КПГ, которые автоматически исключались из партии. Каноном «большевистской бдительности» являлось исключение до ареста, однако массовый характер немецкой операции мешал его практической реализации. Совпадение даты исключения из партии и ареста характерно для немцев, являвшихся членами ВКП(б) и репрессированных до августа 1937 г. Механик Первого часового завода Фридрих Фрейман был исключен за сокрытие родственников, проживающих в Германии, фрезеровщик Карл Репке — за «связь с арестованным сыном». С формулировкой «за сокрытие подлинной фамилии» был исключен из ВКП(б) политэмигрант Конрад Марбель (настоящее имя Эрнст Майер), бежавший из тюрьмы Лихтенберг и прибывший в Москву еще в 1927 г. по подложному паспорту на имя, которое на десять лет стало его родным.

Вопрос о том, была ли негативная информация, идущая от коминтерновских структур, включая КПГ, иницирующей репрессии, или

---

¹⁷⁴ Письмо Вильгельма Пика Петеру Флорину от 23 августа 1936 г. (In den Faengen des NKWD. S. 280).

¹⁷⁵ ВГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 102.

она только дополняла действия органов НКВД, достаточно давно и активно обсуждается в немецкой историографии. Анализ АСД показывает, что следователи обходились и без «компромата» из отдела кадров ИККИ, однако его наличие упрощало и ускоряло движение следственного конвейера.

3. Сексоты и доносы

«И если есть те, кто приходят к тебе, найдутся и те, кто придут за тобой». Так в одной из культовых песен эпохи перестройки описывалась советская реальность, где в одном лице выступали и мнимые друзья, и злейшие враги. Составной частью взаимодействия отдела кадров ИККИ и органов госбезопасности являлись вербовка и использование «секретных сотрудников». При этом и сам Исполком, и сотрудники его отдела кадров находились под плотным контролем последних, которые неоднократно обвиняли коминтерновцев в излишне либеральном отношении к подозрительным элементам.

По понятным причинам мы не называем имена тех, кто по доброй воле или по принуждению становился сексотом, но впоследствии сам оказался жертвой органов госбезопасности. Однако в отечественной научной литературе уже имеются исследования, где на основе архивных материалов детально анализируется «агентурно-розыскная работа» органов госбезопасности, ключевым моментом которой являлась вербовка сексотов и осведомителей, а также использование поставляемой ими информации¹⁷⁶. Даже с учетом того, что внештатные сотрудники органов госбезопасности зачастую стояли перед альтернативой «или я, или меня», они «несут тяжелую ответственность за осуществленные с их помощью политические репрессии; наиболее активные из них оговаривали и помогали уничтожать целые группы людей»¹⁷⁷.

---

¹⁷⁶ Тепляков А. Г. Машина террора. ОГПУ–НКВД в Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С.128–167.

«Сексотам» посвящен небольшой раздел уже цитировавшейся книги С. В. Журавлева (Современные методы... С.132–136). Следует отметить, что в 2010 г. этот автор уже приводит полные имена секретных сотрудников НКВД, как немцев, так и русских, хотя в аналогичном тексте 2004 г. они еще были зашифрованы начальными буквами фамилии (Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация. — В книге: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004).

¹⁷⁷ Тепляков А. Г. Указ. соч. С. 129.

Среди немцев, попавших в нашу базу данных, таковых было около двадцати человек, и это не считая тех, кто «стучал» только по партийной линии. В результате колония немецких политэмигрантов находилась под двойным наблюдением, от которого не могло ускользнуть ни одно мало-мальски «подозрительное деяние». Тотальный контроль на практике превращался в собственную противоположность, оборачивался хаосом. Доходило до того, что один сексот по заданию своих «кураторов» пытался спровоцировать другого на откровенность. Последний докладывал в отдел кадров ИККИ и в немецкую секцию о попытке вербовки, подробная информация о произошедшем срочно отправлялась в «инстанцию». Из НКВД звонили и успокаивали — дело находится в нашей разработке, не мешайте.

Вернувшийся из Праги Пауль Франкен, проживавший в СССР под именем Георга Штрецеля, был поражен, когда его случайный знакомый настойчиво стал выведывать у него имена немецких «троцкистов», находившихся там в эмиграции. Согласно показаниям работника отдела кадров Альберта Мюллера (Г. Брюкман) информация Франкена о попытке вербовки вызвала в ИККИ настоящий переполох. Первым делом его спросили, не является ли он сам сексотом НКВД, а получив отрицательный ответ, сами включились в игру. По поручению Мюллера немец вновь согласился на встречу с потенциальным «резидентом», и тщательно записал ее содержание в форме диалога¹⁷⁸.

Хотя позже собеседник Франкена — германский инженер Ганс Визер был разоблачен как германский шпион и расстрелян¹⁷⁹, сам характер его вопросов свидетельствует о том, что он выполнял задание советских органов госбезопасности. Очевидно, что «зарубежные троцкисты» после первого показательного процесса гораздо больше интересовали НКВД, нежели гестапо. Да и у самого Франкена сложилось впечатление, что его хотели завербовать в агенты советской контрразведки, обещая среди прочего организовать выезд в Швецию и обеспечить такими дефицитными вещами, как радиоприемник, импортные ботинки и кофе.

Ответ на вопрос о том, защищали ли органы госбезопасности своих внештатных сотрудников, арестованных в ходе «немецкой операции», требует обращения к ведомственному архиву, остающемуся недоступным. Анализ деятельности сибирских «чекистов» показывает,

---

¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 1481. Л. 35–37.

¹⁷⁹ Расстрельные списки. Москва 1935–1953. Донское кладбище. М., 2005. С. 90.

что с ними не церемонились и в случае ареста попросту списывали со счетов¹⁸⁰. Случай с Гансом Визером, равно как и изученные дела Московского управления, показывают, что это было действительно так. Оказавшись на Лубянке, сексоты из немцев первым делом заявляли о своей роли добровольных помощников НКВД, будучи уверены в том, что там «разберутся» и их «вытащат». Однако аппарат действовал в рамках собственной логики — логики наименьших трудозатрат в условиях максимально упрощенной технологии следствия.

В результате на арестованного поступала информация, что сотрудничество с ним приостановлено, поскольку он как секретный сотрудник не оправдал возложенного на него доверия. В обвинительном заключении это уже трактовалось как «двурушничество» — агент НКВД одновременно выступал и в роли германского шпиона, что влекло за собой, за редкими исключениями, смертный приговор. Неразбериха усугублялась еще и тем, что ряд внештатных сотрудников работал на центральный аппарат НКВД, часть — на Московское управление, а эти учреждения находились в состоянии плохо скрываемой конкуренции между собой. Под удар попадал и тот, кто отказывался от сотрудничества с НКВД. Проживавшая в Орехово-Зуево Карла Хагге-Штокс, муж которой не вернулся из Испании, писала из лагеря, что ее отказ местным оперативникам стать сексотом и доносить на знакомых привел к аресту и осуждению. Правдоподобность этой версии придает то, что Карла была арестована только в конце 1942 г.

В ряде дел сохранились донесения сексотов о поведении и антисоветских высказываниях своих подопечных. Заметно, что в этих документах явно сгущены краски, их авторы были вынуждены отрабатывать свой хлеб. Вот один характерный пример — эмоциональный монолог редактора Издательства иностранных рабочих Герты Дирр в изложении «источника»: «Неужели вы не видите, что народ настолько озлоблен против руководителей Партии и Советского Правительства, которые ведут к фашизму? В СССР нет Партии, есть диктатура НКВД и не Ежов является диктатором, он только подставное лицо; все дело делает Каганович. Сталин давно потерял свое коммунистическое лицо и теперь представляет из себя фашистского диктатора и стоит на одной доске с Гитлером. Нам сейчас нужно объединиться для совместной борьбы против нынешних руководителей и с оружием уничтожить их. Народ сейчас представляет из себя пороховой по-

---

¹⁸⁰ Тепляков А. Г. Указ. соч. С. 183–188.

греб, достаточно спички, чтобы поднять его и уничтожить верхушку. Народ ждет сигнала».

К стилистике агентурных донесений близки и инициативные доносы, изредка встречающиеся в АСД. Хотя они сами по себе являются интересным историческим источником, на который в последнее время обращают внимание западные исследователи¹⁸¹, их место в технологии массовых репрессий, если опираться на материалы немецких АСД, более чем скромное. Доносы, скорее, мешали органам госбезопасности, ибо в отличие от вычерпывания картотек и выбивания признаний не поддавались планированию, олицетворяли собой инициативу снизу и стихийность, которые не поощрялись в условиях культа плановости. Следует согласиться с тем, что «характер сталинского террора, его сугубая централизация и проведение на основе заранее определенных “контрольных цифр” оставляли немного места для активности “добровольных помощников” НКВД»¹⁸².

И все же не стоит сбрасывать со счетов данный исторический источник при всей его специфичности — «любой донос обычно содержал в себе не только злые наветы, но и какие-то правдивые фактические сведения»¹⁸³, хотя их верификация возможна лишь при предоставлении слова самому обвиняемому. Доносы, равно как и негативные показания свидетелей, являются важным источником при изучении ментальности советского общества второй половины 30-х гг. В них находит свое отражение традиционная ксенофобия, зависть к немцам — выскочкам и надменным «культуртрегерам». Последние в своих спорах отстаивали техническое превосходство Германии, обвиняли своих русских товарищей, что те не умеют обращаться с техникой, не содержат в порядке свое рабочее место и т. д. «Был бы я бригадир, — заявил работник Первого часового завода Фриц Фрейман своему будущему обвинителю, — заставил бы тебя хорошо работать». Традиционным упреком в адрес немцев было то, что они «проталкивают своих», устраивая соотечественников на выгодные должности. Согласно показаниям одной из свидетельниц, заведующий отделом ДЦЦ Альфред Федин предлагал набирать в га-

---

¹⁸¹ Нерар Ф. К. Пять процентов правды. Разоблачение и доношительство в сталинском СССР 1928–1941. М., 2011; Фитцпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. Часть 6. Доносы; Figes O. Die Fluesterer. Leben in Stalins Russland. Berlin, 2008; Erren L. Op. cit.

¹⁸² Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 337.

¹⁸³ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 115.

зету не советских людей, а немцев, утверждая, что последние лучше знают немецкий язык¹⁸⁴.

Признаки «культурности», которыми так гордились советские люди, в глазах их немецких соседей превращались в собственную противоположность. Раздражение вызывал мусор у станка, не убранный после рабочей смены, грязь в местах общего пользования коммунальных квартир, запущенный вид даже центральных улиц в подмосковных городах. Весь этот негатив подводился к общему знаменателю «бескультурных русских».

Напротив, сами эмигранты, оказавшись вдали от родины, испытывали подъем национальных чувств, и здесь непросто было отделить «германское» от «фашистского». Их новая идентичность оказывалась в гораздо большей степени немецкой, нежели прежняя. Нередко это являлось ответной реакцией на агрессивное поведение «местных», без особого пиетета относившихся к «пришлым». Даже стихи поэта-коммуниста Иоганнеса Р. Бехера, жившего в те годы в Москве, «говорят языком неприятия (советских реалий — А. В.)... а провозглашаемая в них вера в великую культурную нацию немцев ставит эти стихи в опасную близость с национализмом и шовинизмом»¹⁸⁵.

Стену ксенофобии и отчуждения, укрепившуюся в годы Первой мировой войны, не смогло сломать интернационалистское воспитание советской эпохи. Иногда доносчику казалось достаточным указать на «инаковость» своих соседей или коллег по работе: «В 1936–1937 гг. на квартире Войда разговаривали только по-немецки». Интересно, на каком же языке должны были разговаривать между собой Карл Войда и его жена, приехавшие в СССР только в 1932 г.? Но не менее интересно и то, что данная фраза полностью перекочевала в обвинительное заключение.

Было бы неверным выводить практику доноительства только из атмосферы шпиономании, сложившейся в советском обществе в 30-е гг., равно как и приписывать ей характер традиционной русской болезни. Классовая бдительность, готовность ради идеалов движения отречься от своих близких являлись обязательными составляющими образа настоящего коммуниста, а этот образ сложился еще в первые годы революции. Вот заявление, поступившее от группы немецких коммунистов в ВЧК по поводу одного из своих соотечественников, недовольного условиями работы и быта в России и собравшегося вернуться на родину: «Просим срочно принять какие-то меры, ибо

---

¹⁸⁴ Сам Федин прибыл в Москву из Австрии (ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. П-50248).

¹⁸⁵ Хартманн А. Указ. соч. С. 326.

если он действительно шпион, то ведь каковы последствия будут, если он уедет в Германию, зная в Москве всех т. н. коммунистов»¹⁸⁶. Здесь удивляет не столько содержание доноса, сколько его дата — начало 1921 г.

Нельзя не согласиться с авторами исследований по истории доносов в том, что значительная часть из них вырастала на почве бытовых неурядиц и неприязненных личных отношений. В деле Вильгельма Франкенберга донос завершался требованием выселить немецкого инженера из дома Центрального института авиационного машиностроения, где тот работал в 1933 г. На Маргариту Киш донес ее бывший муж, венгр по национальности. Его вызвали в Сокольнический райотдел НКВД для более подробных показаний, а потом на их основе сконструировали обвинения против Маргариты. Их совместная дочь досталась отцу, не исключено, что именно она и была главным предметом спора бывших супругов.

Вряд ли возможно подсчитать, сколько среди доносчиков было людей корыстных, сколько — идеалистов, а сколько — просто ревностных исполнителей очередной генеральной линии. Однако несомненно, что большинство из них реагировало на тон центральной партийной прессы, черпало оттуда аргументы, которые затем выдавались за свои собственные. Сосед Георга Мюнца в своем доносе, датированном 31 июля 1937 г., вначале объяснял, что побудило его взяться за перо: «С момента опубликования в партийной прессе приемов и методов вредительства и шпионажа, естественно, я начал присматриваться и к своему соседу по квартире»¹⁸⁷. Далее следовали результаты наблюдений, очень похожие на дневник юного натуралиста:

1. До показательного процесса Мюнц получал из-за границы большое количество корреспонденции, после опубликования приговора «врагам народа» этот процесс иссяк.

2. По ночам Мюнц и его жена постоянно печатают на пишущей машинке.

3. Жена Мюнца назвала Гитлера симпатичным человеком.

4. В последнее время оба стали уклоняться от разговоров, ведут себя скрытно.

---

¹⁸⁶ Жертва доноса, Отто-Эрнст Горн, похоже, был явным авантюристом, рассказывая по приезде в Москву в 1920 г., что ему удалось не пропустить через находившийся под его контролем город контрреволюционные войска, двигавшиеся на подавление «спартаковского восстания» в Берлине. После месячного следствия Горн был освобожден. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. II-50694.

¹⁸⁷ Имеется в виду статья «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок», появившаяся в «Правде» 4 мая 1937 г.

5. К ним постоянно приходят в гости иностранцы, и они тихо разговаривают.

В случае Георга Мюнца мы имеем дело с исключением — этот донос сразу был направлен в НКВД и сделал свое дело. Так же поступил и парторг Первого часового завода, переадресовавший в Таганское районное отделение УНКВД МО заявления о том, что немецкие рабочие собираются после смены в уборной¹⁸⁸. Однако подавляющее большинство «сигналов», в том числе и попавших впоследствии в АСД, приходило в парторганизацию завода или учреждения, где работал человек. Как правило, сами по себе они не становились причиной ареста, однако запускали механизм проверки, дополняли разного рода оперативные картотеки. Наличие доносов в следственном деле отягощало участь обвиняемого, придавало правдоподобность сфальсифицированным преступлениям.

Несравненно чаще, нежели доносы, в АСД встречаются негативные характеристики с места работы, которые писались по запросу из органов НКВД, а потому носили явно обвинительный характер: пассивен в общественной жизни, не является стахановцем, «за 17 лет не выучил русский язык» (Павел Гендлер). «Никогда не был доволен своей работой, всегда говорил, что в Германии его ценили лучше, чем в Советском Союзе» (Фриц Фрейман). К этой категории примыкают справки об авариях, браке в работе, подготовленные секретными отделами предприятий, руководители которых зачастую работали в местных органах НКВД¹⁸⁹. Такого рода материалы, как справедливо отмечает С. В. Журавлев, «трудно отличить от банальных доносов»¹⁹⁰.

Но в жизни не бывает правил без исключений, донос иногда оказывался спасательным кругом. Арестованный эмигрант Пауль Давид после избиений признал, что был завербован в шпионы своим другом юности Фридрихом Манке. При проверке дела на этапе следствия оказалось, что Давид еще в 1935 г. отправил в НКВД заявление о подозрительном поведении своего «вербовщика», которому тогда не был дан ход. В результате предусмотрительного доносчика после года пребывания в следственной тюрьме пришлось освободить.

Уникальным случаем можно назвать донос на самого себя, сохранившийся в АСД Фрица Гильдебрандта, работавшего наладчиком на московском станкозаводе им. Орджоникидзе. При обыске было най-

---

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. П-50 209.

¹⁸⁹ Например, Ляпунов, начальник секретной части Щуровского цементного завода, одновременно являлся сотрудником Коломенского райотдела УНКВД МО — ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-29294.

¹⁹⁰ Журавлев С. В. Современные методы... С. 136.

дено написанное его рукой заявление, в котором Гильдебрантд указывал на себя как на скрытого фашиста. На допросе арестованный дал такое объяснение, укладывавшееся в рамки навязанного ему сценария — будучи германским шпионом, я не мог добровольно уехать из страны, «поэтому я написал в НКВД анонимное письмо, чтобы меня выслали из СССР, следовательно, я бы прекратил свою шпионскую деятельность не по своей воле». Расчет оказался точным, но лишь наполовину — немца приговорили к высылке из Советского Союза, но до исполнения приговора он не дожил, скончавшись в тюрьме.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СКОРБНЫЙ ПУТЬ

Глава 6 ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

1. Отбор жертв

Национальность не являлась единственным критерием для отбора жертв немецкой операции, здесь, как справедливо отмечают А. Рогинский и Н. Охотин, срабатывало «сочетание этнического и институционального факторов»¹⁹¹. На первом месте оказывались те люди, которые долгое время проживали и работали в Германии, имели в этой стране родственников или знакомых, с которыми продолжали поддерживать связь. Для их выявления решающую роль играли место рождения, анкетные данные о предыдущих местах работы и адреса родственников, звучащая по-иностранному фамилия, наконец.

На первом этапе репрессий реализовывались «учеты», т. е. карточки, содержавшие данные о регистрации иностранцев, их переходе в советское гражданство, контактах с границей, различных правонарушениях. «Учеты» формировались на основе сообщений различных ведомств, занимавшихся эмигрантами, агентурной информации, результатов перлюстрации почты и т. д. Накопление «компромата» рассматривалось руководителями НКВД как подготовка к масштабным операциям, до которых чекистские руки дошли только к 1937 г. Выступая перед руководящими работниками НКВД Украины 17 февраля 1938 г., Ежов считал такой подход уже недостаточным. «Надо иметь в виду, — подчеркивал нарком, — что учет для нас не мертвое дело, вот взяли на учет на всякий случай и держите на учете, а придет время, нам скажут репрессировать эсеров и поляков, или немцев, так вот мы возьмем отрубим им голову и всё»¹⁹². Очевидно, что отмеченная Ежовым функция «чекистских учетов» как «дамоклова меча»

---

¹⁹¹ Наказанный народ. С. 58.

¹⁹² Цит. по: Петров Н. В., Янсен М., Указ. соч. С. 342.

с максимальной интенсивностью реализовывалась как раз в дни его пребывания в Киеве.

Уже в ходе национальных операций стал очевиден дефицит лиц, которых можно было бы отнести к «группе риска». Речь шла уже не о сочетании факторов, а о соответствии жертвы хотя бы одному из них. Завербованными шпионами оказывались и лица немецкого происхождения, никогда не бывавшие в Германии, и этнические русские, проживавшие в этой стране некоторое время (в этой категории доминировали бывшие военнопленные, прошедшие через германские лагеря). Круг репрессированных расширялся за счет их знакомых и сослуживцев, опасной становилась даже такая мирная профессия, как преподавание немецкого языка.

В серии статей «Комсомольской правды», которые должны были научить молодежь бдительности по отношению к агентам иностранных разведок, рассказывалось о благообразном старике, который вел курсы немецкого языка на одном из оборонных предприятий. В ходе занятий тот выпытывал у своих учеников информацию о том, кем являются их родители, «что мы дали в этом году», «как мы боремся за качество» и т. п. Статья заканчивалась плакатной моралью: «...Искренне были удивлены работники завода, узнав, что столь уважаемый ими безобидный старичок-преподаватель оказался опытным шпионом, заклятым врагом советского государства, а они стали невольными пособниками шпионажа»¹⁹³.

К весне 1938 г. шпиомания, раздувавшаяся прессой и партийными организациями, достигла максимально возможных пределов. Еженедельник «Журналь де Моску» писал о том, что каждый гражданин Германии, проживающий за рубежом, завербован в качестве агента гестапо. Русским женам репрессированных, пытавшимся выяснить судьбу своих мужей, заявляли: «Вы должны были знать, что все немцы в СССР являются шпионами»¹⁹⁴. Подобная атмосфера накладывала свой отпечаток на деятельность сотрудников госбезопасности, в подавляющем большинстве членов ВКП(б), избавляя их от сомнений в правильности проводимых операций.

Особенностью системы советской юстиции было «сращивание оперативной и следственной работы»¹⁹⁵. Одни и те же работники НКВД, приписанные к Управлениям государственной безопасности в

---

¹⁹³ Зильвер А. Из записок следователя // Комсомольская правда. 3 сентября 1937 г.

¹⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 101. Л. 6.

¹⁹⁵ Кудрявцев В., Трусов А. Указ. соч. С. 255.

центре и на местах, занимались агентурно-розыскной деятельностью, оформляли аресты и проводили следственные мероприятия. В своих действиях они ориентировались не на нормы права, а на волю непосредственного начальства, которое, в свою очередь, было ознакомлено с секретными директивами и устными указаниями наркома Ежова и его заместителей. Об этом неоднократно говорили при допросах те «стрелочники», которые были привлечены к судебной ответственности за произвол «большого террора».

На каждую жертву составлялась справка на арест, которая, как правило, и является первым документом в архивно-следственных делах. Справки на арест (за исключением периода «большого террора») носили характер докладных записок, где в развернутом виде реконструировались «контрреволюционные связи» того или иного человека. Следует согласиться с оценкой С. В. Журавлева, назвавшего справку одним из ключевых документов АСД, ибо из нее «историк получает представление о том, каким именно компроматом располагало следствие накануне ареста» того или иного человека¹⁹⁶.

В горячке массовых репрессий справки на арест заполнялись формально и писались трафаретно, потеряв свое содержательное значение для исследователя. После напечатанной в бланке документа фразы «приняв во внимание, что гражданин... достаточно изобличается в том, что...» следует всего несколько слов, типа «совершил подозрительные по шпионажу деяния», «вращается в кругу антисоветски настроенных лиц». Как правило, в справке отмечалось, по какому пункту 58-й статьи будет предъявлено обвинение, но бывали и исключения. Иногда из данного документа просто невозможно понять, в чем же виноват тот или иной человек: «Находясь в Германии, сидел долгое время в полиции, а затем в концентрационных лагерях, освобожден и приехал в СССР при подозрительных обстоятельствах, а также подозрительно то, что Шанцер является членом КП Германии»¹⁹⁷.

Справки на арест пестрят подобными перлами бюрократического «новояза», оперативным работникам приходилось буквально на ходу сочинять инкриминируемые немцам контрреволюционные деяния. Там, где они пытались выйти за рамки стандартных формул, получались образчики черного юмора: «Имеет близких знакомых по национальности немцев, с которыми имеет тесную связь путем посещения их квартир». И далее о том же самом человеке — политэмигранте

---

¹⁹⁶ Журавлев С. В. Современные методы... С. 130.

¹⁹⁷ В полицейско-президиуме Берлина Арон Шанцер, работавший до ареста в феврале 1938 г. простым шофером, провел всего неделю.

Гансе Шисселе, который на протяжении года с риском для жизни переправлял литературу КПГ из Чехословакии в Германию (в России Шиссель обслуживал кинопередвижку в одном из подмосковных районов), сообщалось: «Работая шофером Москино “Вулкан” во время выборов в Верховный Совет на почве неуплаты ему денег имел цель уйти с работы, тем самым мог сорвать культурно-массовое обслуживание рабочих и колхозников района в предвыборную кампанию». В этих строках — отражение не только уровня образования сотрудников НКВД районного звена, но и реальных производственно-бытовых конфликтов, имевших место в подмосковной глубинке.

Начальство поощряло оформление групповых дел, что позволяло рапортовать о ликвидации целых шпионских сетей и одновременно выполнять количественные показатели. Сети формировались преимущественно по производственному принципу, который доминировал в повседневной жизни СССР. На втором месте оказывались люди, совместно проживавшие, например, в столичных гостиницах, предоставленных в распоряжение политэмигрантов. Нередко в одну группу объединялись лица, знавшие друг друга еще в Германии. Так появилась, например, «боевая террористическая группа троцкистов, состоящая, в большинстве своем, из бывших советских студентов и работников советских организаций в Берлине, прибывших в СССР из Германии в разные сроки»¹⁹⁸.

На практике вышеназванные критерии формирования шпионских сетей пересекались, о чем свидетельствует самое большое из следственных дел, находящихся на хранении в ГАРФ — дело, получившее в научной литературе название «антикоминтерновского блока»¹⁹⁹. В январе 1939 г. в него были сведены 17 одиночных следственных дел, разработкой которых первоначально занимались два районных отделения и два подразделения контрразведывательного отдела УГБ НКВД МО. По предположению немецкого историка Рейнхарда Мюллера, эти люди содержались в тюрьмах как «резерв» на случай, если сверху поступит указание о подготовке очередного показательного процесса, на сей раз — против руководителей Исполкома Коминтерна. Все обвиняемые были крупными функционерами компартии Германии и политэмигрантами, прибывшими в СССР по

---

¹⁹⁸ В эту группу попали среди прочих два историка: Моисей Лурье (Эмель) и Иосиф Фридлянд, работавший деканом исторического факультета МГУ (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75119).

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. П-22 720. Т.1-10; Mueller R. Der Fall des “Antikomintern-Blocks” — ein vierter Moskauer Schauprozess? // Jahrbuch fuer historische Kommunismusforschung. Berlin, 2006.

подложным документам. По тем или иным причинам никто из них не перешел в советское гражданство. Почти все они являлись штатными сотрудниками аппарата Коминтерна или его побочных организаций, проживали в гостинице «Люкс» или Доме политэмигрантов на улице Обуха.

Однако до «антикоминтерновского процесса» дела так и не дошло — в 1938 г. Сталин посчитал воспитательно-устрашающую функцию показательного правосудия выполненной. Немецкие коммунисты продолжали сидеть в тюрьме и после окончания «ежовщины», хотя все они отказались от своих признательных показаний, данных на первом этапе следствия. Из группового дела на протяжении 1939–1940 гг. постоянно «отщипывали» отдельных обвиняемых, которые либо не вписывались в заготовленный сценарий контрреволюционной организации в Коминтерне и КПГ, либо, как Вальтер Диттбендер, были готовы признать любые обвинения и могли развалить дело в случае прокурорской проверки (его подельники утверждали, что в процессе следствия Диттбендер сошел с ума). Валентин Гане и Ганс Блох были высланы из СССР в начале 1940 г., Пауль Шербер-Швенк и Генрих Стаффорд — освобождены в январе следующего года.

В конечном счете по делу об «антикоминтерновском блоке» весной 1941 г. было осуждено 6 обвиняемых, один умер в тюрьме (Ганс Боден) и двое были освобождены (Ганс Шарш-Каслер и Георг Штрецель-Франке). Хотя данное дело фактически развалилось, оно наглядно показывает тот формально-бюрократический подход, по которому фабриковались группы заговорщиков и контрреволюционные организации в период большого террора.

Достаточно экзотическим был принцип формирования одной из самых массовых «шпионско-террористических сетей», в которую включили более 70 человек²⁰⁰. Речь шла о мифической организации «гитлерюгенд», в которую сотрудники Четвертого отдела УНКВД МО записывали буквально всех молодых немцев, проживавших в столице и Подмоскowie и попавших в их поле зрения. «Развороту» этой фальсификации, если пользоваться служебным жаргоном, помогла подсказка из центрального аппарата НКВД.

В разгар арестов, в марте 1938 г., оттуда пришла служебная записка о том, что один из его подследственных, Генрих Шпан, признался, что был переброшен в СССР со следующими задачами:

---

²⁰⁰ Vorwurf: Mitglied einer Hitlerjugend // Neues Deutschland, 28. August 1995; Дель О., Мусиенко Н. С. «Гитлерюгенд» и другие фальсификации НКВД // Бутовский полигон. Вып. 3. М., 1999. С. 33–38.

«1. создавать ячейки германской фашистской партии и юношеской фашистской организации “Гитлер-Югенд”, вовлекая в них немцев, живущих в СССР;

2. подготовить и осуществить в момент начала войны Германии с СССР террористические акты против руководителей партии и правительства;

3. вербовать новые кадры агентов для разведывательной работы на пользу Германии и для диверсионной работы, вербуя их преимущественно из среды немецкой молодежи»²⁰¹.

Своеобразным продолжением группового подхода в практике репрессий являлись аресты близких родственников. Список родственных групп, приведенный в приложении, содержит 267 имен, 213 из них — жертвы репрессий, проводившихся Московским управлением НКВД. В этом списке — родители и дети, мужья и жены, братья и сестры. «Желание набрать как можно больше “врагов народа” приводило к аресту целых семей вплоть до третьего поколения»²⁰². Это диктовалось все тем же желанием достичь максимального результата при минимальных затратах труда (по отношению к членам одной семьи обвинительные заключения писались как под копирку), но иногда являлось следствием спонтанного решения. Вот что показывал один из следователей, участвовавших в фальсификации дела все того же «гитлерюгенда»:

«Для проведения операций по аресту немецкой молодежи к 7-му отделению была прикреплена группа работников милиции. В один из вечеров один из работников милиции, который был направлен с ордером на арест одного из молодых немцев, позвонил Смирнову (начальник отделения. — А. В.) по телефону и сообщил, что этого немца дома нет, он находился в ночной смене на заводе, на каком именно заводе он не знал. На вопрос Смирнова, от кого он узнал об этом, милиционер ответил, что об этом ему сообщил брат арестованного.

Поинтересовавшись, сколько лет этому брату, Смирнов предложил милиционеру на всякий случай арестовать и доставить в управление этого брата, оставив в засаде другого милиционера, которому произвести арест того немца, на которого он получил ордер на арест. Так и было сделано. Помню, что вскоре милиционер привел в управление молодого, лет 18-ти испуганного мальчишку, который вскоре «дал» продиктованные Смирновым показания о том, что он является участником контрреволюционной организации «Гитлер Югенд» и

---

²⁰¹ Документ находится в АСД одного из членов организации «гитлерюгенд» Эриха Неймана.

²⁰² Ченцов В. В. Указ соч. С. 123.

что завербован он был в эту организацию его родным братом... Самым же возмутительным в этом факте было то, что когда доставили старшего брата в управление, ему устроили очную ставку (по-моему, без протокольной записи) с его младшим братом, избличавшим его в том, что он был им завербован в вышеназванную организацию «Гитлер Югенд». После этой очной ставки старший брат арестованного был Смирновым избит, а затем подтвердил показания младшего брата, дополнительно дав показания на ряд других лиц из немецкой молодежи»²⁰³.

Этот случай получил огласку в среде немецких эмигрантов и дошел до представительства КПП при ИККИ. Речь шла о братьях Хорсте и Вальтере Рейтерах, арестованных 21 февраля 1938 г. и расстрелянных на Бутовском полигоне 28 мая (их отец был арестован позже и получил 8 лет лагерей). Очевидно, что при таком размахе репрессий органы госбезопасности уже не обращали особого внимания на секретность при проведении арестов. Хотя информация представительства КПП была передана в отдел кадров ИККИ, она никак не сказалась на судьбе трех представителей семьи Рейтер²⁰⁴.

2. Арест

«В пять утра первого дня 1938 г. в дверь постучались. — Кто там? — Горничная. Откройте. Срочная телеграмма. — Я чуть приоткрыла дверь, ее кто-то резко распахнул снаружи. В комнату вошли двое в форме. Заперли дверь... Один схватил мою сумочку, второй велел быстро одеваться. Я сказала, что не могу одеваться при них, но выйти они отказались. Молча смотрели, как я одеваюсь. Вот, значит, какие, они, чекисты, и вот как происходит арест! Через две минуты мы спустились по лестнице и сели в грязный старый «форд». Все произошло так быстро, я и опомниться не успела. Лишь когда машина тронулась, я с ужасом поняла, что настал и мой черед»²⁰⁵.

Так жена одного из лидеров Коминтерна, финна Отто Куусинена описывала свой арест в гостинице «Люкс». Этот сюжет является самым ярким по эмоциональной окраске практически во всех вос-

---

²⁰³ Показания оперативного сотрудника 7-го отделения Четвертого отдела УНКВД МО в 1937–1938 гг. Р. М.Трайбмана, данные 3 января 1957 г. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-64868.

²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 101. Л. 10–11.

²⁰⁵ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания 1919–1965. Петрозаводск, 1991. С. 119–120.

поминаниях жертв политических репрессий, и здесь документы АСД могут мало что добавить. В каждом деле имеется ордер, который предъявлялся арестованному, на обороте человек должен был расписаться и поставить дату. Кто-то отказывался от подписи, кто-то не в состоянии был это сделать от волнения, кто-то добавлял «читал», «ознакомлен», «ордер предъявлен». Номер этого документа настолько глубоко врезался в память арестованных, что и через много лет в заявлениях из ГУЛАГа они его безошибочно называли.

Профессор права Феликс Галле вывел дрожащей рукой: «Мне предъявлен ордер за номером 17 856. Без переводчика я могу только предположить, что он означает, но не в состоянии понять его с окончательной точностью». Человек, на протяжении двух десятилетий занимавшийся спасением коммунистов от германского суда, сам оказался в роли обвиняемого. Галле еще раз схватился за карандаш, дописав на обороте ордера: «В этот самый тяжелый для меня момент моей жизни я не в состоянии понять, что происходит, ведь я всегда верно работал на благо партии и Советского Союза».

Достаточно часто адрес, указанный в ордере, не совпадает с местом реального проживания человека. Эмигранты, уволенные с работы, лишались служебного жилья, ночевали у знакомых, снимали подмосковные дачи, однако их и там настигала неотвратимая судьба. Среди задержанных на улице лидируют немцы, посетившие посольство Германии, но не располагавшие национальным паспортом. Школьный учитель Мартин Финкевиц, не получивший в Алма-Ате продления ВНЖ, приехал в Москву оформлять документы, чтобы выехать в Германию. Его задержали, а затем отправили в НКВД. Прибывший вместе с ним из Казахстана четырехлетний сын был передан соседу, а впоследствии сдан в детприемник²⁰⁶.

15 февраля 1938 г. на выходе из посольства был задержан уже упоминавшийся Эдуард Штилов, который приходил туда неоднократно, требуя выдачи нового паспорта. Берта Фейергерд была арестована уже дома в Подмосковье по возвращении из посольства. Гертруда Фрук 11 марта 1938 г. прибыла из города Орехово-Зуево в посольство с просьбой помочь выехать к высланному по решению ОСО мужу. Она получила отказ, так как успела перейти в советское гражданство, и на выходе из здания посольства была арестована. Ее отправили в райотдел НКВД по месту проживания, после недолгого следствия Гертруда получила пять лет лагерей.

---

²⁰⁶ Из документов дела неясно, было ли выполнено это решение или сына отправили обратно в Алма-Ату. После решения о высылке Финкевиц просил о последнем свидании с семьей, но безуспешно.

«В 1937–1938 гг. об арестах граждан сотрудниками НКВД у входа в иностранное посольство было хорошо известно работавшим в Москве иностранным дипломатам»²⁰⁷. Это касалось не только германского посольства, но и посольств «дружественных» государств. Слесарь автозавода имени Сталина Эрих Зевтц был арестован 9 сентября 1937 г. при выходе из посольства Испании, куда собирался поехать после того, как он, гражданин Германии, получил предписание покинуть СССР в десятидневный срок.

Ни один и ни два человека из нашего списка были арестованы на улице просто за то, что прогуливались возле правительственных зданий в центре Москвы. Сотрудники Первого отдела ГУГБ НКВД СССР, отвечавшего за безопасность первых лиц государства, передавали задержанных, если выяснялось, что они немцы, коллегам из областного управления. Отто Гиршман несколько дней подряд прогуливался у Дома Союзов на Моховой, так как принимающая сторона не подготовила вовремя выездных документов. Курт Лоцкат дождался жены в скверике напротив здания ЦК ВКП(б) на Старой площади. Бруно Альбрехт и Джонни Де-Граф на свою беду оказались на пути следования Сталина на его ближнюю дачу в Кунцево — на Большой Дорогомиловской улице, обозначенной в их делах как «зона особого значения». Они якобы считали проезжавшие мимо машины и записывали их номера. Карл Пезе был задержан охраной железнодорожного моста через речку Пахра у города Подольска.

Еще одним местом ареста, которое неоднократно всплывает в архивно-следственных делах, является «комендатура дома № 14» по улице Дзержинского. Там же проходила передача подследственных от Главного управления госбезопасности Московскому управлению, в случае с врачом Лотаром Вольфом оформленная как новый арест спустя три месяца после первого. Арестовывали и в комендатуре дома № 9 на Малой Лубянке, где помещалось Московское управление НКВД. Людей вызывали туда повесткой, либо в качестве свидетелей, либо вообще не сообщая о причине вызова. Те, у кого были репрессированы родственники и кто писал письма во все инстанции, приходили без вещей в надежде получить информацию о своих близких, и прямо на входе в здание начинался их путь на Голгофу.

Случались аресты и на рабочем месте, того или иного человека вызывали в отдел кадров, там его уже ждали оперативные сотрудники или милиционеры. Фрида Геверт была задержана на территории швейной фабрики им. Семашко, куда она пошла устраиваться на работу. Люци Бауэр, закончившая курсы Коммунистического интерна-

---

²⁰⁷ Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история». С. 202.

ционала молодежи, была арестована в Крыму на отдыхе, ровно месяц продолжалось ее этапирование в Москву.

В марте 1938 г. штатных сотрудников НКВД не хватало, аресты на дому у немцев проводили даже курсанты Первой школы милиции (Эмилия Штельцер, Отто Никитенко). Рольф Габелин был арестован в Люберцах «по телефонному распоряжению помощника оперуполномоченного 3 отдела УНКВД МО», райотделом был выписан ордер на арест, проведен обыск, и вместе с изъятыми документами и валютой немец был направлен в Москву. Самое оригинальное место ареста оказалось у «интуриста» Ганса Лакса, который решил найти свое счастье, пройдясь пешком по России, и был задержан прямо у ворот Дмитлага.

Сопротивление при аресте фиксировалось крайне редко. Когда Альфонса Гута силой попытались поднять с постели, «он начал громко ругаться и размахивать кулаками, говоря: “Я вас не признаю и не боюсь, вы идете против рабочих, вы много таких как я убили, я теперь меня убьете, но я ничего не боюсь”». Когда пришли за Гертой Дирр, муж которой был арестован ранее, она подняла из кровати ребенка и громко задала ему вопрос: «Скажи, кого ты больше любишь, фашистов или коммунистов». При аресте жены австрийский шуббундовец Фердинанд Флухер заявил: «Представители НКВД, делая обыск, перерыли все так же, как это делают фашисты, с той лишь разницей, что фашисты при этом бьют»²⁰⁸.

В отличие от коренных жителей Советского Союза политэмигранты из Германии не имели возможности скрыться от органов НКВД. Их вера в то, что карающая десница обойдет их стороной, подкреплялась дотошным следованием всем бюрократическим процедурам, которые предписывали советские законы и административные акты. При этом они пытались найти рациональные причины террора в собственных проступках. Сотрудник редакционного отдела ИККИ Пауль Шербер-Швенк забил тревогу на следующий день после того, как в ночь на 21 марта его попытались арестовать — вид на жительство известного деятеля КПГ истек как раз накануне. Однако он был болен гриппом, и милиционеры его оставили в покое. «Ты можешь себе представить, — писал он сотруднику отдела кадров Мюллеру, — как ужасно, как раз в теперешнее время быть под угрозой ареста»²⁰⁹.

На квартиру к Шерберу-Швенку направили секретаря представительства КПГ Вальтера Диттбенера, который без труда установил

---

²⁰⁸ Флухер был арестован 23 октября 1938 г. и получил 4 года лагерей, но впоследствии был выслан в Германию (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 30124).

²⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 6249. Л. 46.

следующее: немца хотела арестовать не милиция, а органы госбезопасности, и вопрос о виде на жительство вообще не играл при этом никакой роли. Зато свою роль сыграла жестокая простуда, которая свалила Шербера в постель — пришедшие куда-то позвонили, после чего отправились восвояси. У немца не возникло и мысли, что речь идет о чем-то более серьезном, чем административные нарушения. Сложно объяснить «гуманизм» лиц, принявших решение временно отложить арест. Очевидно, они были уверены в том, что Шербер-Швенк никуда не денется из служебной квартиры, и дали ему возможность «доболезть». Сразу после выздоровления, 29 марта 1938 г., он был арестован.

В нескольких случаях немцы рангом попроще пытались убежать от судьбы, покидая Москву и Подмоскovie, скитаясь по бескрайним просторам России. После ареста отца и брата Герман Борош отправился из Коломны к матери в Мелитополь, но через пару недель его обнаружили и этапировали в Москву. В первый раз Вилли Соколова арестовали вместе с отцом, бывшим русским военнопленным в Германии, но отпустили из райотдела НКВД как несовершеннолетнего. Вилли пустился в бега, но был задержан на железнодорожной станции за бродяжничество. Он объяснил, что шел пешком из республики Немцев Поволжья в Москву, так как денег на билет не имел. В ходе допроса у него получился выразительный диалог со следователем, который играл с подростком, как кошка с мышью. Соколов так ответил на вопрос, почему попытался скрыться: «...я видел, что арестовывают всех иностранцев, поэтому считал, что и меня арестуют».

Вопрос: Вы в этом ответе клевете на органы следствия советской власти о якобы беспричинном аресте лиц из иностранцев, в этом виновным себя признаете?

Ответ: Да, я оклеветал и виновным себя в этом признаю, действительно, беспричинных арестов быть не может, высказал я это по ошибке».

3. Обыск

Протокол ареста и обыска заполнялся от руки карандашом, копия оставалась на руках у родственников арестованного. В этом документе был отмечен номер ордера на арест, указывались изъятые документы арестованного и собранные вещественные доказательства. В число последних попадала «переписка на иностранном языке», запрещенные книги, чертежи, фотографии (одна из них опубликована на обложке). Позже в протоколе следователь отмечал, что сдавалось

на хранение, а что было «оставлено в отделе», т. е. использовалось в ходе допросов. Хотя в протоколе должны были отмечаться жалобы на процедуру обыска и ареста, в просмотренных АСД ни одной такой жалобы не отмечено. Человек находился в шоке, и лишь позже мог реконструировать обстоятельства своего ареста. Но было уже поздно — на бланке было напечатано, что «все заявления и претензии должны быть внесены в протокол. После подписания протокола никакое заявление и претензии не принимаются».

Протокол ареста и обыска позволяет судить не только об обстоятельствах ареста, но и о жилищных условиях немецких эмигрантов. Зимой 1937–1938 гг. люди жили в дачных поселках ближнего Подмосковья, в летних домиках, которые отапливались «буржуйкой». Комната арестованного печатывалась только в том случае, если он проживал в ней один. Это было нечасто, и оперативные работники отмечали в протоколе, что в комнате остались жена, теща, дети. Одиночки иногда снимали даже не комнату, а угол, как Франц Кауфман. Если комнату печатывали, квартиросдатчики оставались без собственного жилья, и были вынуждены вести длительную переписку с могущественным наркоматом внутренних дел.

Обыск проводился в любом случае, даже если арестованный занимал всего лишь койку в заводском общежитии. Особо в протоколе отмечались изъятые драгоценности (как правило, очень скромные — «очки в золотой оправе»), валюта (иногда фигурировали «иностраные железные монеты»), облигации госзайма, пишущая машинка, оружие, оптические приборы и фотоаппараты. В большинстве АСД имеется специальный акт о том, что «переписка на иностранном языке, как не имеющая отношения к следствию, уничтожена». Таким образом уничтожались не только личные архивы, но и документы исторического значения. При повторном обыске в квартире Гильды Гаушильд были обнаружены среди прочего: папка с бумагами Карла Радека, архив Клары Цеткин, рукопись Ленина 1918 г., несколько десятков писем Розы Люксембург²¹⁰. Нахождение этих документов на сегодняшний день неизвестно.

Среди печатных изданий лица, проводившие обыск, обращали главное внимание на труды оппозиционеров, когда-то легально опубликованные в СССР, а ныне приравненные к контрреволюционной литературе. В нескольких АСД фигурирует «изъятый из обращения учебник Кнорина» — имелась в виду история ВКП(б) на немецком языке, по которой учились студенты коминтерновских школ. Но по-

---

²¹⁰ Письма Розы Люксембург были переданы ей внуком Клары Цеткин — Алексом фон Моссовым, который был выслан из СССР.

сле ареста члена Политсекретариата ИККИ Вильгельма Кнорина все его книги превратились в вещественное доказательство антисоветских настроений их владельцев. Работы оппозиционеров из ВКП(б) упоминались в одном ряду с изымаемыми «книгами Гитлера», которые отмечены в протоколе ареста и обыска лишь единожды²¹¹.

В ряде АСД сохранились в вырезках или целиком иностранные газеты, фигурировавшие в обвинительном заключении как «фашистская пресса», даже если газеты были швейцарские. У Гершеля Рындхорна были изъяты журналы, которые его жена привезла из Германии и отдавала на время своим знакомым. Оказалось, что там были выкройки модных платьев, но на обложке красовались лидеры Третьего рейха. В результате были репрессированы и сам отец, и трое его сыновей. Дочь привезла из Германии Ирине Шуман значок «Немецкого трудового фронта» со свастикой. Это обеспечило матери в 1941 г. пять лет лагерей. У Андрея Беррата, отсидевшего в концлагере более полугода, была обнаружена фотография племянника в форме штурмовика, ставшая в ходе следствия доказательством фашистской агитации.

Следует отметить, что при обысках у немцев работники НКВД находили достаточно много огнестрельного оружия. Арестованные признавались, что кое-что привезли с собой из Германии, особенно те, кто прибыл нелегально на советских пароходах. Оружие — преимущественно пистолеты системы наган — немцы носили с собой для самообороны, продавали, обменивали. Очевидно, это было обычным явлением в России, не так давно пережившей гражданскую войну. У Вильгельма Бетлинга при обыске был обнаружен газовый пистолет, стреляющий «пистонами с начинкой отравляющими веществами», что обеспечило ему смертный приговор. Изымалось и наградное оружие, сохранившиеся у тех немцев, кто попал в плен, а потом сражался в отрядах интернационалистов в Красной Армии.

4. Тюрьма

Арестованных в Москве и ближайшем Подмосковье привозили в Бутырскую или Таганскую тюрьму, женщин — в Новинскую, находящуюся неподалеку от Смоленской площади. В Сокольнической тюрьме на улице Матросская тишина «политические» не содержались, но там давали устную информацию о приговорах, в том числе и

---

²¹¹ Гильда Гаушильд, у которой были найдены эти книги, оправдывалась, что они были необходимы мужу для подготовки антифашистских работ.

печально известные «десять лет без права переписки». Оперативные работники сами ездили в тюрьмы, где содержались их подследственные, есть лишь косвенные указания на то, что некоторых из них для интенсивных допросов переводили во внутреннюю тюрьму «дома № 14» на Лубянке. В ряде городов Московской области — Коломне, Егорьевске — были свои тюрьмы. Там, где их не было, как в городе Кунцево, подследственные содержались в камерах предварительного заключения при райотделах НКВД.

Общим для всех мест была невероятная скученность, выступавшая фактором морального давления на заключенных. Из их заявлений, написанных на этапе следствия и сохранившихся в АСД, мы получаем подтверждение того, что уже знаем по воспоминаниям — люди спали по очереди, летом в камерах была невыносимая жара, а зимой — холод. Всем командовали уголовники, а свежеприбывших обрабатывали «наседки», стараясь выведать у новичков нужную информацию и рекомендуя подписать любые обвинения в свой адрес, чтобы поскорее вырваться в лагерь, где режим, как обещали, должен был быть гораздо мягче.

Подследственным не выдавали одежды, и если человек третий год находился под следствием, его носильные вещи буквально рассыпались в прах. Женщины — Кэти Розенбаум, Гильда Гаушильд, Роберта Гроппер — писали в своих заявлениях, что не могут выйти из камеры на допрос, так как им нечего надеть. Если человека арестовывали летом, а процесс следствия затягивался, с наступлением зимы ему не выдавали теплой одежды. Людей выручала только помощь родных и близких, однако у эмигрантов из Германии зачастую не было никого, кто мог бы позаботиться о них.

Тот из немцев, кто находился под следствием больше года, успевал в достаточной степени овладеть русским языком, чтобы общаться с сокамерниками и вступать в переписку с администрацией тюрьмы. Впоследствии это позволяло выжить в тяжелейших условиях ГУЛАГа. Неожиданные встречи со знакомыми и соратниками по борьбе случались и на этапе следствия, переполненность тюрем не позволяла изолировать немцев друг от друга. Один из участников мифического «антикоминтерновского блока» Вальтер Розе-Розенке на допросе 30 января 1956 г. показывал, что «в Таганской тюрьме я сидел со своими однодельцами, которые также возвращались с допросов избитыми». Отправкой в эту тюрьму пугали, так как там существовали настоящие камеры пыток.

Наряду с другими в камерах формировалось и немецкое «землячество», члены которого по мере сил оказывали друг другу поддержку,

хотя и опасались, что их сосед может быть завербованным «стукачом». Даже в этих условиях люди пытались осмыслить происходящее, делились опытом поведения на допросах, думали о будущем. Член ЦК КПГ в начале 30-х гг. Роберта Гроппер подпортила свою карьеру тем, что примкнула к фракции Гейнца Неймана, бросившей вызов председателю партии Эрнсту Тельману. Уже в московской эмиграции она всячески старалась избегать и Неймана, и его жену Маргарету Бубер-Нейман, отдавая себе отчет в том, чем может обернуться даже простой разговор с ними в коридоре гостиницы «Люкс». Однако двум женщинам было суждено встретиться в тюремной камере, и разговор между ними представляется весьма показательным для настроений немецких коммунистов, оказавшихся жертвами репрессий. Бубер-Нейман писала в своих воспоминаниях: «Ее лицо было бледно-серым от тюремной жизни, с темными кругами под глазами, и она ломала себе голову над одним и тем же вопросом: “Почему же это произошло? Чем же я провинилась?” Однажды она спросила меня: “Будешь ли ты рассказывать иностранным рабочим, если мы окажемся за границей, обо всем том, что мы увидели и пережили в Советском Союзе?” Когда я ответила, что это моя обязанность после того, что мы, пусть и не осознанно, являлись пособниками ГПУ, она воскликнула дрожащим голосом: “Ради бога, не делай этого! Ты не имеешь права лишать рабочих их иллюзий, их последней надежды!”»²¹²

Арест и помещение в тюрьму означали для человека переход в совершенно новое состояние. Все, что было когда-то близким, естественным и доступным, осталось где-то очень далеко. Чтобы выстоять, требовалось собрать в кулак все духовные и физические силы. Можно лишь удивляться пронизательности следующих слов юриста Феликса Галле, написанных в начале 20-х гг. и обращенных к немецким пролетариям: для арестованного «начинается время самых важных испытаний в его жизни, особенно если речь идет о самых тяжелых обвинениях и при этом он впервые оказался в заключении... Даже если он заранее готовил себя к мысли о возможном аресте, различие между априорными представлениями и реальным состоянием человека, приведенного в полицейский участок или в тюрьму, проявится достаточно быстро»²¹³.

²¹² Buber-Neumann M. Op. cit. S. 166–167.

²¹³ Halle F. Wie verteidigt sich der Proletarier in politischen Strafsachen vor Polizei, Staatsanwaltschaft und Gericht? Berlin, 1924. S. 9.

Допрос обвиняемого в условиях «сталинского правосудия» выступал одновременно и как ключевой инструмент следствия, и как кульминация человеческой трагедии. Именно в кабинетах оперативных работников НКВД лицом к лицу сталкивались человек и система, причем физическое и психическое ничтожество первого должно было склонить голову перед бюрократическим совершенством второй.

Среди исследователей можно отметить два полярных подхода к оценке допроса как исторического источника. С точки зрения одних, «протокол допроса существует лишь как фальшивка, призванная психически подавить и обезоружить жертву. Составлению протоколов, как правило, предшествовали предварительные заготовки, написание сценария будущих допросов. В совершенстве была отработана методика совместного создания антибиографии жертвы, в которую она должна уверовать как в подлинную»²¹⁴.

Согласно такому подходу, допрос не содержит ни крупицы правды, он является иезуитской «легитимацией лжи», запутывающей следы и уводящей в сторону от реальной канвы событий. Оппоненты считают, что материалы следствия, в том числе и протоколы допросов, требуют для своей оценки специального источниковедческого инструментария. Однако они сохраняют значение исторического источника в условиях, когда «нечто лучше, чем ничего». В условиях нашей исследовательской задачи, когда биографии большинства из нескольких сотен немецких эмигрантов неизвестны нам из других источников, отказ от использования протоколов допросов стал бы непозволительной роскошью.

Исходным моментом анализа этих материалов является все тот же принцип «экономии сил», следование которому и позволило органам госбезопасности достичь невысказанных масштабов репрессий в 1937–1938 гг. Утверждения о том, что в те годы расстреливали без суда и следствия, давно опровергнуты исторической наукой. При всей абсурдности обвинений в адрес конкретных людей они должны были быть оформлены по всем правилам (хотя, конечно, «наверху» закрывали глаза на явную спешку в документировании следственных действий) и содержать в себе обоснование индивидуальной вины (как минимум преступного умысла). Придумывать все от начала до кон-

---

²¹⁴ Колязин В. Ф. Указ. соч. С. 258.

ца, да еще в такой экзотической для рядовых работников НКВД области, как агентура иностранных разведок, означало поставить себя под удар начальства, которое делало вид, что знать ничего не знает о фальсификациях. В результате им приходилось на первом этапе следственных действий собирать кирпичики правды, чтобы затем построить из них фантазмагорию «государственных преступлений». Рухнув в глазах любого здравомыслящего человека, эта фантазмагория продолжает содержать в себе некие элементарные частицы, из которых историк может и должен построить свою реконструкцию прошлого.

1. Начальный этап следствия

Первому допросу предшествовало заполнение анкеты арестованного — обязательного в АСД документа, где в нескольких десятках пунктов фиксировались основные биографические данные человека и его близких. Мы знаем, что в горячке массовых репрессий эта работа поручалась стажерам, машинисткам, а в ряде случаев подследственным приходилось заполнять анкету самостоятельно (хотя это было запрещено должностными инструкциями). Именно в силу максимальной формализованности этого документа, а также того, что он оформлялся второстепенными лицами в системе органов госбезопасности, анкета арестованного является ключевым поставщиком информации для нашей базы данных.

В ходе первого допроса человек вновь должен был сообщить о себе биографические сведения, что позволяет сопоставить их с анкетой арестованного. Расхождения оказываются минимальными — иногда называется иной адрес или место рождения, крайне редко отличаются друг от друга места работы и должности, которые занимал человек (как правило, и то и другое соответствовало действительности). Каждое исправление следовало сопровождать соответствующим примечанием, под которым расписывался подследственный. Там, где этого нет, можно предполагать злой умысел — как это было в случае одного из арестованных, национальность которого волей следователя из еврейской была переправлена на польскую²¹⁵.

Пункт о партийности человека и о его «политическом прошлом» доставлял наибольшие трудности тем, кто заполнял анкету. У немецких коммунистов не было на руках партбилетов (по крайней мере в АСД нет ни одного акта об их изъятии), поэтому в ряде случаев сле-

---

²¹⁵ См. Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. С. 93.

дователь отмечал, что информация записывается «со слов обвиняемого» (что было понятно и из сути анкеты). Сказывалось и давление советских реалий — пребывание немецких эмигрантов в рядах СДПГ нередко записывалось как членство в «меньшевистской партии». Иногда человек, наслушавшийся разговоров сокамерников, «раскалывался» при первой же встрече с сотрудниками органов госбезопасности. Так, в пункте «политическое прошлое» у Хиля Рогозинского стояло: «С 1923 г. и по день ареста занимался шпионажем в пользу Германии».

Сплошь и рядом при заполнении анкеты делались ошибки при записи места рождения, особенно если это была деревня с труднопроизносимым названием, которое не помещалось в отведенную для него строку. Поскольку анкета заполнялась со слуха, Карлсруэ превращалось Карцругель, Кенигсберг — в Канисбер и т. д. Причиной того, что, например, местом рождения Генриха Грюнвальда оказался «Франкфурт на Мойке», была тривиальная некомпетентность, помноженная на накопившуюся усталость. Приведенные в приложении данные о месте рождения репрессированных скорректированы только в очевидных случаях, в остальном они повторяют запись в анкете из АСД.

«Первый допрос проводился, как обычно, в целях изучения арестованного»²¹⁶, он далеко не всегда фиксировался протоколом. Согласно воспоминаниям жертв репрессий, первый допрос проходил сразу же после ареста, а вот второго приходилось ждать по нескольку недель. После распоряжений Ежова об ускорении следствия с февраля 1938 г. вообще перестали оформляться допросы, не содержавшие признаний в преступной деятельности. Поэтому временной промежуток между датой ареста и датой первого допроса может говорить о том, как долго человек оказывал сопротивление следствию, отказываясь признавать вымышленные преступления²¹⁷. Так, Вальтера Диттбенера арестовали 31 марта, а первый допрос в его деле датирован только 11 июня 1938 г.

Из показаний следователей НКВД мы знаем, что в целях ускорения и упрощения следственного процесса признательные протоколы допросов нередко готовились заранее, на основе агентурных материалов, биографических данных и предварительных бесед с подследственным. Случалось и обратное — после того, как человек соглашался с предъявленными ему обвинениями, следователь просил его

---

²¹⁶ Объяснения следователя Фролова в АСД Пауля Ергеса.

²¹⁷ См. об этом применительно к репрессиям командного состава РККА: Сувениров О. Ф. Указ. соч. С. 152.

написать «собственноручные показания». Очевидно, в этом случае он обещал облегчить участь арестованного, ибо в некоторых случаях рядом с такими показаниями оказывается заявление на имя Ежова с просьбой учесть добровольное раскаяние.

Затем на основе «собственноручных показаний» сочинялся протокол допроса в форме вопросов и ответов. Так было в ходе следствия Бориса Ширмана, Зигфрида Гумбеля, Ганса Мориц-Гримма. Последний работал главным инженером на «Мосфильме», и, поскольку следователь намечал разные направления «разворота» дела, писал и о шпионаже, и о вредительстве. Времени ему давали вдоволь — в АСД сохранилось несколько десятков страниц на ломаном русском языке. В результате получился уникальный источник о производственном и техническом процессе на крупнейшей кинофабрике СССР, который еще ждет своих исследователей.

Следователь фактически поручал делать свою работу арестованному, предварительно удостоверившись, что тот правильно понимает поставленную задачу и готов к самооговору. Понятно, что все то, что не ложилось в концепцию следствия, выбрасывалось в мусорную корзину или попросту не подкладывалось в дело²¹⁸. Наличие в деле «собственноручных показаний» ставило обвиняемого в тяжелое положение, если после завершения «ежовщины» начинался процесс проверки дела. В постановлениях прокурорской проверки отмечалось, что поскольку они написаны рукой самого обвиняемого, то не могли быть выдуманы следователем.

«Собственноручные показания» подследственным разрешалось писать по-немецки. Это было почти привилегией, так как позволяло им более точно формулировать свои мысли. Переводчиков в НКВД не хватало, и следователи настаивали, чтобы их визави согласились с ведением допроса на русском языке. В нескольких случаях переводчиком в ходе допроса был такой же заключенный, как и они сами. Отто Визе отказался подписывать протокол, так как ему вопреки требованиям не предоставили переводчика. Позже, в заявлениях из лагеря, немецкие жертвы репрессий утверждали, что попросту не могли понять ни устной речи следователя, ни того, что было зафиксировано в протоколе. При этом их обвиняли в антисоветской агитации среди русских коллег по работе!²¹⁹

---

²¹⁸ Так, 20 листов «собственноручных показаний» Мориц-Гримма были приобщены к делу только после того, как предъявленное ему обвинение было отвергнуто на заседании Военного трибунала 1 марта 1939 г.

²¹⁹ Не знавший русского языка австриец Антон Рехберг, согласно показаниям свидетелей, вел антисоветскую пропаганду на Подшипниковом заводе имени Кагановича.

2. Психологическое давление

В ходе допросов использовались не только методы прямого насилия, но и апелляция к разуму и чувствам обвиняемого. Следователь просил «войти в его положение» и договориться по-хорошему. В его интерпретации аресты выступали в качестве некоей профилактической операции по высылке иностранцев, иногда даже проводились параллели с раскулачиванием начала 30-х гг. Жертве внушали, что от признания или непризнания собственной вины ее судьба не изменится, и в то же время в обмен на подпись под признательным протоколом обещали максимально быстро завершить следствие, обеспечить минимальный приговор, избавить от преследований близких родственников. Сформировавшиеся привычки выживания эмигрантов в социально чуждой среде — не удивляться, подчиняться, соглашаться — подталкивали их к тому, чтобы подписывать самые невероятные обвинения. Не будет преувеличением сказать, что значительную часть работы по «ломке» людей выполняли не следователи, а советская повседневность.

На заседании Военной Коллегии Верховного суда (ВКВС) Альберт Вильнер заявил, что согласился с вымышленными обвинениями в шпионаже, так как «хотел ускорить наступление момента суда и иметь возможность передач и свиданий». Тех, кто выражал готовность к сотрудничеству со следствием, действительно поощряли — хорошо кормили, ослабляли тюремный режим, возвращали необходимые личные вещи (очки, предметы личной гигиены), предоставляли возможность написать письмо близким²²⁰.

Коммунистам, остававшимся германскими подданными, объясняли, что их самооговор необходим для ликвидации сети «фашистских консульств» в Советском Союзе. Арнольд Арно подписал признательный протокол после того, как ему сказали, что отказ будет означать «саботаж работы НКВД». Естественно, такие аргументы не фиксировались в протоколе, однако они довольно часто упоминаются в заявлениях репрессированных. Жертва сама соглашалась с «разумностью» подобных шагов, попавшись на приманку следователя и выбирая, казалось бы, меньшее зло в ситуации, когда реального

Согласно обвинительному заключению, он оказался германским шпионом. Рехберг писал в своих заявлениях из лагеря, что «в протоколах от февраля и марта 1938 г., в которых я обвиняюсь в шпионаже, я не мог дать никаких показаний, и последние принадлежат полностью следователю и являются продуктом его фантазии, т. е. он писал показания один, я же содержание всех протоколов не знал и не знаю до сегодняшнего дня» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 29754).

²²⁰ Аналогичные методы «поощрения» применялись и следователями НКВД в Сибири (Тепляков А. Г. Указ. соч. С. 255–259).

выбора у нее не было. Впрочем, в ряде случаев работникам НКВД удавалось сдержать данное слово. Режиссер-мультипликатор Вильгельм Штейгер оговорил своих коллег, поверив, что за это ему снизят наказание. В результате он получил приговор, невероятный при обвинении в политических преступлениях — 5 лет ссылки.

Достаточно часто к признанию себя германским шпионом подследственного подталкивало обещание следователя, что за этим последует высылка из СССР. Это было верно лишь в отношении тех немцев, кто сохранил свое германское гражданство, однако ни политэмигранты, ни лица с просроченным паспортом или подавшие заявление о переходе в гражданство СССР, к ним не относились. В результате за обвинением в шпионаже следовал расстрельный приговор. Прямо противоположное объяснение тому, почему она подписала вымышленный протокол, содержится в деле Елизаветы Бартош. «На допросе мне сказали, если не подпишу, буду выслана в Венгрию, если же подпишу, то буду осуждена к отбыванию наказания в трудовых лагерях и останусь в Советском Союзе. Я сделала второе, так как желала остаться в Советском Союзе»²²¹.

Метод «пряника» активно использовался до начала массовых операций. Репрессированный в 1928 г. Бруно Альбрехт, работавший до того в советском торгпредстве в Берлине, писал председателю советского правительства А. И. Рыкову: «Год нахождения в тюрьме куплен следователем по весьма дешевой цене — стакан чая и бутерброд, подписка признания себя советским гражданином. Ловко обманули немца — неразвитое диалектическое мышление и непонимание — куриная слепота, невменяемость, созданная манией величия — есть следствие».

Некоторые из признательных протоколов выглядят как похвала чекистам, своевременно разворошившим шпионские гнезда. Леонид Гехстер, «приписанный» к мифической организации «гитлерюгенд», так объяснял скромные успехи своей подрывной деятельности: «Завербовать их в организацию мне помешали начавшиеся особенно за последнее время аресты немецких граждан, в том числе и немецкой молодежи». Еще один из арестованных по этому делу, Ганс Петерсен, дал показания уже на третий день после своего ареста. Решающую роль в этом сыграла, как он рассказывал на допросе через несколько месяцев, произошедшая накануне «случайная встреча с Максом

---

²²¹ Тем не менее Бартош, несколько лет проработавшую в советском торгпредстве в Берлине, приговорили к высылке из страны. Однако пока оформлялись документы, венгерское посольство было закрыто, и выездную визу получить не удалось. В результате ее дело было пересмотрено, и после более чем годового пребывания в тюрьме венгерская подданная была освобождена.

Мадаленой в Таганской тюрьме, когда тот возвращался с допроса». Хотя арестованные по одному делу должны были содержаться изолированно друг от друга, в ряде случаев именно такие «случайные встречи» использовались оперативными работниками для того, чтобы добиться от арестованного признательных показаний.

«Сейчас считаю счастьем, что благодаря моему аресту и добровольному признанию гнусная роль, навязанная мне германскими властями, закончилась»²²². Автор этих строк, российский еврей Яков Трабский придумал трогательную историю собственной вербовки. В Германии, где он проживал до 1936 г., ему грозила смертная казнь, так как немка-арийка родила от него ребенка. И вот этого ребенка органы гестапо оставили у себя в качестве заложника, отправив Трабского шпионить в Россию (где тот вскоре вновь женился). Трудно сказать, убедила ли следственные органы эта история или сам образ скромного продавца Даниловского универмага, но Трабский получил всего три года — таких «счастливчиков» в нашей базе данных всего пять человек.

После того как человек соглашался с выдуманнными обвинениями в свой адрес, конвейер допросов не останавливался. От него требовали назвать все новые и новые имена соучастников, добивались совпадения его признаний с показаниями других арестованных. Складывается впечатление, что оперативные работники НКВД сами не были уверены в том, куда будет направлено следствие, и в ходе допросов несколько раз меняли характер обвинений. Австрийцу Альфреду Федину, признавшемуся в шпионаже, следователь вдруг заявил, что все это вранье и ему придется сознаться в том, что он был заброшен в СССР (в 1922 г.!) для того, чтобы вредить австрийской компартии²²³.

3. Избиения и пытки

В случае если с обвиняемым не удавалось договориться «порохому», в ход шли угрозы, а затем и прямое насилие. Борису

---

²²² На собственноручных показаниях Трабского начальственное лицо поставило недовольную визу: «Пишет он отвлеченно, надо добиться конкретных показаний о людях, с которыми был связан по шпионской работе». В итоге Трабский пошел на ОСО не как иностранец и получил «всего» три года.

²²³ Очевидно, такая переквалификация обвинений избавила Федина от расстрела, он получил 10 лет лагерей, а после завершения срока был приговорен к ссылке в Красноярский край (ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. П-50 248).

Ширману заявили, что его сочтут неразоружившимся врагом и расстреляют, а также арестуют его мать и жену, показывали даже заповенный ордер на их арест. По отношению к женщинам использовались угрозы раздеть догола и т. п. Иногда следователь просто открывал дверь, и обвиняемый слушал крики и стоны истязаемых в соседних кабинетах. В сочетании с увиденным в тюремной камере, рассказами других арестованных это оказывалось достаточно действенным «аргументом».

Судя по письмам и заявлениям из лагерей, до начала массовых операций «методы физического воздействия» по отношению к немцам не применялись, их все-таки считали иностранцами, что подразумевало иное обращение. Особое отношение к ним сохранилось и во второй половине 1937 г., германских граждан принуждали к признаниям в основном методами психологического воздействия²²⁴. Инженер Наркомсвязи Готфрид Банд, следствие по делу которого велось осенью 1937 г., так и не признался в шпионаже, что было отмечено в обвинительном заключении, представленном Ленинградским районным отделением НКВД г. Москвы. Это не понравилось областному начальству, и документ не был подписан. Допросы Банда возобновились в начале следующего года, и он подписал все, что от него требовали.

Артур Гертрампф, арестованный в первый день немецкой операции, отказался признать себя шпионом, но на допросе 14 марта 1938 г. заявил, согласно протоколу, что «до сего времени я скрывал факт своей вербовки для шпионской деятельности на территории СССР». На заключительном этапе немецкой операции в ход шли самые настоящие пытки, под их воздействием признавались практически все. Полного отказа от «мер физического воздействия» не произошло и после завершения «ежовщины»: Густав Грабнер, арестованный вторично в 1940 г., писал о том, что и в этот раз его сажали в карцер, в холодную камеру, в одиночку, в результате чего он пытался покончить жизнь самоубийством.

Спираль насилия раскручивалась постепенно. Вначале человеку не давали спать, его допрашивали попеременно несколько следователей («конвейер»). В ходе допроса его могли заставить сидеть на кончике табурета, стоять до потери сознания, могли вылить на голову чернила. Если человек продолжал упорствовать, начиналось физическое воздействие. Иногда это были простые тычки, сбивавшие со сту-

---

²²⁴ Сотрудник посольства Германии в Москве писал в своих мемуарах: «Нам неизвестно, чтобы по отношению к германским гражданам применялось насилие» (Herwarth H. Op. cit. S. 119).

ла, несколько пощечин, уколы перьевой ручкой. Камерная «наседка» сообщала о настроении Евгения Бланка после допроса: «Давать показания он не собирается и считает, что кончик стула и легкие удары по шее вполне терпимы, т. е. все произведенные над ним манипуляции в этой области не нарушили его душевного настроения»²²⁵.

Затем дело доходило до жестоких и длительных избиений, в которых принимали участие несколько сотрудников НКВД (при пересмотре дела, как это было в случае Мориц-Гримма, его предыдущий следователь вопрошал: «Вы же не будете отрицать, что лично я вас не бил?»). Использовались подручные и специально заготовленные орудия — пресс-папье, табуретки, резиновые полосы, вырезанные из автомобильных покрышек. Особо упорных сажали в «горячую камеру» — там невозможно было дышать, пот лил градом и человек терял сознание²²⁶.

Все эти методы и приемы, конечно, не фиксировались в АСД на этапе следствия, они приводятся в заявлениях заключенных из лагерей и в целом совпадают с тем, что мы знаем о деятельности ежовских подручных из опубликованных воспоминаний узников ГУЛАГа. Просмотр большого количества заявлений приводит к мысли о том, что в лагерях шел активный обмен информацией о том, как правильно составлять эти документы, на каких моментах заострять внимание (конечно, к их числу относились избиения). Сложился даже некоторый набор стандартных формулировок, вроде тех же «мер физического воздействия». В мемуарах немецких заключенных не раз упоминается тот факт, что заявления им писали товарищи по лагерю, лучше владевшие русским языком. Однако в том, что эти заявления с описанием методов следствия и требованием о пересмотре дела являются криком души, уникальным источником по истории «сталинского правосудия», сомневаться не приходится. Описанные в них формы истязаний, которыми пользовались сотрудники НКВД, в полной мере соответствуют тому, что мы знаем из воспоминаний узников ГУЛАГа. Высланные из СССР германские граждане детально рассказывали о пытках на допросах в гестапо, в ходе которых этому сюжету уделялось особое внимание²²⁷.

---

²²⁵ Германский подданный Бланк до 1918 г. проживал в России, затем выехал на родину, но так и не смог найти своего места в Веймарской Германии. В 1923 г. он вернулся из Берлина, сопровождая зверей, купленных дрессировщиком Дуровым.

²²⁶ Показания Эдуарда Штилова на заседании Военного трибунала 16 ноября 1939 г.

²²⁷ См. выдержки из протоколов в книге: Mensing W. Von der Ruhr in den GULag. S. 92–95.

Прибывший в 1932 г. в качестве политэмигранта Бернард Клингбайль писал из лагеря 10 июня 1939 г.: после отказа признать себя виновным «я был жестоко избит, после чего следователь сам сел и написал, без моего участия, протокол допроса. Так как я по-русски читать не умею, а мое требование о предоставлении переводчика не было удовлетворено, то я, не зная, что в протоколе написано, отказался от его подписания. Я был тогда подвергнут сильным побоям, пришли “на помощь” следователю еще 6 человек, открыли двери комнаты и обратили мое внимание на крики истязаемых, угрожая со мной поступить также. Таким образом я был вынужден подписать протокол, не зная его содержания». Это было обычным явлением: «После доставки меня в Кунцево, следствие началось с того, что я в течение 5 ночей подвергался избиению и затем 14 февраля 1938 г. я был вынужден подписаться под протоколом, который был выдуман и написан собственной рукой следователя»²²⁸.

Прошедшие годы не могли стереть в памяти людей, столкнувшихся с произволом карательной системы, всех деталей произошедшего. Архитектор Вернер Шнейдратус писал в 1954 г.: «Во время 8-месячного следствия мне предъявили самые дикие обвинения и подвергли на Лубянке таким тяжелым физическим истязаниям, что меня пришлось перевести в одну из больничных камер Таганской тюрьмы. Однако и здесь следователь меня не оставил в покое ни днем, ни ночью, меня выносили на носилках на бесконечные допросы с “пристрастием” и в конце концов заставили (в моей физической “обработке” участвовало по 2–3 человека) меня, физически и морально совершенно сломанного, подписать какую-то явную нелепость...»²²⁹

Реже откровенные рассказы встречаются в протоколах допросов тех, кто продолжал находиться под следствием после окончания «ежовщины». Порой им вновь приходилось сталкиваться со следователем, который полгода-год назад вел их допрос «интенсивными методами», что никак не стимулировало откровенности. И все же здесь есть интересные факты и интерпретации. Так, молодой архитектор Курт Либкнехт в ходе допроса 8 августа 1939 г. заявил, что «показания, данные мною относительно моей вербовки и шпионской деятельности, даны мною при психическом воздействии».

Следователь, который прекрасно знал, о чем идет речь, наверняка сделал удивленное лицо и попросил разъяснить, что же это такое. Либкнехт пояснил: «Психическое воздействие заключается в следу-

---

²²⁸ Заявление Вальтера Рефельда на имя М. И. Калинина от 30 мая 1940 г.

²²⁹ В АСД Шнейдратуса отмечено лишь два допроса. 28 ноября 1937 г. он отказался признать обвинения, 17 февраля 1938 г. дал признательные показания.

ощем: я был арестован и уже 2 дня был заключен в подвал. Там была низкая температура, сидел голый, и не на чем было лежать. Кроме этого, привели одного человека, который был в обмороке, и к тому же некоторые арестованные были избиты. Все это на меня психически воздействовало. Дальше меня вывели на допрос и сразу заявили, что мы имеем данные о том, что вы шпион. Коли не будете давать показания, вас будут бить. Я, боясь, что меня будут бить, дал показания, что занимаюсь шпионской деятельностью, завербован в Германии».

Под воздействием пыток сварщик Болшевского машиностроительного завода Пауль Давид был вынужден признать, что завербовал в шпионскую группу всех своих московских знакомых. Уже 23 ноября 1938 г. в ходе очередного допроса он опроверг вымышленные и вымученные признания, что подвигло следователя на морализующий тон: «Следовательно, вы оклеветали честных людей?» Давид рассказал, что его неоднократно избивали, потом отливали водой, один из допросов длился 36 часов, хотя это вряд ли было новостью для его собеседника.

Не менее страшным испытанием, чем «методы физического воздействия» на допросах, являлись месяцы и годы, проведенные подследственными в полной неизвестности и строжайшей изоляции, под гнетом тюремного режима и под грузом необъяснимых обвинений. Многомесячное отсутствие вызовов на допрос (характерное для следственных дел тех немцев, которые не успели «оформить» до конца мая 1938 г.) также являлось пыткой, причем одной из самых изощренных. В заявлении о реабилитации, датированном 1 ноября 1954 г., мастер Мытищенского вагонзавода Рудольф Гусс писал: «На следствие у меня нет никаких жалоб. Я жалуясь на то, что не было следствия, что без всякой вины я оказался арестованным. За 8 месяцев, проведенных в следственной тюрьме (Бутырка), вызывался на допросы раза три и то только потому, что писал заявления с требованиями об этом».

4. Сопротивление подследственных

В современной германской историографии сложилась широкая трактовка понятия «антифашистское сопротивление», включающая в себя как прямое противодействие преступному режиму, так и «пограничные формы» инакомыслия, недовольства, девиантного поведения²³⁰. Рассматривая вопрос о сопротивлении несправедливому

---

²³⁰ См. Ватлин А. Ю. Сопротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива // Вопросы истории. 2000. № 12.

следствию, мы также должны трактовать это явление максимально широко, прежде всего потому, что человек, связанный жесткими рамками тюремного режима, имел крайне ограниченную свободу действий. В отличие от политического или бытового протеста на воле сопротивление на этапе следствия являлось не только неприятием лжи, обращенной к человеку, но и стратегией его собственного спасения.

Отказ признать вымышленные обвинения в свой адрес, как показывает анализ АСД, стоил огромного мужества, особенно в условиях массовых репрессий, когда органам НКВД разрешалось буквально все для получения нужного результата. Некоторые из арестованных неоднократно отказывались от вымученных признаний, а потом их вновь подтверждали. Инженер Коломенского завода Фриц Рубинштейн писал под воздействием следователя, что «заявление, написанное мною прокурору об отказе от своих показаний, я считаю ошибочным и прошу его уничтожить».

Отказ от самооговора, зафиксированный в обвинительном заключении, не являлся гарантией от расстрельного приговора, о чем свидетельствуют дела Альфреда Крафта, Фрица Лалена, Юзефа Шрамма и многих других немцев, расстрелянных на Бутовском полигоне. Однако он давал шанс затянуть следствие и в конечном счете — дожидаться прихода иных времен. Так вел себя Генрих Стаффорд, выпущенный из тюрьмы 11 января 1941 г. В постановлении о его освобождении было специально отмечено, что «на протяжении всего следствия виновным себя не признавал».

Это вызывало злобу оперативных работников НКВД, которым ставилась задача любой ценой разоблачить «неразоружившегося врага». Попытка Бориса Ширмана избежать оговора третьих лиц, упоминая в качестве «шпионов» только тех соотечественников, кто уже был арестован или выехал за рубеж, была пресечена репликой следователя: «Говорите о тех лицах, которые еще ходят по улице!». С ноября 1938 г. началась волна «передопросов», в ходе которых подследственные как один отказывались от данных ранее признаний. Очевидно, каким-то образом информация о снятии Ежова дошла и до тюремных застенков. Если дело выносилось на слушание судебных инстанций, обвиняемый имел шанс заявить о том, что его показания выбиты следствием и не соответствуют действительности.

Рудольф Мундт был одним из тех, кто активно сопротивлялся «стахановским» методам следствия — в его деле имеется акт, что он на допросе назвал следователей фашистами. Ганс Вебер после того, как его избили, заявил: «не фашисты сволочи, а вы все сволочи». Эрнст Мейер кричал: «Ненавижу органы, потому что в НКВД не люди, а звери». Подобные высказывания тщательно фиксировались в АСД,

демонстрируя «антисоветскую сущность» подследственного. Особым актом оформлялись и отказы от подписи в протоколе допроса, хотя зачастую жены эмигрантов (Анна Зингфогель, Гертруда Тифенау) просто не могли прочитать его без переводчика. Отто Ритдорф в ходе допросов выдвигал встречные требования, оскорблял следователя и даже угрожал ему, заявив среди прочего: «Вы не забудьте, что я германский подданный, Австрия и часть Испании заняты Гитлером, и моя надежда на освобождение сейчас зависит от внешнего мира»²³¹.

Требую скорейшего завершения следствия, Ритдорф, равно как и рабочий завода «Фрезер» Карл Френцель, объявляли голодовку. Поскольку они считались иностранными гражданами, руководство тюрьмы начинало бить тревогу, и немцам давали пустые обещания. Крайней формой сопротивления в условиях тюремного режима выступала попытка самоубийства. Ганс Боден (Густав Собботка) писал в одном из своих заявлений органам прокурорского надзора, что следователь довел его до такого состояния, что он разбил абажур лампы в его кабинете и попытался вскрыть себе вены²³². Фриц Шуманский и Густав Грабнер пытались сделать то же самое, находясь в тюремной камере. Дважды покушался на самоубийство в Омской тюрьме двадцатидвухлетний Ганс Вебер, работавший шофером в городе Дмитров.

Вильям Хокуин, приехавший по контракту в СССР в 1931 г., был арестован 14 марта 1938 г. В деле сохранился протокол его единственного допроса, однако, судя по находящимся там же собственноручным признаниям в шпионаже, «активная обработка» Хокуина велась и раньше. В ходе допроса немец выпрыгнул в окно, что было квалифицировано как попытка к бегству. Не приходя в сознание, через несколько часов он умер в больнице Бутырской тюрьмы.

Своеобразной формой сопротивления фальсификациям было незаметное для следователя встраивание немцами в собственные признания нелепиц и фактов, которые можно было бы легко опровергнуть на судебном заседании. Это было достаточно распространенной тактикой обвиняемых, в частности офицеры Красной Армии называли в качестве своих вербовщиков имена средневековых не-

---

²³¹ Сопротивление Ритдорфа затянуло следствие и в конечном счете спасло ему жизнь — первоначально его дело планировали передать на ВКВС, но в 1939 г. прокуратура посчитала возможным направить его в Мосгорсуд, что вызвало понятное сопротивление следственных органов. В конце концов Особое совещание НКВД 13 декабря 1939 г. приговорило Ритдорфа к высылке из СССР.

²³² См. биографический очерк о нем в книге: Mensing W. Von der Ruhr in den GULag. S. 155–166.

мецких рыцарей²³³. Эдуард Штилов показывал на допросе, что посылал по почте шпионскую информацию брату, которого на самом деле у него не было. Врач Эрвин Маркуссон назвал своим вербовщиком офицера гестапо по имени «Мумпиц», что на немецком языке означало «чепуха, глупость». Хитрость сработала, и «Мумпиц» попал даже в решение Военного трибунала, отправившего дело Маркуссона на следствие.

Еще один из врачей, лишившихся работы в Германии за то, что был евреем, Йозеф Рубенс на момент ареста являлся ведущим хирургом Института имени Склифосовского. Под угрозами избиений он признал и шпионаж, и диверсионную работу. На заседании Военного трибунала Рубенс заявил, что признание о передаче резиденту германской разведки состава жидкости, заменяющей в больнице кровь при переливании, было сделано специально, чтобы в суде данный факт стал свидетельством его невиновности — ведь состав физиологического раствора был известен каждому! Немецкий хирург был оправдан после полутора лет предварительного заключения.

Подобные случаи, когда обвиняемые могли доказать свою невиновность в ходе судебного заседания, являлись редким исключением в системе «сталинского правосудия». Но даже там, где это не приносило ощутимого результата, сопротивление следствию помогло человеку сохранить свое достоинство в экстремальных условиях тюремного заключения.

Глава 8

ИЕРАРХИЯ ОБВИНЕНИЙ

В условиях шпиономании и ксенофобии, насаждавшихся в советском обществе, сотрудники органов госбезопасности автоматически рассматривали каждого иностранца как шпиона и диверсанта. Оперативные приказы наркома Ежова в 1937 г. конкретизировали мысли, которые рождались на вершине политического Олимпа и которые высказывала советская пресса: каждый немец — агент гестапо. В известном анекдоте Веймарской Германии ставился вопрос о том, что общего между гитлеровскими штурмовиками и бифштексами, и давался ответ: снаружи они коричневые, внутри — красные. В логике сотрудников НКВД все было наоборот — каждый из немецких эмигрантов был красным лишь внешне, пряча от глаз посторонних свою коричневую сущность.

---

²³³ См. Сувениров О. Ф. Указ. соч. С. 165.

Нацистский режим прилагал немало усилий для того, чтобы представить своих политических противников в роли уголовных преступников. Об этом писал Феликс Галле на примере дела одного из лидеров КПГ Гейнца Неймана, которого в Германии обвинили в причастности к убийству полицейского²³⁴. Фальсификации сталинского режима оказывались масштабнее на целый порядок. Органы госбезопасности со времен Дзержинского ставили своей целью максимальное проникновение в общественную жизнь, сбор информации о любых проявлениях антисоветских настроений и превентивную борьбу с политической оппозицией. В обширных информационно-аналитических материалах, поставлявшихся спецслужбами руководителям высшего и среднего звена советской номенклатуры, фактически содержались заготовки будущих сценариев: названия контрреволюционных организаций, их связи с заграницей, резиденты, печатные издания, методы работы²³⁵. Можно не сомневаться в том, что читавшие эти материалы по долгу службы сотрудники органов госбезопасности в полной мере использовали их для подготовки обвинительных сценариев.

Сталинский режим в 30-е гг. выдвигал все более жесткие критерии того, что считать правильным, а что — девиантным поведением, причем не существовало какого-то ясно сформулированного кодекса подобных правил. Их надо было просто «прочувствовать». Москвичи, пришедшие в гости к только что прибывшим из Германии специалистам, выражали, например, удивление, почему в их квартире нет портрета Сталина²³⁶. Можно не сомневаться в том, что данное упущение было тут же исправлено. Однако слишком многое из того, что казалось нормальным в Германии (и постепенно превращалось в «аномалию» в условиях Третьего рейха), оказывалось для эмигрантов составом преступления. Это могло быть прослушивание зарубежных радиопередач, хранение контрреволюционной литературы, общение с сотрудниками посольств «враждебных государств», наконец.

С одной стороны, в государственном преступлении могли обвинить любого, кто не вписывался в стандартный образ советского человека. С другой — этот образ существовал только на бумаге, а потому и отклонения от него также являлись формальными. Для криминального истолкования подобных отклонений в поведении любого иностранца было достаточно минимальной «зацепки» вроде излишнего

---

²³⁴ Галле Ф. Указ. соч. С. 60–61.

²³⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Тома 1–8. М., 2001–2002, 2008.

²³⁶ Loewenstein H.-R. Die Karl-Liebknecht-Schule in Moskau 1932–1937. Erinnerungen eines Schuelers. Lueneburg, 1991. S. 15–16.

любопытства, замкнутого характера, общественной пассивности, двусмысленной шутки и т. п. К работавшему на Первом часовом заводе Фрицу Фрейману подошел удрученный коллега и заявил, что у него «такие новости, что хоть для гестапо». Немец в ответ пошутил: «Давай продадим вместе». Последствия этого диалога не заставили себя долго ждать.

Если в характеристике завода «Электросвет» на бригадира Карла Бега было написано, что немец однажды появился на заводе с фотоаппаратом, то в обвинительном заключении это выглядело уже по-иному — он якобы делал снимки заводских помещений в шпионских целях. Если кто-то из родственников того или иного обвиняемого состоял в НСДАП или примыкавших к ней организациях, то и сам он оказывался «сторонником фашизма». На то, что членство в них было почти принудительным, скидок не делалось. Муж сестры Эриха Константа в справке на арест фигурирует как «активный фашист», а в обвинительном заключении уже как «приближенный Гимmlера».

Вопросы, которые задавались немцам на первом допросе, фактически перетолковывали их биографию в криминальном ключе. Почему так долго не вступал в советское гражданство? Почему был выпущен из концлагеря? Почему не прекратил переписку с родственниками в Германии? Почему полгода находился на нелегальном положении и ни разу не был схвачен гестапо?²³⁷

Рано или поздно человека подводили к ключевому вопросу: «назовите Ваших знакомых, арестованных органами НКВД». К осени 1937 г. на него уже невозможно было дать отрицательный ответ. От каждого из арестованных, согласно логике следствия, исходили волны потенциальной угрозы, способные инфицировать любого из окружающих. Подобная интерпретация репрессий как борьбы с расширяющейся эпидемией вполне вписывалась в биологические установки на «выкорчевывание сорняков», «прополку нашего социалистического огорода», которыми изобиловали передовицы советских газет.

Борьба с эпидемией шпионажа и вредительства требовала не только оперативных и жестких мер, но и отодвигала на второй план вопрос о личной вине. Зараженный вирусом человек может быть и не виноват в этом, однако он является носителем угрозы. Какой — в соответствии с принципом «экономии сил» сотрудники НКВД определяли, отталкиваясь от биографических данных и круга знакомых того или иного человека. Выходцев из Германии легче всего было об-

---

²³⁷ Последний вопрос был задан следователем функционеру КПГ в округе Гессен-Франкфурт Якобу Рабелю.

винить в шпионаже, здесь требовалось либо признание самой жертвы, либо компрометирующие показания ее знакомых.

1. Шпионаж

Если посмотреть статистику расстрелянных на Бутовском полигоне по обвинению в шпионаже, то окажется, что «германских шпионов» среди них несравненно больше, нежели выходцев из Германии или этнических немцев. Это нетрудно объяснить — Третий рейх считался самым вероятным противником СССР в будущей войне, кроме того, сказывалась германофобия, порожденная войной минувшей. Однако формально-бюрократический подход при проведении «национальных операций» привел к тому, что среди их жертв агентов польской разведки оказалось в два с половиной раза больше, нежели германской²³⁸.

Вычленив и назвать точное число «шпионов» в нашей базе данных не представляется возможным — слишком многим навешивали в обвинительных заключениях комплексные ярлыки: «член контрреволюционной шпионско-диверсионной организации» и т. п. Однако не будет преувеличением сказать, что в подавляющем большинстве изученных АСД, закончившихся приговором в период проведения массовых операций, шпионаж обязательно присутствует. Лишь после ноября 1938 г. в ходе осторожного пересмотра немецких дел происходила переквалификация шпионского параграфа печально известной пятьдесят восьмой статьи (58–6) на более легкое обвинение в антисоветской агитации (58–10, часть 1).

Буквально по пальцам можно пересчитать случаи, когда выходцы из Германии обвинялись в шпионаже в пользу третьих стран — Японии, Польши. Врач Всесоюзного института эпидемиологии Вальтер Домке, прибывший в Москву через Париж, признался уже на первом допросе, что завербован французской контрразведкой. Впрочем, уже через пять дней его «поправили» и записали в агенты гестапо. То же самое, хотя и не сразу, произошло с редактором ДЦЦ Гансом Блохом. Он бежал из Германии в Голландию, и потому в материалах предварительного следствия, которое вело Советское райотделение НКВД, признался, что был завербован голландской разведкой. После пере-

---

²³⁸ Подсчитано на основе статистики по всему СССР: за шпионаж в пользу Польши было репрессировано 38,5 %, в пользу Германии — 14,8 % арестованных в 1937–1938 гг. Затем шли такие страны, как Латвия, Румыния, Финляндия, явно не претендовавшие на роль «великих держав» (Denninghaus V. Op. cit. S. 568).

дачи Блоха на Лубянку и присоединения к «антикоминтерновскому блоку» его переписали в агенты гестапо, а затем — в члены контрреволюционной троцкистской организации.

Ключевым моментом в ходе конструирования «шпионских сетей» выступала вербовка, подразумевавшая прямой контакт обвиняемого с агентами германской полиции или гестапо. Направление следственных действий было задано свыше, в газетной передовице «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок» говорилось буквально следующее: «Известно, что почти все лица, получающие разрешение на выезд из Германии, обязаны предварительно явиться во внешнеполитический отдел национал-социалистской партии, где преобладающее большинство из них получают разведывательные задания»²³⁹.

В результате такого взаимодействия получался шпион первой категории, который исполнял роль резидента по отношению к тем немцам, кто был завербован им уже в СССР. В нескольких десятках дел эта роль отводилась сотрудникам германского посольства. Чем детальнее в материалах следствия раскрывались обстоятельства вербовки, тем больше она напоминала аналогичную процедуру, которая использовалась в органах госбезопасности для набора добровольных помощников. Следователям НКВД, хорошо знакомым с масштабами проникновения «сексотов» во все сферы общественной жизни сталинской России, казалось совершенно естественным, что по таким же правилам должна быть организована деятельность политической полиции и за рубежом.

Механизм вербовки шпионов в Германии, представленный в АСД, сводился к двум основным вариантам. Для легально въехавших в СССР это было получение загранпаспорта в местном отделении полиции, для нелегалов — аресты и пребывание в концлагере, освобождение под подписку об отказе от антигосударственной деятельности. В каждом из двух вариантов проверить обстоятельства вербовки не представлялось возможным.

Разницы между Веймарским и гитлеровским периодами в истории Германии для органов госбезопасности практически не существовало. Это порождало явную нелепицу при оформлении АСД. Так, уже в 1931 г., придя в полицию, архитектор Курт Либкнехт был завербован «человеком в форме агента гестапо», хотя такой организации еще не было и в помине. В протоколе допроса Курта Ноака его вербовщик назывался агентом то гестапо, то германской охранки (дело также про-

---

²³⁹ Уранов С. Указ. соч.

исходило в 1931 г.). Георг Губер, получивший за участие в Баварской советской республике 15 лет тюрьмы, начал изучать в заключении русский язык. Тут же у следователя возник вопрос: «В тюрьме из Вас, изучающих иностранные языки, готовили шпионов для переброски за границу с целью вести шпионскую работу, признаете Вы это?»²⁴⁰

Масштаб бюрократического контроля в годы Веймарской республики и в период становления Третьего рейха явно отставал от советской практики — в больших городах загранпаспорта выдавали в обычных полицейских участках. Для этого следовало только быть зарегистрированным по месту жительства более полугода и иметь в полицейском архиве «чистую карточку», которая кочевала за тем или иным человеком по местам его постоянной регистрации.

Даже после прихода Гитлера к власти немецкие коммунисты умудрялись получать новый паспорт, заявив, что предыдущий был утерян (это было необходимо, если в паспорте стояли советские визы). Один из последних случаев зафиксирован в личном деле коминтерновца Отто Винцера, который заявил в полиции, что отправляется на работу в Швейцарию. Ему немного повезло — он получил паспорт 5 июля 1934 г., когда полицейские чиновники были возмущены «ночью длинных ножей» и не стали запрашивать сведения в нацистских архивах²⁴¹. Благодаря заступничеству лидеров КПГ Винцер не был арестован, хотя в других случаях основанием для ареста служил гораздо меньший объем компромата.

В практике следствия по немецким делам сложился даже определенный стереотип в изложении деталей вербовки при получении заграничного паспорта. Просителю говорили, что его не выпустят из страны, если он не подпишет согласия работать на разведку, подчеркивали, что немец всегда остается немцем и должен служить родной стране, где бы он ни находился. Это также являлось копией вербовочной работы советских органов госбезопасности. Потенциального эмигранта просили остаться на жительство в Москве, устроиться на крупный, желательный военный завод, там его позже найдет связник из Германии.

В следственных делах политэмигрантов, у которых вообще не было контакта с полицией или гестапо (ни ареста, ни получения па-

---

²⁴⁰ Досрочное освобождение Губера из тюрьмы по «гинденбургской амнистии» 1928 г. также было связано следователем с его вербовкой для шпионской работы.

²⁴¹ См. объяснения Винцера при разбирательстве его «персонального дела» в ИКК. Интересно, что возможность легального получения заграничного паспорта коммунистами в 1933–1934 гг. подтвердил и Курт Функ (Герберт Венер) (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 237. Т. 1. Л. 36–37).

спорта), возникал образ «волка в овечьей шкуре». Многие рассказывали, как им помог выбраться из фашистской Германии сотрудник МОПР, которого они знали под партийной кличкой «Вилли». В обвинительном заключении это же лицо выступало уже в роли закоренелого троцкиста или «германского агента гестапо Вилли». Это была не мифическая личность, а Вилли Бюргер, сотрудник отдела по политэмигрантам ЦК МОПР, располагавшегося во Франции.

В случае вербовки в СССР роль полицейских или гестаповцев исполнял кто-то из персонала германского посольства — чаще всего назывался секретарь консульского отдела Карл Демпе, переведенный из Москвы в декабре 1937 г. на работу в Токио. Это делало его идеальной кандидатурой «вербовщика». Ганс Альтман показывал на допросе, что бывал на квартире у Демпе, поддерживал с ним дружеские отношения. Демпе раздавал пригласительные билеты на вечера, которые устраивались в гостинице «Националь», на его имя шли посылки и письма для эмигрантов, сохранявших германское подданство и связь с посольством. Курт Либкнехт назвал Демпе в качестве своего вербовщика просто потому, «что это была единственная фамилия, которую я знал по посольству».

Подходящий кандидатурой в резиденты германской разведки оказывался любой иностранец, уже покинувший Советский Союз. Таких найти было нетрудно, только за 1936 г. страну покинуло 2 тыс. немецких граждан, в основном иностранных специалистов. Практически за каждым из уехавших накануне большого террора, как Герхард Крюгер с завода «Оргаметалл», тянулся зловещий след завербованных шпионов²⁴². Такой подход практиковался практически в каждом из регионов, поскольку позволял прятать в воду концы шпионских «клубков». В Днепропетровской области, например, того или иного иностранного специалиста первоначально приговаривали к высылке из СССР, а затем превращали его в «осужденного резидента германской разведки», вызов которого в процессе следствия не представлялся возможным²⁴³.

Весной 1938 г. роль резидентов отводилась либо уже приговоренным, либо находившимся под следствием немцам. Им в протоколы допросов просто вписывали завербованных ими шпионов-новичков, ориентируясь на служебные и личные связи. Если тот или иной человек был уже расстрелян, в деле просто помечалась «первая кате-

---

²⁴² Крюгер выехал из СССР 4 мая 1936 г., в архивно-следственных делах выступал в роли резидента Фрица Банда, Владимира Маркузе и еще нескольких немцев, работавших на «Оргаметалле».

²⁴³ Ченцов В. В. Указ. соч. С. 116.

гория» и вопрос о проверке закрывался сам собой. В редких случаях осужденных вызывали для передопросов из лагерей, если это позволяло сконструировать масштабную шпионскую сеть.

В качестве мест, где шел обмен шпионской информацией, чаще всего назывались Центральный телеграф, кафе «Спорт» на улице Горького, клуб иностранных рабочих. Явочной квартирой стал даже подпольный «отель на час» с единственной комнатой, которую одна предприимчивая москвичка сдавала немцам, не имевшим собственных квартир, для встреч с их подругами. На явные нелепицы не обращали особого внимания — так, Гильдебранд Штаудингер признался, что был завербован в немецком клубе сотрудником германского посольства. Конечно, никто из дипломатов Третьего рейха не мог в здравом уме появиться в клубе, носившем имя Эрнста Тельмана, но иначе пенсионера никак не удавалось «привязать» к шпионской сети. Еще один пенсионер, находившийся на содержании МОПР, Генрих Финкемейер, признался, что добытую информацию направлял обычным письмом на адрес в Голландии. Иногда следователь не проявлял должной фантазии, и отмечал в деле, что шпионские сведения передавались «неустановленному лицу» (Курт Стопп). Это рассматривалось как недоработка и вызывало неудовольствие начальства.

Центром шпионской деятельности в Москве, естественно, оказывалось германское посольство. Любое посещение особняка в Леонтьевском переулке приравнивалось к передаче шпионских сведений, хотя германские подданные обязаны были встать на консульский учет, иностранные специалисты, даже перейдя в советское гражданство, продолжали получать через посольство письма от родных из Германии. Конечно, посольство небескорыстно опекало «своих», но каждый, кто входил в его двери, просто по определению не мог быть шпионом.

Превращение того или иного немца в кадрового разведчика облегчалось тем, что в СССР было засекречено абсолютно все — решения низовой парторганизации, марки паровозов, которые чинили на заводе, сорта пшеницы, которыми засеивались подмосковные поля. Фридрих Крюцнер признал себя виновным в том, что во время торжеств «1 мая сего года проводил подсчет самолетов, пролетавших на парад». Ключевыми словами, не требовавшими дальнейшей расшифровки в обвинительных заключениях, являлись оборонные предприятия, воинские части, аэродромы. Вот типичный пример: «Работая и проживая на Щелковском химзаводе, Гаррер и Меч имели связи с Щелковским аэродромом», хотя характер связи из материалов дела никак не усматривался.

Шпионская работа находилась для каждого — врач-рентгенолог московской поликлиники № 20 Луи Раутенберг «передавал сведения о пропускной способности больниц в период военного времени, состоянии медперсонала и выявлял социально-чуждых лиц». Учительница Мария Притвиц, будучи завербованной во время посещения посольства, обещала поставлять туда сведения «о жизни и быте населения, а также о его настроениях», что, собственно говоря, никак не являлось государственной тайной...

2. Антисоветская агитация

Технология оформления следственных дел, в которых фигурировала антисоветская агитация, была сложнее, чем шпионских. Здесь требовалось не только признание самого обвиняемого, но и свидетельства его подрывной работы. Вещественные доказательства — листовки, письма, содержавшие критику политического строя, являются весьма редкой находкой в АСД эпохи большого террора, тем более у немцев, плохо владевших русским языком. Можно привести только один случай — как раз в силу его уникальности.

Родившийся в Мюнхене Алексей В. переходил улицу Горького и был сбит автомашиной. В больнице, когда его раздевали, в кармане пиджака было найдено письмо, в котором содержались следующие фразы: «Весь ваш поддельный социалистический блеск в глазах людей, следящих за жизнью и ее развитием, тускнеет с каждым днем... Борьбу за построение общества, за идеалы социализма свели к борьбе за власть, за личное благополучие, за карьеризм... дело Ленина не только искажено, но и наполовину потеряно». Экспертиза доказала, что автором неотправленного «пасквиля» был сам потерпевший. Ситуация разрешилась достаточно мирно — его признали невменяемым, отправили на принудительное лечение, а через пару месяцев выпустили из больницы как совершенно нормального²⁴⁴.

С большой фантазией было связано другое следственное дело, также содержавшее вещественное доказательство. Таковым оказалась пуговица, точнее, 120 тыс. пуговиц. Технический директор Московской фабрики пластмассовых изделий Фриц Элендер, когда-то боец Красной Армии Рура, обвинялся в том, что контур лицевой стороны всех этих пуговиц выглядел как фашистская свастика. Выглядел, ко-

---

²⁴⁴ Подлинное имя этого человека так и осталось неизвестным, сам он утверждал, что его родители погибли в Германии и он был еще в детстве отправлен к родственникам в Россию (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-6848).

нечно, при большом желании, но как раз желания найти крамолу у сотрудников Экономического отдела НКВД было хоть отбавляй²⁴⁵. Их служебное рвение было вознаграждено — на сообщении об аресте причастных к выпуску пуговиц и их «изъятии как со швейных трикотажных предприятий, так и из торговой сети», Сталин наложил эмоциональную резолюцию, ставшую названием нашей книги.

В отсутствие материальных подтверждений для доказательства антисоветской агитации немцев использовались показания свидетелей — как правило, сослуживцев или соседей. Контрреволюционный характер получала любая, даже самая безобидная фраза. «Я Германию люблю, потому что там хороший образцовый порядок» (Ренатус Вестер, прибывший в 1927 г. на работу в Липецкую авиашколу и оставшийся после ее закрытия в Советском Союзе). «Выражал недовольство скудостью жизни здесь и дороговизной продуктов» (Вальтер Петерсон, слесарь-кузнец Подольского керамического завода). «Отрицал наличие голода в Германии, о котором пишут советские газеты» (Георг Керн, бригадир на строительстве завода ЗИС). «Рабочие Германии имеют возможность обедать в гостиницах в кредит» (Вильгельм Рабэ, мастер карандашной фабрики). «В Германии фашисты людей в тюрьме кормят белым хлебом и колбасой, а мы здесь голодные» (Отто Ласс, заключенный Дмитлага).

Частота появления подобных высказываний в АСД вряд ли связана только с установками следствия. Российский исследователь А. В. Голубев приводит примеры из уральского региона: его жители отказывались верить утверждениям советских газет, что в Германии голодают дети безработных, что при фашизме рабочим стало жить хуже. «И немецкие граждане, и просто этнические немцы, жившие в СССР, но сохранившие какие-то связи с родственниками или знакомыми в Германии, служили одним из основных каналов получения альтернативной (позитивной по преимуществу) информации о положении в национал-социалистическом рейхе»²⁴⁶.

Естественное стремление выходцев из Германии защитить свою страну от «страшилок» советской пропаганды, раскрыть глаза коллегам по работе было самым популярным проявлением контрреволюционных высказываний. Вот типичный донос на Франца Цика,

---

²⁴⁵ Элендер планировал изготовить еще и значки с изображением свастики, которую разбивают молотом и киркой двое рабочих, социал-демократ и коммунист. Если бы такой значок был запущен в производство, срок явно был бы больше, чем 2 года исправительных работ, к которым приговорили мастера пуговичного производства.

²⁴⁶ Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику...» Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 150.

датированный еще ноябрем 1936 г.: «На замечание т. Головина, что в Германии все безработные и не видят хлеба, он ответил, что хлеба едят много только русские, что в Германии рабочие находят, что покупать, кроме хлеба, а в отношении безработицы, так одни коммунисты на улице, все остальные рабочие находят себе работу». Как видно, покинутая родина представлялась многим из эмигрантов землей обетованной, а их ностальгия, помноженная на недовольство условиями жизни в Советской России, под пером следователей НКВД превращалась в государственное преступление, в пропаганду фашистских взглядов.

Наряду с доносами фактическую базу для обвинений в антисоветской агитации поставляли и характеристики с места работы, зачастую составленные в таком стиле, что современный человек с трудом может понять, о чем идет речь. Завод «Точизмеритель» так характеризовал одного из своих лучших работников, бригадира-инструктора, приехавшего из Германии в 1927 г. и стоявшего у истоков предприятия: «Лейбехер рассказывал рабочим явно антисоветский анекдот такого содержания: “едут в трамвае два товарища — русский и клоп”, теперь эта ухищренная работа становится понятной, что он в безвинной форме проводил антисоветскую агитацию, клеветал на наш рабочий класс».

За ярким фасадом строящегося социализма оказывалась весьма неприглядная картина, спрятать которую от взглядов иностранных рабочих не удавалось. Их раздражали очереди в столовых, пустые прилавки, но больше всего — пафос и ложь официальной пропаганды. «Если бы людей не заставляли идти на демонстрацию, то многие бы не пошли» (Герхард Мозер). Отвращение вызывало двуличие и лицемерие повседневной жизни, когда люди видели одно, но говорили совсем другое. Любое отклонение от принятых норм поведения могло трактоваться как преступление: «Беккер ведет себя как фашист, он забрал детей из немецкой школы Карла Либкнехта и отдал их на обучение в школу немецкого посольства»²⁴⁷.

В ходе одного из допросов инженер Московской радиосети член ВКП(б) Альфред Фогт сделал следующее признание, сомневаться в искренности которого не приходится: «При обсуждении проекта сталинской конституции я говорил, что пункт о свободе слова и печати можно вычеркнуть, так как кроме коммунистического слова в печати фактически мы никому слова не даем. Никакого антисоветского тол-

---

²⁴⁷ Показания каменщика Вильгельма Бича в отношении инженера Антона Беккера, оба были арестованы в первый день немецкой операции НКВД — 30 июля 1937 г.

кования этого вопроса и сравнений при этом с Германией я не делал». Подобная простота воистину оказывалась хуже воровства.

Некоторые из политэмигрантов пытались описать происходившее в СССР в терминах марксистского учения — революционные силы переродились или ушли в подполье, ныне в стране не диктатура пролетариата, а «бонзократия». Страной правит новая буржуазия, выросшая из бюрократов и одержавшая победу над рабочими (Курт Зингфогель). «В партии сидит мелкая буржуазия, разжиревшая на шее рабочего класса... Выйди на Ленинградское шоссе, кто ездит в автомобилях — советские разжиревшие буржуи, рабочих там не увидишь» (Георг Керн).

Всплеск антисоветских настроений эмигрантов из Германии вызвали репрессии по национальному признаку, причем доминировали голоса женщин, близкие которых были арестованы. «За последнее время ПГУ арестовало многих иностранцев, среди них совсем молодые, которые никак не могут быть причастны к троцкизму» (Доротея Гарай). «В СССР люди помешались на шпионах и вредителях, в каждом хорошо одетом человеке и похожем на иностранца здесь видят шпиона и сажают его» (Кэти Лоршейд).

«Машина слухов» в СССР никогда не оставляла без работы органы госбезопасности, и в то же время хотя бы частично компенсировала отсутствие независимых СМИ. Люди, способные самостоятельно мыслить и освоившие чтение газет между строк, без особого труда реконструировали реальный ход событий. Согласно показаниям свидетелей, слесарь обувной фабрики имени Парижской Коммуны Ганс Ротер утверждал по поводу суда над Бухариным и Рыковым, «что этот процесс создан по инициативе определенной группы людей, находящихся у власти... Ротер никак не соглашался с тем, что Максим Горький умер по вине лиц, проходящих на процессе как обвиняемые».

3. Сравнение как преступление

Стереотипным обвинением в адрес иностранных специалистов из Германии было то, что они выказывали злорадство по отношению к неурядицам советского труда и быта. Чаще других упоминалась нехватка продуктов и товаров в магазинах, отсутствие достойного жилья, аварии на производстве, постоянное отвлечение рабочих на разного рода общественные мероприятия. При этом неизбежно возникал образ аккуратной и деятельной Германии, а сами обвиняемые, если верить показаниям свидетелей, заявляли, что они сами гораздо

лучше устроили бы жизнь в Советском Союзе. Всего несколько дополнительных штрихов, и это превращалось в пропаганду фашизма: «Скоро к нам придет Гитлер, он вам покажет, как управлять страной. Сталин управлять не может. У нас ничего нет, а в Германии все есть», — утверждал, согласно показаниям свидетелей, бывший немецкий военнопленный Пауль Барц²⁴⁸.

Большинство немцев, находившихся под следствием в период проведения массовых операций, отдавали себе отчет в том, что подобные сравнения усугубляют их вину. В ходе допросов они были готовы признать, что хвалили жизнь в Германии, но упорно отрицали, что сравнивали ее с жизнью в СССР (Шарлота Маковская, Линна Ланге). То же самое можно утверждать и в обратном отношении. «Я высказывала недовольство на жизнь, но сопоставления с Германией не проводила», — говорила на допросе Маргарита Киш, арестованная в феврале 1938 г. работница Электростанции.

И все же удержаться от сравнения двух диктатур людям, находящимся на грани эмоционального срыва, было невозможно. Еще один рабочий Электростанции Альфонс Гут, у которого репрессировали четырех из пяти сыновей, заявил следователю: «Гитлер хоть скажет, за что арестовывает, а Советская власть арестовывает и не говорит даже, где находится арестованный». Гут выражал желание, как только вернутся его сыновья, сразу же выехать обратно в Германию. До самой своей смерти в лагере отец так и не узнал, что трое его сыновей были расстреляны на Бутовском полигоне еще до его ареста.

Параллели между нацизмом и сталинским режимом постоянно возникали и у палачей, и у их жертв, зачастую произвольно, просто по созвучию терминов. Так, оставшийся в Германии брат Эрны Лейбахер, согласно ее показаниям «был призван в трудовые лагеря». Это означало, что он отбывал трудовую повинность, однако для следователя это было равносильно тому, что брат стал охранником в концлагере. В справке на арест матери Эрны, арестованной ранее, речь шла о том, что та «восхваляет фашистскую Германию, утверждает, что там нет таких репрессий, как в СССР».

Многие реалии германской жизни, о которых шла речь в процессе следствия, получали под пером сотрудников НКВД привычные для сталинской России названия, придававшие им контрреволюционную окраску. Так, члены СДПГ рассматривались как «меньшевики», члены остальных партий, включая Центр — как «буржуазные националисты». Зеркальным отражением советского «новояза» в следственных

---

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 2. Д. 14641.

делах были кулаки и батраки, лавочники и царские придворные, если речь шла о социальном происхождении, троцкисты, двурушники и уклоницы, если речь шла о партийной биографии арестованных. Интересно, что в период массовых операций из материалов следствия исчезает слово «концлагерь» в советском контексте, часто встречающееся в них еще в 1936 г.²⁴⁹

Логику собственных действий оперативные работники органов НКВД автоматически переносили на гестапо (кстати, гестапо постоянно называли «германской охранкой»). Роберт Грундман, приехав в СССР, до начала войны с Германией продолжал переписку с родными. В обвинительном заключении это рассматривалось как доказательство его шпионской миссии: «Характерно, что органы Гестапо, по невозвращении Грундмана из СССР, репрессий в отношении его родственников не применяли».

Подобная халатность их немецких коллег искренне удивляла сотрудников госбезопасности — ведь у советских «невозвращенцев» к ответственности привлекались все члены семьи, оставшиеся в Союзе²⁵⁰. Эрвин Шуберт получил заграничный паспорт уже после того, как побывал на допросе в гестапо. Это вызвало ироничное замечание следователя: «Не кажется ли Вам, что полиция должна была бы более бдительно отнестись к Вашему отъезду в СССР?» На партсобрании в ИККИ, когда разбирали персональное дело Вернера Петермана, один из его коллег выразил удивление: Петерман регулярно посылает деньги своему большому отцу в Германию, «и несмотря на это отца Петермана не трогают. Я знаю, что за очень небольшие колебания и высказывания в Германии людей сажают в концентрационные лагеря». Обвинителю было невдомек, что формирование «народного сообщества»²⁵¹ в условиях нацизма шло иными путями, нежели сталинская унификация советского общества, не оставлявшая «свободного пространства» даже в семейных и личных отношениях.

Вопрос о том, кому и где жить хорошо, оказался в центре судебного процесса, в ходе которого в контрреволюционной агитации обвинялся Вильгельм Рабэ. Благодаря сохранившемуся протоколу засе-

---

²⁴⁹ См. например постановление о продлении следствия, в рамках которого обвинялись Эрих Констант и Павел Липшиц: «По делу предстоит ряд новых арестов вскрытых и законспирированных троцкистов и вызов некоторых проходящих по делу троцкистов из концлагерей...»

²⁵⁰ См. Генис В. Л. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). М., 2009.

²⁵¹ См. дискуссию о применимости этого термина в исследованиях по социальной истории Третьего рейха: “Volksgemeinschaft”. Potenzial und Grenzen eines neuen Forschungskonzepts // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte. 2011. Heft 1. S.1–18.

дания Мосгорсуда мы можем детально реконструировать взаимные обвинения сторон. Бывшие коллеги обвиняли Рабэ, что он постоянно восхвалял жизнь в Германии, утверждая, что рабочие там получают высокие зарплаты, а «папиросы в пять раз дешевле, чем в Советском Союзе». Немец вначале отпирался, но потом признался, что сравнивал не только цены на папиросы, но и вкус пива, которое ему в Москве очень не нравилось. Судебный процесс получил неожиданный поворот после выступления секретаря парторганизации карандашной фабрики, выступившей в защиту Рабэ — по ее данным, тот по ночам часто плакал в общежитии, так как скучал по семье и родине. Этого не хватило для оправдания, но обеспечило выходцу из Ютеборга достаточно скромный приговор к трем годам заключения, один из которых он уже отсидел в качестве подследственного.

Если применительно к повседневной жизни криминальным оказывалось противопоставление России и Германии, то по отношению к условиям заключения все было наоборот. Освободившись после первого кратковременного ареста, Густав Бург говорил своему подельнику Моисею Лурье: «Никакой разницы в строгости режима между органами НКВД и фашистами нет». Показания немецких политэмигрантов о творившемся в нацистских концлагерях произволе очень напоминали тактику изматывания обвиняемого в ходе следствия на Лубянке: «Нам заявили, что нас пошлют в концлагерь, где мы будем находиться до тех пор, пока не скажем правду»²⁵².

Очевидные параллели в экономической политике двух диктатур не могли пройти мимо внимания людей, внимательно следивших за развитием событий в Германии. Причем эти параллели (усиление регулирующей роли государства, стремление к автаркии, начало «четырёхлетки») вызывали скорее одобрение, чем осуждение, рассматривались как общий тренд, порожденный масштабами всемирного экономического кризиса 1929–1933 гг. Споры вызывал лишь вопрос о том, кому принадлежала пальма первенства. Члены группы Константина Алина утверждали, что «большевики торопятся перехватить методы хозяйствования у фашистов».

Напротив, согласно показаниям свидетелей по делу Георга Керна, тот заявлял, что «в настоящее время Гитлер выдвигает и проводит в жизнь такие же социалистические методы и способы развития производительных сил в Германии, как и Советский Союз». Подобные вы-

---

²⁵² Из показаний изолированного Метростроя Отто Треттау, который провел полтора года в нацистском концлагере после того, как суд отказался вынести приговор по его делу. Сам Треттау был арестован 30 июля 1937 г., дал признательные показания только 5 марта 1938 г.

сказывания были характерны не только для немцев, проживавших в столичном регионе. Арестованный в Тюмени в 1936 г. директор местного пивоваренного завода высказывался в том смысле, что «фашизм является большевизмом наизнанку»²⁵³. Токарь станкозавода имени Орджоникидзе Пауль Рицман в ходе допроса признал, что в общении с коллегами сравнивал речи Сталина и Гитлера, так как слушал по радио и те, и другие. «Сталин говорит тихо и слова его как молоток против фашизма, а Гитлер говорит как артист и нервный человек».

«Чистосердечные сравнения» двух режимов, зафиксированные во многих АСД, вряд ли являлись плодом творчества следователей, последним для отправки дела в осуждающий орган хватало стандартных фраз типа «восхвалял фашистский режим». Сегодня такие сравнения кажутся кощунственными и уж наверняка «антисоветскими», однако следует иметь в виду, что речь идет о середине 1930-х гг., когда бесчеловечный потенциал германского нацизма еще не раскрылся в полной мере. Его демонизация советской пропагандой тех лет порой вызывала обратную реакцию. Фашизм невольно превращался в отправной пункт для любых политических (и даже неполитических) размышлений, людям хотелось узнать, что же на самом деле происходит в Германии и Италии. Русские рабочие обращались к своим немецким товарищам с просьбой рассказать, почему Гитлеру удалось построить столь прочный режим, почему рабочий класс Германии так и не поднялся на антифашистское восстание. Объяснения сути фашизма как марионетки монополистического капитала, данные Седьмым конгрессом Коминтерна в 1935 г., мало кого удовлетворяли.

Иногда «игра в фашистов» была простым озорством молодых людей, уставших от монотонности и зашоренности комсомольской жизни. За это осенью 1933 г. были репрессированы ученики немецкой школы имени Карла Либкнехта²⁵⁴, три года спустя — молодые рабочие станкозавода имени Орджоникидзе. Большинство из них не имело никакого отношения к Германии, и для пущей правдоподобности во главу группы следователь поставил немецкого политэмигранта Андрея Беррата, хотя его биография никак не стыковалась с подобной фальсификацией²⁵⁵. У рабочих был найден текст придуманной

---

²⁵³ Голубев А. В. Указ. соч. С. 151.

²⁵⁴ Mussijenko N., Vatlin A. Schule der Traeume. Die Karl-Liebknecht-Schule in Moskau (1924–1938). Bad Heilbrunn, 2005. S. 92–95. В Свердловске была арестована группа студентов, открыто носивших «фашистские знаки» (Голубев А. В. Указ. соч. С. 153).

²⁵⁵ Андрей Беррат (настоящее имя Герман Шмидт) работал в Германии в ЦК МОПР, после прихода Гитлера к власти полгода провел в концлагере. При обыске в

клятвы на верность Гитлеру: «Я обязуюсь перед моим вождем слепо ему подчиняться, быть ему верным и обязанным вплоть до смерти». Как объяснял один из обвиняемых, Константин Фролов, идею такой клятвы ему подсказали репортажи советских газет о тайных ритуалах СС.

4. Троцкисты-террористы

Ведение следствия по восьмому и девятому пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР требовало от оперативных сотрудников НКВД относительно большого объема работы, чем шпионаж. В первом из этих пунктов шла речь о терроризме, во втором — о диверсионно-вредительской работе. Иногда к такой «смертельной смеси» добавляли и одиннадцатый пункт — создание контрреволюционных организаций, как правило, троцкистского толка. Для фальсификации доказательств подобных преступлений приходилось связываться с руководством учреждений и заводов, с партийными организациями. На подобную работу с документами у следователей органов госбезопасности районного и областного звена времени явно не хватало.

Как и во всем объеме АСД эпохи «большого террора», среди немецких дел нет ни одного, где террористические намерения «диверсионно-повстанческой низовки» переходили бы в фазу исполнения. Сценарии подготовки терактов против руководителей ВКП(б) и советского правительства выделяются даже на фоне общей фантазмагии вымученных признаний. Они звучат не только нелепо, но и слишком стандартно для того, чтобы иметь хоть какую-то точку опоры в действительности. Покушения на советских лидеров готовились во время демонстраций на Красной площади, в ходе торжественных заседаний в Большом театре, во время посещения ими столичных предприятий. Врач-хирург Института имени Склифосовского Йозеф Рубенс, согласно обвинительному заключению, не только занимался шпионажем, передавая неизвестно куда статистику самоубийств по Москве, но и получил задание «умерщвлять ответственных работников, поступающих в больницу».

Каменщик Георг Герман, родившийся и проживавший в баварском городишке Швандорф с населением не более 10 тыс. человек, не только сколотил там «троцкистскую организацию», но и наладил актив-

---

его комнате нашли фотографию племянника Беррата в форме штурмовика, что и стало отправной точкой для следствия.

ное сотрудничество с местным отделением гестапо (никто не взялся проверить, существовало ли оно в этом городе). Швандорфские троцкисты (остававшиеся членами КПП!), согласно сценарию следователя, втирались в доверие к коммунистам, выявляли самых активных, а затем выдавали их гестаповцам. Это выглядело весьма хлипко даже по меркам 1937 г., и Герману добавили еще и участие в «троцкистской шпионской организации политэмигрантов», проживавших в общезжитии МОПР в Москве. Нечто подобное заставили признать и мать двоих детей Анну Фелер. Переправленная компартией в Советский Союз, так как ее муж находился в концлагере, она объявила себя членом «троцкистской группы женщин-политэмигранток».

Коллективное дело на нескольких выходцев из Германии, два обвиняемых из которого, Моисей и Натан Лурье, были «делегированы» на первый показательный процесс, завершалось уже после опубликования и его стенограммы, и приговора «троцкистским террористам-двурушникам». Обвинительное заключение на лиц, оставшихся в ведении Московского управления НКВД, постранично цитировало приговор показательного процесса. Поскольку до массовых операций дела еще не дошло, следователи достаточно подробно «реконструировали» террористические намерения обвиняемых. Так, Эрх Констант уже 1 мая 1932 г. должен был стрелять в Сталина и Ворошилова из толпы демонстрантов. Однако колонна его района проходила слишком далеко от Мавзолея. Позже террористы решили кидать бомбы, которые для них подготовили в германском посольстве.

Не менее комичными, хотя столь же трагичными по своим последствиям для жертв, являлись обвинения во вредительстве. В подобных случаях сотрудники НКВД опирались на данные, поставляемые по их запросам с заводов и различных учреждений, вплоть до подмосковных колхозов. Обычное разгильдяйство, практически незаметное на фоне общей бесхозяйственности, раздувалось до размеров политического преступления. На немецких рабочих и служащих можно было списать все, что угодно. Работавший на совхозной ферме Георг Губер заражал молодняк²⁵⁶, кто-то распылял бактерии или семена сорняков на полях, умышленно портил станки и иное оборудование, совершал аварии на дороге.

---

²⁵⁶ «Работая в области мелкого животноводства, занимался вредительством с целью вывести из строя молодняк, для чего умышленно содержал двор, в котором находился молодняк, в антисанитарных условиях». Перейдя в другой совхоз, Губер из тех же вредительских побуждений «запустил» корову-рекордистку, и та перестала давать рекордные удои — так звучали обвинения в его адрес в обвинительном заключении.

Курт Шмельцер, слесарь троллейбусного парка в Москве, регулярно подкладывая в моторы гайки и гвозди, «всеми мерами старался вызвать недовольство пассажиров частыми остановками троллейбусов». То же инкриминировали и шоферу Александру Фейергерду, который согласно производственной характеристике, попавшей в материалы следствия, неизменно забывал при капитальном ремонте болты и гайки в моторе своего грузовика. Заведующий продуктовым магазином Владимир Трабант, попавший в Россию военнопленным, после соответствующей обработки признал, что сознательно гноил продукты во вверенном ему учреждении. Кроме того, он стал шпионом от бедности. «В Советском Союзе прожить на одну зарплату очень сложно, тем более когда существовала карточная система, я зарабатывал очень мало, поэтому и пошел на это преступление»²⁵⁷. Любой знакомый с реалиями советской жизни прекрасно знал, что любой завмаг в условиях тотального дефицита и карточной системы катался как сыр в масле, но органы госбезопасности верили в то самое «зазеркалье», которое сочиняли.

Семнадцатилетний сын Эрны Шефтер Герхард, едва устроившись на машиностроительный завод в Подольске, развернул настоящую биологическую войну. В обвинительном заключении по его делу можно прочесть, что он «с целью распространения кожных заболеваний бросил пойманную им мышь в бак с эмульсией, которая применяется для охлаждения обрабатываемых деталей и резца, рассчитывая, что при попадании в брызгах от вращения на лицо это будет вызывать заражение кожи».

Оставшийся без работы и постоянного места жительства Вальтер Рефельд «признался», что готовил взрывы в метро, так как «хорошо знал расположение главных входов на станцию Киевская». Взрывчатку он должен был получить в германском посольстве сразу же после нападения Гитлера на Советский Союз. Это выглядело полным бредом даже в глазах следователей Кунцевского района, прославившихся своим «липачеством», и не попало в обвинительное заключение.

Протоколы допросов показывают, что иерархии обвинений в известной мере соответствовала иерархия признаний. В ряде случаев немцы, признававшие шпионаж, категорически отказывались подписывать обвинения во вредительстве и подготовке диверсий. Очевидно, сказывалась обработка сокамерниками — признание подобных обвинений означало бы верную гибель, в то время как за шпионаж должны были «всего лишь» выслать в Германию. Бывший руководи-

---

²⁵⁷ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 2. Д. 17377.

тель немецкого клуба в Москве Пауль Шербер-Швенк, признавший шпионаж, наотрез отказался причислить себя к членам троцкистской организации. Может быть, решающую роль в таком упорстве сыграла гордость функционера КПП и депутата прусского ландтага за чистоту своей партийной биографии, который всегда подчеркивал, что никогда не имел уклонов от генеральной линии? Мы об этом уже никогда не узнаем...

Глава 9 ДИНАМИКА РЕПРЕССИЙ

1. Директивы и исполнители

Доведенные до приговора дела с политическими обвинениями в адрес немецких граждан появляются в ГАРФ только с 1934 г. Можно предположить, что до этого момента репрессии по отношению к иностранцам носили точечный характер и с ними справлялся центральный аппарат ОГПУ–НКВД. Интересно, что все три дела 1934–1935 гг. трудно назвать сфальсифицированными — в каждом из них содержатся даже вещественные доказательства, будь то пуговица с подобием фашистской свастики, карикатуры на вождей ВКП(б) или фальшивый советский паспорт.

С весны 1936 г. начались аресты тех немцев, в биографиях которых имелись разного рода «грешки» и темные пятна. Это могли быть партийные уклоны и оппозиции, неудачная работа в качестве сексота НКВД или советского разведчика, нелегальное прибытие в СССР. В групповых делах в число подельников главного обвиняемого попадали лица из круга его знакомых, которые даже не являлись членами КПП или ВКП(б). Следствие велось достаточно долго — из 25 человек, арестованных в 1936 г., в том же году были осуждены лишь пятеро. Контрразведчики из УНКВД МО подключились к проведению репрессий только в июле, однако сразу же развили завидную активность — на их долю приходится более половины арестованных во второй половине 1936 г. и учтенных в нашей базе данных.

Низовые структуры госбезопасности в тот момент участвовали в политических репрессиях скорее в инициативном, нежели в директивно-принудительном порядке. Примером может служить групповое дело на 35 человек, следствие по которому вел Серпуховской райотдел НКВД в 1936 — начале 1937 гг.²⁵⁸ Оперуполно-

---

²⁵⁸ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. П-63132.

моченный В. И. Хватов в одиночку сочинил контрреволюционный троцкистский заговор на местной суконной фабрике, копировавший сценарий первого показательного процесса. Как только в идущих сверху директивах НКВД стали проявляться контуры будущих национальных операций, Хватов расширил круг арестованных.

В результате сфабрикованная им подпольная троцкистская организация районного масштаба стала интернациональной. Говоря языком самого Хватова, она «сомкнулась в лице фашистов Мюллер и Шипонец с другой подпольной контрреволюционной фашистской организацией, созданной из числа немцев, поляков, австрийцев бывших военнопленных, политэмигрантов (перебежчиков границ) и беженцев Серпуховского, Угодско-заводского и Высокинического районов, по прямому указанию Германского и Польского консульств в городе Москве»²⁵⁹. Ударник Хватов, стремившийся попасть на глаза высокому начальству, был явно не одинок. Стремление одним решительным ударом покончить со всей «нечистью» в зоне собственного «чекистского обслуживания» отражало радикальные настроения немалой части сотрудников органов госбезопасности, что, в свою очередь, подпитывало установки сталинского руководства, озвученные позже, летом 1937 г.

Серьезным толчком к расширению масштабов репрессий стало директивное письмо ГУГБ НКВД «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности немецких троцкистов, проводимой по заданиям гестапо на территории Союза СССР», появившееся 14 февраля 1937 г.²⁶⁰ Во второй половине февраля — мае этого года были арестованы 15 человек из нашей базы данных, подавляющему большинству из них были предъявлены обвинения в шпионаже. Исключением являлись рабочие завода «Точизмеритель» Эрнст Лейбехер и Альфред Фребель, которым отвели роль руководителей контрреволюционной организации «брандлерианцев». Под последними подразумевались сторонники бывшего лидера КПГ Генриха Брандлера, образовавшие в 1929 г. в Германии собственную оппозиционную компартию²⁶¹. Судя по тому, что и Лейбехер, и Фребель были направле-

---

²⁵⁹ Из постановления о продлении следствия, датированного 14 мая 1937 г. Сохранена стилистика источника. Данное дело в силу своего масштаба было представлено на Военную коллегия Верховного суда СССР от имени областного управления НКВД.

²⁶⁰ См. Наказанный народ. С. 40.

²⁶¹ Bergmann Th. "Gegen den Strom". Die Geschichte der KPD (Opposition). Hamburg, 2001. О выходах из Тюрингии, записанных в «брандлерианцы», см. Kaiser G. Russlandfahrer. Aus dem Wald in die Welt. Die Facharbeiter aus dem Thueringer Wald in der UdSSR 1930–1965. Tessin, 2000.

ны на заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР (ВКВС) и получили смертный приговор, контрреволюционный заговор в иерархии обвинений стоял выше стандартных обвинений в шпионаже.

В марте 1937 г. был издан приказ НКВД, требовавший провести персональный учет всех иностранцев, принятых в гражданство СССР с 1 января 1936 г.²⁶² Параллельно началось составление списков лиц, рассматривавшихся как потенциальные агенты германской разведки²⁶³. Очевидно, что такая активность органов госбезопасности была санкционирована высшей властью. Сталин принял непосредственное участие в подготовке статьи в газете «Правда» от 4 мая 1937 г., призывавшей разоблачать агентов иностранных разведок. Эта статья стала «важным элементом идеологической подготовки большого террора», она имела прямое отношение к будущим судьбам немцев, оказавшихся в СССР²⁶⁴.

По инициативе Сталина появился приказ НКВД № 00439, датированный 25 июля 1937 г. и открывший собой черную полосу национальных операций. Первые аресты по всей стране начались в ночь на 30 июля. В нашей базе данных — 50 человек, арестованных 29 и 30 июля. Далекое не все они являлись германскими подданными, занятыми в оборонной промышленности, о которых шла речь в приказе. Девять человек являлись к моменту ареста гражданами СССР, еще четверо были записаны как лица вне подданства, что позволяло как угодно трактовать их правовой статус. В поле зрения органов госбезопасности попадали преимущественно работники крупных предприятий (не только оборонных), при этом арестованный, как Эрн Шэфтер, мог занимать скромную должность заводского библиотекаря. Позже приказ № 00439 стал применяться настолько расширительно, что со ссылкой на него репрессировали лиц, не являвшихся ни этническими немцами, ни гражданами Германии, пенсионеров, домохозяек²⁶⁵.

К 6 августа 1937 г. в Москве и Московской области было арестовано 130 граждан Германии²⁶⁶. В нашей базе данных за этот период 89 арестованных (из них 22 — советские граждане), т. е. областное

---

²⁶² Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 310.

²⁶³ Наказанный народ. С. 41.

²⁶⁴ Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 295.

²⁶⁵ Например, еврей Соломон Немировский, попавший в плен в ходе Первой мировой войны и до возвращения в Россию в 1928 г. работавший в советском торговом представительстве в Берлине. Его жена Марта, также репрессированная со ссылкой на приказ № 00439, после приезда в СССР вообще нигде не работала.

²⁶⁶ Наказанный народ. С. 38.

управление госбезопасности стало лидирующим органом при проведении репрессий в столичном регионе. Это подтверждается статистикой на конец 1937 г. По данным представительства КПП за этот период был арестован 551 член партии, находившийся в СССР, из них 228 — в Москве²⁶⁷. На долю областного управления, по нашим данным, к концу 1937 г. приходится арест более чем 100 немцев, которые являлись членами КПП, остальных следует отнести на счет центрального аппарата НКВД.

Летом-осенью 1937 г. районные отделения и отделы НКВД еще не были подключены в полном объеме к арестам и ведению следствия по национальным операциям. Да и оперативные сотрудники с Малой Лубянки еще не до конца разобрались, что в новых условиях можно обойтись без особого пиетета по отношению к иностранцам. Они не применяли жестких средств воздействия, поэтому среди тех германских граждан, кто был арестован в конце июля — августе, признавшихся в шпионаже явное меньшинство. Однако это не мешало появлению обвинительных заключений с формулировками, подобными той, что имеется в деле слесаря завода имени Фрунзе Франца Бергера: «Виновным себя не признал, но путаность его показаний достаточно изобличает в этом».

Чтобы максимально развернуть национальную составляющую большого террора, нарком Ежов задумал очередную реорганизацию органов госбезопасности. В структуре областных аппаратов НКВД, в отличие от центрального, не было специального управления государственной безопасности (ГУГБ НКВД)²⁶⁸. Однако структура чекистских отделов УНКВД копировала структуру ГУГБ. Как и в центральном аппарате, агентами иностранных разведок занимался Третий отдел, его называли контрразведывательным (КРО). В январе 1938 г. Ежов на совещании руководящих сотрудников наркомата выступал за то, чтобы в составе КРО ГУГБ НКВД выделить отдел, который будет заниматься исключительно Германией. «Он должен включать в себя обслуживание посольства, всей немецкой колонии, и обслуживание всего немецкого населения Союза, т. е. базы контрразведки, которая имеется в Союзе, т. е. нужно дать чисто немецкую линию сверху донизу»²⁶⁹.

---

²⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 94. Л.1. Вероятно, в эту цифру были включены и те члены партии, кто проживал в ближайшем Подмосковье.

²⁶⁸ О структуре НКВД см. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999.

²⁶⁹ Петров Н. В., Янсен М. Указ. соч. С. 316–317.

Естественно, подобные установки дублировались на следующем, республиканском и областном уровне чекистской структуры, тем более в таком особом регионе, как столичный, и находили свое выражение в масштабах арестов. На долю сотрудников КРО УНКВД МО приходится более трети дел, по которым у нас есть достоверные сведения об органах, проводивших следствие — 225 АСД из 625. За Третьим следует Четвертый (секретно-политический) отдел — 74 дела (из них 52 — на членов мифической организации гитлерюгенд), затем Пятый (особый) отдел, который занимался «чекистским обслуживанием» армейских частей — 36 дел, Дорожно-транспортный отдел — 17 дел.

Случаи, когда структурные подразделения, входившие в УНКВД МО, «обменивались» подследственными с ГУГБ НКВД, можно буквально пересчитать по пальцам. В центральный аппарат передавались наиболее «перспективные» кандидаты, например уже упомянутые Натан и Моисей Лурье, ставшие обвиняемыми на первом показательном процессе. Фриц Фрейман, переданный в Особый отдел ГУГБ, имел полный набор преступных признаков: был исключен из ВКП(б), работал на оборонном предприятии, несколько раз пытался выехать из СССР, да еще и имел в Германии брата-фашиста. Дела забирали в ГУГБ и тогда, когда «сверху» поступал сигнал о немедленном освобождении арестованного. Так случилось с известным биологом из Германии Юлием Шакселем, который в горячке «последнего набора» был арестован Фрунзенским райотделением НКВД. Через два месяца после ареста, 17 мая 1938 г., Шаксель был освобожден по постановлению Четвертого отдела ГУГБ²⁷⁰.

Центральный аппарат также скупо делился своими арестованными с областным управлением — такие случаи можно пересчитать по пальцам. Врач и писатель Лотар Вольф первоначально планировался в качестве обвиняемого по делу международной еврейской организации «Агроджойнт», следствие по которому вел Третий отдел ГУГБ. Однако спустя несколько месяцев его передали в Московское управление, причем на основе его показаний было арестовано несколько десятков человек, а сам Вольф после такой «отработки» был расстрелян по приговору ВКВС.

Более заметна динамика движения дел, представлявшихся перспективными, от низовых структур НКВД — райотделов и райотде-

---

²⁷⁰ Справка по делу Шакселя сохранилась в АСД Лотара Вольфа. Факт ареста Шакселя отмечен в дневнике В. И. Вернадского.

лений — к аппарату областного управления на Малой Лубянке. Трое из проходивших по делу об «антикоминтерновском блоке» (Ганс Блох, Вальтер Розе, Валентин Гане) были арестованы районными отделениями. Причиной их передачи «наверх» были, очевидно, не признательные показания (как уже неоднократно говорилось, в марте 1938 г. «признавались» все), а то, что они являлись германскими гражданами. В ряде АСД зафиксировано, что местные органы госбезопасности, проведя лишь предварительное дознание, передавали его материалы в областной аппарат. Так поступили в Ростокинском отделении НКВД г. Москвы после ареста группы немцев, проживавших в Сокольниках, в доме по улице Олений вал, дом 20. Однако на Лубянке сочли следствие законченным, и все арестованные были осуждены уже через две недели после своего ареста²⁷¹.

К концу 1937 г. стало ясно, что без привлечения низовых звеньев наркомата невозможно добиться заданных сверху темпов массовых операций. Подводя итоги кулацкой операции, об этом говорил на совещании руководящих сотрудников НКВД 24 января 1938 г. Николай Ежов: «От мысли о ликвидации кое-где районов и создания вместо них оперативных секторов придется отказаться, так как последняя операция показала, что без районов мы бы ничего не сделали, мы бы с этой задачей не справились»²⁷².

О вкладе низовых чекистских структур в немецкую операцию 1936–1941 гг. красноречиво свидетельствуют цифры — из 625 дел, по которым у нас есть достоверные данные об органе, проводившем следствие, более трети (218) было завершено райотделениями столицы и райотделами НКВД Подмосковья. Из 218 «районных» дел 163 приходится на период массовых арестов с 29 июля 1937 по 31 марта 1938 г. В свою очередь, 86 из этих 163 дел относятся к завершающему этапу немецкой операции, т. е. проходившие по ним люди были арестованы в феврале-марте. Доля районного звена в законченных следственных делах УНКВД МО в те месяцы составляла около 40 %.

Серпуховский райотдел НКВД, где работал упоминавшийся выше следователь Хватов, равно как Кунцевский, Мытищенский, Коломенский и ряд других, относился к числу «ударников», давших максимальные цифры арестованных по политическим статьям в Подмосковье. Первоначально это были разного рода «антисоветские элементы», начиная с февраля 1938 г. — иностранные шпионы и диверсанты. В период массовых операций эти районы ставились в пример

---

²⁷¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-39069.

²⁷² Цит. по: Петров Н. В., Янсен М. Указ. соч. С. 319.

остающим, после завершения «ежовщины» туда были направлены комиссии для проверки, по итогам их работы руководители райотделов были сняты со своих постов и осуждены²⁷³.

В большинстве районных структур НКВД, не охваченных «социалистическим соревнованием», проводилась тактика затягивания следствия по шпионским делам, что позволило обвиняемым дожидаться перемены настроений в ноябре 1938 г. Типичным примером является дело Вильгельма Рерса, политэмигранта и рабочего бетонного завода, которое велось Красногорским райотделом. В дальнем Подмоскowie лиц, подходивших под критерии немецкой операции, было найти не так легко. В результате такое лицо выдвигали в резиденты, как это было с Эрнстом Гельвигом в Павлово-Посадском районе, а «низовку» набирали из местных жителей без немецкого контекста. Следствие по делу Гельвига велось нединамично, очевидно, местные оперативники испытывали некую растерянность перед иностранцем, который требовал переводчика, отказываясь подписывать протоколы допросов на русском языке. В результате дело было передано на заседание Мособлсуда, который вначале отправил его на доследование, а потом оправдал обвиняемого.

Последний толчок проведению национальных операций дало распоряжение Ежова, датированное 1 февраля 1938 г. В нем шла речь об ускорении их темпов, содержалось требование «подвергнуть аресту всех подозреваемых в шпионской, диверсионной и иной антисоветской деятельности немцев, состоящих в советском гражданстве, применительно категориям, перечисленным моем приказе 00485»²⁷⁴. Справки на арест немцев, готовившиеся в низовых структурах НКВД в последующие дни, напрямую ссылались на данный приказ, регламентировавший польскую операцию.

Датой окончания национальных операций в распоряжении Ежова называлось 15 апреля, в московском регионе массовые аресты были закончены в последний день марта. За февраль-март 1938 г. было арестовано более трети немцев, ставших объектом нашего исследования. Днями «пиковой нагрузки» стали дни (точнее, ночи) 11 и 12 марта, когда было арестовано 15 и 21 человек соответственно.

---

²⁷³ В Серпуховском райотделе НКВД были осуждены его руководитель М. И. Веселов и следователь В. И. Хватов, о чистке в Кунцевском райотделе НКВД см. Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. С. 102–110.

²⁷⁴ Наказанный народ. С. 52. В основе распоряжения лежало решение Политбюро от 31 января 1938 г. (Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. С. 468).

Таким образом, массовые аресты в ходе немецкой операции применительно к столичному региону укладываются в период с 29 июля 1937 по конец марта 1938 г., на него приходится 556 из 720 арестов по политическим мотивам, учтенных в базе данных, т. е. более двух третей. Из 556 человек — 111 граждан Германии, почти все они были приговорены к высылке. Всего из числа арестованных в эти 8 месяцев осуждено 520 человек, из них расстреляно 215, т. е. около 40 %. Данная цифра значительно меньше процента расстрелянных в рамках немецкой операции по всей стране, названного в научной литературе — 76,17 %²⁷⁵. Такая разница связана, очевидно, с тем, что далеко не все из учтенных в нашей базе данных лиц, арестованных в период массовых репрессий, рассматривались в качестве немцев. «Можно сказать, что больше 70 % членов КПГ арестованы НКВД», — докладывал в конце апреля 1938 г. сотрудник представительства немецкой компартии Пауль Йекель, называя цифру в 842 арестованных²⁷⁶. На долю УНКВД Московской области приходится более четверти из них — по неполным данным его сотрудники вели следствие в отношении более чем 220 человек, которые на момент ареста являлись членами КПГ.

В рамках известного постановления ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. были отменены «тройки» и «двойки», а также спецколлегии областных и районных судов, теперь решения по политическим преступлениям могли принимать только Особое совещание НКВД и военные трибуналы (ВТ)²⁷⁷. Приказ НКВД СССР № 00762, конкретизировавший положения этого документа, ставил точку в практике национальных операций. В нем перечислялись «ошибки и извращения», имевшие место в деятельности органов госбезопасности эпохи большого террора: сворачивание агентурно-осведомительной работы, отказ от установления индивидуальной вины, исключение прокуратуры из следственного делопроизводства²⁷⁸. Наиболее одиозные «ударники» из числа сотрудников НКВД сами оказались под следствием, для арестованных по политическим обвинениям, еще не получивших приговоров и томившихся в переполненных московских тюрьмах, настала пора «передопросов», открывавшая перед ними призрачную перспективу освобождения.

---

²⁷⁵ Наказанный народ. С. 69.

²⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 101. Л. 8.

²⁷⁷ Соломон П. Указ. соч. С. 242.

²⁷⁸ См. Бутовский полигон. Вып. 7. С. 315.

2. Осуждающие инстанции

Следственные органы в период «национальных операций» фактически предreshали судьбу арестованного, ибо тот, чье дело отправляли на заседание ОСО НКВД, получал приговор к заключению в лагерь, а дела, рассматривавшиеся Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР («двойкой») в так называемом альбомном порядке, заканчивались расстрелом. В один день, 29 декабря 1937 г., Ежов и Вышинский рассмотрели материалы на 1000 человек, 992 из них были осуждены к высшей мере наказания²⁷⁹. 17 мая 1938 г. они приговорили к расстрелу 311 человек, представленных от УНКВД МО, из них 36 человек — немцы.

Подавляющее большинство расстрелянных из нашей базы данных прошло через «двойку». Исключением являются всего девять человек, приговоренных к расстрелу «судебной тройкой» при УНКВД МО. Их «социальное лицо» доминировало над германской составляющей биографии — это были безработные (Рихард Зурке и Карл-Генрих Саванов), заключенный Дмитлага (Отто Ласс), а также работники Метростроя, следствие по которым вел Дорожно-транспортный отдел УНКВД. Еще трое метростроевцев (Генри Борн, Отто Треттау, Артур Гертрампф) решением «тройки» от 10 октября 1938 г. были приговорены к различным срокам заключения в лагерь.

Особое совещание как внесудебная инстанция, выносившая приговоры по политическим преступлениям, существовала со времен ВЧК. Новое положение об ОСО НКВД было утверждено Политбюро 8 апреля 1937 г. и вписывалось в стратегию подготовки большого террора. ОСО получало право приговаривать к заключению до 8 лет за политические преступления, а также «высылать за пределы СССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными»²⁸⁰. Формально ОСО принимало решения там, где не было возможности организовать нормальный судебный процесс, например, если свидетели обвинения были уже осуждены либо являлись «сексотами» (Густав Грабнер). На самом деле данный механизм использовался для бесконтрольной расправы над подлинными и мнимыми противниками большевистского режима.

---

²⁷⁹ Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 163.

²⁸⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. С. 126–127. 5 сентября 1937 г. в рамках «польского приказа» максимальный срок, к которому имело полномочия приговаривать ОСО НКВД, был повышен до 10 лет. Очевидно, это правило применялось и в ходе немецкой операции (Там же. С. 336).

В приговорах внесудебных органов не содержалось ссылок на тот или иной пункт 58 статьи УК. Постановление ОСО содержало формулировки «контрреволюционная деятельность», «контрреволюционная агитация», не расшифровывая их. В протоколах «двойки» вообще не указывался характер преступления, речь шла лишь о репрессии «в порядке приказа № 00439».

Военная Коллегия Верховного Суда СССР, являвшаяся высшей судебной инстанцией страны, занималась рассмотрением дел о политических преступлениях, следствие по которым велось ГУГБ НКВД. В отличие от «двоек» и «троек» ее деятельность не ограничивалась периодом большого террора. Законченные дела Московского управления попадали на ВКВС лишь в том случае, если его руководители считали их важными и выигрышными. В нашей базе данных — 24 осужденных этим органом. Статистика по ним распределяется следующим образом: до августа 1937 г. было осуждено 14 человек, 7 из них приговорены к ВМН, в период массовых операций осуждено 8 человек, после их завершения — 2, все 10 были расстреляны.

Дело на советских студентов, учившихся в Берлине, и сотрудников советского торгпредства завершилось приговором ВКВС 7 октября 1936 г. Именно из него были выделены материалы на проживавших в Германии Натана и Моисея Лурье, ставших жертвами первого показательного процесса²⁸¹. Участники контрреволюционной группы Таубенбергера поступали на ВКВС на протяжении трех дней в мае-июне 1937 г.

Оба многотомных дела отличает солидность исполнения, следователи не жалели времени на документирование вымышленных преступлений, по несколько раз проводя очные ставки, «закрепляя» показания обвиняемых. Последние в ходе заседания ВКВС отказывались от своих признаний, надеясь на правосудие, хотя и видели его формальный характер. Так, процесс по делу сторонника «левой оппозиции» в КПГ Фрица Шиманского длился всего лишь час с небольшим, его жены — и того меньше. Жена Таубенбергера попала на ВКВС вместе с мужем, в остальных случаях жены приговоренных репрессировались как «члены семьи изменника родины» (Элла Фребель, Гетвиг Вильнер, Эмма Лейбхер).

Отбор дел на ВКВС проводился в секретариате Особого совещания НКВД. Помимо «тяжелых случаев» туда направляли материалы

---

²⁸¹ К расстрелу приговорили всех четверых подсудимых, в том числе Эриха Константа и Павла Липшица, которые представлены в базе данных. Родившийся в Польше Липшиц приехал в Германию в 1922 г. из Литвы и работал в советском торгпредстве в Берлине.

на лиц, сохранивших германское гражданство, высылка которых по тем или иным причинам представлялась нецелесообразной. 14 мая 1938 г. ОСО передало в высшую судебную инстанцию законченные следственные дела на Роберту Гроппер и Вилли Рабэ. Первая являлась до 1933 г. сотрудником ЦК КПГ и депутатом рейхстага, и ее появление в Германии наверняка привело бы к нежелательному резонансу²⁸². Второго готовили к переброске на нелегальную работу в Германию, и он также слишком много знал. Оба прибыли в СССР по подложным документам и проживали в Москве под вымышленными именами. Однако ВКВС отказалась принимать на свое рассмотрение дела, липовый характер которых был слишком очевидным. В них не было ни признаний самих обвиняемых, ни прямых указаний на их шпионскую деятельность со стороны третьих лиц. В результате дело Гроппер вернули на доследование, а дело Рабэ передали в обычный суд, и вместо расстрельного приговора он получил «всего» три года заключения в лагерь.

С середины ноября 1938 г. в тюрьмах началась полоса активных допросов тех подсудимых, кто досидел без приговора до конца «ежовщины». Из 556 арестованных в период немецкой операции под следствием все еще оставалось 63 человека. Практически все они отказались от вымышленных признаний, данных ранее, эти отказы были зафиксированы в протоколах допросов, а в ряде случаев в них попали и рассказы подсудимых о методах их «физической обработки». В следственный процесс возвратились прокуроры, в документах стали появляться их отметки о просмотре дел и утверждающие резолюции. В целом они играли в рамках правил, навязанных надзорным органам сверху, соглашаясь с передачей дел на рассмотрение Особого совещания НКВД²⁸³. Однако в ряде случаев им все же удавалось отправить дело на доследование, переqualificировать обвинение на более легкую статью (как правило, шпионаж на антисоветскую агитацию) или добиться рассмотрения дела судебными органами.

Военный трибунал Московского военного округа в 1939–1940 гг. не проявлял стахановского рвения, принимая к производству дела только на тех лиц, которые имели хоть какое-то отношение к вооруженным силам. Главный инженер «Мосфильма» Ганс Мориц-Гримм курировал деятельность пиротехнического цеха киностудии, Борис

---

²⁸² См. очерк о Роберте Гроппер в третьей части книги.

²⁸³ Так, при просмотре дела Хилия Rogozинского прокурор поставил резолюцию: «Учитывая, что обвиняемый является политэмигрантом, дело подлежит рассмотрению на ОСО».

Ширман давал уроки немецкого языка в военной академии. В случае с Куртом Либкнехтом, работавшим архитектором в Наркомате путей сообщения, вообще непонятно, по какой причине дело было отправлено в ВТ. Нельзя исключать, что поскольку Курт был племянником иконы германского коммунизма — убитого в 1919 г. лидера КПГ Карла Либкнехта, — «наверху» было принято решение спустить дело на тормозах. На заседании трибунала всплыло столько нелепиц в составленном наспех обвинительном заключении, что написание оправдательного приговора не составило для судьи никакого труда²⁸⁴.

Хотя свидетели защиты на заседание ВТ не вызывались, в его ходе обвиняемый получал шанс изложить свое отношение к делу, разоблачить очевидные фальсификации следователей. Так, Ширман заявил, что выдумал фамилию своего вербовщика. Гильда Гаушильд, так и не давшая признательных показаний на этапе следствия, потребовала, чтобы в качестве свидетеля на заседание ВТ вызвали Карла Радека, преступную связь с которым ей инкриминировали.

Особого пиетета военная юстиция перед НКВД после завершения «ежовщины» не испытывала. Заседания стенографировались, и из этих протоколов видно, что в ряде случаев дело доходило до откровенного пикирования двух силовых ведомств. Прокурор не находил состава преступления, следователи настаивали, пуская в ход даже аргументы марксистской окраски: как можно освобождать инженера Магнуса Зацгера, если в Германии у него «проживают родители, имеющие кулацкое хозяйство, и братья — владельцы частных мастерских с применением рабочей силы»²⁸⁵. Помимо Либкнехта военным трибуналом в 1939 г. были оправданы Йозеф Рубенс и Эдуард Штилов. Гораздо чаще дело на того или иного немца отправлялось на доследование и больше не возвращалось к военным судьям. Следователи либо самостоятельно принимали решение об освобождении подсудимого, либо добивались у прокурора санкции на передаче дела на ОСО.

Приказ № 00762 требовал максимально сократить количество дел, направляемых на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, а дела на иностранных подданных направлять туда только в

---

²⁸⁴ Либкнехт был оправдан на заседании ВТ МВО 31 августа 1939 г. В деле нет прямых ссылок на заступничество семьи Карла Либкнехта, проживавшей в СССР, однако на заседании обвиняемый призывал в свидетели своего двоюродного брата Гельмута Карловича Либкнехта.

²⁸⁵ Из протеста Особого отдела УНКВД на постановление прокуратуры. Последняя взяла верх — Зацгер был освобожден, но вновь арестован в 1941 г. и умер в тюрьме на этапе следствия.

исключительных случаях²⁸⁶. В мае 1939 г. Вышинский докладывал В. М. Молотову, что в настоящее время через ОСО проходит слишком большое количество дел, до 300 за одно заседание²⁸⁷. Междоусобная борьба между влиятельными ведомствами приводила к тому, что следствие, начатое в период большого террора, затягивалось на целые годы. Немецкие коммунисты, собранные в «антикоминтерновский блок», 15 апреля 1939 г. были переданы Военному трибуналу. Тот на протяжении семи месяцев откладывал даже подготовительное заседание, дождавшись протеста прокурора, подтвержденного решением ВКВС от 20 января 1940 г. После этого началось «второе следствие», о котором писали в своих заявлениях из московских тюрем арестованные, один из которых — германский подданный, член КПГ, еврей и политэмигрант Иосиф Зельбигер провел в предварительном заключении 1112 дней. В конце концов дело все же было поставлено на ОСО, которое освободило лишь двоих из «антикоминтерновцев». Пережив все реорганизации 30-х гг., Особое совещание и в дальнейшем позволяло органам НКВД прятать концы в воду, избегая прокурорского надзора и состязательности судебных заседаний.

3. Тяжесть приговоров

Немало исследователей «большого террора» пытались вывести некие закономерности и понять, в какой мере тяжесть приговора вытекала из характера и масштаба сфальсифицированных в обвинительном заключении преступлений. Приходится констатировать, что здесь бессильными оказались и статистические выкладки, и количественные методы²⁸⁸. Единственное, что можно утверждать достаточно точно — тот, кто досидел под следствием до конца «ежовщины», смог избежать смертного приговора. Отказ от признательных показаний в какой-то степени затягивал процедуру следствия, наряду с «нераскажвшимся» шанс выжить был и у тех, кто был готов признать любую нелепицу, сотрудничал со следствием, подписывая обвинения в адрес знакомых и незнакомых людей.

Среди изученных АСД есть немало дел на немцев, так и не признавших своей вины, но тем не менее расстрелянных. Весной 1938 г., когда машина репрессий работала на самых высоких оборотах, оформление следственных материалов было максимально упрощено,

---

²⁸⁶ Бутовский полигон. Вып. 7. С. 316.

²⁸⁷ Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 198.

²⁸⁸ Об этом же свидетельствует и С. В. Журавлев: Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация. С. 181.

связь между поведением подследственного и ходом следствия была совершенно утеряна. Генрих Грюнвальд, работавший в отделе политэмиграции МОПР, отказался 22 мая 1938 г. от своих признательных показаний, но тем не менее был приговорен к расстрелу 29 июля того же года, хотя дата обвинительного заключения в его деле помечена августом.

Отягчающим обстоятельством при определении наказания являлась работа обвиняемого на советскую разведку или органы госбезопасности, подготовка к подпольной работе в школах Коминтерна. Поскольку в данном случае речь шла о политэмигрантах, в материалах АСД они записывались как лица вне подданства даже в том случае, если имели непросроченный вид на жительство. Люци Бауэр, закончившая курсы Коммунистического интернационала молодежи и проживавшая в отеле «Люкс», признала на допросе, что сама не знает, гражданином какого государства она теперь является. Ее первый муж член ЦК германского комсомола Эрнст Вабра все годы фашизма провел в концлагере, ее годовалая дочь осталась у родителей в саксонском городе Хемниц. Они не дождалась мать и жену — Люци Бауэр была расстреляна 29 декабря 1937 г., вместе с еще четырнадцатью немцами — жертвами сталинской юстиции. «Самый немецкий день» в Бутово состоялся чуть раньше, 3 ноября, когда было расстреляно 32 человека, учтенных в нашей базе данных.

Не удастся установить логической связи между конкретным пунктом 58-й статьи УК РСФСР и длительностью лагерного срока. И за антисоветскую агитацию, и за шпионаж ОСО могло дать одинаковый срок, «двойка» также приговаривала к расстрелу, даже если в обвинительном заключении не было данных о шпионской или террористической деятельности. Статистика показывает, что женщинам органы госбезопасности «не доверяли» ответственных преступлений, в этом, вероятно, находила свое проявление сохранившаяся патриархальность советского общества. В групповых делах женщинам никогда не отводилась роль лидеров, среди 24 человек из нашей базы данных, прошедших через ВКВС, расстрельный приговор получили почти все мужчины и ни одна из трех женщин. По решениям «двойки» было расстреляно 8 женщин из нашей базы данных, это менее 4 % от общего числа расстрелянных, что вполне соотносится с гендерными данными Бутовского полигона²⁸⁹. Примерно такое же отношение было и к молодым людям, не достигшим 20 лет. Присутствие их в «альбомах» рассматривалось руководством НКВД как показатель небрежности и

---

²⁸⁹ Из 20 тыс. расстрелянных — 879 женщин (Бутовский полигон. Вып. 7. С. 302).

формального подхода к репрессиям на местах²⁹⁰. В нашей базе данных — ни одного расстрелянного в возрасте до 20 лет.

После завершения «ежовщины» в следственных делах появляется категория «социально опасных элементов» (СОЭ), которая как раз и обозначала лиц, которым не удалось инкриминировать никаких преступлений. Туда попадали наряду с женами репрессированных старики-пенсионеры и молодежь. В СОЭ был записан семнадцатилетний Вилли Соколов, которому дали «всего» три года.

Срок в пять лет трудовых лагерей с точки зрения органов НКВД выглядел почти как оправдание подследственного. При передопросе в ноябре 1938 г. врач-психиатр Эрих Штернберг отказался от всех «признаний», сделанных в марте. Следователь начал едва ли не успокаивать подследственного: «Ни в чем особом Вас не обвиняем, но Вы же не можете нам доказать, что Вы не завербованный, следовательно, Вам придется 5 лет работать в лагере, в этом ничего страшного нет».

Ну а меньший срок следовало буквально «заслужить» — в базе данных только семь подобных приговоров, причем все они — вне хронологических рамок массовых операций. Наконец, уникальной оказалась ситуация у Берты Гроппер и Георга Штрещеля — после трех с половиной лет под следствием их освободили по постановлению ОСО «с зачетом срока, отбытого в предварительном заключении». Находившимся в Москве лидерам КПП пришлось поломать себе голову, чтобы решить, является ли подобная формулировка основанием для партийной реабилитации.

И Гроппер, и Штрещель являлись партийными функционерами с солидным стажем, а посему были знакомы с ритуалами самозащиты в ходе чисток большевистской партии. Из тюрьмы они направляли во все инстанции десятки писем о своей невинности, соответствующий отдел ГУГБ НКВД был вынужден признать, что оставляет их без внимания «ввиду нехватки переводчиков». Оказавшись на свободе, оба продолжали бороться за свою полную реабилитацию, и если бы не начавшаяся война, эта борьба могла бы завершиться победой. На стороне немецких коммунистов была даже формальная логика. «Мера назначенного мне наказания является выражением того, что обвинение неверное: настоящего шпиона или участника троцкистско-террористической организации нужно присуждать к высшей мере наказания»²⁹¹.

---

²⁹⁰ См. телеграмму заместителя наркома внутренних дел М. П. Фриновского начальника УНКВД Свердловской области (Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 170).

²⁹¹ Из письма Штрещеля наркому госбезопасности Меркулову от 24 апреля 1941 г.

«Мы всегда стояли на той точке зрения, что иностранные граждане, свободные в отношении нас от гражданских обязанностей и чувства долга перед Родиной, менее отвечают за антигосударственные действия, чем советские граждане», — писал нарком иностранных дел М. М. Литвинов Сталину 15 января 1937 г.²⁹² Интересно, что поводом для письма была подготовка показательного судебного процесса над группой «германских фашистов». Руководитель НКВД указывал на то, что осуждение иностранных подданных может вызвать негативную волну в мировой прессе. Можно предположить, что Сталин внял этим аргументам и отказался от проведения «немецкого процесса».

В данном случае представляется важным, что накануне большого террора советское руководство четко проводило различие между иностранными и советскими гражданами, причем достаточно либеральное отношение к первым было вызвано оглядкой на общественное мнение европейских стран. Смертные приговоры по отношению к иностранным гражданам должны были пройти через одобрение специальной комиссии Политбюро²⁹³. Служебные инструкции органов НКВД делали четкое различие в процедуре следствия и осуждения по отношению к гражданам СССР и иностранным подданным. В последнем случае требовалось согласовывать вопрос с НКВД, а там, где это касалось «резонансных дел», например, связанных с арестом и высылкой из страны корреспондентов иностранных газет, получать санкцию Политбюро.

Ситуация изменилась только летом 1937 г., когда в горячке массовых операций началось смешение данных категорий. Хотя приказ НКВД № 00439 касался только германских подданных, в ходе его практической реализации было репрессировано значительное число людей, никогда таковыми не являвшихся. В польском приказе № 00485, ставшем «моделью для всех массовых национальных операций 1937–1938 гг.»²⁹⁴, вообще не делалось никаких скидок на подданство лиц, подлежащих аресту.

---

²⁹² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. С. 40.

²⁹³ Там же. С. 163, 164, 165. Судя по опубликованным в сборнике документам, вопрос о смягчении расстрельных приговоров в отношении германских граждан ставил НКВД, мотивируя это тем, что «расстрел может вызвать нежелательную реакцию в Германии и ухудшить положение арестованных в Германии коммунистов».

²⁹⁴ Наказанный народ. С. 39.

В условиях штурмовщины начала 1938 г. органы госбезопасности далеко не всегда информировали коллег из Наркоминдела об арестах иностранных подданных. Политбюро ЦК ВКП(б) было вынуждено специально потребовать от НКВД «строгого соблюдения существующих международных соглашений», как бы странно это не звучало в апреле 1938 г.²⁹⁵ Приказ НКВД № 00762, завершивший «ежовщину», восстанавливал практику особого отношения к иностранным подданным.

1. Первая волна

В своем письме Сталину Литвинов рассматривал высылку германских граждан из СССР как минимально возможный приговор или даже как форму оправдания за недостаточностью доказательств. Хотя подавляющее большинство высланных обвинялись в тяжелом антигосударственном преступлении — шпионаже, их приговор скорее выглядел подтверждением расхожей формулы о том, что «каждый немец — агент гестапо», нежели наказанием за реально совершенные действия.

В практике использования высылки германских граждан можно выделить два отличающихся друг от друга периода. В первом, условно до начала февраля 1938 г., ОСО автоматически приговаривало граждан Германии к высылке из СССР, причем в обвинительном заключении часто (но не обязательно) присутствовала ссылка на приказ НКВД № 00439. Таковых в базе данных — 79 человек из 113, приговоренных к высылке (фактически было выслано около 100 человек). На завершающем этапе национальных операций немцы в сомнительных случаях (лишенные германского гражданства, находившиеся вне подданства, с просроченными паспортами) приравнивалось к советским гражданам, что резко уменьшило количество высланных из СССР. С февраля и до конца 1938 г. таковых оказалось всего 9 человек, причем в отношении трех из них приговор о высылке из СССР был пересмотрен. Вторая волна высылки пришлась на конец 1939 г. и была связана с заключением пакта о ненападении, о чем пойдет речь ниже.

Выше уже шла речь о том, что эмигрантов, не перешедших в советское гражданство, не всегда приговаривали к высылке из СССР. Вопрос решался не на основе правовых норм или приказов НКВД, а

---

²⁹⁵ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. С. 527.

исходя из практических соображений, не зафиксированных в АСД. Но даже приговоренных к высылке иногда оставляли в СССР, давая небольшой лагерный срок. Отмена решения ОСО не считалась в условиях царившей тогда чрезвычайщины чем-то из ряда вон выходящим²⁹⁶. Приехавшую в 1933 г. к сыну пенсионерку Кэти Розенбаум вначале приговорили к высылке, однако потом выяснилось, что она получила статус политэмигранта, и исполнение приговора было приостановлено. После двух лет пребывания в тюрьме Розенбаум все же отправили в Германию, не сделав никаких скидок на то, что она являлась еврейкой. Находившийся на содержании МОПР Эрнст Басси, также первоначально приговоренный к высылке, не дождался исполнения приговора, так как в процессе оформления документов выяснилось, что он прибыл в Советский Союз по подложному паспорту.

Похоже, что сообщение посольства о лишении гражданства Германии рассматривалось в НКВД как аргумент в пользу обвиняемого. Удивительны обстоятельства освобождения слесаря обувной фабрики имени Парижской Коммуны Ганса Ротера. После приговора о высылке его паспорт был направлен через НКВД в посольство, откуда пришел ответ, что «Ротер лишен германского гражданства, а поэтому не может быть допущен в Германию». Создалась ситуация, которая могла довести до сумасшествия любого чиновника — приговор есть, но выполнить его невозможно. Дальнейшая процедура являла собой пример «государства произвольных действий» — приговор ОСО не был отменен, но дело вернули на доследование в Кировский райотдел НКВД, где его спустили на тормозах. Ротер был освобожден по постановлению следователя, утвержденному начальником УНКВД МО — очевидный нонсенс ввиду наличия неотмененного приговора, но последний попросту проигнорировали.

Бюрократическая медлительность спасла и венгерку Елизавету Бартош, которая до 1933 г. работала в советском торгпредстве в Берлине. Приговоренная к высылке на родину, она прибыла на советско-польскую границу в тот момент, когда выданная ей виза уже была просрочена. Новый тур переписки между НКВД и НКВД был прерван закрытием в Москве венгерской миссии. После полугодового пребывания на границе Бартош вернули в Москву. Дело пришлось пересматривать, и Бартош в конце концов была освобождена. Веро-

---

²⁹⁶ Гражданин Германии, болгарин по национальности Железко Перфанов был приговорен к высылке 28 ноября 1937 г. Это решение было отменено ровно через год, новое решение о высылке ОСО продублировало 5 февраля 1940 г. Отмена первого приговора была связана с тем, что германский паспорт Перфанова и его жены не продлили в посольстве. На протяжении почти трех лет болгарин находился в тюрьме, в течение 1938 г. в его деле не зафиксировано ни одного допроса.

ятно, такому исходу способствовал категорический отказ обвиняемой добровольно отправляться на родину, где ее ждали репрессии за участие в Венгерской советской республике 1919 г.

Перепроверка гражданства, особенно у тех эмигрантов, кто был нелегально или имел просроченный паспорт, приводила к тому, что процедура высылки затягивалась на годы²⁹⁷. Рекордсменом здесь стал токарь московского завода «Серп и молот» Вилли Вильфюр. Он был приговорен к высылке еще в 1937 г., но затем про него как будто забыли. Вильфюр написал больше десятка заявлений, требуя отправки на родину, но вспомнили о нем только после заключения пакта. За прошедшие годы его лишили германского гражданства, и посольство отказалось выдать ему документы. Чтобы хоть как-то закрыть дело, Вильфюра 17 января 1940 г. приговорили «всего» к трем годам заключения с момента ареста — на языке сталинских подручных это звучало почти как извинение за доставленные неудобства.

Момент истины для арестованных немцев наступал тогда, когда все пути к отступлению были уже отрезаны, и из двух зол приходилось выбирать меньшее. Они настаивали на немедленном исполнении приговора о высылке, так как условия пребывания в тюрьме являлись невыносимыми²⁹⁸. Многие проклинали свое решение остаться в СССР, требовали перечислить им заработанные деньги, вернуть или хотя бы компенсировать пропавшее имущество. Приговоренные к высылке Рудольф Мундт, Фриц Гильдебрандт и Генрих Экштейн так и не дождались исполнения приговора — они умерли в Бутырской тюрьме в разгар арестов марте 1938 г. Напротив, бетонщика Метростроя Эрнста Вейгельта приговаривали к высылке из СССР два раза — в 1937 и в 1940 гг., однако из-за бюрократических проволочек вопрос все никак не решался. В конце концов Вейгельт, получивший три года за антисоветскую агитацию, вернулся из лагеря и отправился в Германию добровольно.

Решение ОСО объявлялось немцам под расписку лишь накануне высылки, хотя устно им говорили о приговоре раньше²⁹⁹. Их вновь

---

²⁹⁷ На тщательной перепроверке иностранного гражданства арестованных и осужденных настаивало решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 апреля 1938 г. (Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. С. 527).

²⁹⁸ «В советской тюрьме я совершенно потерял здоровье (да это и не удивительно) и хожу в разорванной одежде. Все мои просьбы в отношении выдачи мне одежды и белья были напрасны». — писал шундундонец Фердинанд Эйгрубер в УНКВД Москвы после 29 месяцев предварительного заключения, требуя немедленной отправки в Германию (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 29754).

²⁹⁹ О том, что высылаемые знали о приговоре, свидетельствуют их заявления из тюрьмы с просьбой отправить их имущество на родину в Германию (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28820).

фотографировали для получения выездной советской и транзитной польской визы, теперь уже без тюремных аксессуаров, зато в пиджаке и при галстуке. Иногда фотография требовалась для возобновления или продления германского паспорта. Выславшиеся получали его только на пограничной станции Негорелое, там же им выдавали железнодорожный билет до Варшавы и 10 американских долларов под расписку (эти средства компенсировало германское посольство). В Польше они попадали в транзитные лагеря, под видом сотрудников Красного Креста с ними работали представители различных спецслужб.

Согласно директивным документам НКВД при высылке выдавалось личное имущество, деньги и документы, за исключением облигаций государственного займа. Что касается домашней обстановки и вещей, оставшихся в опечатанных комнатах, то все это реализовывалось через финансовые органы, и при содействии германского посольства человеку переводили денежную компенсацию. Излишне говорить о том, что это были смехотворные суммы. Кроме того, давались и устные напутствия: Герману Мюллеру «было сказано, что буду без осуждения расстрелян, если меня найдут где-либо на территории СССР»³⁰⁰.

Немцев, выславшихся из Советского Союза по приговору ОСО, органы госбезопасности накануне их отъезда вербовали в шпионы. Герхард Вильнер при высылке подписал обязательство работать на советскую разведку, ему пообещали за это освободить его отца и брата³⁰¹. Получалось, что вначале немцев обвиняли в шпионаже, а потом «оказывали высокое доверие»! Абсурдность ситуации делает еще более наглядной следующее обстоятельство: официальная идеология оправдывала большой террор тем, что классовый враг стремится узнать все советские секреты, и иностранцы ему помогают. Однако Сталин сам давал в руки Гитлеру важный источник информации о реальном положении дел в СССР.

Все прибывшие в Германию многократно подвергались допросам, на этот счет существовала специальная директива шефа РСХА Рейнхарда Гейдриха: «Расспрашивать возвращающихся из России максимально подробно, ибо после закрытия германских консульств в Советском Союзе они являются самым важным источником информации об СССР»³⁰². Для этого был разработан специальный каталог

---

³⁰⁰ Из заявления Германа Мюллера о реабилитации, датированного 1958 г.

³⁰¹ Согласно данным Каролы Тышлер, такое обязательство был вынужден подписать каждый десятый из выславшихся (Tischler С. Op. cit. S. 128).

³⁰² Цит. по: Mensing W. Die Vernehmungsprotokolle der "Russlandrueckkehrer". S. 156.

вопросов. Вынужденных «возвращенцев» спрашивали об их политической деятельности в СССР, о вступлении в ВКП(б), контактах с Коминтерном, возможной вербовке со стороны советской разведки.

Задавались и вопросы с расчетом на последующее пропагандистское использование. Исходя из ответов германского еврея Эрнста Фабиша, высланного в январе 1938 г., можно реконструировать то, что интересовало гестапо: «меня не принуждали к вступлению в партию», в СССР «евреи получают такой же вид на жительство, что и арийцы», «я не работал в военной промышленности», «моя зарплата колебалась от 400 до 600 рублей», «я не сталкивался с лагерями принудительного труда». Кроме того, Фабиш отметил, что «в СССР очень интересуются тем, что происходит в Германии. Обычно спрашивают, как там одеваются люди, и тому подобное. Мне не приходилось сталкиваться с проявлениями враждебности русских людей по отношению к Германии». И в заключение допроса вновь: «Я не заметил различий в отношении к евреям и арийцам» в Советском Союзе³⁰³. Фабиш погиб в концлагере Освенцим.

2. После пакта

После заключения в августе 1939 г. пакта о ненападении в Германию из СССР прибыло по разным данным от 1200 до 1400 немецких граждан, из них около 300 были высланы принудительно. Подавляющее большинство последних отправилось на родину прямо из ГУЛАГа. Материалы изученных АСД добавляют интересные черты и к самой процедуре, и к биографиям выславшихся немцев. С конца ноября 1939 по апрель 1940 г. было приговорено к высылке 17 человек, учтенных в нашей базе данных. Все эти люди содержались в неволе со времен национальных операций. Только четверо из них уже имели приговор и были возвращены из лагерей (Вилли Мейер, Генрих Шульмайер, Франц Хагель, Ганс Эдуард Драг). Остальные, как будто забытые впопыхах, продолжали находиться под следствием в московских тюрьмах.

После раздела Польши, как справедливо отмечает австрийский исследователь Ганс Шафранек, процедура «высылки» превратилась в «выдачу» — на границе в Бресте немцы, вырвавшиеся из ГУЛАГа, попадали прямо в руки нацистских властей³⁰⁴. Его оппоненты под-

---

³⁰³ РААА. R 104533 В.

³⁰⁴ Schafranek H. Op. cit. S. 54–57.

черкивают, что специального отбора коммунистов в рамках этой акции не велось — она не являлась «подарком Сталина Гитлеру», призванным закрепить дружбу двух диктаторов³⁰⁵.

Конечно, среди выславшихся из СССР узников ГУЛАГа были и антифашисты, и евреи, и их никто не спрашивал, хотят или не хотят они «домой в рейх». Расстрелянный в Бутово юрист КПП Феликс Галле подчеркивал недопустимость выдачи политических противников гитлеровскому режиму «вследствие уничтожения либерального правового государства в Германии»³⁰⁶. Однако о нормах права в Советском Союзе той эпохи думали в последнюю очередь. Евреев, которых к моменту высылки не успели лишить германского гражданства, полицейские органы сразу же отправляли в концлагерь на территории рейха или в специальные рабочие команды на территории генерал-губернаторства³⁰⁷.

После подписания договора о дружбе и сотрудничестве (28 сентября 1939 г.) в берлинском МИДе всерьез рассматривали возможность переселения всех советских немцев в Германию. По оценкам экспертов, их число достигало 1 млн человек. Сотрудники МИДа считали, что перенесенные лишения сделают их «лучшими борцами с большевизмом». Посол Германии в Москве Шуленбург 2 января 1940 г. высказался резко против, заявив, что в СССР это будет воспринято как вмешательство во внутренние дела страны, а молодое поколение советских немцев уже идентифицирует себя с режимом и в целом ассимилировалось с местным населением³⁰⁸.

Тем не менее осенью 1939 г. посольству пришлось столкнуться с резко выросшим потоком прошений о возвращении в Германию, в том числе и от тех, кто когда-то был коммунистом и политэмигрантом. Позиция немецких дипломатов не изменилась — они отказывались принимать «красных» и «расово неполноценных». Так, посольство не дало въездных виз еврейкам Гильде Гаушильд и Гильде Маркусон.

Новым во второй волне высылки было то, что теперь разрешалось отправлять в Третий рейх и лиц, лишенных германского гражданства³⁰⁹. Шуленбург обосновывал это решение тем, что советское гражданство немцам просто навязывали, и они не могли от него от-

---

³⁰⁵ Mensing W. Eine „Morgengabe“ Stalins an den Paktfreund Hitler? S. 84; Tischler C. Op. cit. S. 173.

³⁰⁶ Галле Ф. Указ. соч. С. 60–61.

³⁰⁷ Tischler C. Op. cit. S. 136.

³⁰⁸ Fleischhauer I. Op. cit. S. 61.

³⁰⁹ Тышлер К. Высылка немцев из Советского Союза в 30-е годы. — В кн.: Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 208–210.

казаться. Если такой человек был замечен в коммунистической деятельности, въезд в Германию для него автоматически закрывался. Фактически посольство принимало на себя функцию, аналогичную процедуре «партийных чисток» в СССР. В то же время дипломатическое представительство отдавало себе отчет в том, что «если мы откажемся принять относительно большое число людей, предназначенных к высылке (из СССР. — А. В.), то нельзя исключать того, что это вызовет у занимающихся этим советских учреждений неудовольствие, которое, в свою очередь, может оказать негативное воздействие на дальнейший ход кампании по высылке»³¹⁰. Кроме того, сотрудники посольства были вынуждены реагировать на многочисленные запросы родственников, пытавшихся выяснить судьбу близких, уехавших в Советский Союз.

На практике отношение к лицам, принявшим советское гражданство, было весьма избирательным. Эльзе Вебер, исключенной из КПГ за связь с арестованным мужем, было отказано в возвращении германского подданства, а ее детям паспорта выдали без особых проблем. Однако они отказались ехать в Германию без матери, а с полученными паспортами пошли в ОВИР, чтобы получить вид на жительство уже как иностранцы. В милиции немецкие паспорта были отобраны, так как вначале следовало выйти из советского гражданства (Эльза и ее муж стали гражданами СССР). Хождения в посольство и попытки выехать всем вместе продолжались до начала войны, мать и дети были арестованы и в 1941 г. приговорены к расстрелу.

В годы временного потепления советско-германских отношений посольство активизировало поиск германских подданных. Для этого из Берлина прибыло несколько дипломатов, в том числе Эрих Цехлин и Виктор Эйзенгардт, давшие после 1945 г. подробные показания о своей деятельности³¹¹. Они вновь ставили вопрос о поиске арестованных немцев, по которым ранее посольство получало негативные ответы. Теперь ситуация изменилась с точностью до наоборот — учетные отделы органов НКВД сами направляли запросы в лагеря, чтобы выяснить, нет ли там германских подданных. Сомнительные случаи (например, если политэмигранты прибыли в страну по подложным

---

³¹⁰ См. Schreiben von Werner von Tippleskirch, Geschäftsfuehrer der deutschen Botschaft in Moskau, vom 27.12.1939 ueber die Ausweisung von 61 Personen aus der SU (Peter Erler. Ein Dokument ueber die Ausweisung deutscher GULag-Haeftlinge aus der Sowjetunion // Horch und Guck. 1993. Н. 5. S. 42).

³¹¹ Эйзенгардт показывал, что при его прямом содействии за период с марта 1940 г. из СССР выехало более 300 немецких граждан, приговоренных Особым совещанием к высылке (Тайны дипломатии Третьего рейха. С. 502, 545).

паспортам и не имели доказательств своего гражданства) трактовались в пользу высылки.

Процедура пересмотра дел шла через ОСО, которое принимало решение об изменении приговора. Если обвиняемый получил приговор по суду, его пересматривала коллегия Верховного суда — в мелочах советская юстиция была весьма дотошной!³¹² В отличие от 1937 г. германских подданных собирали в специальных камерах московских тюрем, откармливали и приодевали. К тем, кто ждал высылки, приходил специальный уполномоченный наркома внутренних дел, выслушивал их жалобы на условия содержания.

Генрих Шульмайер не попал в «немецкий этап» со своими товарищами — в дни его отправки из Норильского лагеря он лежал в лазарете при смерти, с обмороженными ногами. Руководство лагеря настаивало на отправке «доходяги» на большую землю любой ценой, но лагерный врач проявил мужество, проигнорировав предписание начальства: «Примите все меры, чтобы его быстро вылечить». Больного не отправили на носилках с начинавшейся гангреной, что означало бы верную смерть. В лагере ему ампутировали пальцы левой ноги, и уже в Бутырской тюрьме продолжили лечение — вплоть до высылки в январе 1941 г.

И для Шульмейера, и для многих других выходцев из Германии это было спасение — хотя на другой стороне пограничной реки Буг их не ждал санаторий. Многим пришлось пережить допросы в гестапо, далеко не всех после этого отпускали на волю. Врач Зигфрид Гильде попал в концлагерь на территории Польши, Ганс Блох умер в Дюссельдорфской тюрьме в 1942 г., Эрнст Фабиш погиб в Освенциме годом позже. Этот список можно было бы продолжить, достоверные данные о дальнейшей судьбе высланных имеются лишь по политической эмиграции³¹³.

При содействии дипломатов в 1939–1941 гг. смогли выехать на родину несколько десятков жен и детей репрессированных германских граждан. Среди них жены отца и сына Бюренов, расстрелянных

---

³¹² Курт Койтц был приговорен к 10 годам ИТЛ Спецколлекцией Мосгорсуда 10 октября 1937 г. На свидании с ним неоднократно настаивало германское посольство. В апреле 1940 Верховный суд заменил этот приговор высылкой за пределы СССР. То же самое произошло с Гансом Эдуардом Драхом, работавшим до ареста режиссером театра в Республике немцев Поволжья. Он был приговорен ВКВС к 10 годам, но по протесту прокурора СССР 9 января 1940 г. выслан со следующей мотивировкой: «Считать нецелесообразным применение к Драх тюремного заключения».

³¹³ В книге Шафранека приводятся краткие биографии 192 немецких и 113 австрийских антифашистов, высланных из СССР в 1937–1941 гг. (Schafranek H. Op. cit. S. 124–165).

в Бутово. Через посольство немцы — заключенные ГУЛАГа получали деньги и посылки от своих родных из Германии, что вызывало возмущение представительства КПГ, требовавшего закрыть этот канал антисоветского влияния. Последний эпизод, связанный с деятельностью посольства и нашедший свое отражение в изученных АСД, датирован 22 июня 1941 г. После объявления войны дипломаты устроили раздачу оставшихся у них советских денег тем женщинам, которые поддерживали связь с посольством, рассчитывая на то, что таким образом им удастся выехать в Германию³¹⁴.

Глава 11 ПЕРЕСМОТР ДЕЛ, РЕАБИЛИТАЦИЯ

1. Оправдание и освобождение

«Обвинительный уклон был присущ чекистам всегда и всемерно поощрялся руководством “органов”, поэтому освобождение арестованного за недоказанностью обвинения ложилось настоящим пятном на всех причастных к делу»³¹⁵. Это утверждение вдвойне справедливо для эпохи массовых репрессий, когда сбор доказательств обвинения превратился в пустую формальность. Тем больший интерес вызывают следственные дела, завершившиеся освобождением немцев. Из 720 изученных АСД таковых 44, из них только в семи случаях обвиняемые были освобождены до ноября 1938 г.

Следует делать различие между лицами, получившими оправдательный приговор, и освобожденными по решению руководства УНКВД МО или прокуратуры. Оправдано было всего четверо, трое по приговору Военного трибунала, и один, Эрнст Гельвиц, — Мосгорсуда. Еще девять человек были освобождены в процессе пересмотра обвинительного приговора, остальные — на этапе следствия. Узость выборки не дает возможности сделать определенные выводы о динамике освобождений. Карола Тышлер пишет о двух пиках этого процесса — с декабря 1938 по апрель 1939 г. и с ноября 1939 по март 1940 г., хотя и не предлагает статистических данных³¹⁶. Наша база данных подтверждает справедливость второго пика: на него

---

³¹⁴ Анна Марек, жена шуцбундовца, уехавшего в Германию в 1940 г., получила 22 июня в посольстве 2500 рублей. Ее арестовали в ту же ночь и приговорили к расстрелу, хотя у нее на руках было двое маленьких детей. Позже приговор заменили на 10 лет лагерей, так как Анна была беременна (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 38574).

³¹⁵ Тепляков А. Г. Указ. соч. С. 255.

³¹⁶ Tischler C. Op. cit. S. 157.

приходится 19 случаев из дел, попавших в базу данных (на первый пик — только три).

Как и в случае с тяжестью приговора, попытки обнаружить какую-то логику в следственных делах, завершившихся освобождением обвиняемого, не приводят к успеху. Среди освобожденных по постановлению УНКВД МО большинство составляют немцы, признавшие свою вину, а потом отказавшиеся от своих показаний. В то же время в постановлении об освобождении Генриха Стаффорда специально указывалось, что он «на протяжении всего следствия виновным себя не признавал», — а следствие по его делу длилось два с половиной года!

Не являлась решающим критерием и чистота партийной биографии. Так, Зигфрид Гумбель, хранивший в Германии архив коммунистической агитгруппы «Красный рупор», под угрозой ареста покинул страну, просто купив тур «Интуриста». За этот проступок — «дезертирство с фронта классовой борьбы» — он уже в Москве был исключен из КПГ. В материалах следствия по его делу сохранились акты, что Гумбель оскорблял своих следователей, называя их фашистами, но и это не стало решающим аргументом против его освобождения. Гумбеля планировали и отправить на ОСО, и приговорить к высылке; органы следствия и прокурорского надзора неоднократно меняли собственные постановления по делу. Нельзя исключать, что у них были какие-то причины для особого отношения к простому корректору газеты ДЦЦ, но из АСД усмотреть эти причины невозможно.

С большой долей условности фактором, способствовавшим реабилитации, можно считать отказ германского посольства оформлять выездные документы на немцев, осужденных к высылке в конце 1937 г. Некоторые из них находились уже в Минске, однако так и не получили документов на въезд в Германию, так как были лишены гражданства этой страны. При пересмотре дел нескольких из них освободили (Отто Ганске, Ганс Ротер, Ганс Шлосберг, Бруно-Пауль Абрамовский, последний был лишен подданства Данцигского вольного города по решению городского сената от 16 июня 1939 г.). Очевидно, здесь в расчет принималось поведение на следствии, заступничество ИККИ и КПГ, а также старые революционные заслуги, отмеченные в биографии.

Пусть минимальный, но все же шанс освобождения давала активная позиция близких арестованного человека. Благодаря тому, что ее муж бомбардировал письмами все инстанции, неоднократно писал и Димитрову, и Сталину, была выпущена из лагеря Анна Эттерер³¹⁷.

---

³¹⁷ См. Мюллер Р. Преследуемые при Гитлере и Сталине: мюнхенские коммунисты Анна Эттерер и Франц Шварцмюллер // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX века. М., 2010. С. 40–51.

После ареста инженера завода «Тизприбор» Ганса Шлосберга его отец, известный химик, 19 мая 1939 г. добился приема у заместителя прокурора СССР Г. К. Рогинского и смог убедить того в невиновности своего сына — «еврея и антифашиста». После этого развернулась подковерная борьба между прокуратурой и органами госбезопасности, нашедшая свое отражение в АСД. По протесту прокурора дело Шлосберга было снято с повестки дня ОСО, но лишь 7 марта 1940 г., после почти трех лет пребывания в предварительном заключении, вышло постановление Военной прокуратуры о его освобождении.

Особым случаем «бериевской реабилитации» являлся пересмотр приговора по заявлению осужденного и возвращение человека из лагеря. Такую возможность открывали ноябрьские постановления 1938 г., в ряде случаев инициатива к пересмотру исходила от особоуполномоченного НКВД МО, который исполнял функции внутреннего контроля (Артур Гертрампф). Однако органы госбезопасности предпочитали беречь «честь мундира», под любым предлогом отказывая в разборе дела по существу. Нередко процесс пересмотра дела останавливался на полпути. Гельмут Кадеман вышел из нацистского концлагеря, где его жестоко избивали, полным инвалидом. В конце 1937 г. его отправили в Карлаг, одно из его писем с жалобой на произвол следствия Георгий Димитров переправил Вышинскому. Началась проверка, в ходе которой оказалось, что Кадеман вообще не владел русским и не понимал, чего от него хотел следователь. Бюрократическая неспешность, а затем и начавшаяся война привели к тому, что вопрос разрешился сам собой — 12 октября 1942 г. Кадеман умер в лагере³¹⁸.

Георг Шудлик постоянно конфликтовал с полицией Веймарской республики, а в ходе следствия живописал свои подвиги, в результате которых остался с одной рукой и одним глазом. В 1920 г. во время боев в Верхней Силезии, когда решался вопрос о ее разделе между Германией и Польшей, он участвовал в убийстве 11 жандармов. Чтобы избежать ареста, Шудлик вскрыл себе вены и был отправлен в больницу. Год спустя неугомонный активист убил директора шахты, посчитав его виновным в преждевременной смерти своего отца-шахтера. Позже, став боевиком КПГ (он работал в так называемом «чекистском отделе»), Шудлик застрелил полицейского. В 1932 г., когда грехов накопилось слишком много, его отправили в эмиграцию,

---

³¹⁸ 8 апреля 1940 г. следственная часть УНКВД предложила снизить срок Кадеману до фактически отбытого — инвалид в лагере почти все время находился в лазарете. Однако Особое совещание приняло решение провести по делу дополнительную проверку.

предупредив вероятный арест. Столь боевая биография могла показаться выдумкой, но отдел кадров ИККИ подтвердил ее основные вехи, и Шудлик был освобожден из лагеря³¹⁹.

Тому, что на тот или иной случай органы прокуратуры обращали внимание, способствовало счастливое стечение самых различных обстоятельств, как, например, масштабная проверка деятельности Кунцевского райотдела НКВД, начавшаяся после ареста его руководителя. Фрида Голланд была домохозяйкой, ее муж сражался в Испании, сыновья Вилли и Роберт осваивали специальность токаря. Все трое были арестованы и осуждены в один день. Вилли и Роберт оказались вместе в Карлаге, в лагпункте Долинка. Оттуда они постоянно слали заявления во все инстанции, настаивая на том, что репрессированы незаконно. Заявления были переданы в Кунцевский райотдел, где уже работала высокая комиссия из Москвы. Протесты прокуратуры по всем трем делам были подписаны самим Вышинским 15 мая 1939 г. Прошел еще почти год, и в один день Фрида, Вилли и Роберт получили решение об освобождении из лагеря.

С Кунцевским районом связан и единственный случай посмертной реабилитации немца, попавшего в нашу базу данных. Карл Бидерман, пенсионер из Кунцево, умер в лагере 9 января 1939 г., менее чем через месяц туда пришло постановление об отмене приговора. Когда после смерти Сталина реабилитация станет массовой, своего оправдания не дождутся сотни тысяч канувших в небытие жертв ГУЛАГа.

2. Заступники из Коминтерна

Выше уже разбирался вопрос о том, в какой мере представительство КПП и отдел кадров ИККИ принимали участие в отборе жертв репрессий 1937–1938 гг. Во властной пирамиде СССР эти структуры занимали положение, не сравнимое с положением органов государственной безопасности, что, однако, не позволяет говорить о них как о безмолвном объекте большого террора. В его первые месяцы руководители КПП были уверены в том, что «невиновных в Советском Союзе не арестовывают», но затем к ним постепенно приходило

---

³¹⁹ В АСД содержится справка из отдела кадров ИККИ от 25 сентября 1940 г. в ответ на запрос прокурора, который, в свою очередь, был инициирован письмом Шудлика из лагеря, где тот описал все свои революционные заслуги. Жизнь на свободе продолжалась для немецкого боевика чуть больше года — в сентябре 1941 г. Шудлик был арестован вновь и умер в тюрьме еще до вынесения приговора.

прозрение³²⁰. Проводя селекцию потенциальных жертв и регулярно снабжая «компроматом» НКВД, они в то же время пытались воздействовать на ход следствия там, где это представлялось необходимым и возможным. Бессмысленно в данном случае прибегать к количественным сравнениям и в силу фрагментарности источниковой базы, и из-за невозможности вывести сопоставимые единицы измерения «доносительства» и «заступничества».

Не имея возможности напрямую обращаться к государственным учреждениям, представительство КПГ делало это через отдел кадров либо через секретарей ИККИ, прежде всего Георгия Димитрова. В своих письмах и обращениях руководители германской компартии отдавали себе отчет в том, что идут по краю пропасти. С одной стороны, нужно было не бросить тень на «доблестные органы», с другой — донести до них собственное мнение о том или ином арестованном. Переписка не содержит и намека на то, что лидеры КПГ видели чрезвычайные масштабы репрессий, напротив, они избирали холодный деловой тон, избегая эмоций. Дополнительные данные о том или ином эмигранте подавались как помощь органам следствия, которая позволит им самостоятельно разобраться и принять справедливое решение.

В архиве Коминтерна и КПГ сохранилось немало таких документов³²¹, их копии присутствуют и в следственных делах. Один из первых примеров подобного рода — реакция Вильгельма Пика на письмо жены Пауля Франкена, арестованного 26 ноября 1937 г. Уже на следующий день председатель КПГ подтвердил, что Франкен вел переписку с границей по его просьбе, о чем им «своевременно было сообщено в отдел кадров и инстанциям»³²². Письмо с визой Димитрова было отправлено заместителю наркома внутренних дел Фриновскому, однако Франкену это не помогло. Как иностранец он был приговорен к высылке, но затем выяснилось, что его лишили германского гражданства, и Франкена отправили в ГУЛАГ. Он умер в лагере в мае 1945 г. за полгода до срока своего освобождения.

20 апреля 1938 г. Пик передал Димитрову список из 16 арестованных немецких политэмигрантов, в невиновности которых он был уверен³²³. 12 имен из этого списка присутствуют в нашей базе данных,

---

³²⁰ Tischler C. Die Rolle der KPD-Fuehrung bei der Verhaftung ihrer Mitglieder waehrend des stalinistischen Terrors // Moskau 1938. Szenarien des Grossen Terrors. Leipzig, 1999. S. 108.

³²¹ Некоторые из них опубликованы в книге: Verratene Ideale. Zur Geschichte deutscher Emigranten in der Sowjetunion in den 30er Jahren. Berlin, 2000.

³²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 1481. Л. 45.

³²³ Tischler C. Flucht in die Verfolgung. S. 157–158.

большинство из них будет позже объединено в деле об «антикоминтерновском блоке»³²⁴. Вряд ли было простым совпадением то, что уже на следующий день из-под ареста был выпущен один из названных Пиком — Генрих Стаффорд (Бернгард Кенен). В одной из стычек с фашистами он стал инвалидом — ему выбили глаз, и он под чужим именем прибыл на лечение в Советский Союз.

Еще одним из тех, кто был назван в апрельском письме, был Вилли Клейст (Керф), один из видных функционеров КПП, после эмиграции из Германии работавший в партийном представительстве в Москве. Его судьбу решил запрос, направленный органами НКВД в ИККИ, и положительный отзыв самого Димитрова³²⁵. Как правило, вернувшихся из тюрьмы без приговора считали реабилитированными и восстанавливали в партии, хотя были и отказы (Ганс Мориц-Гримм и Йозеф Рубенс) с лицемерной формулировкой «за то, что оговорил товарищей».

Руководство КПП было детально информировано о том, какие обвинения выдвигались против членов партии, кто из них сам выступал в роли обвинителя. Несмотря на подписку о неразглашении, выпущенные из тюрем функционеры КПП рассказывали Пику о методах и результатах работы следователей НКВД. В своем письме от 26 августа 1940 г. председатель КПП приводил такую подробность: после очной ставки между Клейстом и Диттбендером последний сказал, что три месяца боролся против вымышленных обвинений, но сдался и теперь призывает Клейста сделать то же самое. Пику было известно, кто из немецких коммунистов и при каких обстоятельствах оговорил Стаффорда, за освобождение которого (вторичное) он выступал в этом письме³²⁶.

Опираясь на данные, полученные от вернувшихся из тюрем соратников, руководитель немецких коммунистов активизировал свое заступничество за репрессированных. 19 ноября 1940 г. он даже предложил Димитрову переговорить с «товарищами из Политбюро»³²⁷. Но и в этом случае речь не шла об осуждении массовых репрессий — максимум, что могли представить себе руководители международно-

---

³²⁴ Вилли Клейст, Пауль Шербер-Швенк, Генрих Стаффорд, Бернард Рихтер, Генрих Грюнвальд, Теодор Бойтлинг, Магнус Зацгер, Фриц Калиш, Макс Мадалена, Хорст и Фридолин Зейдевицы, Вальтер Розе-Розенке.

³²⁵ См. очерк о Клейсте в третьей части книги.

³²⁶ О Стаффорде Пик писал Димитрову неоднократно, его инвалидность и мужественное поведение в ходе следствия говорили сами за себя. В письме от 4 октября 1939 г. Пик подчеркивал, что поскольку суд уже около года не может вынести приговор по делу Стаффорда, то, «по-видимому, судебные органы сами сомневаются в достоверности инкриминируемых ему действий» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22720. Т. 10).

³²⁷ Verratene Ideale. С. 261.

го коммунистического движения, была выборочная реабилитация их ближайших соратников и просто правоверных коммунистов.

Один из них, Эмиль Эйленберг, являлся членом КПГ с момента ее основания, участником «мартовской акции» 1921 г. Около года он провел в фашистском концлагере, и вышел оттуда уже инвалидом. Эйленберга арестовали в марте 1938 г. в подмосковном Зарайске, где, вероятно, он был единственным немцем³²⁸. Несмотря на интенсивные допросы, он не признал вымышленных обвинений, и начальник райотдела в начале 1939 г. написал руководству рапорт о необходимости освобождения Эйленберга. Но на свободу тот вышел еще через полтора года — после того, как из Коминтерна на него поступила позитивная характеристика.

Активную переписку между отделом кадров ИККИ и следственными органами вызвало дело еще одного борца антифашистского сопротивления — Ганса Эйлера (Людвига Ласка). Он издавал подпольную газету КПГ в берлинском районе Штеглиц, был схвачен штурмовиками и подвергался жестоким пыткам в концлагере. Эйлеру удалось выбраться из Германии в октябре 1934 г., и год спустя он оказался уже в Москве. С начала 1937 г. он подвергался вначале административным, а потом и партийным репрессиям за «контакты с врагами народа», 26 марта 1938 г. дело дошло до ареста. Казалось, все складывалось в пользу пересмотра приговора по его делу: Эйлер так и не признал обвинений, за него хлопотала мать, известная писательница, добравшаяся до самого Вышинского. Наконец, из отдела кадров ИККИ пришла положительная характеристика, в которой, правда, упоминалось, что Гансу Эйлеру «не хватает знания людей и бдительности»³²⁹.

Усилия родителей и товарищей по партии оказались бесплодными, до пересмотра дела так и не дошло. Все закончилось бюрократической отпиской: «В своих заявлениях родители осужденного, указывая о невиновности сына, никаких мотивов, отрицающих факты, дающие основание подозревать его по шпионской деятельности, не приводят». Эйлер пережил и ГУЛАГ, и спецпоселение, только после смерти Сталина он смог выехать в ГДР и вновь увидеть своих родных.

---

³²⁸ В нашей базе данных это единственное дело, которое велось Зарайским райотделом УНКВД МО. Справка на арест была выписана еще в сентябре 1937 г., однако Эйленберг к тому моменту проживал уже в другом подмосковном городе — Пушкино. Очевидно, ресурсов на его поиск и задержание у райотдела не было, поэтому Эйленберг был арестован только тогда, когда сам приехал в Зарайск.

³²⁹ Характеристика была составлена на основе письма представительства КПГ при ИККИ от 17 июня 1940 г., подписанного Куртом Функом (Гербертом Венером) (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5748. Л. 41).

Глава 12

НЕМЕЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ НКВД ПОСЛЕ 22 ИЮНЯ 1941 г.

Война с фашистской Германией разделила надвое биографию каждого советского человека. Организация сопротивления агрессору потребовала от страны напряжения всех сил, принятия масштабных политических решений, многие из которых продолжали логику развития сталинской системы в предвоенные годы. Речь идет прежде всего о превентивном выселении в Сибирь и Среднюю Азию российских немцев из мест их компактного проживания. Здесь уже доминировал чисто этнический принцип, ведь репрессировался весь народ, высылка оформлялась в административном, а не уголовном порядке.

Большинство жителей Москвы и Московской области, являвшихся выходцами из Германии или этническими немцами, были выселены из столичного региона таким же образом — в рамках принудительной эвакуации с указанием конечного пункта. Уже после прибытия туда людей мобилизовывали в «трудовую армию». Однако свой вклад в «очистку прифронтовой полосы от потенциальных пособников оккупантов» внесли и органы госбезопасности. Заметная часть АСД, отложившихся в ГАРФе, датирована начальным периодом Великой Отечественной войны. В нашей базе данных таковых 90. Все эти люди, получившие стандартное обвинение в шпионаже или антисоветской агитации, на сегодняшний день реабилитированы.

1. Вторая немецкая операция

Наличие значительного и компактного массива данных (фактически можно говорить о втором пике репрессий) позволяет сравнить репрессивную кампанию лета–осени 1941 г. с немецкой операцией 1937–1938 гг. В 1941 г. этнический фактор (не гражданство и даже не «контакт с границей») стал решающим. В военное время по отношению к немцам, проживавшим в Советском Союзе, действовал тот же принцип «коллективной вины», который будет применен по отношению к жителям Германии в решениях Потсдамской конференции. Не имея необходимых ресурсов для оперативной работы по каждому из немцев, органы госбезопасности, как и в 1937 г., получили приказ на ведение «огня по площадям». В еще большей степени, чем в период первой немецкой операции, были задействованы низовые структуры НКВД — из 86 дел военной поры, по которым у нас есть данные об органах следствия, 44 были заведены в райотделах и отделениях.

А. Герман справедливо отмечает, что репрессии лета–осени 1941 г. нельзя называть геноцидом. «Немецкие граждане Советского Союза стали жертвами перестраховки, принявшей присущую сталинскому режиму грубую форму в условиях суровой и жестокой войны»³³⁰. Говоря об этническом факторе как решающем, следует сделать важную оговорку: национальность определялась не по крови, а по месту рождения. Попытки прибывших из Германии евреев отмежеваться от немцев не приводили к успеху. Клара Фурман, арестованная на второй день войны, никогда не имела немецкого подданства, но работала ранее в советском торгпредстве в Берлине и имела репрессированных родственников.

Органам НКВД в полной мере удалось использовать фактор внезапности. После арестов в первые дни войны наступило некоторое затишье. Однако приближение вражеских войск к столице привело к появлению 6 сентября распоряжения о высылке 8617 граждан немецкой национальности из Москвы и области³³¹. Только 9–12 сентября 1941 г. органами госбезопасности были арестованы 48 человек из нашей базы данных. Следствие по их делам заканчивалось уже в эвакуации, перерыв в ходе следственных действий достигал полугода.

Важным отличием от немецкой операции 1937–1938 гг. стало значительное количество смертей на этапе следствия, как правило, в Чистопольской тюрьме в Татарии и в столице Киргизии Фрунзе первой военной зимой. Здесь свирепствовали брюшной тиф и дизентерия, поток прибывавших был столь велик, что их приходилось расселять в непригодных для жилья и неотапливаемых помещениях. В эпоху большого террора за смерть любого заключенного тюремное начальство получало нагоняй, а тут очевидные враги, немцы — кто же их будет считать... Из 90 арестованных 10 так и не дождалось приговора (из арестованных в 1937–1938 гг. на этапе следствия умерли всего двое).

Оформление дела по месту нахождения обвиняемого заканчивала Московская следственная группа, и оно отправлялось на ОСО в Москву за подписями руководителей НКВД Татарии или Киргизии. Ряд немцев были приговорены к заключению в лагерь уже после того, как они умерли в тюрьме (Магнус Зацгер, Герман Замтлебен). В нескольких случаях дело выносились на заседание Военного трибунала по месту нахождения арестованного (Вильгельм Вульш, Карл Витт, семья Веберов).

---

³³⁰ Герман А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам // Наказанный народ. С. 24.

³³¹ История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1993. С. 153.

Первыми забирали «повторников» (тех, кто был освобожден в процессе «бериевской оттепели»), их жен и прочих родственников, причем при арестах не делали скидок на пол и возраст³³². Вторично были арестованы юноши, проходившие по делу «гитлерюгенд» и не ушедшие до сентября 1941 г. в Красную Армию (Макс Маддалена, Джонни Де-Граф, Альберт Клейн). Это лишний раз подтверждает, что в ходе репрессий реализовывались прежде всего материалы архивных учетов — на оперативно-розыскную работу времени и сил у работников госбезопасности просто не хватало. В подмосковных деревнях брали всех разом, исходя все из того же принципа «экономии сил». В совхозе «Молочный гигант» Можайского района 10 сентября была арестована группа женщин-немок, мужья которых стали жертвами большого террора.

В то же время репрессии военного периода были более рациональны и не носили характера безоглядной штурмовщины. Немцы, которых считали необходимыми для обороны страны (сотрудники ИККИ, переводчики и редакторы Инорадио, мобилизованные в Красную Армию), получали «бронь» и не подвергались арестам просто из-за царившей в стране неразберихи. Сотрудникам НКВД, как и в 1937 г., можно было не утруждать себя поисками компромата на обвиняемого, достаточно было квалифицировать его как «социально-опасный элемент» или «подозрительного по шпионажу». Наладчик столичного станкозавода Артур Деринг имел биографию без единого черного пятнышка — он два с половиной года сражался в Испании, а в первый день войны записался в народное ополчение. Следователь нашел зацепку — в советском паспорте Деринг записан Максимовичем, хотя должен быть Максовичем. Это было интерпретировано как попытка «замаскироваться», разоблаченная бдительными чекистами. Деринг получил 8 лет лагерей.

На основе анализа АСД можно установить, как резко изменилось отношение к немцам в советском обществе с началом войны. Скрытая в предшествовавшие годы под оболочкой «пролетарского интернационализма» ксенофобия вновь стала доминирующим фактором обыденного сознания. Если в 1937–1938 гг. следователям приходилось затрачивать массу усилий, чтобы найти подходящих свидетелей или заставить их говорить нужные вещи, то после июня 1941 г. «компромат» стал литься рекой. Соседи и коллеги по работе показывали,

---

³³² Пенсионерка Марта Фидлер была арестована вместе с невесткой Эльфридой Фидлер, пенсионерка Альма Дитрих — вместе с невесткой Мартой Бандельман. В постановлении на арест Альмы Дитрих был отмечен состав ее преступления: «Все родственники репрессированы органами НКВД».

что немцы ждали прихода гитлеровских войск, устраивали праздники, наводили на цель немецкие бомбардировщики, утверждали, что статьи в газетах о зверствах фашистов — чистая ложь и т. д.

Иногда для обвинительного заключения было достаточно замечания соседей-свидетелей, что обвиняемая «ходила в приподнятом настроении» (Эдит Штейнбергер). Даже сухие производственные характеристики стали приобретать патетический тон — так, рабочий московского завода шлифовальных станков Эрвин Моргнер «после объявления войны, вернее, вторжения гитлеровской сволочи на нашу землю заметно зашевелился, бывает и ходит по всем цехам и начал разговаривать по-русски».

2. Характер обвинений

Аресты второй половины 1941 г. «исправили» гендерный перекос эпохи большого террора — в их ходе было репрессировано больше женщин, чем мужчин, являвшихся для органов госбезопасности немцами. Дети эмигрантов лишались последнего из родителей, их отправляли в детские дома, где они нередко получали новые фамилии, теряя всякую связь с родными. Елена Тилеман, высланная после ареста мужа в подмосковный город Ярополец, работала там в яслях. После своего собственного ареста она была отправлена в Саратовскую тюрьму, следствие завершилось ее освобождением. Но девятилетний сын Володя остался в Яропольце, который вскоре был оккупирован. Мальчик вначале прибил к партизанам, потом стал «сыном полка» в воинской части вермахта, и лишь чудом нашел после войны своих родственников в Бонне³³³.

Дела 1941 г. не менее драматичны, чем их предшественники, хотя практически не исследованы. Вероятно, на них распространяется расхожий стереотип «война все спишет». Пять сестер Геккер проживали на подмосковной даче в поселке Клязьма, их родители были репрессированы в 1938 г. Молодость брала свое — на даче было всегда полно людей, там собиралась творческая молодежь, музыканты и художники, приезжал известный пианист Святослав Рихтер. Музыка и веселье, очевидно, раздражали соседей — так появился донос, что 22 июня сестры устроили вечеринку. Сотрудники НКВД появились на Клязьме с ордерами на арест всех пятерых девушек. Старшей, Алисе, было 28, младшей, Вере — 19. Увезли троих — Алису, Веру,

---

³³³ Tilemann W. Ich, das Soldatenkind. Muenchen, 2005.

Ирму. У Марселлы на руках был грудной ребенок, и ее не тронули, избавив себя от лишних хлопот. А студентка Ольга была в Москве, один из оперативников отправился туда, но по каким-то причинам ее не нашел.

Самый страшный пункт обвинения — исполнение фашистского гимна в ходе вечеринки — отпал, ибо то, как звучит этот гимн, не знали ни соседи, ни сестры, ни сами сотрудники НКВД. Весьма туманными были и свидетельства соседей: на «немецкой даче ни разу не исполняли произведения советских композиторов», звучала только классика. Девушки признали, что сели за фортепиано, поскольку находились в расстроенных чувствах. Признали и свои разговоры о том, что «германская армия сильна и богата техникой, что газеты советские не все сообщают, что есть на самом деле» (Ирма Геккер). Столь скудный итог дознания, плюс «женская скидка» привели к тому, что все трое получили по минимуму — по 5 лет лагерей.

Стремясь поскорее завершить следствие, следователи мешали все в одну кучу — «антисоветски настроен, немецкий патриот, защищает троцкистов» (из справки на арест девятнадцатилетнего юноши Альберта Клейна). Немцев ставили в условия, когда им приходилось доказывать невозможное. Следователь задал Наталье Типман каверзный вопрос: «Кто может подтвердить, что вы действительно не проводили антисоветскую агитацию среди лиц своего окружения?»³³⁴

В целом содержание антисоветской агитации военной эпохи достаточно стандартно. Согласно материалам следствия, обвиняемые восхваляли силу вермахта, говорили о том, что советские газеты не раскрывают реального положения вещей на фронте. Немецкие эмигранты ждали прихода гитлеровских войск, утверждая, что при них будет лучше, они обеспечат страну продуктами и научат русских культуре. Любая мелочь становилась составом преступления. Студентка Маргарита Книпшильд рассказывала подругам, что, когда она жила в Берлине, видела Гитлера. Это стало центральным пунктом ее обвинительного заключения.

Особое внимание следователи, переквалифицировавшиеся в психологов, уделяли душевному состоянию, эмоциям обвиняемых. Для осуждения архитектора Ганса Вегенера оказалось достаточно высказанного им сожаления, что он не смог вовремя уехать из СССР. Согласно доносу, заведующий складом Ювелирторга Пауль Цимле после 22 июня «ходил веселый, присвистывал», подгонял рабочих. Лидия Рындхорн «после начала военных действий между фашистской Гер-

---

³³⁴ При этом рукой того же следователя в анкете арестованной было отмечено, что Типман «плохо говорит по-русски».

маний и СССР ведет себя весело...». Сын работавшего на советскую разведку функционера КПП Джонни Де-Графа, тоже Джонни, «со злой иронией отзывается о всех мероприятиях, проводимых партией и советским правительством, радуется успехам германской армии».

Многие из обвинений представляются вполне правдоподобными. Немцы выражали неверие в зверства солдат вермахта на оккупированной территории, о которых писала советская пресса, подчеркивая, что они — культурная нация. «Если меня возьмут на фронт, в немецких солдат стрелять не буду», — утверждал Ганс Вебер. «Сталин говорил, что ни одной пяди чужой земли не хотим, а взяли половину Польши и Финляндии»³³⁵. Гертруда Тель призналась, что говорила буквально следующее: «Здесь плохое печенье, у нас в Германии таким печеньем кормят собак, а здесь приходится его самой кушать». Критика кондитерских изделий обошлась жене немецкого коммуниста в 10 лет лагерей.

Похоже, вкус печенья играл какую-то магическую роль в настроениях немецких эмигрантов. Маргарита Лангер обвинялась в том, что в подмосковном совхозе распространяла следующие слухи: «Немцы сбрасывают посылки с печеньем, сахаром и колбасой, их можно кушать, они не отравлены». Примерно о том же говорила и Карла Хагге-Штокс: «Мне говорил военный, что у убитых немцев находят в сумках шоколад, ветчину, колбасу, это у солдат, а у офицеров во флягах шампанское, вот и судите, как живет Германия». Это были типичные слухи военной поры, порожденные постоянным недоеданием, враждебностью окружающего населения и наивными попытками самоутрашения — «враг меня не тронет, я же свой».

Дочь русского военнопленного и немки Екатерина Байкова после того, как в августе 1941 г. была приговорена к принудительным работам за нарушение трудовой дисциплины, написала анонимное письмо председателю суда, излив всю накопившуюся злобу и не скрывая злорадства по поводу успехов немецких войск: «Ваши красноармейцы мрут в бою с голоду, а у наших по полной сумке колбасы, печенье, различных изделий, а Ваш людоед Сталин поморил с голоду и в тылу и бою. Долой Сталина»³³⁶. Прокурор предложил за такие слова приговорить Байкову к расстрелу, но времена изменились, в стране был реальный враг — женщина получила «всего» 5 лет.

---

³³⁵ Из показаний свидетелей по делу Гильды Шмидт, в обвинительном заключении появилось еще одно преступление: женщина «встречается на улице с мужчинами и женщинами, похожими на иностранцев».

³³⁶ Копия этого письма сохранилась в АСД, в приведенной выдержке из него исправлены грамматические ошибки, встречающиеся практически в каждом слове (ГАРФ. Ф. 10035, Оп. 2. Д. 31799).

В приговорах военной поры вполне заметен «гендерный принцип» — правилом был приговор женщинам в 5 лет, мужчинам — 10. Возможно, это связано с тем, что в обвинительных заключениях военной эпохи следователь и прокурор уже предлагали конкретный срок наказания, который, как правило, подтверждался постановлением ОСО НКВД³³⁷. Расстрел Эльзы Вебер и двух ее сыновей Германа и Ганса является скорее исключением, нежели правилом в практике репрессий начального периода Великой Отечественной войны.

Судьба семьи Вебер стала лишним подтверждением того, какую роль в жизни советских людей (и немцев в том числе) играл квартирный вопрос. После развода Эльзы с первым мужем, номенклатурным работником Иоганном Вебером, дети остались у отца. Получив известие о его аресте, Эльза помчалась в Одессу, чтобы сохранить квартиру, но неудачно — детей выселили из престижного жилья. Вернувшись в Москву с детьми, она попыталась решить квартирный вопрос, заключив брак с Эрвином Герхардом — и вновь неудачно. Это было поставлено ей в вину и привело к исключению из КПГ в 1937 г.: «Зная о моральном разложении Герхарта, Вебер продолжала с ним жить вплоть до ареста, объясняя это тем, что жилищные условия побуждали ее жить с этим человеком». Лишившись прописки в Москве, Эльза и ее дети Ганс и Герман нашли пристанище в подмосковном городе Дмитров, устроившись работать на механический завод НКВД. Они делали замки и решетки, которые осенью 1941 г. захлопнутся за ними.

В Дмитрове семья проживала в комнате размером в 6 кв. метров. Потеряв надежду на решение квартирного вопроса и воодушевленная неожиданной дружбой СССР и Германии после заключения пакта, Эльза и ее дети отправились получать германские паспорта. Но пока посольская бюрократия ломала себе голову над тем, что перевешивает в биографии Эльзы — 17 лет в компартии или страдания последних лет, началась война. По показаниям свидетелей, 22 июня 1941 г. Веберы устроили в своей комнате застолье. Впрочем, были и другие показания — гуляли у соседей, сын которых получил повестку в военкомат, но разбираться в деталях было некому... Через день все трое были арестованы. Эльзу судил Военный трибунал войск НКВД еще в Москве, ее сыновей — трибунал Сибирского военного округа. Итог оказался общим — расстрельный приговор.

---

³³⁷ Иногда эти предложения не совпадали. Так, следователь предложил приговорить Джонни Де-Графа к пяти годам заключения как «общественно-опасного элемента», однако прокурор повысил срок до восьми лет, очевидно, учтя, что молодой человек трижды находился под следствием, в том числе дважды — по уголовным обвинениям.

Глава 13

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕПРЕССИЙ

Эпоха репрессий не только сократила ряды немецкой политической эмиграции в СССР, не менее тяжелыми были и ее психологические последствия. Люди, в том числе и занимавшие ответственные посты в партийной иерархии, потеряли способность принимать самостоятельные решения, спорить с официальной линией, все время проводили в бесчисленных «утрясках» и согласованиях. Неправильно употребленный термин мог обернуться не только политическими обвинениями, но и поставить под угрозу собственную жизнь.

Даже тот, кто сохранил веру в идеалы коммунизма, оказывался перед необходимостью как-то увязать их с реальностью «войны против своих». Гораздо больше было тех, для кого официальная идеология превратилась в набор бессодержательных формул и обязательных ритуалов. Оценка, которую сотрудник германского посольства дал настроениям немцев, высланных из СССР, была не так уж далека от действительности: «Пребывание в Советском Союзе и опыт, приобретенный во время тюремного заключения, радикально излечил этих людей от коммунистических настроений и симпатий к коммунизму»³³⁸. После без малого четырех лет, проведенных в предварительном заключении, политэмигрант Иосиф Зельбигер называл произошедшее с ним «международным скандалом, который бросает вызов всякой гуманности и цивилизации», требовал немедленной отправки в Германию³³⁹.

Ментальность нового поколения функционеров КПГ, прошедшего через партийные чистки и волны террора, подразумевала готовность перешагнуть через моральные нормы в борьбе за политическое и физическое выживание. Масштаб взаимных обвинений, отложившихся в личных делах архива Коминтерна, впечатляет. С точки зрения «кадровиков», здесь не было и не могло быть мелочей, любой донос включал механизм служебной проверки. Так, не мог остаться незамеченным такой «вопиющий факт», как выход иностранного коммуниста из зала при голосовании резолюции, осуждающей происки троцкистов в СССР. Его случайные соседи просто обязаны об этом доложить, иначе они выступали в качестве «укрывателей» и сами брались на заметку.

---

³³⁸ Schreiben von Werner von Tippelskirch. S. 42.

³³⁹ Письмо Зельбигера наркому госбезопасности Меркулову от 3 марта 1941 г.

Внеслужебные и не санкционированные сверху отношения между людьми оказывались достаточным основанием для их ареста. Покончив с политическим протестом, тоталитарная система взялась за искоренение «человеческого фактора» среди собственных подданных, не делая скидок ни на гражданство, ни на национальность. Однако даже в этих экстремальных условиях люди старались сохранить свое достоинство: жены отказывались отречься от репрессированных мужей, коммунисты помогали исключенным из партии, формировались неформальные группы взаимной поддержки, которые представительство КПП в своей переписке называло «осиными гнездами».

1. Попытки постичь происходящее

Материалы следствия не дают ответа на вопрос, о чем думали немецкие эмигранты до и после ареста, какой переворот в их мировоззрении вызывали несправедливые обвинения. Однако среди документов АСД содержатся их протесты и заявления в адрес руководства СССР и НКВД, а также письма их родных, которые в известной степени проливают свет на душевное состояние самих репрессированных, а также тех немцев, кто оставался на свободе. Еще большее значение имеют материалы личных дел членов КПП, сохранившиеся в архиве Коминтерна, а также опубликованные воспоминания тех, кто прошел через следственные тюрьмы, этапы и лагеря. В 90-е годы историкам удалось взять интервью у тех из них, кто остался в живых и оказался способен говорить о своем прошлом после вынужденного обета молчания, продолжавшегося более полувека³⁴⁰.

Каждый из немецких эмигрантов, проводя ночи в ожидании стука в дверь, задавал себе вопрос: что же происходит, почему наша новая родина считает нас врагами? Для самих арестованных, их родных и близких этот вопрос звучал как приговор всей прожитой жизни. Как уже отмечалось выше, иностранная колония была прекрасно осведомлена о масштабах репрессий. Люди держали наготове узелки с самым необходимым, ложились спать, не раздеваясь и прислушиваясь к каждому шороху. «В связи с арестами иностранцев я ждал, что скоро из НКВД придут и за мной, в связи с этим я говорил рабочим, что не сплю ночами и думаю о том, когда возьмут в НКВД и меня»³⁴¹.

---

³⁴⁰ Stark M. Frauen im Gulag. Alltag und Überleben. 1936 bis 1956. Muenchen, 2003; Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа: возвращение сталинских жертв. М., 2011.

³⁴¹ Из протокола допроса австрийца Фердинанда Флухера от 15 декабря 1938 г. Такое заявление вызвало встречный вопрос следователя: «Значит, вы чувствовали

В поисках ответа на мучившие их вопросы о причинах репрессий эмигранты обращались прежде всего к реалиям предвоенной эпохи. Иностранцам, которых увольняли с предприятий и высылали из СССР в административном порядке, просто заявляли, что «это вызвано международным положением»³⁴². Врач-психиатр Эрих Штернберг, требуя реабилитации уже через месяц после смерти Сталина, писал: «Я вполне понимаю обстановку перед Второй мировой войной и необходимость особой бдительности и предосторожности в отношении лиц, прибывших в страну из-за границы. Я бы охотно мирился с любыми ограничениями места жительства или работы. Но что же сделали со мной?.. Меня превратили в преступника». Эрих Шуман, когда-то заведовавший библиотекой немецкого клуба в Москве, после своего освобождения из лагеря в 1947 г. обращался к властям: «Я расцениваю теперь свой арест как перестраховку в период борьбы против врагов народа».

Пытаясь найти хоть какие-то объяснения произошедшему, простые люди обращались к собственным биографиям. Карл Войтик, когда-то работавший вахтером на фабрике, в заявлениях из лагеря писал о том, что однажды не пустил через проходную оперуполномоченного НКВД, и тот ему отомстил спустя несколько лет, обвинив в контрреволюционном преступлении. Вальтер Рефельд видел причину своих бед в советской бюрократии: «Всему виной было антикоммунистическое поведение людей из Отдела Регистрации Иностранцев, которые заставили меня, не имевшего действительного паспорта, под угрозой не дать мне никаких документов и советского паспорта для проживания в Советском Союзе, пойти в посольство для продления паспорта»³⁴³. Жена Гельмута Вендта Эрна Брандт была уверена в том, что роковую роль в судьбе ее мужа сыграла разгромная рецензия на его книгу, появившаяся в газете ДЦЦ и подписанная членом руководства КПГ Куртом Функом.

Конечно, это не могло примирить арестованного с тюремным бытом, а его родных — с потерей близкого человека. Психологическое состояние немцев в период массовых репрессий характеризовали шок и паническая растерянность. Высланный из СССР Эрнст Фабиш, оказавшись в Варшаве 13 января 1938 г., писал: «То, что происходит в Советском Союзе, ужасно. Каждый, у кого есть хоть подобие головы на плечах, сидит. Методы “следствия” не поддаются описа-

---

себя в чем-то виновным перед Советской властью, не так ли?» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 30124).

³⁴² Derendinger E. Op. cit. S. 527.

³⁴³ Заявление на имя М. И. Калинина от 30 мая 1940 г.

нию. У меня нет никакой информации, и мне многого, очень многого не хватает для понимания всего того, что произошло»³⁴⁴.

Немецкие эмигранты, соглашаясь с тем, что они как представители «враждебной страны» были подвергнуты превентивному интернированию, задавали в своих письмах резонный вопрос: почему эта процедура связана с таким потоком лжи и фальсификации, ведь она отвлекает внимание органов госбезопасности от поиска реальных шпионов и диверсантов. Чем дольше продолжались репрессии, тем меньше оставшиеся на свободе верили в то, что они имеют хоть какой-то смысл. «Еще несколько месяцев назад каждый арестованный рассматривался товарищами как шпион, ныне в основной своей массе это уже не так».

Писавший эти строки в апреле 1938 г. сотрудник представительства КПГ Пауль Йекель так суммировал попытки немцев постичь происходившее: «Некоторые объясняют аресты ложными доносами, другие высказывают предположение, что здесь немецкий фашизм приложил свою руку и с помощью элементов Ягоды решили уничтожить часть кадров КП Германии»³⁴⁵. Не пройдет и полгода, и речь пойдет уже об «элементах» Ежова. Логика функционеров партии, потерявшей более двух третей своего членского состава, не изменится ни на йоту — в соответствии с передовицами «Правды» поменяются лишь имена разоблаченных вредителей.

Общая для всех немецких эмигрантов угроза порождала индивидуальные стратегии спасения. Первую из них можно определить как пассивное восприятие происходившего как «злого рока», извращений партийной линии, с которыми руководство СССР само разберется. Люди закрывали глаза на очевидное, впадали в депрессию, становились замкнутыми и недоступными даже для родных и близких. «Наиболее распространенной реакцией был отказ от восприятия ужасного и угрожающего, замалчивание происходящего или замыкание в самом себе»³⁴⁶. Для обычных советских граждан это состояние можно было бы назвать «внутренней эмиграцией», но для немецких коммунистов оно не подходило, ведь они и так находились за рубежом.

Люди, прошедшие тюрьмы и пытки, потеряли способность к сопротивлению, напоминали кроликов, загипнотизированных удавом, смиренно ждали очередного удара судьбы. «Многие иностранцы каждый вечер пакуют вещи в ожидании возможного ареста. Многие

---

³⁴⁴ Цит. по: Gegen den Strom. S. 436.

³⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 101. Л. 9, 10.

³⁴⁶ Goehrke C. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neuen Zeitbildern. Band 3. Sowjetische Moderne und Umbruch. Zuerich, 2005. S. 228–229.

из них вследствие постоянного страха стали полусумасшедшими, потеряли способность работать», — так описывал Евгений Варга ситуацию в Москве в марте 1938 г.³⁴⁷ Как в отеле «Люкс», так и в местах проживания немецких рабочих и политэмигрантов резко выросло число самоубийств, которые выступали в качестве ultima ratio в поисках выхода из тупика двойной эмиграции.

Иногда тот, кто потерял работу и лишился средств к существованию, пытался уехать из Москвы, затеряться в российских просторах, «залечь на дно». Как правило, такие попытки были обречены на провал, уж слишком выделялись иностранцы среди местного населения. Альтернативной стратегией выживания в период массовых репрессий была повышенная активность и игра на опережение карательных органов. Такая линия поведения маскировалась под превозносимый пропагандой образ нового человека, повзрослевшего Павлика Морозова.

В «море мрака и ужаса», ярко описанном в воспоминаниях немецких эмигрантов, раздавались и голоса протеста. Муж арестованной Анны Этгерер нарисовал в письме руководителям СССР и Коминтерна безрадостную картину: «Сейчас немецкие эмигранты здесь полностью “атомизированы”. Каждый живет для себя в своих четырех стенах, в страхе быть связанным с арестованными знакомыми или каким-то образом дискредитировать себя. И это означает усиление революционной бдительности? Это, на мой взгляд, паника, болезненное недоверие, которое не усиливает, а, наоборот, ослабляет наши ряды и нашу силу в борьбе»³⁴⁸.

Еще дальше пошла Марта Рубен-Вольф, жена врача Лотара Вольфа, работавшего во Всесоюзном институте экспериментальной медицины. Через полгода после ареста мужа она писала заместителю Наркома иностранных дел М. М. Литвинову: «Возможно, у Вас нет достаточной информации о тех ужасных страданиях, которым подвергаются политэмигранты, большей частью коммунисты. Процент иностранных коммунистов, все еще находящихся на свободе, минимален. Мы, женщины, все больны от горя. Многие потеряли свое жилье. Даже если мы не превратились в безработных, нам приходится содержать наших детей, выполняя неквалифицированную работу.

Но самым страшным является моральное давление и страх за наших мужей. Их дела разбирают военные суды, которые работают под покровом тайны. Их положение еще хуже, чем положение уголовни-

---

³⁴⁷ Цит. по: Проблемы мира и социализма. 1989. № 7. С. 90.

³⁴⁸ Письмо от 23 апреля 1939 г., цит. по: Дель О. Указ. соч. С. 89.

ков. Месяцы и годы мы не получаем от них ни одной весточки и практически не имеем информации об их судьбе. Лишь очень немногим женщинам удастся обнаружить место пребывания их мужей или документы о них. В приемной (тюремь. — А. В.) на Матросской тишине, 18, родственникам говорят либо: “еще в Москве”, либо “выслан”. Они так и не знают, куда, за что и на какой срок.

Мы больше не верим в то, что все арестованные виновны. Среди них слишком много товарищей, проверенных в борьбе. Аресты проводятся по профессиям, предприятиям и местам проживания. Может быть, речь идет о контроле? Но сколько же безвинных нужно для того, чтобы “обложить со всех сторон” виновного? Может быть, речь идет о мероприятии, вызванном военной опасностью? Мы могли бы это понять, если бы превентивным арестам не подвергали всех иностранцев подряд, или если бы нас выселяли семьями. Товарищ Сталин в своей заботе о человеке так много сделал для укрепления советской семьи. Наши эмигрантские семьи прошли через борьбу и страдания. Какой же интерес может быть у государства разделять их, пусть даже в случае войны? При максимальном сроке наказания “до 25 лет” сроки в 3, 5, 8, 10 лет — не такие уж и большие. Но для эмигрантов, прошедших лишения, даже такой отрыв от близких и пребывание в ином климате станут роковыми. Во многих случаях высылка окажется равнозначной казни.

Должны ли мы связывать колоссальное число арестов и приговоров с тем, что в это ненормальное время были сведены к минимуму доказательства вины? Мы не знаем, в какой мере “ошибки” в работе, недостаток бдительности (растяжимое понятие) или неизбежное знакомство с тем или иным человеком приводят к приговору. Точно так же, как и в случае исключений из партии (до январского пленума), здесь открывается богатая почва для клеветы. Письма матери превращаются сегодня в “связь с заграницей”. Кто много ездил, в глазах окружающих становится человеком с темным прошлым (зачем человек ездит за границу? Чтобы повидаться с Троцким). Но ведь раньше нужно было всего несколько часов, чтобы из Берлина добраться до Лондона, Парижа, Рима. Разве у нас достаточно прокуроров и следователей, которые вообще знакомы с заграницей?»³⁴⁹

Максимум, на что могла решиться Марта Рубен-Вольф в своем пространном письме-исповеди — обвинить органы НКВД в том, что они заинтересованы в раскручивании спирали террора, ибо получа-

---

³⁴⁹ Müller R. Juden — Kommunisten — Stalinopfer: Martha Ruben-Wolf und Lothar Wolf im Moskauer Exil // Exil. Forschungen, Erkenntnisse, Ergebnisse. 2006. Nr. 1. S. 5–6.

ют в свое распоряжение квартиры арестованных. Подняться до принципиальных выводов о преступности системы, которая ведет войну со своим собственным народом, она не могла. А может, смогла, но не стала излагать их в своих ходатайствах, так как знала, что они будут смертным приговором и ей, и ее мужу, пламенным поклонникам советского эксперимента и евреям, бежавшим от гитлеровского расизма? У Марты оставался только один выход из жизненного тупика, в котором она оказалась — самоубийство.

Даже тот из немцев, кто вышел на свободу в период «бериевской оттепели», был морально сломлен и не мог оправиться от психологической травмы. При новом аресте в 1941 г. инженеру из Баварии Магнусу Зацгеру вменялось в вину, что он «после освобождения из-под ареста ведет замкнутый образ жизни, проявляя настороженность к окружающим». Архитектор Курт Либкнехт, подписавший компрометирующие показания на своих коллег, говорил на допросе накануне заседания Военного трибунала: «Сейчас я немножко жалею, что меня больно не били, это было бы лучше для моего оправдания, хотя в июне месяце (1938 г. — А. В.) я в течение трех допросов стоял и раза два-три меня ударили». Угрызения совести вышедших на свободу усугублялись лицемерием руководства КППГ. Тот из освобожденных, кто подписал вымышленные признания, не восстанавливался в партии, поскольку ввел в заблуждение органы госбезопасности Советского Союза!

2. Оставшиеся на воле

Неучтенными жертвами репрессий в рамках немецкой операции НКВД остаются родственники и близкие арестованных. У нас нет точных цифр, можно лишь сказать, что их было не намного меньше, чем тех, кого осудили за политические преступления. По данным представительства КППГ, на конец 1937 г. в Москве было арестовано 288 членов партии, у них остались 133 человек родных (72 жены и 60 детей). После волны весенних арестов эти цифры выросли как минимум вдвое³⁵⁰.

Вокруг этих людей образовывался вакуум, их лишали престижной работы, выселяли из отеля «Люкс», налагали взыскания вплоть до исключения из партии. Приехавшие вместе с мужьями немки оказывались в чужой стране без средств к существованию и без социаль-

---

³⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 94. Л. 1; Д. 101. Л. 7–8.

ных связей, которые могли бы заменить им утрату. Если до того многие из них не знали русского языка и не видели настоящей России, ограничиваясь походом по ближайшим магазинам и отпуском на юге, то теперь им пришлось начать настоящую борьбу за существование.

Своеобразным проявлением этой борьбы были случаи, когда жены репрессированных выходили замуж за тех членов сообщества немецких эмигрантов, которым повезло вернуться от репрессий. Так, жена врача Адольфа Босса уже в 1940 г. вышла замуж за преподавателя Института иностранных языков Франца Лешницера. Вместе с новым мужем они боролись за реабилитацию осужденного Босса. Маргарита Эрдман стала женой Эриха Вольфа, однако и он был репрессирован в ходе немецкой операции. Кэти Отто была арестована 10 сентября 1941 г. вместе со своим третьим мужем Антоном Томашеком, его предшественник Карл Форбергер был расстрелян в марте 1938 г.

Устройство на работу, обучение детей, добывание продуктов и топлива — все это превращалось в почти неразрешимую задачу для тех, кто нес на себе клеймо «жены врага народа». После ареста мужа их нередко вызывали в отдел кадров ИККИ и требовали составить список всех знакомых, с кем общалась их семья. Списки отправляли в НКВД, равно как и покаянные письма-доносы соседей и друзей репрессированных, признававшихся, что не сумели вовремя разглядеть «притаившегося рядом врага».

В личных делах имеются и документы иного рода. Эрна Влох отказалась отречься от своего мужа Вильгельма, арестованного 27 июля 1937 г.: «Я знаю, что без причины здесь не арестовывают. И, несмотря на то, что величайшей моей заботой являются дети, настоящим я заявляю, что я ручаюсь за него как за человека и товарища по партии»³⁵¹. Подобные выражения кочуют из письма в письмо, казалось, что они писались женами репрессированных под копирку, а может, даже обсуждались до ареста главы семейства и заучивались наизусть. Даже в экстремальных условиях люди сохраняли человеческие чувства, помогали попавшим в беду, пусть под покровом ночи, но приходили к знакомым, попавшим в немилость, делились с родственниками арестованных кровом, едой и одеждой. Эта сторона жизни эмигрантов мало отражена в их переписке с коминтерновскими структурами, и она еще ждет своих исследователей.

Та же Эрна Влох долгое время жила на даче у немецкого писателя-эмигранта Фридриха Вольфа, знакомые женщины собирали теплые вещи для ее больной дочери. После ареста мужа она три года вела

---

³⁵¹ Там же. Ф. 495. Оп. 205. Д. 6043. Л. 36.

борьбу за существование в незнакомой для себя обстановке, обивая пороги государственных и коминтерновских инстанций. Первоначально речь шла о предоставлении работы и материальной помощи для детей, с 1939 г. Эрна стала требовать разрешения вернуться в Германию. Так как ее паспорт неоднократно использовался в ходе тайных операций Коминтерна, отдел кадров признал выезд Эрны Влох за рубеж нецелесообразным. Данные об ее «антисоветских настроениях» регулярно откладывались в личном деле. Так, в феврале 1940 г. она заявила подругам: «Если меня выдворят из Москвы, то пусть погрузят на грузовик, это будет демонстрация против советских органов»³⁵². В конце концов в Исполкоме Коминтерна выбрали меньшее зло, разрешив Эрне и ее детям выезд в Германию. Ее сын Лотар был одним из членов «тройки», описанной в известной книге Маркуса Вольфа³⁵³.

Далеко не всем так «повезло». Из четырех случаев ареста немцев в 1939–1940 гг., которые отражены в базе данных, три касаются родственников репрессированных. Эти люди отказывались признать произвол, требовали немедленного освобождения своих близких, что трактовалось как антисоветская агитация и дискредитация органов госбезопасности. Альфонс Гут заявил следователю: «На заводе я говорил о том, что мои сыновья арестованы неправильно. Я считаю настоящим варварством то, что мне до сих пор ничего неизвестно о том, где находятся мои сыновья. Я говорил об этом на заводе, я повторяю это здесь, и я буду говорить об этом на суде».

Герта Дирр в 1938 г. трижды сумела попасть на прием к Димитрову, которого знала по подпольной работе в Берлине. Она не только просила руководителя Коминтерна помочь ее арестованному мужу, но и рассказывала о выселении жен арестованных из дома, построенного для немецких специалистов, о том, что подследственных силой заставляют давать ложные показания. Сексоты, окружавшие Герту, донесли об этом в НКВД, и в апреле 1939 г. ее арестовали, обвинив в том, что она в общении с соседками «вместо правильного рассказа о беседах с Димитровым проводила контрреволюционную агитацию»³⁵⁴. У 17-летней Фаины Нейман были репрессированы отец Натан и старший брат Карл. В разговорах со своими школьни-

---

³⁵² Там же. Л. 43.

³⁵³ Вольф М., Трое из 30-х. История несозданного фильма по идее Конрада Вольфа. М., 1990.

³⁵⁴ Согласно показаниям соседок, Димитров попросил Герту не обижаться на имевшую место несправедливость, подчеркнув, что «ему известно о том, что произведено много арестов», но советское правительство знает, как исправить это положение.

ми подругами она не смогла сдержать эмоций, и получила пять лет исправительно-трудовых лагерей за антисоветскую агитацию.

За возвращение своего мужа Пауля Шербера-Швенка до последнего боролась его жена Марта Арендзее, проживавшая в СССР под именем Анны Букиной. Оба когда-то являлись депутатами прусского ландтага. Походы по инстанциям, которые Марта описывала в своих заявлениях, отражали неразбериху, царившую в силовых ведомствах СССР после «ежовщины». Все это выглядело как игра в прятки, просителя попросту отфутболивали от одной инстанции к другой. «В январе 1939 г. на Лубянке мне сказали, что “дело не тяжелое”; в июле 1939 г. на Матросской Тишине я получила справку, что “дело на суд не пойдет” и мне не нужно идти к прокурору. В Прокуратуре на Арбате я узнала, что дело было там у них, но отослали обратно в НКВД. 5 марта с.г. Военный Прокурор сказал мне, что дело скоро будет закончено, вероятно, судебным разбирательством. 23 апреля на Кузнецком мосту я опять получила такую справку, что “следствие идет”. 15 июня я узнала, что НКВД СССР 4 июня переслало дело в НКВД Московской области, а в последнем мне сказали, что следствие ведется»³⁵⁵.

Такая активность заслуженной коммунистки расшевелила и партийные структуры. Члены ЦК КПГ трижды – в начале 1939-го, в январе и июле 1940 г. принимали решения обратиться в секретариат ЦК ВКП(б) с просьбой поскорее решить судьбу Шербера-Швенка³⁵⁶. Однако бюрократические жернова вращались очень медленно. Лишь 11 января 1941 г. Шербер-Швенк, обвинявшийся к причастности к «антикоминтерновскому блоку», был освобожден из заключения. В качестве компенсации ему выплатили двухмесячную зарплату и направили в санаторий, потом товарищи по партии устроили его на работу в Издательство литературы на иностранных языках.

Оказавшиеся в ГУЛАГе немцы имели возможность контакта с родными, однако переписка не могла компенсировать потери живого контакта. Люди географически и ментально отдалялись друг от друга, семьи распадались, тем более что заочное расторжение брака с человеком, получившим срок за политическое преступление, считалось обыденным делом³⁵⁷. Были и примеры обратного рода, когда репрессированные немцы держались друг за друга до последней возможности. Отто Брасс был арестован в Семипалатинске, где работал

---

³⁵⁵ Из письма Марты Арендзее Берии от 21 июня 1940 г.

³⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 6249. Л. 42.

³⁵⁷ Коэн С. Указ. соч. С. 67–69.

инженером-электриком³⁵⁸. Он искренне надеялся на помощь товарищей по партии хотя бы его больной туберкулезом жене и трем детям, которые поселились рядом с лагерем, где Брасс отбывал свой десятилетний срок. Его письма воспринимаются не просто как крик души, но и как ультиматум руководству КПГ: «Моя жена стоит на краю пропасти, она собирается покончить жизнь самоубийством, если в течение ближайшего времени не произойдет изменений, то есть меня не освободят и я вновь смогу заботиться о ней... Разве это правильно, что женщина-работница, муж которой никогда не уклонялся от линии партии, здесь погибает? Я последую за ней, если она совершит самоубийство»³⁵⁹.

Мотив жизненного тупика, самоубийства повторяется в десятках писем, адресованных представительству КПГ при ИККИ. Самоубийство из-за безвыходной ситуации, одиночества в чужом мире и невозможности спасти близкого человека совершили Рут Галле, Марта Рубен-Вольф, Гертруда Мюльберг. Подвергаясь моральному прессингу как «соучастницы», многие жены и матери арестованных немцев оказывались на грани нервного срыва, попадали в психбольницу³⁶⁰. Жена Германа Горстмана смогла отправить ему только одну передачу. Потом в тюрьме сказали, что муж ее умер, попытка узнать о месте погребения завершилась жестокой отповедью человека в окошке для справок — «его не хоронили, а труп его был сброшен в общую могилу, которая затем была залита известью»³⁶¹.

Не менее трагично складывалась судьба детей арестованных немцев. Они не просто оставались без попечения родителей, но в ряде случаев получали новые имена, лишь через десятилетия могли восстановить связь со своими близкими³⁶². Шестилетнюю дочь Штайнбергеров забрали к себе дальние родственники. Двухлетняя дочь Элли после ареста вначале Эрны, а потом и Эрнста Кольбе была сдана в Ухтомский райздравотдел, откуда попала в детский дом. Дочь Анны Эттерер умерла, пока ее мать находилась в лагере. Осталась

---

³⁵⁸ Отец Отто Брасса, активно работавший в антифашистском подполье в Германии, симпатизировал коммунистам. Руководство КПГ регулярно снабжало его деньгами от имени сына (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 1821).

³⁵⁹ Письмо Вильгельму Пику от 20 июля 1939 г. Отто Брасс был освобожден из лагеря только в 1954 г. и остался жить в СССР, судьба его семьи неизвестна.

³⁶⁰ Tischler С. Flucht in die Verfolgung. S. 2, 118.

³⁶¹ Из письма Дагмар Горстман 1962 г. в прокуратуру СССР с просьбой о реабилитации мужа.

³⁶² См. сборник документов: Дети ГУЛАГа 1918–1956. Составитель С. С. Виленский. М., 2002.

неизвестной судьба двух дочерей Эрнста и Эмилии Штельцер, которых вместе в матерью в 1936 г. при содействии МОПР нелегально вывезли из Германии, а затем через Голландию и Данию переправили в Москву.

К сожалению, находились люди, которые использовали атмосферу репрессий для собственных мошеннических операций — например, обещали помочь сохранить жилплощадь, на которой проживал арестованный супруг, требуя оплаты натурой или деньгами. Так, к Элизавете Шмидт-Шрейбер, муж которой был арестован по уголовному делу, пришел некто Никитин, представившийся сотрудником НКВД и объявивший: «Судьба каждого немца, проживающего в Москве, зависит от меня, если я захочу, арестую и расстреляю любого немца»³⁶³. То, что этому верили, говорит о том, какого размаха достигли панические настроения в эмигрантской среде.

В борьбе за выживание жены репрессированных образовывали неформальные сообщества, делились информацией, помогали друг другу писать письма с требованием об освобождении близких. Гильда Гаушильд и Татьяна Бек встретились в очереди у Бутырской тюрьмы, пытаясь разыскать своих мужей. Общее горе их сплотило, они стали настоящими подругами. Позже обе будут репрессированы и разлучены с детьми, Гильда погибнет в Карлаге, Татьяна вернется в ГДР³⁶⁴. Иногда люди знакомились благодаря просьбе заключенных передать весточку своим близким. Муж Гильды Фезе Фриц Киш сидел в одном лагере с Эммой Мец, и Гильда несколько раз ездила к мужу Эммы, сотруднику Коминтерна Отто Рихтеру для того, чтобы передать ему последние новости из писем.

3. «Осиное гнездо»

Находившееся в Москве руководство КПП отдавало себе отчет в том, каким опасным потенциалом обладает сообщество жен арестованных. В переписке его называли «осиным гнездом», Ульбрихт неоднократно докладывал об антисоветских настроениях его обитателей руководству Коминтерна. В то же время партийные лидеры понимали, что для этого у женщин было более чем достаточно оснований. Их пытались обеспечить хоть какой-то работой, старались удержать в орбите партийного влияния. «С такими женами и детьми следует

---

³⁶³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-1207. Позже Никитин был арестован, являлся ли он на самом деле сотрудником НКВД, из материалов дела выяснить невозможно.

³⁶⁴ Gegen den Strom. S. 408–409.

обращаться как с эмигрантами, а не так, как это делается теперь — отталкивать их за то, что раньше были замужем за арестованными или же некоторое время имели с ними связь»³⁶⁵.

Для решения вопроса о трудоустройстве и проживании родственников репрессированных была создана специальная комиссия МОПР, через которую прошло около 300 человек. При содействии МОПР и Исполкома Коминтерна их расселяли в дальнем Подмосковье и прилегающих областях. Ровно на «сто первом километре» от Москвы находился город Александров, где сложилась мини-колония жен репрессированных немецких эмигрантов, в том числе жена известного функционера КПГ Вальтера Диттбендера Гертруда и ее сын Курт. Несколько женщин были направлены в город Белоомут на границе Московской и Рязанской областей, все они работали на местной кондитерской фабрике «Красный милиционер».

В совхозе «Власть советов» Можайского района Московской области оказались Эрна Ашмонайд и Фрида Лютер. Из Дома политэмигрантов на улице Обуха отправилась в Луховицкий район Анна Лехнер. Но и там она продолжала писать во все инстанции о невиновности своего мужа Пауля Шеффера, добившись того, что Военная прокуратура начала проверку по его делу. В Верею отправили Гертруду Тель и Лилию Зибольд — их мужья были расстреляны. К ним приезжала Елена Шредер, муж которой Карл Шредер умер в лагере. Понятно, что все разговоры велись женщинами вокруг судьбы их близких, что приравнивалось к антисоветской агитации³⁶⁶.

В отдел кадров Коминтерна стекалась детальная информация о контактах жен репрессированных с германским посольством, их попытках добиться разрешения на выезд на родину. Лидеры КПГ знали, как активно нацистский режим использовал «возвращенцев» для нагнетания антисемитской и антибольшевистской истерии в Германии. Их воспоминания о пребывании в СССР издавались в Третьем рейхе массовыми тиражами, попадая позже в ранцы солдат вермахта, воевавших на восточном фронте³⁶⁷. Вернувшиеся в Германию немки слали письма подругам, оставшимся в Советской России, те получали из посольства материальную помощь и отправляли посылки мужьям, оказавшимся в лагерях. «Очевидно, что агитация за возвращение ведется агентами для продвижения в Германии антисоветской

---

³⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 143. Л. 1–5. Цит. по: Дель О. Указ. соч. С. 108.

³⁶⁶ В ходе допроса Гертруды Тель следователь так сформулировал состав ее преступления: знакомые женщины «говорили, что мужья арестованы и отбывают срок наказания неправильно, на что я им не возражала».

³⁶⁷ См. например: Albrecht Karl. Der verratene Sozialismus. Zehn Jahre als hoher Staatsbeamter in der Sowjetunion. Volksausgabe. Berlin u.a. 1941.

пропаганды, чтобы самим фактом возвращения продемонстрировать, что бывшие коммунисты предпочитают из СССР вернуться в Германию», — утверждал Ульбрихт в письме Димитрову 2 ноября 1940 г.³⁶⁸

Однако в ряде случаев партийные функционеры сами подталкивали женщин к такому шагу. Работавшая секретаршей в представительстве КПГ при ИККИ Эдит Юст была уволена после ареста ее мужа Вальтера Бетхера. Вслед за этим она была исключена из партии «за некритическое отношение к аресту мужа и отсутствие политического фундамента»³⁶⁹. Ей «порекомендовали» покинуть страну, через день в милиции немке вручили принудительную визу на выезд из СССР. У Эдит, оставшейся по указанию руководителей КПГ гражданкой Германии, был просрочен паспорт. Получив его на руки, она отправилась в посольство, где чиновники, узнав, что она работала в Коминтерне, дали волю своим эмоциям: «Ага, когда пришла нужда, сразу нашла путь в посольство». Женщину предупредили, что если ее вышлют в Германию, она окажется в концлагере³⁷⁰. Эдит Юст избежала такого развития событий, став для гестапо ценным источником информации о структуре и сотрудниках аппарата Коминтерна, где она проработала около пяти лет.

Отъездом в Германию закончились и мытарства Гертруды Диттбендер. После ареста мужа она была лишена пособия МОПР и выселена из служебной квартиры. Зимой 1938–1939 гг. немка прожила в дачном домике без отопления, весной она вновь просила предоставить ей и сыну хоть какое-то жилье, чтобы «не пришлось, как другим женщинам, жить нелегально на вокзалах и в лесах»³⁷¹. Гертруда уже в июне 1938 г. получила принудительную визу на выезд из СССР, но лишь в феврале 1940 г. обратилась за помощью в германское посольство, а потом и совсем переселилась туда. Ее подруги доносили в отдел кадров Коминтерна, что там Гертруда получает бесплатную еду и ежемесячное денежное пособие, заискивает перед послом Шуленбургом и даже написала благодарственное письмо самому Гитлеру³⁷².

---

³⁶⁸ Димитров отправил письмо Берии, вычеркнув абзац о необходимости изменить отношение к близким арестованных, которые «показали себя хорошими коммунистками» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 143. Л. 1–5).

³⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 6411. Л. 31.

³⁷⁰ Письмо Эдит Юст в ИККИ от 3 марта 1938 г. (Там же. Л. 53–55).

³⁷¹ Там же. Д. 513. Л. 24.

³⁷² В мае 1940 г. Гертруда Диттбендер писала в Президиум ИККИ: «Мне остается два пути — повеситься или отправляться обратно в Германию. Оба пути для меня как убежденной коммунистки неприемлемы» (Там же. Л. 6).

4. «Квартирный вопрос»

Жилая площадь являлась главной ценностью советского человека, она олицетворяла собой то пространство свободы, которое отмеряло ему государство. Ко второй половине 30-х гг. и в этой сфере сложилась уже очевидная для всех иерархия — от «койкомест» в общежитиях, арендованных у хозяев «углов» и комнат в коммуналках до отдельных квартир со всеми удобствами, в которые вселялись представители новой сталинской номенклатуры³⁷³.

Судя по отметкам в протоколах обыска и ареста, немецкие эмигранты находились в нижней части этой пирамиды. Как правило, семьи проживали в комнате, причем гораздо престижнее считалось жить в «старом фонде», чем в построенном наспех рабочем бараке. Изолированная квартира из нескольких комнат была скорее исключением, нежели правилом. Ее получали иностранные специалисты, если это было обговорено при их найме на работу, либо если человек дослужился до значительных постов (Герман Таубенбергер, Ганс Мориц-Гримм).

Сотрудникам аппарата Коминтерна оставалось только мечтать о таких жилищных условиях. В гостинице «Люкс», где они проживали, находились все необходимые социальные объекты — столовая, библиотека, медпункт. Однако даже семья с детьми не могла претендовать более чем на одну комнату. Политэмигранты проживали в гостиницах классом ниже, при трудоустройстве им либо приходилось вносить часть платы за жилье, либо переселяться в заводские общежития. •

Если комната находилась в распоряжении одного человека, при аресте ее также опечатывали, если это было «койкоместо», то обыскивали прикроватную тумбочку, а личные вещи оставляли на хранение коменданту общежития. Жилплощадь, где проживали родственники арестованного, не конфисковывалась, хотя в отдельных квартирах опечатывали одну из комнат. На этом неприятности для родственников не кончались: если это было служебное жилье, как в случае с семьей Диттбендер, администрация делала все для того, чтобы выселить неугодных нанимателей. Жилье, находившееся на балансе Моссовета, иногда передавалось сотрудникам органов госбезопасности. Подобная судьба, например, ждала комнату, в которой проживал Отто Ритдорф — она попала на баланс Административно-хозяйственного отдела УНКВД МО.

---

³⁷³ См. подробнее: Меерович М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008.

Поражает находчивость людей в попытках сохранить жилье перед лицом неминуемых репрессий. Сотрудницу Разведупра РККА Эрну Виндт прописала в квартиру подлинная жена ее мнимого мужа — советского разведчика, с которым Эрнэ ранее работала в Португалии. Прописала по просьбе мужа, который дал ей такой совет в письме из-за границы — если тебя арестуют, мы хотя бы не потеряем комнату. Как видим, угроза ареста воспринималась как обыденная реальность, к которой следовало подготовиться заранее.

«Квартирный вопрос», о котором писал Михаил Булгаков, действительно порождал ситуации, достойные драматургии. Марта Немовская проживала в одной комнате с двумя мужчинами — предыдущим и нынешним мужем. Их всех троих разом арестовали, что вызвало понятное удивление следователя: «Чем объяснить, что, сойдясь с Вальд Л. И., который имеет две комнаты, Вы не переехали к нему жить, а продолжали жить втроем и в одной комнате?» На самом деле здесь не было ничего необычного — оставаясь в старой квартире, Марта сохраняла права на нее, а что касается моральных аспектов подобного общежития, что ж, это были издержки нового быта. В конечном счете старый муж не имел ничего против нового, все трое вели общее хозяйство, и дело обошлось без обычных в таких ситуациях доносов друг на друга.

В горячке массовых операций о запечатанных комнатах забывали. Комнату размером в 8 кв. метров, которую снимал на даче в Перловке Эрнст Фабиш, хозяйка смогла «распечатать» лишь после обращения к руководству НКВД. Только после обращения другой хозяйки к Ежову сняли арест с комнаты, угол в которой снимал Франц Кауфман, а вещи немца были переданы женщине на ответственное хранение.

Павел Гловацкий жил в здании по адресу Глазовский переулок, дом 7. Орденом, по которому жил бывший немецкий военнопленный, являлась справка, выданная находившимся в начале 20-х гг. в Москве Германским советом рабочих и солдатских депутатов³⁷⁴. Гловацкий работал электромонтером в Коминтерне и на протяжении 20 лет обходился без формальных документов. Принципиальный противник

---

³⁷⁴ В деле Гловацкого сохранился этот документ, снабженный фотографией. Совет, образованный просоветски настроенными военнопленными кайзеровской армии, вселился в здание Германского посольства по Денежному переулку сразу же после начала революционных событий в Берлине. Первоначально он рассматривал себя в качестве представительства Советской Германии, но так и не был признан Берлином. Это учреждение просуществовало до 1920 г. и щедро раздавало разного рода справки и мандаты. Летом 1919 г. Германскому совету пришлось потесниться — в то же здание вселился Исполком Коминтерна.

бюрократии или просто ленивый человек, он не удосужился до 1937 г. получить либо германский, либо советский паспорт. Рутинный обход квартир участковым привел к задержанию Гловацкого. Поскольку он с супругой жил в двух комнатах, опечатана была меньшая из них — размером в 4 кв. метра. После осуждения Гловацкого эта комната была передана на баланс областного управления НКВД, а его личные вещи возвращены жене.

Конфискация «лично принадлежащего имущества расстрелянных» проводилась уже после приговора, иногда эта процедура затягивалась на несколько месяцев после того, как тот или иной человек закончил свою жизнь на Бутовском полигоне. Вещи реализовывались по бросовым ценам, вероятно, среди «своих». Если приговор был без конфискации, то об имуществе, сданном на хранение управдому, попросту забывали³⁷⁵. Как правило, главной ценностью было то, что эмигранты привозили с собой из Германии — фотоаппарат, радиоприемник, бинокль. Жена Маврикия Менкеса, заведовавшего во второй половине 20-х гг. отделом печати советского посольства в Берлине, добилась возвращения изъятой при аресте мужа пишущей машинки как единственного источника заработка. В НКВД знали, что женщина приходится племянницей самому Троцкому, однако в данном случае сработало правило, что родственники за дядю не отвечают.

В тех редких случаях, когда находившийся под следствием человек освобождался без приговора, его ждала тяжелая борьба не только за возвращение честного имени, но и жилищной площади, а зачастую и личных вещей. Проживавший в общежитии Эдуард Штилов при выходе из тюрьмы имел только то, что было на нем. Первым делом он обратился в представительство КПП при ИККИ с просьбой помочь ему получить хотя бы пару обуви и галоши³⁷⁶. Роберта Гроппер, обращаясь туда же за помощью, указывала, что пока она находилась под следствием, из квартиры исчезли все ее личные вещи.

После заключения пакта и временного потепления советско-германских отношений органы НКВД стали внимательно относиться к запросам посольства о поиске вещей высланных из СССР или

---

³⁷⁵ В следственном деле Вальтера Кюнцеля сохранилось датированное мартом 1940 г. заявление управляющего домом по улице Матросская тишина, 16а, на имя наркома Берии о том, что переданные ему на хранение вещи репрессированных до сих пор находятся у него, лежат в сыром подвале и пришли в негодность. Проживавшая в том же доме работница Электростанции Маргарита Киш после получения приговора написала заявление о выдаче ей личных вещей. Ее комната была распечатана, сотрудники НКВД «по спецуказанию» собрали чемодан теплой одежды и обуви — и запечатали комнату вновь.

³⁷⁶ Письмо от 17 ноября 1939 г. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 13995).

компенсации за них. Жена Фрица Гюффтнера потребовала вернуть принадлежавший мужу фотоаппарат «Лейка». После активной переписки заместителей наркомов НКВД и НКВД фотоаппарат был разыскан и передан по назначению. Это было исключением, а не правилом. Обычно посольству Германии сообщалось, что те или иные предметы быта высланных невозможно разыскать, но компенсация за них все же выплачивалась.

5. Топография террора

Работа с архивно-следственными делами эпохи большого террора неизбежно приводит к мысли о том, что репрессии имели не только хронологическое, но и пространственное измерение³⁷⁷, концентрируясь вокруг нескольких точек в Москве и Подмосковье. При ближайшем рассмотрении образ «Лубянки» распадается на несколько адресов в рамках одного и того же «чекистского квартала». Областное управление НКВД находилось в многоэтажном здании по адресу Малая Лубянка, дом 9. В этом здании не было условий для содержания заключенных, поэтому следователи выезжали для допросов в московские тюрьмы — Бутырскую, Таганскую, Новинскую. Свои маленькие «Лубянки» находились и в районных центрах Московской области, которых было более 50.

Ни в одном из АСД не фигурирует адрес посольства Германии, хотя оно являлось одним из главных объектов «чекистского обслуживания» в Москве. Речь идет об особняке с роскошными интерьерами архитектора Ф. Шехтеля, расположенном в Леонтьевском переулке, дом 10. Напротив (дом 13) находились квартиры, где проживали дипломаты, вероятно, там получали пристанище и те немки, кто ожидал получения документов для возвращения на родину. Посольство дено и ночью охранялось, за дипломатами велась открытая слежка. Здесь же находился и консульский отдел. Торжественные мероприятия проводились в резиденции германского посла, которая находилась на Арбате (Чистый переулок, дом 5).

Сам факт посещения посольства приравнивался к преступному акту даже для германских граждан, для них была придумана особая категория обвинения — «консульские связи»³⁷⁸. Тем не менее посольство притягивало граждан Германии, проживавших в Москве. «Чте-

---

³⁷⁷ Schloegel K. Im Raume lesen wir die Zeit. Ueber Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. Muenchen, 2003.

³⁷⁸ См. Наказанный народ. С. 54–55.

ние фашистской прессы» в здании посольства, «участие в траурном вечере по поводу смерти Гинденбурга» и прочие контакты затем перекочевывали в обвинительное заключение по делам немецких эмигрантов (Ганс Ауэрс, Зигфрид Штейнметц, Артур Штенцель).

Посольство Германии находилось в центре переулка длиной в несколько сотен метров, который упирался в два самых важных адреса немецкой политэмиграции в Москве. Речь идет, с одной стороны, о Немецком клубе на улице Герцена, с другой — об общежитии на улице Горького, где проживали руководители и функционеры Коминтерна. Из этого общежития, вошедшего в историю как «отель Люкс»³⁷⁹, на расстрел только по линии УНКВД МО были отправлены 24 человека³⁸⁰, хотя структуры Исполкома Коминтерна находились под контролем центрального аппарата НКВД. В нашей базе данных по этому адресу проживали Люси Бауэр, Гертруда Тифенау, Бернард Рихтер, Генри Борн, Эрвин и Эрна Петерман, Ганс Ридель, Фриц Шульте-Швейцер, Георг Брюкман-Мюллер, Ганс Андер-Кнот, Ганс Блох.

Выше по улице Горького, в доме под номером 79/81, находились различные организации-наследники Межрабпома (Международной рабочей помощи), распущенного в 1935 г. На втором этаже здания находилось законспирированное представительство КПП. На верхних этажах располагалось несколько комнат, куда селили партийных функционеров, занимавших в Германии высокие посты. В частности, там проживали Пауль Шербер-Швенк, Марта и Фриц Глобиг, Роберта Гроппер с мужем. В июне 1938 г. представительство КПП переселилось на улицу 25 Октября, в двух шагах от Красной площади, что позволяло наладить лучшую конспирацию его работы.

Клуб иностранных рабочих в 20-е гг. располагался на Малой Дмитровке, в 30-е гг. в его распоряжение был предоставлен особняк на улице Герцена, дом 19. Поскольку немецкая секция клуба доминировала над остальными, он вошел в историю как «Немецкий клуб». Об участии в его мероприятиях обязательно спрашивали арестованных на допросах. Наличие клуба давало возможность трудоустроить немало эмигрантов, в разное время клубом заведовали Вальтер Розе-Розенке, Арнольд Цвиккер, Пауль Шербер-Швенк. Культургом клуба был Эрнст Штейнбринг, инструктором физкультуры — Курт Бертрам, завхозом — Курт Арендт. Все они были впоследствии репрессированы.

---

³⁷⁹ Mayenburg R. Hotel Lux. Mit Dimitroff, Ernst Fischer, Ho Tschih Minh, Pieck, Rakosi, Slansky, Dr. Sorge, Tito, Togliatti, Tschou En-lai, Ulbricht und Wehner im Moskauer Quartier der Kommunistischen Internationale. Muenchen, 1978.

³⁸⁰ Бутковский полигон. Вып. 7. С. 327.

Многие эмигранты из Германии, попавшие в нашу базу данных, работали в клубе на общественных началах — Роберта Гроппер заведовала женским активом, Елизавета Фришке вела кружок рисунка. Яков Гебель и Эрих Шуман являлись библиотекарями, врачи Вальтер Домке и Адольф Босс координировали работу медицинской, а инженер Рудольф Бетгер — технической секции. Клуб был закрыт в конце 1937 г., почти одновременно с немецкой школой им. Карла Либкнехта, где учились дети немецких эмигрантов.

Дом политэмигрантов находился на Воронцовом поле (ул. Обуха, д. 3) и служил пристанищем для рядовых членов КПГ, если они были признаны в статусе беженца от преследований буржуазной полиции. К 1937 г. там проживало несколько шницбундовцев, и администрации порой приходилось гасить «межнациональные конфликты» между австрийцами и немцами. Там была столовая, где эмигрантов кормили, плюс выдавали неработающим 50 рублей в месяц. Дом находился в ведении МОПР, сотрудники которого прилагали немало усилий для того, чтобы трудоустроить своих подопечных вне Москвы. Но те возвращались, ибо бытовые условия в регионах были не намного лучше того, что им могло предложить столичное общество. Функционеры КПГ, такие как Вилли Клейст, воспринимали переселение на улицу Обуха как наказание, ибо отказывались проживать вместе с «подозрительными элементами».

Дом политэмигрантов располагался на территории Ленинского района столицы, и соответствующее райотделение НКВД черпало оттуда свой «контингент» в рамках национальных операций. Георг Герман был обвинен в том, что, «проживая в доме политэмигрантов, вошел в состав троцкистской шпионской организации из политэмигрантов, существовавшей в этом доме». Однако сколько-нибудь четкого оформления эта организация так и не получила. К апрелю 1938 г. в Доме политэмигранта не осталось ни одного мужчины, да и женщины большей частью являлись родственниками репрессированных. После ареста сына туда была отправлена Кэти Розенбаум. Она показывала на допросе, что в комнате проживало 11 женщин, из них 3 были арестованы до нее. Скученное проживание эмигрантов одной национальности создавало благоприятную почву для взаимных обвинений и доносов, многое из того, что отложилось в предыдущие годы, было востребовано в период немецкой операции.

В Доме политэмигранта проживали супруги Пауль Шефер и Анна Лехнер, Эрнст и Эрнст Штельцер, Франц Штенцель с женой и сыном, Генрих Грюнвальд, Эрих Шульце, Иоганн Шлефель, Вильгельм Ген, Франц Койферт, Эрик Флеммиг, Генрих Стаффорд. После весны 1938 г. дом стал постепенно заполняться новыми жильцами, но в нем

слишком многое напоминало о произошедшем. Так, кладовые были забиты вещами репрессированных. Имущество семьи Штельцер, включая библиотеку из 200 книг, только в начале 1941 г. было сдано в госфонд. Несколько человек из нашей базы данных, как правило, инвалиды проживали на дачах МОПР, располагавшихся в ближнем Подмоскowie: в Покровском-Стрешнево, Перловке и Ильинском.

Обильную жатву собрали сотрудники НКВД в доме иностранных специалистов и рабочих по адресу Ананьевский переулок, 5: всего около 30 человек, из них 12 были расстреляны в Бутово. В этом доме были арестованы в основном специалисты, приглашенные из Германии: Мартин Кнауце, Эрвин Моргнер, Ганс Петерсен, Людвиг Рут, Фриц Поллак, Владимир Торнер, Альфред Шмидт, Рейнвальд Бартоломей, Герман и Отто Мюллер. По отношению к оставшимся членам семьи проводилась тактика выдавливания с жилплощади, которая считалась служебной. Согласно показаниям Герты Дирр, «домоуправляющий нашего дома Володин безобразно относился к жильцам дома — женщинам, у которых арестованы мужья... В самой грубой форме выселял из квартир женщин — жен арестованных, самовольно запечатывал квартиры и в отсутствие жильцов забирал из квартир кожаную мебель (принадлежащую Наркомтяжпрому)».

Кооператив немецких специалистов «Мировой Октябрь» (Выставочный переулок, 16а) строился с большим трудом, что вызвало обильный поток жалоб от будущих жильцов, уже внесших паевые взносы. Этот дом является лидером по числу расстрелянных — в бутовском списке по этому адресу 32 имени. Неквалифицированные рабочие из Германии в 30-е годы компактно проживали в исторических местах по правому берегу Яузы, где со Средних веков располагалась Немецкая слобода. По адресу улица Большая Почтовая, 18/20 находилось несколько десятков деревянных бараков и кирпичных пятиэтажек, многие из которых заселены и по сегодняшний день. В этом микрорайоне все знали друг друга, поэтому отсюда забирали преимущественно соседей и родственников. Среди арестованных на Большой Почтовой: семьи Мюнделей, Фидлеров, строители-каменщики Курт Гранц, Густав Гримм, Отто Фридлянд, Вильгельм Фридрих, Фриц Циммериммер, уборщица в здании Коминтерна Кэти Отто и ее мужья Карл Форбергер и Антон Томанек.

Выше по течению Яузы, напротив массивных корпусов Электрозавода, находился дом его иностранных рабочих (Матросская тишина, 16а), «микроистория» которого представлена в книге С. В. Журавлева³⁸¹. Новые штрихи в данный сюжет вносит дело Елены Шредер,

---

³⁸¹ Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история». С. 205–218.

проживавшей в этом доме после ареста мужа и арестованной в июне 1941 г. Согласно материалам допросов, в предвоенные годы та сколотила сообщество немцев, мужья которых были репрессированы (Альфред Зоргац, Вильгельм Баумерт, Вильгельм Тель, отец и сыновья Гуты). Они вместе писали письма с требованием об освобождении своих близких, вместе горевали о своей судьбе, строили планы возвращения в Германию.

Альфред Вайхельд, Ганс Кульмс, Альфред Рейхельт, Иоганн Титтель, Фриц Вальтер были арестованы в жилом доме Первого часового завода (Товарищеский пер., 22/24). Адресами репрессий были общежитие Издательства инорабочих и типографии «Искра революции» (Капельский пер., дом 13), бараки строителей автозавода ЗИС (Тюфелев проезд), многоквартирный дом в парке Сокольники (Олений вал, 20), где проживали немцы, прибывшие в Советскую Россию еще в 1921 г.³⁸² После долгих хлопот учителям немецкой школы в Москве выделили 3 квартиры в новом доме (12-я Сокольническая улица, дом 11). Фриц Байес, супруги Елена Буссе и Эрнст Гра, Бронек Ротцейг так и не успели порадоваться новоселью.

Топография сталинского террора является серьезной научной проблемой, контуры которой пока еще только намечены. Анализ районов компактного проживания жертв, равно как и мест, где они встречались с безжалостной машиной НКВД (адреса арестов, мест предварительного заключения, тюрем и лагерей), позволит вплотную подойти к социальной истории репрессий, которая на сегодняшний день все еще не написана.

Заключение

В миграционных потоках, пересекавших европейский континент в межвоенные годы, немецкая составляющая занимала заметное место. Если из Советской России немцы уезжали в основном по этническому признаку, то поток иммигрантов в страну формировали лица, искавшие работу и бежавшие от политических преследований. Зачастую экономических и политических эмигрантов трудно отделить друг от друга — для того, чтобы облегчить себе въезд и обустройство в СССР, выходцы из Германии вступали в компартию. Однако далеко не все из немцев, претендовавших на статус политэмигранта, получали его.

---

³⁸² Когда-то этот дом принадлежал военному заводу № 58 имени Ворошилова, немцы были уволены с этого завода, но остались проживать в Сокольниках.

После прихода Гитлера к власти начался отток немецких специалистов из СССР; среди прибывших, напротив, резко увеличилась доля коммунистов, многим из которых пришлось пройти через концентрационные лагеря и допросы в гестапо. Власти Третьего рейха выдавливали из страны евреев и лиц вне подданства, которые считались политически неблагонадежными. Покинувших Германию антифашистов лишали германского гражданства, что закрывало им право на возвращение в страну.

Советский Союз, провозгласивший право на предоставление политического убежища революционерам, а также нуждавшийся в квалифицированной рабочей силе, достаточно либерально относился к притоку в страну иностранцев. Ситуация изменилась лишь к середине 30-х гг. В условиях социально-политической унификации населения, которую сталинская пропаганда трактовала как «формирование советского человека», выходцы из-за рубежа оказывались материалом, с трудом поддающимся перековке. Понятие «немец» парадоксальным образом вернуло себе исходный смысл — когда-то так называли всех иностранцев, которые казались немymi, чужими, не способными понять реалии России.

Это скорректировало первоначальный замысел книги — показать национальную составляющую большого террора на микроуровне, если последнее понятие может вместить в себя столичный регион и одну из самых крупных колоний иностранцев в нем. Немецкая операция 1937–1938 гг. и ее повторение летом–осенью 1941 г., проводившиеся органами госбезопасности Московской области, не носили характера этнической чистки. И в директивах, идущих сверху, и в понимании рядовых исполнителей это была антигерманская акция, призванная перерубить все неподконтрольные властям контакты и нити, тянувшиеся из «советского огорода» к враждебному государству, поставившему завоевание «жизненного пространства на Востоке» в центр своей глобальной стратегии.

Конечно, среди лиц, попавших в немецкую операцию (ее следовало бы назвать германской, но первое понятие уже утвердилось в научном обороте), преобладали немцы по крови и по месту рождения. Однако анализ архивно-следственных дел показал, что более точно эту категорию жертв большого террора можно описать как «выходцы из Германии». Среди них были и русские военнопленные Первой мировой войны, и лица разных национальностей, оказавшиеся в этой стране только в годы Веймарской республики. Покидая Германию, в том числе и вынужденно, они уносили с собой язык, образ жизни и политическую культуру, привитые им в стране, которая так и не стала их новой родиной. В Советской России этот багаж становился

основой для межкультурного взаимодействия на самых различных уровнях — от применения производственных навыков в заводских цехах до бытовых конфликтов на коммунальных кухнях.

Автор отдает себе отчет в том, что выбранные в качестве объекта исследования 720 следственных дел, дополненные документами из архива Коминтерна, не позволяют исчерпывающе ответить на все вопросы, касающиеся причин и последствий немецкой операции НКВД. Однако, сложенные вместе, они в достаточной мере иллюстрируют жизнь выходцев из Германии в столичном регионе, дают объективный набор социально-политических характеристик эмигрантской колонии накануне большого террора. Материалы следствия показывают приемы и методы, которыми пользовались сотрудники органов госбезопасности, чтобы в условиях штурмовщины массовых операций придать своим действиям подобие «социалистической законности». Динамика репрессий отражает как исполнение директив высшей власти на местах, так и логику действий рядовых «чекистов», лавировавших между кнутом и пряником.

Более половины из 720 дел велись в отношении лиц, которые в прошлом являлись активистами и функционерами Коммунистической партии Германии, 220 из них оставались членами этой партии и на момент ареста. То, что они рассказывали на допросах о своей политической деятельности, диктовалось стремлением к самооправданию, к снятию с себя образа врага. То, что фиксировалось в протоколе, было подчинено задаче фальсификации несовершеннолетних ими преступлений. И тем не менее материалы допросов, равно как показания свидетелей, справки и характеристики, отложившиеся в АСД, содержат уникальную информацию о «боевом пути» КПГ, ее месте в политическом ландшафте Веймарской республики и борьбе за устранение ненавистной «системы». Из этих материалов складывается ментальный тип образцового коммуниста, ни в грош не ставившего ценности парламентской демократии, в любой момент готового к прямым действиям, к «последнему и решительному бою». Способность к самопожертвованию ради идеалов светлого будущего, бескомпромиссность «солдата мировой революции» и готовность идти наперекор устоявшимся общественным ценностям оказывались для многих немецких коммунистов роковыми качествами после их приезда в СССР. Здесь от них требовалось приспособление к реалиям сталинского режима, которые вблизи выглядели совершенно иначе, чем лубочные образы строящегося социализма на страницах левой прессы.

Инженеры и рабочие, завербованные в Германии на рубеже 30-х гг. для работы в советской промышленности, переживали скорее культурный, нежели политический шок, хотя принимающая сторона

делала все для того, чтобы смягчить его негативное воздействие, особенно сильное там, где стройки индустриальных гигантов начинались буквально с нуля. Немцы первыми получали благоустроенные квартиры, имели возможность переводить часть заработанных средств за рубеж, ездили в отпуск на родину.

После завершения первой пятилетки система индивидуальных контрактов с иностранцами ушла в прошлое, им приходилось выбирать: уезжать или оставаться, работая на тех же условиях, что и местные кадры. Для многих из тех, кто решил остаться, основным аргументом выступала удачно сложившаяся карьера, возможности профессионального роста, занятия любимым делом. Были и идеалисты, у которых доминировало стремление помочь невиданному социальному эксперименту в советской стране. Кого-то удерживали личные мотивы — русские жены, дети. Сказывался и страх перед тем, что в Третьем рейхе их работа в СССР может послужить основанием для политических обвинений.

Так или иначе немцам приходилось соглашаться с правилами игры, которые большевистское руководство навязывало советскому обществу. С этими правилами сразу же знакомились те, кто приезжал в СССР на свой страх и риск, попадая в категорию или «перебежчиков», или «интуристов». Источники показывают, что такие люди оказывались под двойным подозрением именно потому, что к эмиграции их подтолкнули скорее эмоциональные, нежели рациональные мотивы. Для следователей НКВД данное обстоятельство открывало возможность «дополнить» эти мотивы вербовкой для шпионской деятельности.

Приезжая в СССР, любой иностранец оказывался под жестким контролем партийных, хозяйственных и административных органов, не говоря уж о «чекистском обслуживании». На первых порах ему оказывали помощь в решении бытовых вопросов, оформлении документов, предоставляли переводчика, вовлекали в общественную жизнь. Для известных деятелей литературы и искусства, членов рабочих делегаций или командированных на короткий срок это выглядело как проявление традиционного русского гостеприимства. Тот, кто приехал в Советский Союз без обратного билета, рано или поздно замечал, что радушные хозяева не оказывают ему больше привычных знаков внимания, намекая тем самым, что нельзя вечно оставаться «чужим среди своих».

В правовом плане Рубиконом являлось принятие советского гражданства. Начиная с середины 30-х гг. немецких специалистов и политэмигрантов активно подталкивали к такому шагу, хотя внешне решение должно было выглядеть абсолютно добровольным. Людям

не продлевали вид на жительство, увольняли с работы, исключали из ВКП(б). Сохранение германского подданства превратилось в привилегию, которую выдавало представительство КПП при Коминтерне, мотивируя ее тем, что человек готовится к подпольной работе у себя на родине.

После прихода Гитлера к власти многие законтрактованные рабочие и инженеры стали массово возвращаться в Германию³⁸³. Этому способствовала активная пропаганда Третьего рейха, настаивавшая на собирании всех немцев в одном государстве. После 1933 г. активизировало свою работу среди соотечественников и германское посольство в Москве. Хотя служившие там дипломаты сохраняли известный иммунитет от нацистской идеологии, они послушно исполняли директивы, поступающие из Берлина. Последние касались и лишения германского подданства лиц, заподозренных в антифашистской деятельности, и более активного сбора информации о военно-промышленном потенциале Советского Союза.

В результате проживавшие в Москве германские граждане оказывались под двойным контролем — со стороны советской бюрократии и сотрудников посольства. Конечно, дипломаты могли оказывать только косвенное воздействие на настроения немецкой колонии — приглашая ее представителей на вечера, устраиваемые посольством, оказывая им материальную помощь и поддерживая личные контакты. После ареста германских подданных эти контакты (на жаргоне органов госбезопасности они назывались «консульскими связями») оказывались достаточным основанием для обвинения в шпионаже и высылки из страны.

Вне досягаемости дипломатов находились политические эмигранты, воспринимавшие здание посольства в Леонтьевском переулке как символ ненавистного Третьего рейха. Некоторые из них добровольно отказывались от своего подданства, посылая туда по почте свой паспорт. Посольство тщательно следило за публикациями немцев-антифашистов в СССР, поставляемая им информация откладывалась в оперативном архиве гестапо. Дипломаты не скрывали своего злорадства, когда к ним за помощью обращались жены арестованных немецких коммунистов. В то же время, будучи чиновниками прусской выучки, они помогали выезду из страны тех, кто имел для этого правовые основания либо был приговорен к высылке органами НКВД.

---

³⁸³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 63. Л. 21.

Политэмигрантам, порвавшим связи не только с Третьим рейхом, но и со своими родными, остававшимися в Германии, особенно трудно давалась интеграция в советскую повседневность. Ограждая политэмигрантов от мелочной административной опеки, структуры Коминтерна и КПП требовали от них абсолютного подчинения. Своего рода «контролем снизу» была атмосфера взаимного недоверия и доносительства в эмигрантской среде. Выдержать такое испытание могли далеко не все. Условием политического и физического выживания немецких политэмигрантов оказывалось не зафиксированное в советской конституции право на убежище от преследований классового врага, а степень полезности сталинскому режиму.

Вместе с гражданством СССР выходцы из Германии принимали на себя обязательство соблюдать не только советские законы, но и неписанные правила поведения, которые спустя полвека назовут «политической корректностью». В отличие от местного населения, прошедшего школу революционной «перековки», немцы просто не отдавали себе отчет в том, что их действия (откровенные высказывания или чтение запрещенной литературы) в глазах окружающих выглядели как «антисоветская агитация».

После начала большого террора наличие советского гражданства стало для выходцев из Германии, равно как и из других стран, роковым обстоятельством. Оно упрощало работу следственных органов, у которых в условиях штурмовщины не было ни времени, ни сил возиться с иностранцами. Запутанные правовые случаи (например, прибытие в СССР по подложному паспорту, лишение германского подданства) трактовались в удобном для сотрудников НКВД смысле; иногда обвиняемых вопреки очевидным фактам (наличие вида на жительство для иностранца) записывали в число советских граждан. Это обеспечивало упрощение процедуры следствия и в конечном счете максимально тяжелый приговор.

Кампания 1934–1936 гг. по переводу иностранцев в советское гражданство не должна восприниматься как увертюра к дьявольскому плану их физического уничтожения в последующие годы. Она отражала процесс поиска высшей властью оптимальных механизмов социально-политической и правовой унификации советского общества, в рамках этого процесса проводилась и паспортизация населения, и подготовка новой конституции. Однако в условиях режима личной власти у вождя не было никаких внешних ограничителей. Стоило ему принять решение о переходе к стратегии «выкорчевывания сорняков», вся государственная система тут же впряглась в повозку массовых репрессий.

Материалы следствия, которое велось Московским управлением НКВД в отношении выходцев из Германии, являются лишь малой каплей в море большого террора 1937–1938 гг. Подчеркнем еще раз — речь шла не об этнических чистках, а о физической нейтрализации тех, кто в силу своего германского прошлого олицетворял собой «чужого», не способного вписаться в формируемое властью советское единообразие. Это не позволяет отождествлять сталинские репрессии с нацистским геноцидом, и в то же время порождает внутренний раскол в современных оценках большого террора³⁸⁴. До сих пор в публицистике и обыденных разговорах приходится сталкиваться с мнением, что превентивное устранение «пятой колонны» избавило советский народ от еще больших жертв на начальном этапе войны.

Связь большого террора с предчувствием новой мировой войны нельзя отрицать, однако нельзя и преувеличивать, превращая в решающий мотив сталинских директив и ежовских приказов. Расхожая поговорка о том, что «война все спит», сформулирована в будущем времени, однако употребляется в отношении уже произошедших событий. Рациональное обоснование национальных операций НКВД 1937–1938 гг. ставится под вопрос еще одним обстоятельством — их совмещением во времени с не менее массовой «кулацкой операцией». Вопрос о том, на чем основывалось такое решение, все еще недостаточно прояснен современной историографией. Совмещение двух операций (или «линий», как говорили в НКВД) дезорганизовало деятельность органов госбезопасности, породив хаос и тот самый «огонь по площадям», который превращал фальсификацию обвинений в поощряемую сверху систему.

Представленная в книге на основе анализа нескольких сотен следственных дел иерархия несовершенных преступлений от шпионажа до терроризма не имела под собой никакой фактической основы. Уже в июле 1937 г. Ежов инструктировал начальников областных управлений НКВД: «В связи с разгромом врагов будет уничтожена и некоторая часть невинных людей, но это неизбежно»³⁸⁵. Реальность выглядела совершенно иначе. До сих пор обществу не предъявлено сколько-нибудь веских аргументов в пользу того, что среди миллио-

---

³⁸⁴ Представляется интересным мнение немецкого исследователя о границах сравнения сталинского террора и холокоста: «Преступления, жертвы которых находятся вне национального, этнического или религиозного коллектива, то есть совершенные в отношении других или чужих, сохраняются в коллективной памяти иначе, чем преступления против жертв из собственного сообщества. Восприятие преступлений нацизма находится в контексте понятия “нация”, а преступлений сталинизма — понятия “режим”». Динер Д. Круговороты. Национал-социализм и память. М., 2010. С. 44–45.

³⁸⁵ Цит. по: Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 98.

нов невинных жертв большого террора оказалась и «некоторая часть» шпионов и диверсантов.

Некий смысл массовых репрессий можно увидеть в том, что они выступали в роли превентивных мер борьбы с инакомыслием и потенциальной оппозицией. Говоря словами Бертольда Брехта, для ареста в условиях нацизма «достаточно было подозрения, что кто-то подозрителен». Действительно, здесь оправданы параллели с методами гестапо: «Речь шла, скорее, не о подавлении любого протеста, а о своевременном предупреждении его появления. Недовольство могло быть сколь угодно большим, но оно не представляло опасности для тоталитарного режима, пока оставалось неорганизованным. Важнейшим инструментом системы обеспечения безопасности нацистского режима были не столько концлагеря, сколько обычные канцелярские папки, где собиралась информация о малейшем проявлении недовольства»³⁸⁶.

В практике НКВД эти папки назывались «материалами учета», именно их содержание легло в основу первой волны репрессий в августе-сентябре 1937 г., когда были арестованы большинство граждан «враждебных государств», находившихся на территории СССР. К концу года следствия по их делам были закончены, стандартным являлось обвинение в шпионаже. Вопрос о признании или непризнании вины не играл решающей роли при вынесении приговора, подавляющее большинство арестованных германских граждан были высланы из страны. В отличие от потенциальных жертв «кулацкой операции» компрометирующие материалы на немцев, принявших советское гражданство, были весьма скудными. Среди них преобладали сведения о переписке с границей, реже встречались данные об исключении из партии, инициативные доносы соседей и сослуживцев.

Однако поставленные задачи по уничтожению «шпионской низовки» нужно было выполнять любой ценой, и следователи конструировали обвинения на основе избыточной лжи, столь характерной для сталинской системы. Этим заканчивался первый этап следствия, далее начиналось подлинное «хождение по мукам». По отношению к жертвам немецкой операции, арестованным в конце 1937 — начале 1938 г., применялись самые жестокие методы выбивания признаний. Если по делам об антисоветской агитации оперативным работникам НКВД приходилось опрашивать свидетелей, то в делах о шпионаже арестованные как бы замыкались в своем собственном кругу. Сле-

---

³⁸⁶ Steinert M. Deutsche im Krieg: Kollektivmeinungen, Verhaltensmuster und Mentalitaeten // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn, 1992. S. 482.

дователь сам составлял списки шпионских сетей, конструировал их конфигурацию. Начальство требовало только «цифру» — цифру полученных признаний и цифру новых арестов.

Справки и сообщения, которые направлял в центральный аппарат НКВД отдел кадров Исполкома Коминтерна, редко доходили до низовых структур госбезопасности. Лишь после того, как завершилась полоса массовых арестов, оперативные сотрудники стали уделять большее внимание оформлению материалов следствия. К осени 1938 г. шпионаж отходит на второй план, доминирующим пунктом обвинения становится антисоветская агитация, подразумевавшая более мягкий приговор. С прекращением работы «судебной двойки» немцев перестают приговаривать к расстрелу, дела, переданные в обычные суды или в Военный трибунал, в ряде случаев завершаются оправданием обвиняемых.

«Бериевская оттепель» привела лишь к единичным случаям пересмотра приговоров, вынесенных в эпоху Ежова. Новое следствие по протестам родственников или самих заключенных проводили те же органы госбезопасности, а иногда и те же сотрудники, что и в 1938 г. Если доводы о фальсификациях и незаконных методах следствия, изложенные в письмах из лагерей, за редкими исключениями не принимались во внимание, то просьбы, поступавшие от руководителей Коминтерна, были способны оказать спасительное влияние на судьбы жертв большого террора. Последние из тех немецких политэмигрантов, кто еще находился под следствием, были выпущены на свободу как раз накануне 22 июня 1941 г.

Нападение Гитлера на Советский Союз довершило уничтожение сложившейся в Москве колонии выходцев из Германии, начатое в ходе большого террора. Как и ранее, первоначально были реализованы «материалы учета», затем последовала административная отправка в эвакуацию, а 9–11 сентября 1941 г. были проведены аресты всех «бывших немцев», оставшихся на свободе. Среди арестованных преобладали женщины, им предъявлялось стандартное обвинение в антисоветской агитации. Показания свидетелей, приобщавшиеся к следственным делам той поры, показывают, что война привела к возрождению ксенофобии и антинемецких настроений, пропагандистские штампы и стереотипы вновь стали доминировать над личными впечатлениями и оценками, связанными с многолетним проживанием бок о бок немцев и россиян.

Исследование, результаты которого представлены читателю, стало лишь первым подходом к пониманию темы, сформулированной в социокультурном ключе. Практически вне нашего внимания остаются вопросы, связанные с ментальностью немецких эмигрантов, шан-

сами и границами их интеграции в советскую повседневность. Пока мало что можно сказать о линии поведения людей, оказавшихся на Лубянке, их борьбе с несправедливым следствием, взаимовыручке и отторжении в рамках «тюремного сообщества». Здесь необходимо привлечение новых источников, многие из которых до сих пор погребены в ведомственных архивах.

В то же время еще далеко не полностью «допрошены» архивно-следственные дела, являющиеся весьма специфическим источником и требующие выработки особой методики своего анализа. Они могли бы многое рассказать не только о жертвах большого террора, но и о нюансах эпохи, в которой жили эти люди. Завершение работы над текстом привело к появлению чувства легкой неудовлетворенности сделанным, хотя это и является нормальным состоянием авторской души. Хочется вновь вернуться в архив и пролистать каждое из дел, чтобы взглянуть на него по-иному, задать правильные вопросы, проникнуть в невысказанный контекст. Но оставляю данное занятие тем, кто пойдет вслед за мной и дальше меня, лелея надежду, что им, прочитавшим эту книгу, будет немного легче.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Ганс Лакс: ЭКСКУРСИЯ В ГУЛАГ

Скромный берлинский коммивояжер Ганс Лакс, прибывший в Москву в качестве туриста 22 сентября 1937 г., конечно, не мог знать, что как раз в эти дни в столице проходят массовые аресты немецких подданных. Тур, купленный им в агентстве «Интурист», подразумевал знакомство с жемчужинами Советского Союза — Ленинградом, Киевом, Одессой. Лакс рассчитывал, что будет жить в самом шикарном отеле Москвы — «Национале» — и даже оставил своим друзьям его адрес для переписки. Однако немецкого туриста, поскольку денег у него хватило только на «путешествие третьего класса», поселили в более дешевой гостинице «Новомосковской» напротив Кремля, на улице Балчуг.

Однако и там сервис был на высшем уровне — советской стране нужна была валюта, а поток интуристов в предвоенные годы сокращался с каждым годом. Каждого из них буквально носили на руках. На обложке своего туристского ваучера Лакс записал меню запомнившегося ему обеда: «1. Суп-пюре из дичи. 2. Язык в мадере с картофельным пюре. 3. Яблоки дюбари».

Записал по-русски, так как к поездке готовился загодя и интенсивно изучал русский язык. Немецкому туристу нравились не только изысканные блюда. Он был в восторге от посещения колхоза «Путь Ильича», находившегося в паре десятков километров к северу от советской столицы — обильное угощение, тучные нивы и довольные крестьяне так не соответствовали стереотипам нищей и запуганной России, которые тиражировала нацистская пресса!

Образы цветущей страны, которая ударными темпами строила социализм, проплывали за окном интуристовского автобуса и контрастировали с грустными мыслями, одолевавшими Лакса. У себя на родине его, еврея, ждал неминуемый арест. Согласно Нюрнбергским расовым законам связь с арийской девушкой, о которой бдительные соседи уже донесли в гестапо, являлась уголовным пре-

ступлением. Приезд в СССР был не чем иным, как бегством от неминуемой судьбы.

Уже в Москве Лакс получил от своего друга почтовую открытку, в которой, как он сам позже признавал на следствии, содержалась зашифрованная фраза — к нему домой приходили из полиции. Это стало последней каплей для того, чтобы принять решение — я остаюсь здесь, в Советском Союзе, на родине всех трудящихся, независимо от их национальности и вероисповедания.

Сказано — сделано. Однако здесь в Москве все оказалось не так просто, как выглядело на первый взгляд. Лакс начал с посещения редакций журналов и газет, издававшихся в столице на немецком языке — благо их можно было взять прямо в холле гостиницы. Нетрудно себе представить, какой шок вызывали у их сотрудников вопросы наивного иностранца! Первый визит был нанесен в журнал «Дас Ворт», оттуда Лакса направили в Бюро по работе с иностранцами при ВЦСПС. Придя во Дворец труда, он толком не смог объяснить свои намерения, но понял, что Инобюро только что расформировали. Произошла очевидная путаница. На самом деле летом 1937 г. был распущен аналог Коминтерна — Красный Интернационал профсоюзов, но что не придумаешь, чтобы отделаться от назойливого и весьма подозрительного немца.

Лакс не сдавался. На следующий день он отправился в редакцию «Центральной немецкой газеты» и продолжил свои расспросы. В конце концов его направили по правильному адресу — в районный отдел НКВД, а оттуда — в Отдел виз и регистрации московской милиции. Там поход по бюрократическим инстанциям получил свое печальное завершение — выглядевшему слишком шикарно иностранцу было объявлено, что Советский Союз не предоставляет политическое убежища буржуям.

Тем временем закончился и срок пребывания в Москве, предусмотренный туром, и деньги, которые ушли на оплату трех дополнительных ночевок в гостинице. Истекал и срок действия советской визы, которая стояла в германском паспорте. Неизвестно, читал ли наш герой о пешем походе, который предпринял Лев Толстой накануне своей смерти, но он решился на отчаянный шаг. Без рублей и документов, без карты местности и запаса продуктов, почти без знания русского языка он пошел пешком по России.

Именно так — пошел по России, в надежде на то, что по пути найдутся добрые люди, которые приютят, накормят, дадут работу. Единственное место, с которым Лакс хоть как-то мог связать свое советское будущее, был колхоз «Путь Ильича». Он точно помнил, что к нему они добирались по Ярославскому шоссе. Вот по этому шоссе,

ведущему точно на север, и отправился изгой Третьего рейха. Утром 29 сентября он сдал свои вещи в камеру хранения гостиницы, захватил с собой портфель с блокнотом и словарями — и был таков.

Первый день и первая ночь не принесли с собой особых приключений. Выйдя за пределы Москвы, Лакс решил идти не по дороге, а полями, держа направление на север. Переночевав в стогу сена, он двинулся дальше, решив, что если уж не найдет заветного колхоза, то рано или поздно упрется в Волгу, а там находится большой город, названный в честь «всесоюзного старосты» Михаила Калинина — в месте с таким добрым названием ему наверняка не откажут в помощи.

В конечном счете Лакс оказался невольной жертвой индустриализации Советского Союза — не первой и не последней. На его пути раскинулось огромное водохранилище, входившее в систему канала Москва–Волга, только что открытого для судоходства. Оказавшись на берегу рукотворного моря, наш герой решил не отказываться от избранного направления, а найти пути переправы. Он добрался до ближайшей пристани и на ломаном русском языке рассказал, куда и зачем идет. В очередной раз на свет было извлечено изложение сути дела, которое немец тщательно подготовил и записал на листке из гостиничного блокнота. Вот оно:

«Я хочу передавать меня русская милиция, так как я немец не хочу возвращаться в Германию. Я еврей и был знаком с нееврейским девушкой. Кто-нибудь хотел доносить милиция. Поэтому мне невозможно было прожить дома последние дни в Берлине, так как я боялся, что полиция немецкая идет арестовать меня. Ну я не слышал ничего из Берлина и думал, что все в порядке и хотел возвращаться, когда я нашел почтовую карточку моего друга, что милиция была дома и хотела арестовать меня. Я употребляю все усилия быть благодарным для этого радушия».

В свою очередь, сердобольные старушки на пристани начертали на том же листке пару слов, соревнуясь с неожиданным собеседником в грамотности: «Параход идет до самого Пирогов посатка в 5 часов». Но Лакс решил не ждать до вечера. Он вновь пошел по берегу, решив обойти Пестовское водохранилище, и вскоре оказался в зоне, куда местные жители предпочитали не заходить. Это были владения Дмитлага — одного из островов «архипелага ГУЛАГ», заключенные которого и построили «гордость социалистической реконструкции» — канал Москва–Волга. Вряд ли на глаза Лаксу попалась заметка в газете «Франкфуртер Цайтунг», увидевшей свет за несколько недель до его отъезда из Германии. В ней говорилось буквально следующее: «По сей день еще можно видеть на зеленых берегах канала лагеря для арестованных с колючей проволокой и сторожевыми дозорами... Долгое

время путешественники “Интуриста” еще будут наталкиваться здесь на картины, от которых начинает щемить сердце». Корреспондент газеты Герман Перцген оказался настоящим провидцем.

Дальнейшее действие развивалось как в настоящем триллере. Бредущего по берегу иностранца в отличном костюме и с портфелем заметили с катера водной охраны. Его вид был настолько необычен, что его приняли за артиста, не снявшего грима и не вышедшего из образа — неподалеку находился Дом отдыха Московского художественного театра. Тем временем Ганс Лакс увидел на берегу лодку и четверых человек вокруг нее, по виду похожих на крестьян. Лихорадочно листая словари, он сумел умолить их переправить его на тот берег водохранилища. Уже в лодке Лакс в очередной раз рассказал свою историю и попросил о ночлеге. Сердобольные попутчики дали ему немного черного хлеба и объяснили ситуацию: они не крестьяне, а заключенные, и едут не в деревню, а в лагерь.

Наш герой был уже не в том состоянии, чтобы чему-то удивляться. В лагерь так в лагерь, он заявил, что «меня нигде не задерживали, и здесь не задержат». Можно себе представить, какое изумление это вызвало у эков, сидевших за мелкие уголовные преступления. Позже на допросах они признали, что необдуманно вступили в контакт с иностранцем: «Мы разглядели его и поняли, что он не гражданин СССР, так как ботинки его были не наши отечественные». В лодке собрался целый интернационал, символизировавший «победу» сталинской национальной политики — немец устроился на корме, перед ним попеременно налегали на весла грузин и татарин, украинец и туркмен.

В ходе разговора заключенным Дмитлага показалось, будто пришелец специально просился к ним в лагерь — очевидно, он рассказывал им о том, что в Германии ему грозит заключение в концлагерь. Так или иначе четверка согласилась взять его с собой, предоставить ночлег и разделить вечернюю трапезу — тот, кому нечего терять, скорее придет на помощь ближнему, попавшему в затруднительное положение.

На берегу у ворот лагеря лодку уже поджидал катер водной охраны. После недолгих препирательств Лакса погрузили в него и отправили в отдел НКВД, занимавшийся охраной канала Москва–Волга. Немец даже не успел попрощаться со своими попутчиками, которые наверняка тем же вечером рассказывали в своих бараках об удивительной встрече, скрасившей однообразие их лагерного быта. Впрочем, рассказывать всем четверым пришлось не только товарищам по нарам. Они были взяты в «оперативную обработку» и неоднократно допрашивались, что же такого сказал им немец и не пытался ли он за-

вербовать их для шпионской работы. Из протокола обыска следовало, что «при себе Лакс имел черный хлеб лагерного происхождения», и от каждого из заключенных требовали признаний, что это именно он поделился с врагом главной ценностью лагерной жизни.

Лакса отправили на Лубянку и допрашивали с пристрастием, насколько оно было возможно по отношению к иностранному гражданину. Так, на один из допросов он был выведен 3 октября в 19.55 и возвращен в камеру на следующий день в 13.15. Согласно протоколам допросов наш герой непрерывно повторял: «Я боялся, что полиция меня арестует за близкое знакомство с немецкой девушкой», и потому принял решение любой ценой остаться в Советском Союзе. Следователь не особенно старался раскручивать «шпионский след» — слишком уж очевидной и даже комичной была ситуация. При Лаксе были найдены и ваучер Интуриста, и словари Лангеншейдта, но не было даже фотоаппарата. А в чемодане, оставленном в гостинице, обнаружили только носильные вещи. Немец стойко отрицал обвинения в шпионаже, так и не рассказал он следователю и о том, кто же поделился с ним пайкой лагерного хлеба.

Конец следствия был легко предсказуем — по обвинению в шпионаже Ганс Лакс, уроженец Берлина 1914 г. рождения, немецкий еврей, был выслан в Германию. Он попал в одну из первых групп насильно отправленных на родину германских граждан и пересек границу в Негорелом уже 20 января 1938 г. Как и всем остальным, ему выдали паспорт, 10 долларов и железнодорожный билет до Варшавы. По ходатайству германского посольства в Москве оставленный в гостинице чемодан, равно как и два томика словаря, были разысканы и отправлены владельцу. Злой насмешкой выглядела надпись на обложке ваучера «Интуриста», который сопровождал Лакса в его поездке по Советскому Союзу: «Напишите нам после Вашего возвращения, остались ли Вы довольны путешествием и что Вам больше всего понравилось».

Семья Борош: ОНИ ИСКАЛИ СПАСЕНЬЯ, А НАШЛИ СМЕРТЬ

На момент ареста 29 июля 1937 г. проживавшему в подмосковных Химках рабочему Тормозного завода имени Кагановича Карлу Борошу было 45 лет. Его биография к тому моменту вместила в себя такое количество событий, что по ней можно было бы составить хрестоматийный образ пролетария-коммуниста, «солдата партии». Родившийся в потомственной семье гамбургских рабочих, Карл Борош

уже в 18 лет стал членом Социал-демократической партии Германии. На судовой верфи «Вулкан», где он начал свой трудовой путь, эта партия имела достаточно крепкие позиции. Опираясь на поддержку квалифицированных рабочих, СДПГ уверенно шла к заветной цели — завоеванию парламентского большинства. Начало Первой мировой войны подорвало казавшуюся незыблемой мирную поступь общественного прогресса, вновь обратила внимание масс к радикальным идеям как левого, так и правого толка.

Карл Борош остался верен традициям рабочего движения. Его дважды призывали в ряды действующей армии, он сражался на Западном фронте. После тяжелого ранения в июне 1915 г. он вернулся на свой завод, но ненадолго — в 1918 г. германскому командованию понадобились последние резервы для «решающего рывка к победе», и Борош вновь оказался в окопах, на сей раз вплоть до капитуляции. Сразу же по возвращении из армии он вступил в только что образованную Коммунистическую партию Германии, обещавшую не заниматься парламентским кретинизмом, а поставить все на карту всемирной пролетарской революции.

Это вполне соответствовало характеру Бороша. В ходе одного из допросов на Лубянке он показал, что с родителями «с 1915 г. никакой связи по политическим соображениям не поддерживал, поскольку мой отец Вильгельм Борош являлся социал-демократом и враждебно относился ко мне как к последователю Карла Либкнехта». Шанс перевернуть обыденное течение жизни представился революционно настроенным рабочим Германии осенью 1923 г., когда страна достигла пика послевоенного кризиса. Но принятое в Москве решение о вооруженном восстании ограничилось лишь рядом локальных выступлений. В гамбургском районе Бармбек, где Карл Борош проживал вместе с женой Гретхен, тоже членом партии, и двумя сыновьями Фридрихом и Германом, 1913 и 1916 гг. рождения, стали строить баррикады. Естественно, молодой коммунист не мог остаться в стороне от попытки захвата власти, пусть продолжавшейся всего несколько дней.

При помощи друзей ему удалось избежать ареста, но горечь поражения лишь разжигала жажду борьбы. Став активистом заводской партийной ячейки, Борош с завидной регулярностью арестовывался за организацию забастовок и беспорядков, за незаконное хранение огнестрельного оружия и хулиганские выходки по отношению к начальству («нанесение побоев управляющему завода «Тритон» в Гамбурге, которого я вывез к рабочим на тачке»).

С 1927 г. для активиста КПГ не находилось больше работы — он переселился с семьей в деревню Тангштедт неподалеку от Гамбурга

и перебивался на ветеранскую пенсию. Жизнь в материальном плане, особенно после начала экономического кризиса, была далеко не безоблачной. Третий срок в тюрьме Борош, по его словам, получил за «нарушение распоряжения судебного исполнителя, описавшего у меня за неуплату налогов на свинью». Очевидно, домашнее животное было в спешном порядке освежевано и съедено, дабы не попасть в руки чиновников ненавистного государства. В деревне Борош возглавил местную ячейку КПГ, вместе с батраками имения Карстензен участвовал в забастовках и осаде полицейского участка.

Вернувшись в Гамбург в ноябре 1932 г., Карл Борош стал руководителем отряда красных фронтовиков — боевой организации КПГ, его сыновья вступили в ряды германского комсомола. После прихода к власти нацистов их арест являлся только вопросом времени. В сентябре 1933 г. гестапо провело на квартире обыск, обнаружив антифашистскую литературу и аппарат для размножения листовок. Поскольку Карл отсутствовал, был арестован его младший сын. Старшего, Фридриха, схватили за распространение коммунистической прессы, и он находился в тюрьме уже с мая.

Вскоре в засаду, устроенную гестапо, попал и отец. После первых допросов он был отправлен в концлагерь Фюльсбюттель, где сопровождавшиеся жестокими побоями допросы продолжались. Через 26 дней Карл Борош был выпущен на свободу — по его словам, комендант лагеря принял его за брата Ганса, накануне переведенного в тюрьму города Любек. Не заходя к себе домой, он отправился к товарищам по партии, которые переправили его в Берлин для организации выезда из страны. 25 декабря 1933 г., имея паспорт на чужое имя, Карл Борош добрался до Советского Союза.

История с освобождением из концлагеря и выездом в СССР в течение месяца после ареста в Химках являлась главной темой допросов Бороша. Следователи НКВД, воспитанные на том, что в условиях всеислия тайной полиции ни один обвиняемый не в состоянии ускользнуть из ее сетей, невольно переносили это правило и на ситуацию в нацистской Германии. Коммунист, выпущенный из концлагеря, вызывал еще большие подозрения, чем сумевший остаться на свободе. Показателен эпизод допроса от 10 августа 1937 г.:

«Вопрос: Каким путем ехали в СССР?»

Ответ: Я ехал из Гамбурга в Берлин, там я дожидался в течение 4–5 недель получения паспорта. После получения паспорта я немедленно выехал через Ригу–Латвию в Москву...

Вопрос: Вы прописывались в доме, где Вы останавливались в Берлине?

Ответ: Нет, не прописывался, жил на нелегальном положении.

Вопрос: В это время, насколько известно, существовал фашистский гитлеровский режим?

Ответ: Да, правильно.

Вопрос: Весьма сомнительно, чтобы в условиях фашистского террора и массовых арестов членов КПГ в Берлине в первый период после прихода к власти Гитлера Вы могли жить на нелегальном положении в столице Германии около 5 недель.

Ответ: Как это вам ни сомнительно, многим так удавалось устраиваться».

Сомнения сотрудников НКВД были вполне понятны — существовавшая в Советском Союзе система тотального контроля и доношительствы выстраивалась в течение двух десятилетий и не имела себе равных во всем мире вплоть до середины 30-х гг. По аналогии с собственной практикой следователи на Лубянке могли представить себе лишь то, что выпущенные из застенков гестапо антифашисты были перевербованы и стали провокаторами. Действительно, такие случаи тоже были. Но для каждого из немецких коммунистов, оказавшихся после прихода Гитлера к власти в Москве, упоминание о пусть даже кратковременном аресте после 1933 г. было равносильно признанию собственной вины. За три года до начала массового террора в СССР отношение к ним было еще иным. Борош устроился по своей специальности — формовщиком на Коломенский машиностроительный завод. Сразу же после приезда в СССР он подал заявление о переходе в члены ВКП(б), но из-за проходившей партийной чистки эта процедура затянулась более чем на три года и была прервана его арестом.

В июне 1934 г. из нацистской тюрьмы вышел Фридрих Борош, ему вместе с братом удалось получить заграничный паспорт якобы для поездки в Данию. ЦК МОПР специальным решением пригласил жену и детей Карла Бороша в Советский Союз. В августе семья воссоединилась, Бороши получили отдельную квартиру в доме для иностранных специалистов, Фридрих и Герман устроились учениками на завод, где уже полгода работал их отец. Сюжет, достойный документального фильма о радостной жизни политэмигрантов в «отечестве трудящихся всего мира». Увы, счастливый финал обернулся лишь временной передышкой в трагедии семьи немецких рабочих.

Насаждавшийся за рубежом лучезарный образ СССР заметно меркнул при его ближайшем рассмотрении. Иностранных рабочих удивлял низкий уровень жизни их советских коллег, отсутствие бытовых условий в общежитиях и коммуналках, предельная забюрократченность производственного процесса и общественной жизни. Кто-то пытался объяснить это наследием царизма, кто-то видел в этом происки внутренних врагов и враждебного окружения. Так или иначе

действительность выглядела совершенно не так, как глянцевые обложки журналов, издававшихся в Москве и расхोдившихся по всему миру.

Членам семьи Борош, равно как и тысячам иностранных специалистов, ученых, политэмигрантов, оказавшихся в Советском Союзе, пришлось почувствовать на себе растущее давление сталинской диктатуры. Любые попытки сопротивляться наталкивались на вездесущий репрессивный аппарат. Люди оказывались в ловушке, ведь возвращение в нацистскую Германию никому из политэмигрантов не обещало легкой судьбы. 3 июня 1937 г. Фридрих и Герман Бороши написали заявление в Коминтерн с просьбой отправить их бойцами в республиканскую Испанию. Наверное, положительное решение этого вопроса в Москве иначе повернуло бы их жизнь. Счет шел уже не на месяцы, а на недели и дни.

20 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об аресте всех немцев, работавших на оборонных заводах. В Коломенском районе Московской области лидером индустрии был машиностроительный завод, выпускавший локомотивы, дизели для подводных лодок и другую оборонную продукцию. Среди его инженеров и специалистов было немало иностранцев, приглашенных из Германии. Далеко не все они симпатизировали коммунистам, но каждый из них искренне передавал свои знания и опыт советским коллегам.

Руководители Коломенского райотдела НКВД наверняка отдавали себе отчет в том, насколько абсурден охвативший страну приступ «шпиономании». И тем не менее они с энтузиазмом взялись за дело. Массовые аресты иностранных рабочих и специалистов на Коломенском заводе начались в конце июля. На допросах они должны были сознаться в стандартном наборе преступлений: шпионаже, подготовке диверсионных актов и убийстве руководителей партии и правительства (чтобы совсем не оторваться от реальности, следователи были вынуждены оговаривать в протоколах — в случае, если те посетят Коломну). Вседозволенность следствия, применение шантажа, угроз, а нередко и тривиальные побои приводили к почти стопроцентному результату — рано или поздно обвиняемые безропотно подписывали протоколы с вымученными «признаниями».

Так рождалась цепная реакция фиктивных преступлений, охватившая не только все слои советского общества, но и проникшая в каждую семью. К моменту ареста Карла Бороша в заключении уже находилась немка Екатерина Розенберг, ставшая за три месяца до этого его второй женой. По требованию следователя она перечислила в качестве членов «фашистско-шпионской группы» всех иностранцев, с которыми встречалась на курсах русского языка в заводском

Дворце культуры. Аналогичные показания были получены и от других арестованных. Регистрируя в протоколе допроса круг знакомых и родственников обвиняемого, следователи НКВД получали богатый исходный материал для конструирования той или иной «контрреволюционной организации». Зачастую роли в них расписывались еще до ареста их рядовых участников.

После смены Ежова Берией многие из низовых исполнителей сталинского террора сами оказались в тюремных камерах. Вот как описывал технологию следствия в 1937 г. один из оперуполномоченных Коломенского НКВД: «Националов больше всего было на заводах района. В райотделе был учет, сколько в таком-то цехе работает поляков, немцев, латышей и т. д. Если в цехе окажется группа поляков человек 5–10, то прежде чем арестовать их, на неофициальных совещаниях у Галкина (начальник райотдела НКВД. — А. В.) обсуждался вопрос, кто должен быть руководителем этой группы. Руководителем группы намечалось то лицо, которое по должности подходило для этой роли или еще по каким-либо признакам. Когда вопрос о руководителе группы решался, его арестовывали и брали с него показания на других лиц этой же национальности, которые работали с “руководителем” в одном цехе и были связаны с ним по работе».

Процесс конструирования аналогичной группы на Коломенском машиностроительном заводе не составил большого труда — резидентами германской разведки были определены инженеры-конструкторы дизельного цеха Эрих Фальтин и Вилли Михель, покинувшие СССР в 1935 г. После этого следовало «выявить» максимальное количество исполнителей. Поскольку какие-либо следы или вещественные доказательства их шпионской или террористической деятельности отсутствовали, обвинительное заключение строилось лишь на стандартном наборе вымышленных признаний.

Вот здесь с Карлом Борошем вышла загвоздка. Человек, которого шесть раз арестовывала германская полиция, был готов ко встрече и с ее советскими коллегами. Полтора месяца он отказывался признаться в несовершеннолетних преступлениях, несмотря на все усилия работников НКВД, буквально прочесывавших его биографию. Даже тот факт, что Борош руководил на заводе стрелковым кружком, рассматривался под углом зрения подготовки террористических актов. Пространные протоколы одного и того же допроса заполнялись в деле Бороша разными почерками, что свидетельствует о применении к нему “конвейерного метода”, когда обвиняемого без перерыва в течение нескольких дней допрашивала специальная бригада следователей.

Первый раз Борош не выдержал 13 сентября, признав себя германским шпионом, передававшим Михелю данные о типах и коли-

честве выпущенных на заводе бронепоездов и дизелей для подводных лодок. Трудно предположить, что формовщик литейного цеха имел доступ к такого рода информации, однако это мало волновало следствие. Все обвинения в проведении вредительской работы вроде изготовления негодных форм для тюбингов Метростроя Борош отрицал. Не дал он и развернутых показаний ни на кого из своих знакомых по Коломне, за исключением двух «резидентов», давно уже вернувшихся в Германию.

Так и не получив нужных сведений от отца семейства, Московское управление НКВД выдало ордера на арест обоих его сыновей. Фридрих был схвачен в Коломне 21 августа. Как отмечалось в прокурорском протесте 1959 г. по следственным делам отца и братьев Борош, «органы НКВД не располагали к моменту их ареста оперативными данными об их преступной деятельности». Уже на первом допросе Фридрих был вынужден подписать признание о «фашистских настроениях» собственного отца. Затем эта тема настойчиво развивалась, и через два дня в протоколе появилась следующая фраза:

«Мой отец БОРОШ Карл, будучи по своим убеждениям фашистом, с первого дня приезда в Советский Союз в присутствии меня, брата БОРОШ Германа, РОЗЕНБАУМА Арнольда, РОЗЕНБАУМ Катерины, РУБИНШТЕЙНА Фрица и других участников группы систематически ругал Советскую власть, руководителей партии и правительства, высказывая в отношении последних террористические настроения».

Но и этого оказалось мало вошедшим во вкус следователям — дав однажды вымышленные показания, обвиняемый оказывался в полной их власти и им можно было как угодно манипулировать, подготавливая почву для дальнейших арестов. Боевая биография Карла Бороша не давала покоя его палачам, и на своем последнем допросе 15 октября 1937 г. Фридрих «вспомнил» следующее: «Мой отец в партии КПГ являлся провокатором, выдавая безработных полиции, провоцируя избиение рабочих со стороны полицейских и т. д.». Именно эти показания собственного сына были предъявлены отцу после того, как тот в заявлении на имя прокурора СССР Вышинского отказался от выбитых от него следствием 13 сентября показаний. Последний допрос Карла Бороша состоялся 19 октября, согласно его протоколу он вновь признал себя виновным и попросил уничтожить свое заявление. Остается тайной, какими методами и какими обещаниями сотрудникам госбезопасности удалось вернуть следствие в нужное русло.

Дела Карла и Фридриха Борошей попали на рассмотрение комиссии Наркома внутренних дел и Прокурора СССР одновременно, 1 но-

ября 1937 г. Решения принимались «двойкой» совершенно формально. Бывший начальник московского управления НКВД С. Ф. Реден так описывал применявшийся тогда «альбомный метод» расправы с жертвами террора: на левой стороне листа бумаги следователь писал биографические данные арестованного, на правой — суть дела. Затем эти дела, сшитые в альбомы по сто листов, передавались внесудебным органам, которые «за несколько часов разбирали 500–600, а то и тысячу дел, и их решение было окончательное... Как правило, в 95 % случаев это была высшая мера наказания. Затем писался протокол и давался на подпись Ежову. Ежов, как я сам неоднократно видел, их не читал, приоткрывал последнюю страницу и со смехом спрашивал, сколько тут полячков...».

3 ноября отец и сын были привезены на Бутовский полигон. Возможно, они нашли друг друга в бараке, где приговоренные ожидали вывода на расстрел. Для палачей те несколько слов, которыми люди могли перекинуться в последние минуты своей жизни, уже мало что значили. День был как день, ничего особенного — бутовская земля приняла в себя 233 новые жертвы сталинского «правосудия».

К этому моменту в руки органов НКВД попал и младший из Борошей, сразу же после ареста отца перебравшийся к матери в украинский город Мелитополь и устроившийся токарем на завод «Победа». Наивная попытка скрыться от всевидящего ока карательных органов обернулась лишь месячной отсрочкой от ареста. Осенью 1937 г. массовые репрессии достигли своего пика, и огромный аппарат наркомата работал на пределе своих сил — даже анкету арестованного Герман Борош был вынужден заполнять самостоятельно.

Первый допрос состоялся 16 ноября, когда отца и брата уже не было в живых. Вновь внимание следователя сосредоточилось на аресте Германа в марте 1933 г., когда ему было всего 17 лет. Как и четыре года тому назад, молодой человек отказался давать обвинительные показания на своих близких. Признание в том, что он присутствовал в Коломне на вечеринках, которые устраивало немецкое землячество, вылилось в единственную строку обвинительного заключения: «Винным себя признал в фашистской агитации и связи с немцами-фашистами».

Этого оказалось достаточно для высшей меры наказания. Третий из членов семьи Борош, прошедших через застенки гестапо, был расстрелян и погребен в братской могиле на полигоне смерти в Бутово, оказавшись в момент смерти вместе со своими отцом и старшим братом. Символично, что реабилитация всех троих состоялась решением Военного трибунала Московского военного округа в один день, 4 июня 1959 г. «Определение оставлено без исполнения» — это

в переводе с канцелярского языка означало, что сообщить о реабилитации оказалось некому. Следы оставшейся в Мелитополе Гретен Борш, урожденной Рейснер, равно как и арестованной Екатерины Розенбаум, отыскать работникам военной прокуратуры так и не удалось.

Роберта Гроппер: ЧЕТЫРЕ ГОДА ПОД СЛЕДСТВИЕМ

12 июня 1941 г., сразу после полудня, в широких воротах Бутырской тюрьмы открылась незаметная калитка. Из нее вышла худощавая женщина средних лет с лицом, на котором была запечатлена невероятная усталость. В руках у нее была объемистая хозяйственная сумка, в нагрудном кармане потрепанного пиджака — справка об освобождении. Испуганно озираясь по сторонам, женщина направилась в центр города. Без малого четыре года тюремный конвой определял за нее, когда и куда идти, даже если речь шла всего лишь о посещении туалета.

И вот — свобода. Свобода без радости освобождения. И не только из-за лишений, связанных с тюремным режимом. Особое совещание НКВД СССР приняло в отношении немецкой коммунистки Роберты Гроппер решение, которое крайне редко встречается в следственных делах эпохи большого террора: признать виновной, но ограничиться сроком предварительного заключения. Вина героини нашего очерка заключалась, согласно обвинительному заключению, утвержденному еще в конце 1938 г., в том, что она «являлась участницей антисоветской антикоминтерновской организации... и вела борьбу против Коминтерна». Те, кто написал и утвердил это обвинение, кто отправил дело на решение внесудебных инстанций, давно уже забыл об одной из ряда бесчисленных жертв. А ей самой придется жить с такой несправедливостью — и жить еще очень долго.

Партийная биография Роберты Гроппер отличалась четкостью и простотой. Как и многие представители ее поколения, она пришла к радикальным политическим воззрениям в годы Первой мировой войны. Как правило, катализатором этого процесса была встреча с признанным авторитетом, в нашем случае — с Кларой Цеткин. Молодая девушка с восторгом внимала каждому слову известного борца за равноправие женщин, принимала активное участие в распространении издаваемого Цеткин журнала «Равенство».

Как и многие выходцы из социальных низов, Роберта не понаслышке знала, что такое нужда — она выросла в семье простого рабочего и более десяти лет отработала на табачной фабрике. Карьера в компартии позволяла совместить верность идеалам молодости и

стремление оставить в жизни свой собственный след. Роберта Гроппер проявила себя борцом за равноправие женщин, возглавив в 1930 г. соответствующий отдел ЦК КПГ. Тогда же она стала депутатом рейхстага — неплохая карьера для тридцатитрехлетней женщины!

Лишь однажды она, да и то вслед за своим мужем Паулем Лангнером, сделала неверную ставку. Саперы, говорят, ошибаются один раз. То же самое можно было бы сказать и о коммунистах межвоенного периода. Гроппер оказалась сочувствующей группе Неймана–Реммеле в руководстве КПГ, которая в начале 1932 г. потерпела поражение во внутрипартийной борьбе и была объявлена антипартийной. Позже она многократно писала во все инстанции, что это была скорее роль «примкнувшей», нежели активного борца с руководством Тельмана. Компартии Германии нужны были не только свои герои, но и свои враги.

Гроппер и Лангнер потеряли свои посты в руководстве КПГ, но остались работать в партийном аппарате. Фактически свою карьеру им пришлось начинать во второй раз. Но на сей раз все карты смешал приход к власти Гитлера — вначале муж, а потом и жена были вынуждены покинуть Германию. В Париже Роберта работала во Всемирном комитете помощи жертвам фашизма, выезжала в Саарскую область, чтобы в ходе подготовки плебисцита не допустить ее перехода под контроль Третьего рейха. К 1935 г. оба оказались в Советском Союзе, в том же году Пауль Лангнер умер. У Роберты из близких родственников были только мать и пятилетняя дочь, оставшиеся в Германии. Ну и, конечно, осталась партия, с которой была связана вся ее сознательная жизнь.

Однако отношения нашей героини с новым руководством КПГ, избранным после Седьмого конгресса Коминтерна, складывались не просто. В октябре 1935 г. Вильгельм Пик решил, что Роберта Гроппер не может быть отправлена на подпольную работу в страну. Формально речь шла о ее слабом здоровье, но скорее всего новый лидер партии имел в виду иные мотивы. Чуть позже немецкая секция не рекомендовала Гроппер к переводу в члены ВКП(б) — для посвященных это была «черная метка». В то же время при содействии эмигрантского руководства КПГ Роберта получила достаточно престижную должность редактора в Издательстве иностранных рабочих — и квартиру в здании, где находилась немецкая секция Коминтерна.

В конце 1936 г. она вошла в руководство Немецкого клуба, вместе с женой писателя Фридриха Вольфа возглавляя женский актив. Именно там Роберте пришлось столкнуться с исчезновением одного за другим своих соратников и знакомых. 26 ноября 1937 г. очередь дошла и до нее самой. При аресте квартиру № 5, где она прожива-

ла, опечатали. Соседи — такие же политэмигранты, как и сама Гроппер, — написали обязательные в таких случаях показания, которые были пересланы отделом кадров ИККИ на Лубянку.

В областном управлении НКВД, которое вело следствие, не собирались уделять ему особого внимания. Загвоздка была только в том, что обвиняемая не давала признательных показаний, а из представленной Коминтерном справки нельзя было выудить никакого компромата. Была и вторая проблема — Роберта Гроппер не оформила советского гражданства, а значит, была кандидатом на высылку из СССР. С другой стороны, в Москве она проживала под фиктивным именем — таких записывали в анкете арестованного как лиц вне подданства. И было третье обстоятельство — она слишком много знала для того, чтобы отправиться в Германию, в лапы гестапо...

И вот появляется неожиданное решение — 14 мая 1938 г. Особое совещание НКВД передает дело на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. По тем временам это означало гарантированный смертный приговор. Потом наступило затишье — очевидно, Военная коллегия после завершения ежовщины отказывалась принимать «липовые» дела. 1 августа 1939 г. материалы давно завершеного следствия вновь направили на ОСО.

В голове у Роберты не укладывалось то, что ее, активную участницу антифашистской борьбы, обвинили в шпионаже в пользу Германии. Впрочем, это было только первым цветком в огромном букете надуманных обвинений, которые ей придется выслушать на Лубянке. Во время пребывания в Париже она общалась с Вилли Мюнценбергом, координировавшим антифашистскую борьбу в Западной Европе. Он даже хотел оставить ее на работе во французском представительстве Международной рабочей помощи. Теперь, после того как Мюнценберг порвал с Коминтерном, это трактовалась как контрреволюционная связь.

Еще большую опасность таило в себе знакомство с Гейнцем Нейманом — не только в бытность того лидером «антипартийной группировки», но и позже, здесь в Москве, когда он приносил свои рукописи в Издательство иностранных рабочих. Под пытками он признался в том, что среди десятков сторонников его контрреволюционной организации в Коминтерне находилась и Роберта Гроппер. Последняя доказывала в ходе допросов, что их отношения ни на йоту не выходили за рамки служебных, но для следователя это было неважно. Ему хватало формальной стороны дела — любые контакты с арестованным «врагом народа» должны носить контрреволюционный характер — и в прошлом, и в настоящем. Ну а будущего у тех, кто попал на Лубянку, быть не могло по определению.

Роберту Гроппер не пытали — или она просто никогда не упоминала об этом в своих заявлениях и письмах. За годы пребывания в тюрьме она (как и тысячи других арестованных иностранцев) стала свободно говорить по-русски, а в начале следствия «совершенно не знала русского языка и не могла следить за протоколом допроса». Это было наиболее заметной чертой ее характера — искать причины происходивших с ней событий в себе самой, в своих слабостях и недостатках. И не судить других — в показаниях Гроппер нет ни одного выдуманного обвинения в адрес своих соратников, даже тех, кто уже был вычеркнут из истории КПГ, умер или находился в застенках НКВД.

Гораздо более, чем физическое насилие и подтасовки следователей, Роберту Гроппер ранили несправедливые обвинения, связанные с ее партийной работой в Германии. Однако и здесь она была готова продолжать борьбу, в том числе и против конъюнктурного переписывания истории КПГ. Речь шла все о том же эпизоде, связанном с борьбой «антипартийной группы» Неймана–Реммеле за новую тактическую линию. Роберта видела в нем неудачную попытку активизировать антифашистское сопротивление, а отнюдь не столкновение личных амбиций вождей КПГ.

«За период всей моей партийной жизни я никогда не входила ни в какие группы или фракции и никогда бы не сделала этого также и в этом случае. Меня обвиняют в том, что я разделяла взгляды Неймана, его ошибки — индивидуальный террор в политике единого фронта. Да, это правда. Но, по моему мнению, вместе со мной эту ошибку совершили почти тысячи партийных товарищей, большая часть партии. В это время в партии была одна политическая линия, которая была принята политбюро ЦК, в котором, к сожалению, Нейман, как мы все увидели позже, имел губительное влияние. Эту линию проводили все. В борьбе против фашизма лозунг “бей фашистов” и т. д. Оценить положение было нелегко. Кровавое наступление фашистов, тайные убийства, как нужно было на это отвечать?»

Сейчас я уже знаю, что были сделаны серьезные ошибки в вопросе о завоевании социал-демократических рабочих, но не было ли у нас в 1932 г. социал-демократического правительства в Пруссии, которое было готово на всякие гнусные действия, направленные против рабочих? Обстановку тогда было оценить крайне сложно. В партии не было никаких открытых дискуссий, даже дискуссий между товарищами. Если бы такие дискуссии были, были бы выяснены все вопросы, и я смогла бы исправить мои ошибки».

Это — строки из письма Роберты Гроппер, написанного в тюрьме Генеральному секретарю ИККИ Георгию Димитрову, который не

понаслышке знал, насколько опрометчивым оказался курс немецких коммунистов. По сути дела, из их ошибок и выросла политика «антифашистского народного фронта», принятая Седьмым конгрессом Коминтерна. То, что в те годы борьба с гитлеровским режимом прокладывала себе курс методом проб и ошибок, оказалось трагическим знаком эпохи — знаком, характерным не только для коммунистов.

Годы в тюрьме при отсутствии родственников и друзей, которые могли бы оказать хоть какую-то помощь, три года без единой передачи «с воли», сделали свое дело. В своих заявлениях начальнику тюрьмы Роберта Гроппер писала о том, что ее платье износилось в клочья и совершенно развалились туфли, ей не в чем выйти из камеры на допрос. Такого рода просьбы на «бытовые темы» отправлялись к следователю, который вел ее дело — иногда даже небольшое послабление тюремного режима заставляло обвиняемого идти на компромисс с собственной совестью, соглашаться с той версией «государственных преступлений», который навязывали ему оперативные работники НКВД.

Новый поворот дело Гроппер приняло после подписания в августе 1939 г. пакта о ненападении — началась подготовка немцев, считавшихся германскими подданными, к отправке в Третий рейх. В Бутырке создали специальную камеру гостиничного типа — кровати с белыми простынями, столы с посудой, выдали чистое белье. Даже отправляя в лапы гестапо политэмигрантов, советское руководство не хотело ударить лицом в грязь. Людей откармливали, лечили, давали отрасти волосам, и только после этого фотографировали для оформления выездных документов. Почему Роберта Гроппер оказалась в этой камере класса «люкс», осталось неизвестным. Так или иначе вопрос о стоптанных туфлях и платье, превратившемся в рубище, отпал сам собой. В этой камере Роберта вновь увидела жен многих функционеров, с которыми всего 7 лет назад работала в ЦК КПГ, в том числе — вот совпадение! — и жену Гейнца Неймана.

В момент временной либерализации тюремного режима отлаженная система дала сбой. Роберту Гроппер посчитали уже осужденной, т. е. находившейся на более свободном режиме, чем подследственные. Поэтому ее просьба о помощи, адресованная немецкой секции ИККИ и датированная 1 декабря 1939 г., была направлена начальником Бутырской тюрьмы не следователю, а напрямую в Коминтерн. Мы не узнаем, было ли это простым упущением бюрократической машины или сознательным шагом опытного чиновника, чтобы наконец-то решить вопрос с бутырской «долгожительницей». В письме Гроппер содержалась линия защиты, которой придерживалась подследственная, она просила руководителей КПГ подтвердить эту линию: да,

были ошибки и заблуждения, но не было политических уклонов, а тем более преступлений.

Сигнал был понят, хотя и отправился обратно в сильно ослабленном виде. Характеристика, подготовленная будущим лидером ГДР Вальтером Ульбрихтом, содержала весьма уклончивую оценку позиции обвиняемой: «Хотя она и не выступала за группу Неймана, но и вместе с тем не боролась против этой группы...» Но затем позитив все-таки перевешивал: «Роберта Гроппер осознала свою политическую ошибку. Нет оснований считать, что после 1932 г. она имела отношение к группе Неймана».

Нетрудно себе представить, какой переполох вызвала в областном управлении НКВД справка, присланная из Коминтерна. Она, по сути дела, разрушала и без того зыбкое обвинение в антисоветской деятельности. Почти через год, в ноябре 1940 г., на ней появилась виза начальника отделения, курировавшего ход следствия по шпионским делам — «справка приобщению к следственному делу не подлежит». Вопрос о личной вине обвиняемой не играл в данном случае никакой роли — речь шла о непогрешимости органов госбезопасности, продолжавших считать себя «щитом и мечом пролетарской революции».

Подошла к концу и эпоха «пакта о ненападении» с нацистской Германией, а Роберта Гроппер все еще оставалась в Бутырке. В марте 1941 г. она писала главе недавно созданного Наркомата госбезопасности СССР Меркулову: «Следствие по моему делу было вторично закончено 13 декабря 1938 г. Двадцать месяцев меня не вызывали, а 16 сентября 1940 г. мне сообщили, что я снова числюсь за следственной частью... Мое положение здесь в тюрьме тяжелее положения других заключенных. Русские арестованные имеют возможность получать сведения о своих семьях и передачи от них. Я немецкая подданная. Здесь, в Советском Союзе, у меня нет ни одного близкого человека. Моя старая мать и моя дочь находятся в Германии. Несмотря на мои неоднократные просьбы, мне ни разу не дали никаких сведений о моей семье. В течение четырех лет я умерла для моей семьи. Меня мучает неизвестность о судьбе моей старой матери и моей дочери, которая серьезно больна туберкулезом. Я близка к отчаянию. Каждый человек может переносить несчастья, выпавшие на его долю — но лишь до известной границы. На границе этих человеческих сил я нахожусь сейчас».

Документы не дают нам прямых указаний на то, кто и что помогло героине нашего очерка выбраться из застенков Лубянки. Наверное, карательная система просто устала от бессмысленных усилий, а прямых указаний на завершение дела в обычном для себя ключе — «нет

человека, нет проблемы» — она так и не получила. «Капля и камень точит», и в данном случае эта поговорка полностью подтвердилась.

Роберте Гроппер невероятно повезло, если можно считать везением то, что она оказалась на свободе после почти четырех лет заключения. Еще десять дней — и в условиях военного времени для нее, как для немки, без труда нашлась бы подходящая статья Уголовного кодекса. Но пока еще Советский Союз и Германия находились в условиях хрупкого мира, и первое, что услышала Гроппер по радио, оказавшись на свободе, было заявление ТАСС о том, что домыслы о конфронтации двух держав не имеют под собой никаких оснований.

После своего освобождения она первым делом отправилась к руководителям немецкой секции ИККИ — и те оказались перед настоящей головоломкой, которая была порождена системой «большевистской бдительности». Членство Роберты Гроппер в КПГ, как и любого другого политэмигранта, арестованного органами НКВД, было приостановлено. Если случалось невероятное, и немецкого эмигранта освобождали на этапе следствия, это рассматривалось как фактическая реабилитация, и восстановить его в членах партии было несложно. А как быть с тем, кто по логике приговора был признан виновным, и в то же время освобожден без отправки в лагерь?

Можно предположить, что Роберта нашла слова, которые убедили ее собеседников в том, что она добьется полного оправдания. 12 июня Ульбрихт и Пик попросили у отдела кадров отправить Роберту в санаторий. Очевидно, безуспешно — «судимость по 58-й статье» делала свое черное дело. В конце концов руководство КПГ приняло такое же двусмысленное решение, как и Особое совещание НКВД. Роберту Гроппер второй раз после 1932 г. отправили на «низовую работу», как говорили на партийном жаргоне. Теперь она отправилась редактором газеты в республику немцев Поволжья. Такое решение можно было трактовать двояко — и как ссылку, и как попытку спрятать от новых репрессий, проверить, не сломили ли ее годы, проведенные в тюрьме. Однако главным было то, что эмигрантское руководство КПГ пошло наперекор заведенным правилам — Гроппер продолжали считать членом партии, как будто и не было в ее жизни страшных лет, проведенных под антисоветской статьей.

О том, что КПГ рассчитывало на нее, свидетельствует просьба Ульбрихта в Отдел кадров ИККИ об использовании Роберты Гроппер на политической работе, написанная в первые дни войны — 26 июня. Из этого ничего не вышло — чрезмерная бдительность мешала сталинской системе с первых дней организовать эффективный отпор фашистской агрессии. Кто взял бы на себя ответственность отправить

на фронт, в тыл врага или в аппарат радиопропаганды человека, всего лишь две недели назад вышедшего из заключения?

Не будучи уроженкой России, Гроппер разделила судьбу сотен тысяч советских немцев, отправленных летом 1941 г. в ссылку и в «трудовую армию», мало чем отличавшуюся от ГУЛАГа. Она оказалась в самом центре Сибири — в Алтайском крае, в селе Троицком. По возрасту и здоровью ее освободили от работы в шахте или на стройке, и она трудилась где придется — была и медсестрой в больнице, и портнихой в артели. Представительство КПП, отправленное в эвакуацию вместе с аппаратом Коминтерна, не прекращало попыток вытащить Роберту Гроппер из ссылки, по крайней мере обеспечить признание за ней особых прав как за политэмигранткой. Безрезультатно — крах Третьего рейха она встретила там же, где находилась в конце 1941 г. Так и не добившись ни реабилитации, ни возвращения к партийной работе, Роберта продолжала активную переписку с единственной точкой, которая связывала ее с привычным, но таким далеким миром — с миром ее идеалов и ее партии.

Сохранившиеся в архиве Коминтерна письма Роберты Гроппер тех лет — уникальный источник повседневной истории Сибири в годы войны. Вот только одна выдержка из письма от 4 января 1943 г.: «Я снова работаю в больнице и получаю 105 рублей в месяц. Что же можно на них купить? Этих денег не хватает на то, чтобы купить два литра молока, оно здесь стоит 60 рублей за литр. Человеку вроде меня, едва оправившемуся от тяжелой и продолжительной болезни, нужно дополнительное питание. Паек в 300 грамм хлеба и несколько картофелин позволяет только не умереть сразу. Не знаю, что будет весной. У меня нет ни платьев, ни белья, чтобы выменять на них хоть немного продуктов. Я ведь оставила почти все в Москве, а большая часть была расхищена во время моего пребывания в заключении».

Однако главным в письмах немецкой коммунистки были не сетования на лишения военной поры, а просьбы вернуть ее к активной политической жизни, использовать ее опыт для построения будущей Германии. Прекрасно знакомая с ритуалами большевистской партийности, Гроппер грамотно выстраивала стратегию борьбы за возвращение честного имени, говоря в своих письмах только об интересах дела, лишь изредка позволяя себе включить в них и личные нотки. 10 января 1946 г. она писала Председателю Верховного Совета СССР Михаилу Калинин: «Немецкая компартия не исключала меня из своих рядов, но, несмотря на это, моя совесть заставляет меня просить Вас пересмотреть мое дело. Теперь я в России живу 11 лет, оставив на родине мать и дочь. После освобождения Германии Крас-

ной Армией я желала бы вернуться на родину и поэтому прошу Вас мне в этом посодействовать».

Изменились и настроения в отделе кадров ИККИ, ставшем после роспуска Коминтерна в 1943 г. частью огромного аппарата ЦК ВКП(б). С апреля 1945 г. Роберта Гроппер неоднократно включалась в списки немецких коммунистов, которые планировались к отправке в Германию. Однако непогашенная судимость неизменно делала свое дело — все то же Особое совещание, теперь уже МГБ, своим решением от 6 ноября 1946 г. оставило немецкую коммунистку в режиме спецпоселения.

В Советском Союзе, как показывает его недолгая история, не было более эфемерных решений, чем решения, считавшиеся окончательными. И это касалось не только глобальных вещей вроде построения коммунизма или выращивания кукурузы, но и кадровых перемещений отдельных «колесиков и винтиков» системы. В конечном счете вопрос о судьбе Роберты Гроппер был разрешен не борьбой конкурирующих ведомств, а ходом глобального исторического процесса. Начиналась «холодная война», составной частью которой была конфронтация двух Германий. Кадры КППГ — те, кто вернулся из нацистских концлагерей, не попал под расстрельную статью в годы большого террора и выжил в ГУЛАГе — были буквально наперечет. Теперь уже было не до рассматривания в микроскоп темных пятнышек политической биографии. В выездных документах героини нашего очерка появились обтекаемые формулировки: «Освобождена за отсутствием компрометирующих материалов». Это выглядело почти как оправдание, хотя до официальной реабилитации человека, не совершившего никаких преступлений, было еще очень далеко.

14 января 1947 г. Роберта Гроппер выехала в Берлин. Вальтер Ульбрихт, отвечавший в руководстве СЕПГ за кадровые решения, не ошибся в ней. Пережитые испытания не изменили ее убеждений. Характеристики, которые составлялись в ЦК КПСС на номенклатурных работников из «братских стран социализма», редко выходили за рамки казенных и ничего не значивших фраз. Однако о руководительнице Демократического союза женщин Берлина говорилось вполне конкретно: «Тов. Гроппер без желания делится впечатлениями о Советском Союзе. Одному из функционеров СЕПГ она заявила: “Хотя в СССР ко мне отнеслись несправедливо, я осталась о нем очень хорошего мнения”».

Подобные оценки явно не украшали ее личное дело, но и не рассматривались как повод для партийного разбирательства. Нежелание восторгаться прошлым трудно было поставить в вину женщине, которая из 12 лет, прожитых в СССР, 9 провела в тюрьме и ссылке. Она

молчала о пережитом, продолжая считать такую позицию своим партийным долгом и служением делу социализма. Последний, равно как и саму ГДР, Роберте Гроппер довелось пережить ровно на три года.

Вильгельм Керф: ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

19 июня 1939 г. Генеральный секретарь Коммунистического Интернационала Георгий Димитров, как обычно, начал свой рабочий день с чтения входящей корреспонденции. Шифротелеграммы от партий, находившихся на нелегальном положении, перемежались с внешнеполитическими обзорами ТАСС — Европа неотвратимо катилась ко Второй мировой войне.

В стопке бумаг находилось письмо Отдела кадров ИККИ с необычной просьбой, заставившей руководителя Коминтерна на минуту отвлечься от текущих событий и погрузиться в воспоминания. Димитрова просили высказать свое мнение «о поведении Вилли Клейста (Керф) на Лейпцигском процессе». Это не было праздным интересом кадровиков, письмо появилось «в связи с запросом соответствующих организаций» — аббревиатуру НКВД старались не упоминать всуе даже во внутриведомственной переписке.

Димитров был в курсе, что Вильгельм Керф, как и сотни других немецких коммунистов, находился в тюрьме под следствием, обвиненный в государственных преступлениях. Однако «ежовщина» уже закончилась, и на волю тоненьким ручейком текла информация о том, что же на самом деле происходило в те страшные годы за стенами Лубянки. Вопреки своему обыкновению накладывать короткие резолюции он написал на письме: «Клейст Вилли (Керф) держал себя хорошо в качестве свидетеля на Лейпцигском процессе. На поставленные ему вопросы политического характера Клейст отвечал правильно и мужественно в защиту КП Германии». Такое заступничество дорогого стоило. 27 августа 1939 г. немецкий коммунист был выпущен из тюрьмы, его дело было закрыто за отсутствием состава преступления.

Анализ его архивно-следственного дела позволяет проследить на конкретном примере как механизмы взаимодействия различных ведомств в условиях сталинского режима, так и линию поведения отдельных людей, попавших в жернова большого террора. То, что Керф был одновременно коммунистом и иностранцем, высокопоставленным функционером и социальным изгоем, отражая в своей биографии все противоречия повседневной жизни Советского Сою-

за, делает историю его недолгого заключения особенно наглядной и показательной. Но вначале о предыстории.

Партийная карьера Вильгельма Керфа складывалась достаточно удачно. Он пришел в политику в годы революции 1918–1919 гг., был активистом советского движения, работал в аграрном отделе ЦК КПГ, возглавлял прокоммунистический крестьянский союз. Необходимые личные связи он приобрел в партийной фракции Прусского ландтага, в которую он входил с 1924 по 1933 г.

Керф был арестован сразу же после поджога рейхстага, и на протяжении полутора лет находился в различных тюрьмах и концлагерях. На Лубянке он рассказывал немало интересного о подпольной фракции КПГ в концлагере Зонненбург, которую вместе с ним возглавляли Вилли Штоккер, Якоб Гауслянден и Вилли Кропп. Пользуясь попустительством охранников из СА, они наладили систему жесткого контроля и наблюдения за товарищами по партии, чтобы своевременно выявлять провокаторов. Опираясь на репортажи газет, попадавших в лагерь, члены фракции совместно разрабатывали концепцию речи на Лейпцигском процессе, с которой выступил Керф.

В сентябре 1934 г. последний был выпущен из концлагеря. Следователи НКВД не могли поверить в то, что здесь обошлось без подвоха — данный факт плохо сочетался с линией советской пропаганды, разоблачавшей беспощадные методы правления творцов Третьего рейха. Неужели нацисты так глупы, что выпускают на свободу собственных политических противников? Керфу пришлось неоднократно объяснять в ходе допросов на Лубянке, что «в тот период были массовые освобождения из концлагерей». Да, каждый из освобожденных подписывал бумагу, что он больше не будет заниматься антигосударственной деятельностью, но это было разрешено специальной директивой подпольного руководства компартии Германии. Для многих из немецких коммунистов, оказавшихся в СССР, эта подписка сыграла роковую роль, превращаясь под пером сотрудников НКВД в согласие сотрудничать с гестапо. Керф и здесь оказался исключением из правила.

Гестапо продолжало слежку за каждым из функционеров КПГ, выпущенных на свободу, поэтому о продолжении нелегальной борьбы не могло быть и речи. Летом 1935 г. Керф, воспользовавшись старым заграничным паспортом, эмигрировал в Чехословакию, а оттуда прибыл в Советский Союз. Там как раз шел Седьмой конгресс Коминтерна, обозначивший новую линию в тактике международной организации коммунистов — курс на антифашистский народный фронт. Новая линия означала и приход в руководство КПГ новых кадров —

Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта, с которыми у Керфа сложились добрые отношения еще в период Веймарской республики.

В СССР он распрощался со своей настоящей фамилией, получив документы на имя Вилли Клейста. Так поступали многие политэмигранты — по настоятельной рекомендации Коминтерна. С одной стороны, это позволяло замести следы и избавиться от преследований полиции в будущем, с другой — подчеркивало новую идентичность, которую люди приобретали на земле социализма. В годы большого террора это обернется настоящей трагедией для обладателей новых имен — формально оставаясь иностранными гражданами, они рассматривались органами НКВД как «лица вне подданства» со всеми вытекающими последствиями.

Клейст был встречен в Москве руководством КПГ без большой помпы, но получил все необходимое — комнату в гостинице, должность в партийном представительстве, договор на написание брошюры о Карле Либкнехте. В заявлении о предоставлении советского гражданства (15 декабря 1936 г.) он не скрывал своих восторгов от новой родины: «Я безоговорочно одобряю Сталинскую конституцию СССР. Я убежден в том, что нет в мире более справедливой, прогрессивной и свободной конституции, чем конституция СССР, которая обеспечивает успешное движение страны от социализма к коммунизму».

Постепенно наладилась и семейная жизнь. Первая жена, с которой Керф давно развелся, стала супругой другого деятеля КПГ, находившегося в эмиграции в СССР — Ганса Киппенбергера (и была арестована вместе с ним в ноябре 1936 г.). Весной 1936 г. он женился на русской женщине, работнице фабрики «Гознак» Антонине Ивановне Жилкиной. В том же году благодаря помощи Коминтерна ему удалось добиться приезда из Германии сына Людвиг, которому исполнилось 12 лет.

Единственным вопросом, который никак не хотел решаться и портить Клейсту немало крови, был квартирный вопрос. С огромным трудом семья получила ордер на комнату на даче Коминтерна в подмосковном поселке Ильинское. Как оказалось, «жить и работать в летней даче, особенно при моем состоянии здоровья в зимние месяцы было невозможно... на этой даче не было отопления, не было печи». Клейста трепала жестокая лихорадка, участились приступы нервной болезни. Людвиг пришлось отдать в детский дом, а к жене, у которой была дочь от первого брака, он мог приходить только в гости. В конце концов Клейст получил койку в Доме политэмигрантов на улице Обуха. Это гарантировало по крайней мере тепло и стабильность,

хотя что могло быть стабильным в ту эпоху сплошных социальных экспериментов?

Оказавшись перед перспективой проживания на улице, Клейст принял это предложение, хотя и без особого восторга: «Я возражал главным образом против того, что меня поместили вместе с людьми, которые были исключены из партии и отношение которых к партии было очень сомнительным», — рассказывал он на одном из допросов. К 1937 г. функционер КППГ уже в полной мере освоил правила жизни в сталинской Москве — любой контакт может оказаться роковым, любой шаг, не санкционированный сверху, — последним. В период «немецкой операции» Дом политэмигрантов пустел день ото дня, точнее, от ночи к ночи. 23 марта в Доме политэмигранта были арестованы четыре его последних обитателя. Среди них был и Вилли Клейст. В справке на арест в качестве причины для задержания было названо только общение с соседями по общежитию, которые к тому времени уже были давно арестованы.

Однако вскоре в Ленинском райотделе НКВД, который «обслуживал» Дом эмигранта разобрались, что имеют дело с птицей высокого полета. Следственные материалы были переданы наверх по инстанции, Клейста сделали участником «шпионско-троцкистского заговора в немецкой секции Коминтерна». Временной разрыв между арестом и первым допросом, когда просто собирались сведения о человеке, с одной стороны, и «признательным протоколом» — с другой, очень многое говорит исследователю, который имеет дело с судьбами жертв политических репрессий. В следственных материалах Клейста нет данных о допросах, состоявшихся между 23 марта и 22 июня — что происходило в эти 3 месяца, какому давлению он подвергался, какие муки испытывал, мы уже никогда не узнаем. Но и в конце июня Клейст отказался давать порочащие себя показания. Школа ответственного функционера радикальной партии, помноженная на опыт, полученный в гитлеровском концлагере, придавали ему необходимую стойкость.

Тогда следователи отказались от лобовой атаки и попытались оказать психологическое воздействие, предъявив Клейсту его товарищей, сломленных ранее. Решающим моментом в ходе следствия по его делу стало 27 августа 1938 г. В этот день в ходе допроса Вальтера Диттбендера последний отрепетировал «правильные ответы», которые ему следовало давать на очной ставке. После этого в кабинет следователя был вызван Вилли Клейст. Ему пришлось выслушать следующее признание Диттбендера: «Я предложил Клейсту заняться вопросом подготовки новых кадров для создания троцкистско-террористических групп в Доме политэмигрантов, в гостинице

«Балчуг», в доме ЦК МОПРа. Это задание Клейст плодотворно реализовал».

Нетрудно представить себе тот шок, который испытал обвиняемый в несовершеннолетних преступлениях. В трудных ситуациях Клейст неоднократно обращался к представителю МОПР за поддержкой и материальной помощью, теперь же каждый полученный им рубль оказывался платой за поставку шпионской информации. Диттбендер продолжал исполнять заученную роль: «Я хочу еще раз посоветовать Клейсту, чтобы он заканчивал свою борьбу с советским следствием и становился на путь саморазоблачения, ибо вся наша контрреволюционная организация органами НКВД вскрыта и единственным выходом из этой контрреволюционной грязи может служить только чистосердечное признание своей вины перед Советской властью».

Это был сильный аргумент — разве может настоящий коммунист сомневаться в том, что советское государство, а тем более органы государственной безопасности, делают все для блага социализма? Но с другой стороны, как быть с личной убежденностью в собственной невинности? Можно ли уважать себя после того, как погрузишься в ложь, а значит, обречешь на гибель своих товарищей по борьбе? Очная ставка завершилась ничем, Клейст продолжал стоять на своем. И оказался прав.

После завершения «ежовщины» многие из обвиняемых стали отказываться от своих признательных показаний, данных под давлением следователей. Среди них был и близкий знакомый Клейста, тоже депутат Прусского ландтага, Пауль Швенк. Уже 2 декабря 1938 г. он признал, что оклеветал товарища: «Клейста я могу охарактеризовать как исключительно честного, много работающего для компартии человека». Дело стало разваливаться как картонный домик, фактически оно держалось теперь на показаниях одного Диттбендера. Чтобы спасти сфабрикованную конструкцию, руководство областного управления НКВД разрешило выводить за рамки дела о заговоре в немецкой секции Коминтерна тех из обвиняемых, кто не дал ни одного «признательного протокола».

28 января 1939 г. так поступили и с Вилли Клейстом. Однако в основе такого поворота событий лежали не только его уверенность в своей правоте и нестигаемая воля, но и активная борьба с несправедливым следствием. В его архивно-следственном деле сохранились многочисленные жалобы и заявления, которые после снятия Ежова стали приобщаться к следственным материалам, передавались органам прокуратуры.

Они представляли собой не крик души оказавшегося у последней черты человека, а скрупулезное разоблачение всех пунктов обвине-

ния. Такие заявления не появлялись спонтанно, они складывались в голове долгими ночами, когда заключенные спали по очереди в переполненных камерах, и заучивались наизусть. Их тексты напоминают ходьбу по лезвию ножа, хотя внешне они и выглядят достаточно серо на фоне других откровений узников Лубянки. Не случайно они адресованы не Сталину и не Ежову, как обычно, а конкретному следователю, знакомому с обстоятельствами дела. Именно такой стиль борьбы дал свои результаты.

В своих заявлениях Клейст не допускал и намека на то, что все произошедшее с ним являлось театром абсурда. Последовательно разбивая доводы обвинителей, он делал вид, что принимает их всерьез. Такая игра со следователями не могла не импонировать последним. Сказывалось и то, что им приходилось иметь дело с одним из героев революционной борьбы, на примерах которой воспитывались антифашистские убеждения молодого поколения советских граждан. 11 мая 1939 г. состоялся последний допрос, зафиксированный в деле. Судя по его протоколу, следователь в какой-то степени попал под влияние сильной личности — все-таки перед ним сидел человек, отчет о выступлении которого на Лейпцигском процессе напечатали все советские газеты. В тот же день Клейсту было сообщено об окончании следствия по его делу. Но он не стал пассивно ждать приговора, а продолжал сочинять заявления, в которых точно выдерживал собственную линию защиты — никаких сомнений в правильности проводимой политики репрессий и резких выпадов в адрес следствия, и в то же время никаких уступок в вопросе о собственной вине.

15 июня 1939 г. он писал следователю: «Уже почти 15 месяцев я нахожусь в тюрьме. Мое мнение по поводу этого ареста Вам известно. Оно по-прежнему то же самое: если этот арест по причинам внутреннего и внешнего положения Советского Союза явился частью общих мероприятий, направленных против эмигрантов, то я как коммунист достаточно политически грамотен и дисциплинирован, чтобы все это понять и даже согласиться с ним, хотя эти 15 месяцев в моральном и психологическом отношении являются самым тяжелым периодом моей жизни. Если же мой арест последовал на основании предположения, что я каким-то образом совершил преступление против интересов Советского Союза, Коммунистического Интернационала и КПП, то я не могу поступить иначе, кроме как решительно протестовать против моего ареста».

Можно предположить, что это письмо стало последней каплей, упавшей на ту чашу весов сталинской Фемиды, где собирались доводы в защиту обвиняемых. В Коминтерн было отправлено поручение дать материал, который позволил бы закрыть дело в пользу обвиня-

емого. Отсюда и возник запрос о поведении Клейста в ходе Лейпцигского процесса, на который правильно отреагировали и сотрудники отдела кадров ИККИ, и сам Георгий Димитров. В постановлении о завершении следствия полностью приводилась резолюция последнего — Коминтерн все еще занимал выдающееся место в иерархии ценностей советского государства. Случилось то, что не так уж часто происходит в жизни, но, безусловно, украшает ее. Вилли Клейст помог болгарскому коммунисту, когда тот сидел на скамье подсудимых в ходе процесса о поджоге рейхстага. Димитров смог погасить свой долг, когда функционер КПП оказался на Лубянке и стал жертвой надуманных обвинений. Клейст был освобожден в числе первых жертв массового террора 1937–1938 гг. — и в числе очень немногих.

Ему была назначена персональная пенсия, представительство КПП сделало все для того, чтобы обеспечить его работой и жильем. Неоценимую помощь для Клейста сыграла поддержка его жены. Когда он находился под следствием, она забрасывала письмами все инстанции, ручаясь честью коммунистки, что ее муж не совершал никаких преступлений. «Прожив с ним 2 года, я видела в нем только хорошего друга и прекрасного товарища...» — писала Антонина Жилкина в немецкую секцию ИККИ на следующий день после ареста мужа. В 1947 г. Вилли Клейст, вновь ставший Керфом, вместе с семьей отправился в Восточную Германию. Он не пытался вернуться к партийной карьере, но знакомство с Пиком и Ульбрихтом создавало необходимую подушку безопасности и открывало многие двери. В 50-е гг. Керф работал заместителем директора Института современной истории при Академии наук ГДР.

Эта должность побуждала к размышлениям о собственной судьбе на фоне закончившейся эпохи. Он мог бы многое рассказать о полутора годах, проведенных в застенках Лубянки. Он мог бы сравнить их с полутора годами, проведенными в нацистских концлагерях. Но Вильгельм Керф не сделал этого. И умер, окруженный почетом, унеся в могилу то, что сохранилось для потомков только в его следственном деле.

Ганс Мориц-Гримм: ХОЗЯИН РАДИОВОЛН И СОЗДАТЕЛЬ КИНОГРЕЗ

«Говорит Берлин, говорит Берлин, вызываю Москву!» — повторял в микрофон молодой человек, склонившись над мудреной аппаратурой. В скромной квартире на Фридрихштрассе, в самом центре германской столицы, начала свою работу тайная радиостанция КПП,

предназначенная для оперативной связи партии с высшим руководством мирового коммунистического движения — Исполкомом Коммунистического Интернационала.

На дворе подходил к концу 1928 г. — один из самых спокойных в короткой и несчастливой биографии Веймарской республики. Казалось, усилиями министра иностранных дел Густава Штреземана она завоевала равноправие в семье европейских народов, и в то же время сумела справиться со своими внутренними врагами — правыми и левыми радикалами. Для последних — коммунистов — период стабилизации Веймара означал нелегкие времена. Скатившись на обочину политической жизни, компартия погрязла во внутренних конфликтах. Ее руководство, подстегиваемое из Москвы, пыталось вернуть революционную перспективу в эпоху, когда о революции предпочитали не вспоминать. На идеологические разногласия вождей КПГ первого поколения накладывались личные интриги и борьба самолюбий.

Своего пика внутрипартийный конфликт достиг в «афере Витторфа» — коррупционном скандале о распределении денег, поступавших из Москвы. Доверенное лицо председателя КПГ Эрнста Тельмана, секретарь гамбургской организации партии признался в растрате доверенных ему средств. Более того, оказалось, что Тельман прикрывал своего человека, утаив от руководства Коминтерна информацию о произошедшем.

В конце сентября 1928 г. подавляющее большинство членов ЦК вынесло решение о смещении Тельмана с его поста. Это выглядело как дворцовый переворот, совершенный втайне от московского руководства. А там как раз разгорался конфликт между Сталиным и «правыми», и «афера Витторфа» неожиданно была вознесена на невиданную высоту. Генсек ЦК ВКП(б) потребовал дезавуировать решение Центрального комитета братской партии, увидев в нем происки своего оппонента — Николая Бухарина, продолжавшего выступать в роли неформального лидера Коммунистического Интернационала.

Решающую роль во временном успехе берлинских противников Тельмана сыграло то, что они находились вне оперативного контроля Москвы. Да и его сторонники не имели возможности своевременно пожаловаться на решение большинства ЦК. О берлинских событиях в Исполкоме Коминтерна узнали только через несколько дней, да и то из сообщений некоммунистической прессы. Чтобы получить более или менее достоверную информацию, в Москву были вызваны два функционера КПГ, вылетевшие из Берлина регулярным авиарейсом. Прошло еще несколько дней, прежде чем руководство Коминтерна оказалось в курсе дела.

Сталин настоял на том, чтобы Тельмана вернули на пост председателя партии. Его последний противник в партийном руководстве — Бухарин — проиграл и на коминтерновском фронте. Но в нашей статье речь пойдет не об этом. Внутрипартийный конфликт в Берлине показал, что имевшиеся каналы коммуникации не соответствовали претензии Коминтерна на звание «генерального штаба мировой революции». Так дальше продолжаться просто не могло.

В свою очередь, тельмановское руководство германской компартии сделало свои выводы из произошедшего. Необходимо было иметь постоянную связь с «кураторами» из ИККИ, причем она должна быть конспиративной, закрытой от полицейского надзора и легкодоступной. Решение лежало в технической плоскости — между Москвой и Берлином следовало наладить радиосвязь. Его практическая реализация была поручена одному из руководителей КПГ — секретарю Политбюро Лео Флигу. Тот, в свою очередь, обратился к своему старому знакомому Гансу Гримму, который работал инженером и одновременно являлся руководителем районной организации партии во Франкфурте-на-Майне.

Вот мы и вернулись к главному герою нашего очерка, который управлял в эфир радиопозывные Берлина. Гримм родился в 1895 г. в благополучной и преуспевающей семье инженеров-железнодорожников. Его отец был инспектором железных дорог Берлина, один из его братьев — Генрих — займет этот пост в 30-е гг. Младший из трех братьев и двух сестер, Ганс также проявлял недюжинный интерес к достижениям технического прогресса, что и предопределило его дальнейший жизненный путь. В 1917 г. он закончил инженерную школу и поступил на работу в фирму АЕГ — ведущего разработчика систем радиосвязи.

Гримм не принимал участия в Первой мировой войне, хотя предприятие, где он работал, неплохо заработало на военных поставках. Война показала бессмысленность 4 лет массовой бойни, приведшей к опустошению значительной части Европы. Казалось, урок не пошел впрок — без радикальных общественных перемен предприниматели в погоне за сверхприбылями смогут развязать новые войны. Молодежь, прошедшая через «стальную грозу», размышляла о том, как вырваться из заколдованного круга, искала альтернативные проекты общественно-политического устройства.

Еще один брат Ганса — Герман — военный летчик, разделял идеи радикальных социалистов, вращался в кругу тех, кого на исходе войны называли «спартаковцами». Один из них — Франц Демут — сумел увлечь молодого инженера перспективой всемирной революции пролетариата, и тот, выходец из отнюдь не пролетарской среды, вскоре стал членом, а потом и функционером германской компартии.

Молодой человек с жаром взялся за партийные поручения, забросив служебную карьеру. В 1923 г. в партии всерьез заговорили о подготовке «германского Октября». В стране бушевала гиперинфляция, рабочие шумно выражали недовольство политикой берлинских кабинетов, нарастала волна забастовочного движения, дело доходило до разграбления продовольственных магазинов и складов. Из Москвы шли деньги на оплату военных специалистов и закупки оружия, Генеральный штаб Красной Армии разрабатывал планы прорыва в Центральную Европу для помощи германским пролетариям.

Ганс Гримм и его соратники считали, что идут в первых рядах борцов за победу мировой революции, среди функционеров КПП царило настроение «сейчас или никогда». Гримма отправили в Южный Баден для подготовки там вооруженного восстания рабочих-горняков. Во время одного из допросов на Лубянке он рассказывал, что «тогда мы были отлично снабжены разнообразным оружием, так как эта местность являлась прифронтовой полосой и рабочие после войны Германии с Францией напрятали много оружия». После того как из Саксонии, где коммунисты вошли в правительство и находился ЦК КПП, 21 октября 1923 г. пришел сигнал отбоя, ему подчинились не все боевые дружины. Настроенные на последний и решительный бой, они считали, что лучше погибнуть с честью, чем отступить с позором.

Широко известно «гамбургское восстание», ставшее основой для героической легенды о Тельмане. Гримм вместе с Максом Боком (в будущем первым министром труда земли Баден-Вюртемберг) вопреки приказу также повел в бой отряды горняков, но вооруженное выступление на юго-западной окраине Веймарской республики завершилось захватом лишь нескольких полицейских участков. Лидеры местной КПП были арестованы, но в условиях нестабильной политической ситуации в стране отделались достаточно мягкими сроками. Гримм получил 4 года заключения в крепости. Он вышел из тюрьмы города Брухзаль таким же убежденным коммунистом, каким он был в зале судебного заседания.

Пришедший во Франкфурт приказ ЦК КПП немедленно прибыть в Берлин не вызвал у Гримма особого удивления — он привык к тому, что партийных функционеров перебрасывают с места на место, не спрашивая из согласия. Однако предложение, которое ему сделал Лео Флиг, оказалось крайне неожиданным. Об этом трудно было даже мечтать — поручение наладить радиосвязь с Москвой открывало перед молодым инженером и коммунистом уникальный шанс использовать свои профессиональные знания для дела мировой революции.

Получив паспорт на имя швейцарского гражданина Генриха Мельхера, в декабре 1928 г. Ганс Гримм отправился в столицу Советской России. В отделе международной связи Коминтерна он получил необходимую аппаратуру и инструкции, и вскоре в съемной квартире в самом сердце Берлина заработал радиоприемник, а затем и передатчик германской компартии. Его использовало не только руководство КПГ, но и советская разведка. Однако собранная буквально на коленях аппаратура работала с перебоями, зависела от погоды и даже от направления ветра. Для того чтобы установить устойчивую связь Гримму приходилось неоднократно ездить в Москву за новыми инструкциями и материалами. Там взяли на заметку толкового инженера с партбилетом.

Перспективы, которые открывала радиосвязь для установления прямых контактов с компартиями в самых удаленных уголках земного шара, все более захватывали умы руководителей Коминтерна. Курировавший это направление работы Иосиф Пятницкий добился в ЦК ВКП(б) выделения ассигнований на строительство специальной радиостанции. Было определено место под Москвой, к югу от города Пушкино, советские торгпредства за рубежом получили срочные задания на закупку новейшего оборудования.

Оставался немаловажный вопрос: кто станет техническим руководителем секретного строительства. Выбор пал на Ганса Гримма, и с 1930 г. его судьба была уже неразрывно связана с Москвой, с ее известными и засекреченными адресами — зданием Коминтерна на Моховой, радиостанцией на берегу реки Клязьмы, гостиницей «Люкс», где жили руководящие кадры мирового коммунистического движения. И с Лубянской, куда его будут привозить из тюрьмы на допросы в течение полутора лет.

Предшествовавшие аресту годы жизни Гримма, принявшего в СССР в целях конспирации фамилию Мориц, можно описать достаточно кратко. До 1934 г. он занимался совершенствованием радиосвязи Коминтерна и его секций, но так и не смог интегрироваться в номенклатурную систему этой организации. Гримм считал себя главным специалистом в технических вопросах и ревниво оберегал свое первенство, что запрограммировало конфликт с руководителем отдела международной связи — Александром Абрамовым-Мировым. Последний одержал победу, и немецкий инженер был отправлен во «внутреннюю ссылку» — на хозяйственную работу в Управление делами ИККИ. Там он занимался закупками мебели и иного оборудования — руководство Коминтерна готовилось к переезду в новое здание на Ленинских горах, и для его аппарата необходимо было обеспечить комфортные условия работы.

Гримм тихо страдал оттого, что вынужден заниматься всякой чепухой, несколько раз обращался к своему бывшему покровителю — Иосифу Пятницкому, но до поры до времени все было безрезультатно. Пока не подвернулся счастливый случай — принимая киноаппаратуру для нового здания Коминтерна, он познакомился с заместителем директора студии «Мосфильм» Борисом Сливкиным. Последнему приглянулся толковый немец, отлично говоривший по-русски, и для Гримма начался совершенно новый, хотя и очень короткий отрезок его профессиональной карьеры — он стал сотрудником, а затем и главным инженером советской «фабрики грез».

Мысль о том, чтобы вернуться на коминтерновский фронт не покидала его и на фронте «важнейшего из искусств». Гримм неоднократно подавал заявления с просьбой разрешить ему выезд в Испанию или Китай для того, чтобы помочь местным революционерам в установлении радиосвязи с Москвой. Однако постепенно новая работа захватила его целиком — на «Мосфильм» прибывало новейшее американское оборудование для съемки звуковых фильмов, и для того, чтобы пустить его в ход, требовались недюжинные знания и солидный запас энтузиазма.

Позже в собственноручных показаниях, написанных на Лубянке, Гримм под давлением сотрудников НКВД изображал болезни роста советского кинопроизводства в контрреволюционном духе. Действительно, в этой сфере хватало и интриг, и некомпетентности, и откровенного разгильдяйства. Импортные кинокамеры и осветительное оборудование либо поступало некомплектным и лежало на студии мертвым грузом, либо выходило из строя, попав в неумелые руки. Процесс проявления киноплёнки так и не стал автоматическим, это вело к огромному количеству брака и исчезновению «уникальных исторических сцен» вроде выступления товарища Сталина перед своими избирателями.

И тем не менее в годы, когда Гримм работал на «Мосфильме», страна получила самые яркие художественные кинокартины. Главный инженер ввел процесс ежедневного планирования, закрепил оборудование за конкретными людьми, что позволило резко сократить количество аварий. Для кинофильма «Волга-Волга» был построен специальный тонваген, хотя на такое оборудование не имелось даже проекта. Многие из фактов, приведенных Гримом в своих показаниях, если очистить их от контрреволюционной «упаковки», могли бы в немалой степени дополнить историю отечественной кинематографии.

По воспоминаниям знакомых его жены Марии Шавер, работавшей в Коминтерне, Мориц-Гримм пропадал на студии с утра до вечера, ча-

сто отправлялся туда и в выходные дни. Но дело сдвинулось с места, технический уровень советских кинокартин в течение двух-трех лет достиг мировых стандартов. Grimm имел все основания считать себя удачливым представителем новой советской интеллигенции — ему предоставили служебную машину, семья получила отдельную квартиру в центре Москвы, в Большом Гнездиновском переулке.

Желание отправиться на передовую мировой революции не исчезло, но незаметно отошло на второй план, тем более что и Коминтерн не проявлял особого интереса к своему бывшему сотруднику. Grimm продолжал оставаться в стратегическом резерве, в ходе одного из допросов он говорил, что «мне было предложено вести себя в Москве как на конспиративной партработе». Члену московской организации КПГ было запрещено посещать общие партийные собрания, даже взносы он платил тайно. Однако такая секретность не распространялась на высших руководителей германской компартии — Grimm неоднократно устраивал им экскурсии в съемочные павильоны «Мосфильма», у него в гостях бывал Вильгельм Пик, ставший в 1935 г. Председателем КПГ.

1937 г. вошел в историю СССР не только выходом в прокат таких замечательных фильмов, как «Петр Первый» или «Возвращение Максима». И не столько этим. В стране полным ходом шли массовые репрессии, они охватывали все новые группы населения, попадавшие в категорию «врагов народа». Дошла очередь и до иностранцев, каждый из которых рассматривался в качестве шпиона, работающего на державы, враждебные Советскому Союзу. 8 марта 1938 г. был арестован и Ганс Мориц-Гримм. Первоначально просто как выходец из Германии, хотя и получивший к моменту ареста советское гражданство. Как только был установлен круг его знакомых, у следователей из областного Управления НКВД появился простор для фантазии, или, используя служебный сленг, «для разворота дела». К тому моменту давно уже были арестованы и Абрамов-Миров, и Сливкин. После невыносимых истязаний и угроз они стали давать «чистосердечные показания». Первый признал себя резидентом нескольких иностранных разведок, второй — главой троцкистско-террористической организации в Государственном управлении кинематографии.

Анализ хода следствия показывает, что дело Гримма поворачивали и в первом, и во втором направлениях, ожидая, очевидно, решения вышестоящего начальства. Чем пышнее был букет пунктов политической 58-й статьи УК, которые фигурировали в обвинительном заключении по делу, тем более благоприятными оказывались перспективы получения новых званий, наград и повышения по службе. Никогда оперативные сотрудники НКВД не совершали такие головокру-

тельные карьерные скачки, как в тот страшный год, когда им было поручено проведение «массовых операций».

Уже 15 марта 1938 г. арестованный немецкий инженер признал себя шпионом и агентом гестапо. В ходе допроса 14 августа Гримм добавил, что принимал активное участие «в право-троцкистской организации, действовавшей в системе кинопромышленности, и по ее заданию на Мосфильме вел вредительскую деятельность». Поскольку под началом немца находился отдел киностудии, занимавшийся подготовкой пиротехнических эффектов, Гримму приписали заодно и подготовку покушения на руководителей большевистской партии и советского правительства. Согласно первому обвинительному заключению по его делу, немецкий инженер разработал конструкцию ручной гранаты, выполненной в виде портсигара и начиненной динамитом, чтобы бросить ее из рядов демонстрантов на трибуну Мавзолея.

Любой разумный человек поставил бы вопрос, возможно ли физически выполнять враждебные действия такого масштаба, но в системе НКВД сомнения не приветствовались. Напротив, чем невероятнее была ложь, тем охотнее ей верили те, кто распределял арестованных по первой и второй категориям. Но в данном случае подручные Ежова, стараясь выслужиться перед своим начальством, явно переборщили.

Дело Гримма, как крайне опасного шпиона и террориста, было передано не на Особое совещание НКВД, а в Военный трибунал Московского военного округа. Но к концу 1938 г. шестерни сталинского террора стали сбавлять обороты — кровавый Молох был просто не в состоянии перемолоть такое количество жертв, попавших в его объятия. Снятие Ежова с поста наркома НКВД означало, что Сталин дал сигнал к окончанию эпохи беспредела органов госбезопасности. Одними из первых это поняли те, кто томился в переполненных тюрьмах в ожидании приговора. Подследственные в массовом порядке начали отказываться от данных ранее вымышленных признаний. 4 декабря 1938 г. Гримма вызвали для подписания протокола об окончании следствия. Он написал, что его показания, данные ранее, не соответствуют действительности, однако сотрудник НКВД порвал бланк и повторял процедуру до тех пор, пока подследственный не сдался и не поставил свою подпись без всяких комментариев.

Немецкий инженер еще не знал, что его дело направлено в Военный трибунал, а значит, у него появился шанс рассказать о самооговоре в ходе судебного заседания. 31 марта 1939 г. Гримм оказался перед коллегией военных судей, его просьбы вызвать на заседание свидетелей обвинения суд во внимание не принял. Впрочем, к тому

моменту все они — Абрамов-Миров, Пятницкий, Сливкин — уже были расстреляны. Подсудимый старался не терять хладнокровия, но иногда его захлестывали эмоции от пережитой несправедливости, причем как раз от людей, которых он считал своими защитниками и покровителями: «Проверять мою работу (по установлению радиосвязи с Москвой. — А. В.) за границу ездили сотрудники НКВД, за хорошую работу они меня расцеловали, а теперь вот посадили».

Судьи посчитали, что следствие не собрало достаточного количества улик, и отправили дело на доследование. Это было первой, но самой важной победой Ганса Гримма в борьбе за свою честь и жизнь. Впоследствии он подробно рассказывал, какими методами из него выбивались нужные показания в период следствия: «Я находился на допросах почти ежедневно с 5 августа по 30 августа (1938 г. — А. В.) по 20 часов в день», угрозы репрессировать семью дополнялись избиениями — «меня обрабатывало четыре человека». Гримма довели до такого состояния, что он был отправлен в тюремную больницу, но и оттуда его доставляли на допросы на носилках.

Чтобы облегчить себе жизнь, следователь требовал от обвиняемого изложить на бумаге собственноручные признания в шпионской, диверсионной и террористической деятельности. Если они по тем или иным причинам не устраивали работников НКВД, обвиняемого били, и все начиналось сначала. Таких показаний в деле Гримма — несколько десятков. Они написаны дрожащим почерком, в них трудно увидеть хоть какую-то логику, очевидно, что писавший их находился в состоянии аффекта. Затем следователь отбирал нужные сведения, переводил их в форму вопросов и ответов, связывал воедино разные факты, придавал им «контрреволюционную окраску». И давал подписать сконструированный таким образом протокол допроса.

В ходе дополнительного следствия практически все обвинения в адрес Морица-Гримма вроде начиненной динамитом гранаты рассыпались в пух и прах. Однако карательная система не хотела сдаваться. Второе обвинительное заключение, подготовленное в Особом отделе УНКВД 29 мая 1939 г., ставило в вину Гримму среди прочего срыв восстания немецкого пролетариата осенью 1923 г.!

На сей раз попытка отправить дело на Особое совещание НКВД натолкнулась на противодействие прокуратуры, представители которой выступили против явного «липачества». Но мужество самого обвиняемого и профессиональный долг прокурора не являлись достаточными условиями для решительного поворота следствия. По законам советской бюрократии такой поворот могла совершить одна-единственная бумага извне, которую следовало «организовать». 10 ноября 1939 г. прокуратура направила запрос о Морице-Гримме в

Коминтерн, перечислив все его революционные заслуги и попросив их подтверждения. Сигнал был правильно понят. 28 ноября из отдела кадров ИККИ пришла позитивная справка. Этого оказалось достаточно — постановлением Военного прокурора МВО Николая Зори производство по делу немецкого инженера было прекращено, а сам он — выпущен из тюрьмы.

Освобождение лишь внешне подвело черту под темной полосой в биографии Гримма. Он вновь стал работать на «Мосфильме», вернулся в свою старую квартиру. Но в ней уже не было жены — по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 июля 1939 г. Мария Шавер получила 10 лет лагерей. Представительство КПП в Москве, куда Гримм обратился за помощью и поддержкой, повело себя совсем иначе, чем в случае с партийным функционером Вильгельмом Керфом, выпущенным с Лубянки несколькими месяцами ранее. Гримм признался, что под пытками и угрозами оговорил себя и своих товарищей. Это дало возможность функционерам германской компартии, которые сами чудом избежали ареста, занять позицию фарисеев. 20 мая 1940 г. Интернациональная контрольная комиссия Коминтерна подтвердила решение парткомиссии КПП об отказе Гансу Морицу-Гримму в восстановлении в партии «в связи с тем, что подписанием в НКВД неправильного протокола, признанием себя виновным в несовершенных им в действительности преступлениях он ввел в заблуждение советские органы и нанес вред партии».

На заседании Гримм признал, что совершил тяжелую политическую ошибку, однако попросил учесть обстоятельства, при которых это произошло. В развернувшейся дискуссии у него нашлись сторонники. В частности, член ЦК КПП и секретарь ИККИ Вильгельм Флорин настаивал на том, что обвиняемый заслуживает снисхождения, ибо «подписал неправильный протокол в состоянии полного отчаяния, равносильного невменяемому состоянию». Однако в конечном счете победила жесткая линия, которую представлял Вальтер Ульбрихт: «Мориц не понимает, что в аппарате Абрамова были действительные враги, и они превратили этот аппарат во вражеское орудие. Надо ему разъяснить его ошибку в этом вопросе». Фактически представитель КПП продолжал настаивать на непогрешимости органов НКВД, которые нельзя обманывать, но которые сами никогда не обманываются.

Оказавшись без поддержки эмигрантского руководства германской компартии, не имея никаких известий от жены, Гримм впал в тяжелую депрессию. В частных беседах он выражал сожаление, что не послушался отца и отправился в СССР, говорил, что его единственная и последняя мечта — уехать в Голливуд и снять там фильм

под названием «Таганка». Это было бы настоящее откровение и памятник всем тем, кто, как и сам немецкий инженер, провел страшные месяцы и годы предварительного заключения в Таганской тюрьме.

Свою мечту Grimm так и не смог реализовать даже тогда, когда годы острой вражды сменил период временного потепления советско-германских отношений, связанный с подписанием пакта о ненападении. Поскольку он не был осужден, его не могли насильственно депортировать в Германию, как это произошло с сотнями его репрессированных товарищей по партии. Немец догадывался, что и там, на родине, его не ждут с распростертыми объятьями, хотя и не знал, что его имя включено в специальную «розыскную книгу», подготовленную гестапо накануне нападения на Советский Союз. В случае обнаружения его как «врага рейха» следовало немедленно арестовать и доставить в Берлин.

Не знал Ганс Мориц-Гримм и того, что все его антисоветские разговоры фиксируются на Лубянке, которая продолжала внимательно следить за главным инженером «Мосфильма», рассматривая его как временно ускользнувшего из рук органов госбезопасности. В НКВД стекались рапорты о его визитах в германское посольство с целью вернуть себе немецкое гражданство, которые, впрочем, завершились ничем. Третьему рейху не нужны были коммунисты, даже с инженерным образованием. Сексоты доносили на Лубянку о планах Гримма построить разборную моторную лодку и перевезти ее в Одессу, чтобы на ней переплыть Черное море и высадиться на румынский берег.

Даже если две трети из приведенного в доносах было неправдой и преувеличением (сексотам ведь тоже приходилось отработывать свой хлеб), Мориц являлся верным кандидатом на возвращение в Таганскую тюрьму. Правда, это возвращение заставило себя ждать — немецкий политэмигрант, советский гражданин и ярый антисоветчик Ганс Мориц-Гримм был арестован в первые дни Великой Отечественной войны. Вместе с тюрьмой он был эвакуирован в Сибирь, и на сей раз Военный трибунал выполнил политический заказ: 18 апреля 1942 г. Гримм был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. В обосновании приговора не было ничего особенного: «рассказывал анекдоты контрреволюционного содержания и пытался дискредитировать органы НКВД», высказывал намерение нелегально перейти границу СССР, однако время было военное и любое проявление мягкости рассматривалась как уступка врагу... Но и здесь в нашей истории появляется не точка, а запятая.

Мы не знаем, какие высшие силы вступились за нашего героя, но можем утверждать твердо, что они не были связаны с Коминтерном и КПГ. Быть может, в очередной раз сотрудник юстиции, делавший

рутинную работу по оформлению документов, обратил внимание на революционные эпизоды в биографии бывшего немецкого коммуниста, приговоренного к высшей мере наказания. Так или иначе 28 мая 1942 г. Президиум Верховного Суда СССР заменил расстрел 10 годами заключения в лагере.

Вот здесь придется поставить многоточие. Мы не знаем, выжил ли в ГУЛАГе Ганс Мориц-Гримм, презиравший компромиссы и не способный держать язык за зубами, смог ли вернуться после окончания войны в Германию. Пока все поиски данных о его дальнейшей судьбе не увенчались успехом. Но в жизни нашего героя было так много чудес, что, может быть, кое-что еще осталось про запас?

Рут Шейбе: «ОНА ЗНАЛА О ПРЕДСТОЯЩЕМ НАПАДЕНИИ ГЕРМАНИИ НА СССР»

22 июня 1941 г., позднее утро. Большинство москвичей, вышедших на улицы города в этот день, еще не знает о случившемся, хотя в редакциях газет, на радио и в органах власти разрываются от трезвона телефоны — с западной границы сообщают о том, что Германия начала боевые действия против Советского Союза. По Пушкинскому бульвару в направлении Кремля идет миловидная женщина. Кокетливая прическа, яркое платье выдают в ней человека, знакомого с европейской модой. Так и есть, Рут Шейбе — немка с советским папортом. Она испуганно озирается по сторонам, ускоряет шаг, почти бежит — потому что знает. Кто-то из знакомых уже сказал ей о случившемся, и для нее закрывается последняя надежда на спасение. Она спешит не куда-нибудь, а в немецкое посольство, расположенное в Леонтьевском переулке.

Здесь ее знают, и дежурный пропускает внутрь, не спрашивая документов. Она уже почти год обивает пороги кабинетов консульских работников, соглашаясь и на ужин вдвоем, и на роль домработницы. Ставка больше, чем жизнь — Рут хочет выехать сама и вывезти свою старую мать в Германию. Приняв вместе с семьей советское гражданство, она отрезала себе путь домой. Но она продолжает верить в невозможное — до этого воскресенья...

Рут спрашивает собравшихся в посольстве дипломатов, что же ей теперь делать. Те в не меньшей растерянности, чем она сама. Консульский работник, у которого она прибирала в квартире, сует ей на прощанье 500 рублей — по тем временам немалые деньги — и отвечает на мольбы: «Ждите окончания войны!» Когда Рут покидает посольство, Москва похожа на разбуженный муравейник — теперь о войне

знают все. Тот из случайных прохожих, кто заметил, откуда вышла эта девушка, провожает ее злобным взглядом, сжимая кулаки.

А ведь как хорошо все начиналось! Весной 1917 г. в семье латыша Эдуарда и немки Елены Шейбе, проживавших в Берлине, родилась девочка. Это событие лишь на какое-то время отодвинуло на второй план семейные разговоры на политические темы — когда закончится опустылевшая война и к чему приведет начавшаяся в России революция. Для Эдуарда последнее слово являлось отнюдь не пустым звуком. Он принимал участие в революционных событиях 1905 г. в Прибалтике, за что заплатил 4 годами ссылки, после которой уехал за границу. И вот красная заря на Востоке занималась вновь...

В 1919 г., сразу после рождения сына Гельмута, семья переехала в Латвию, ставшую независимой. Эдуард устроился инженером в железнодорожных мастерских Риги, жизнь постепенно входила в привычную колею. Все так бы и осталось на своих местах, если бы не его величество случай. Эдуарда разыскивали бывшие соратники по революционной борьбе, ставшие теперь коммунистами-подпольщиками и одновременно — сотрудниками советской разведки. Они и сделали ему предложение, от которого трудно было отказаться: вернуться в Берлин и под крышей полпредства СССР развернуть сеть промышленного шпионажа. Москву интересовали прежде всего секреты самолетостроения — несмотря на завод фирмы «Юнкерс», работавший в подмосковных Фиялах, немецкие инженеры тщательно оберегали свои технологические новинки.

Можно только предполагать, что подвигло Эдуарда Шейбе принять данное предложение. Может быть, большие деньги, которые сулила работа в разведке, может быть, просьбы жены, которая мечтала вернуться в родной Берлин. А может быть, искреннее желание помочь Советской России поскорее встать на ноги, превратиться в индустриальную державу. Так или иначе в начале 1926 г. семья отправилась из столицы Латвии в столицу Германии.

Став сотрудником советского полпредства и поступив в Берлинский политехнический институт, Шейбе без труда обзавелся нужными связями. Немцы были уже не те — проигранная Первая мировая война сбила с них надменность и спесь, лишения и нестабильность Веймарской эпохи сделали их податливыми и стоворчивыми. Нужная информация шла из самого главного источника — Научно-исследовательского института воздухоплавания, располагавшегося в берлинском пригороде Адлерсхоф.

23 июля 1928 г. Эдуард Шейбе вместе с фотографом отправлялся именно туда — предстояло заснять на пленку конструкцию ново-

го дирижабля, в которой были очень заинтересованы «кураторы» из советской военной разведки. Обоих арестовали прямо на улице. Наивная затея закончилась полным фиаско. Арестованные немцы не стали отпираться, рассчитывая на снисхождение органов юстиции. Судебный процесс широко освещался в германской прессе — еще бы, вот оно, наглядное подтверждение образа «коварных русских», набивающихся в друзья. Предсказуем был и его результат: покаявшимся поставщикам секретной информации дали небольшие сроки, зато Эдуард Шейбе, отказавшийся сотрудничать со следствием, получил 6 лет тюрьмы.

В отличие от эмиссаров мировой революции типа Карла Радека или генерала Скоблевского, его не стали менять на арестованных германских шпионов, что было в те времена обычной практикой. Латышское подданство осужденного позволяло Москве галантно не заметить произошедшее. Однако в советском полпредстве все эти годы продолжали заботиться о семье Шейбе, ей выплачивали постоянное пособие. Когда Эдуард вышел из тюрьмы летом 1934 г., от Веймарской республики уже ничего не осталось. Улицы Берлина пестрели от нацистских свастик. Новые власти без разговоров выдворили советского шпиона в Литву, откуда он перебрался в Россию. Коллеги-разведчики встретили Эдуарда Шейбе без особых почестей, но в беде не оставили — обеспечили работой, взяли на себя оплату номера в гостинице «Новомосковская», находившейся прямо напротив Кремля. Были быстро улажены формальности, связанные с воссоединением семьи.

1 января 1935 г. в Москве праздновали с особым размахом и искренней радостью. Отказавшись от насаждения революционных праздников, власти вновь разрешили ставить и украшать елки. Радости детворы не было предела. Казалось, все трудности сталинского «великого перелома», принесшего с собой голод, репрессии и лишения, уже позади, и жизнь возвращается в обычную колею. Елена Францевна, Рут и Гельмут Шейбе встречали Новый год в поезде Берлин-Москва, который как раз добрался в тот праздничный день до пограничной станции Негорелое. Объятия на Белорусском вокзале, размещение в гостинице, первый выход на Красную площадь, восторги детей, вдоволь наигравшихся в снежки — все это порождало уверенность в том, что семейный корабль наконец-то обрел устойчивость и его благополучию уже ничто не угрожает.

Рут к моменту приезда в Москву окончила гимназию и годовичные курсы машинисток-стенографисток. Миловидной и обходительной девушке повезло — благодаря товарищам отца ее взяли

на работу в идеологическое святилище новой власти — Институт Маркса-Энгельса-Ленина. На карьере без образования и партийности рассчитывать не приходилось, но разве это было главным для хорошенькой кокетки? Социализм социализмом, но гораздо важнее было обрести солидного мужа, поражать подруг новыми нарядами и аксессуарами.

С получением советского гражданства проблем не возникло, а вот собственного жилья семья Шейбе так и не получила. Отец, работавший инженером, с утра до вечера пропадал на заводе, потерявшая здоровье в волнениях и переездах мать была рада, что освобождена от забот по уборке и приготовлению еды. Оплату гостиничного номера — 900 рублей в месяц, огромная по тем временам сумма — принимало на себя руководство предприятий, где работал отец. Стесненные жизненные условия — в номере не помещалось ничего, кроме четырех кроватей и шкафа — больше всего неудобств доставляли выросшим детям, но и для них ситуация не казалась безвыходной.

21 марта 1937 г. в ресторане гостиницы «Новомосковская», гораздо более скромной, чем вознесшийся ныне на ее месте отель «Балчуг-Кемпински», отмечали свадьбу. Невеста, Рут Шейбе, сияла, глядя на жениха. Эрнст Вайсенберг, немецкий еврей, коммунист, прошедший застенки гестапо и нелегально бежавший из Германии, знал, почему фунт лиха. Но его главным достоинством с точки зрения Рут была профессия. Эрнст был стоматологом, а, как выяснилось к тому моменту, зубы продолжали болеть даже в условиях победившего социализма. Будущий муж оказывал врачебную помощь многим руководителям компартии Германии, оказавшимся в Москве. Это обещало не только гарантированный кусок хлеба, но и перспективу карьерного роста. Молодые сняли часть дачи в подмосковной Перловке и были совершенно счастливы. Увы, недолго.

Первыми были арестованы покровители отца, среди них известный разведчик латыш Франц Грот. Беда постучалась в дверь гостиничного номера 119 в ночь на 4 декабря 1937 г. Предъявив ордер на арест, сотрудники НКВД увели Гельмута — молодого человека, которому не исполнилось еще и 19 лет. Простой слесарь, почти не говоривший по-русски, был объявлен рассадником антисоветских настроений — причем даже не на работе, а по месту жительства. В качестве свидетельниц были вызваны гостиничные уборщицы, которых запугали так, что они подписали протоколы допросов, даже не заглянув в них. Гельмуту «повезло» — он получил всего 10 лет и выжил в ГУЛАГе.

Беда не приходит одна. Не прошло и недели, и в тот же гостиничный номер постучали вновь. 9 декабря забрали Эдуарда, который на момент ареста работал старшим конструктором одного из крупнейших предприятий Москвы — Станкозавода имени Орджоникидзе. Неправедное следствие велось по тому же сценарию — никого не интересовало ни революционное прошлое обвиняемого, ни то, что он являлся советским разведчиком и 6 лет провел в «буржуазной тюрьме». Эдуард Шейбе был расстрелян на Бутовском полигоне 11 апреля 1938 г.

Самым тяжелым ударом судьбы для Рут стал арест мужа — за ним пришли 28 февраля 1938 г., когда в столице были практически «исчерпаны» все уроженцы Германии, и людей арестовывали просто за фамилию, звучавшую по-иностранному. Обвинение было готово заранее, дело было лишь за тем, чтобы заставить арестованного подписать протокол допроса. Эрнст, знакомый с методами работы гестапо, сопротивлялся целый месяц. Его самообвинение поместилось на одном листочке, написанном в стиле следователей-недоучек: «Состоя членом актива врачей при Коминтерне, руководителем которого являлся агент немецких разведывательных органов — врач Вольф Лотар, который в 1936 г. вызвав меня к себе, интересовался моей работой в поликлинике и политическими настроениями посетителей. Завербовав меня для шпионской деятельности на территории СССР в пользу Германии, дал мне задание интересоваться политическими настроениями рабочих и вообще посетителей и информировать его, особенно об отрицательных». Каждый, кто был на приеме у стоматолога, знает, как трудно говорить с зубной болью и открытым ртом, а тем более рассказывать об «отрицательных настроениях». Но кого это волновало на Лубянке весной 1938 г.! Эрнст Вайсенберг получил по минимуму — 8 лет за антисоветскую агитацию, и был отправлен на Колыму. У охранников тамошних лагерей, считавшихся самыми страшными в СССР, тоже болели зубы.

Репрессии били не только по тем, кого забирали по ночам, не обращая внимания ни на какие доводы разума. Вокруг родственников и близких арестованных образовывалась невидимая стена — никто не решался к ним подойти и высказать слова сочувствия, молчал телефон, старые друзья писали объяснительные в партийные инстанции, утверждая, что знакомство с «врагом народа» было их роковой ошибкой. После ареста мужа Рут была уволена с престижной работы, а вскоре на ее руках оказалась и больная мать — она уже не имела средств для оплаты гостиничного номера.

Для руководства КПГ, находившегося в Москве, жены репрессированных являлись постоянной головной болью. Они требовали справок о том, где находятся их мужья, просили обеспечить жильем и работой их самих, а пропитанием — их детей. Некоторые из них — неслыханное дело — кончали жизнь самоубийством, бросая тень на счастливую жизнь в стране построенного социализма! На партийном жаргоне это сообщество называлось «осиным гнездом», женщин старались трудоустроить в подмосковные колхозы, убрав поскорее с глаз долой.

Рут и Елена Шейбе не могли рассчитывать даже на такую поддержку — им и в голову не приходило обратиться за помощью в Коминтерн, деградировавший до уровня рядового бюрократического учреждения. Оставалось только рассчитывать на собственные силы, пытаясь устоять перед ударами немилостивой судьбы. Вот выдержка из собственноручных показаний Елены Францевны, вынужденной перебраться к дочери в Перловку: «Хозяин квартиры не хотел нас с дочерью держать у себя, так как у меня двое арестованных. За наем квартиры мы должны были платить большие деньги — которые мы могли получить только от продажи наших вещей. Квартиру мы вынуждены были оставить, искали другую в Томилино. В это время у дочери родился ребенок, который доставил нам еще больше хлопот и нужды. Отец ребенка от моей дочери отказался, и все бремя мы должны были нести одни — никого у нас не было. Между тем дочь заболела и не могла работать. Так нам пришлось продать все вещи. Ребенок умер...»

Мечты о достойной и сытой жизни, о новой Родине, о престижной работе и собственном жилье — все это осталось в прошлом. Две женщины потеряли все дорогое, что у них было. В конце концов Елена Францевна устроилась домработницей в семью номенклатурного работника — за угол для себя и для дочери. Последней ниточкой, связывавшей ее с внешним миром, была мать, бабушка Рут, Мария Хасслингер. Ей написали письмо, и — о чудо! — из Берлина пришел ответ, что бабушка готова принять непутевых родственников в свои объятия.

На дворе стоял август 1940 г. Гитлеровская Германия находилась на вершине своего могущества, и знающие люди в Москве поговаривали о том, что Советский Союз после пакта о ненападении рано или поздно присоединится к державам оси. В этих условиях мать и дочь решились на крайний шаг, последствия которого осознавали даже те, кто лишь едва был знаком с реалиями советской жизни. Они направились в немецкое посольство, чтобы получить паспорта и

уехать в Германию. Рассказ двух женщин об арестованных мужьях, сыне и брате, наверняка вызвал волну сострадания у консульских работников, хотя за последние годы им пришлось выслушать немало подобных историй. Однако порядок для немецкого чиновника был превыше всего. Отправить в Германию семью осужденного там шпиона, да еще и жену еврея-коммуниста — невозможно! Но Рут вновь приходила в посольство, просила и умоляла, плакала и улыбалась. Официальные разговоры в консульстве несколько раз заканчивались приглашением в ресторан. Чтобы уйти от слежки, дипломаты предлагали проверенный ход — встретиться на главном почтамте, где легко было затеряться в толпе. Каково же было удивление ухажера, когда на первое свидание девушка пришла со своей мамой!

Рут Шейбе соглашалась на все — мыла полы на квартирах немецких дипломатов, проводила с ними вечера и выходные. В отсутствие мужа она оформила развод. Не исключено, что она поверила обещаниям кого-то из посольских работников оформить фиктивный брак, чтобы получить германское гражданство — это не было чем-то из ряда вон выходящим. Однако за бегом событий в тот год не мог угнаться ни один смертный. Свидетельство о разводе было датировано шестым июня 1941 г., «чистый» паспорт, с которым можно было зарегистрировать новый брак, выдали только после начала войны. Теперь он оказался уже совершенно бесполезным.

В мае Рут стали просить помочь не только с уборкой квартир, но и с упаковкой вещей — немецким дипломатам было очевидно, что дело идет к войне. Позже это станет ключевым пунктом обвинения простой уборщицы: она «получила сведения о предстоящем нападении Германии на СССР за несколько дней до последнего», но не сообщила об этом органам НКВД. Напиши Рут Шейбе письмо Сталину, или просто пойди на Лубянку — и что же, страна встретила бы грозного врага во всеоружии? Вряд ли, ныне нам известно, что сигналов снизу было предостаточно. Не хватало другого — политической воли руководства принять их всерьез. Сталин до последнего момента требовал не дразнить Гитлера, и все, что не соответствовало этой установке, попадало в мусорную корзину.

Следующим пунктом в трагической биографии двух оставшихся на свободе женщин стала ночь на 12 сентября 1941 г. Органы НКВД проводили операцию по очистке столицы от подозрительных по шпионажу элементов. Брали всех тех, кто имел хотя бы какое-то отношение к Германии. С мужчинами было уже покончено, взялись за женщин. Вначале арестовали мать, дочь отправилась на Лубянку лишь

на следующий день. Начался последний виток в истории немецко-латышской семьи Шейбе.

Рут не пыталась скрыть своих настроений, поэтому в ходе следствия обошлось без вызова свидетелей. Она признала себя немкой и подписалась под следующей фразой: «Германское посольство я посещала в силу своего враждебного отношения к существующему в СССР политическому строю... в частности я была озлоблена обстоятельствами ареста моего отца, брата и мужа». Офицер НКВД, проводивший допрос, настаивал на признании шпионской деятельности: «Просто так встреч граждан СССР с представителями иностранных посольств не бывает. Отвечайте, с какой целью вам назначались явки». Рут до самого конца отрицала обвинения в шпионаже.

В жестких диалогах следователя и обвиняемой пересеклись глобальные конфликты эпохи и личные судьбы, безжалостно растоптанные в ходе разрешения этих конфликтов. Вот выдержка из протокола допроса 24 декабря 1941 г.:

«— Я хотела ехать домой.

— Куда домой?

— В Германию, в город Берлин.

— Из СССР к фашистам?

— Да, но там живет моя бабушка».

Признания Рут попали в дело Елены Францевны, дочь невольной стала главным обвинителем собственной матери. Впрочем, последней было уже все равно — она медленно угасала в тюрьме города Фрунзе, куда эвакуировали политических преступников из московских тюрем. Последние два месяца она провела в тюремной больнице, в деле появилась редкая запись: по состоянию здоровья не может быть допрошена. 10 марта 1942 г. Елены Шейбе не стало, и сотрудник госбезопасности подписал протокол о прекращении следствия по ее делу. В тот день Рут находилась в том же самом городе и в той же самой тюрьме, но вряд ли ей сообщили о кончине матери. Не знала она и о том, что согласно обвинительному заключению ей полагалась высшая мера наказания — смертная казнь. Но Особое совещание по каким-то причинам проявило милосердие и ограничилось заключением в исправительно-трудовой лагерь сроком в 5 лет.

Оказавшись в Северном Казахстане, в печально известном Карлаге, Рут продолжала ждать. Вероятно, она часто вспоминала короткую фразу, брошенную при прощании германским дипломатом: «Ждите...». Она дождалась окончания войны, завершения своего лагерного срока, освобождения от «режима спецпоселения» в 1955 г., и, наконец, — собственной реабилитации. Она сумела найти мужа, с

которым развелась без его ведома — но у того уже была другая семья. Оставаясь латышкой по паспорту, Рут просилась не в Латвию, ставшую частью Советского Союза, а в ГДР. Германия оставалась страной ее беззаботного детства, теплоты бабушкиных рук, улыбок гимназических подруг...

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЖЕРТВЫ НЕМЕЦКОЙ ОПЕРАЦИИ УНКВД В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Имена и фамилии, названия мест рождения исправлены лишь в случае очевидных ошибок при их написании в материалах следственных дел.

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Абрамовский Альфред Фридрихович	1913, Данциг	П-33352	18.03.38	10.10.38	10 лет	
Абрамовский Бруно-Пауль Паулевич	1912, Данциг	П-52194	29.09.37	22.11.39	освобожден	
Абрамовский Фриц Августович	1887, Данциг	П-41281	15.03.38	02.08.38	расстрел	10.08.38
Алин Константин Ефимович	1911, Вильнюс	П-78192	15.12.34	25.04.35	7 лет	
Альбрехт Борис (Бруно) Андреевич	1892, Рига	П-62186	04.08.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Альт Альвин Вильгельмович	1905, Нордхаузен, Германия	П-76762	03.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Альтвейн Бернгард Фридрихович	1883, Гамбург	14060	14.12.37	08.12.38	8 лет	
Альтерман Рихард Фридрихович	1914, Берлин	П-33339	11.02.38	10.10.38	8 лет	
Альтман Ганс	1912, Берлин	28136	26.08.37	29.12.37	высылка	
Арендт Курт Георгиевич	1908, Берлин	П-57549	04.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Арно Арнольд Гартигович	1906, Берлин	П-49659	15.02.38	05.08.38	10 лет	
Асман Август Карлович	1866, Золинген, Германия	13972	18.11.37	26.12.37	5 лет ссылки	
Ауэрбах Гюнтер Максимович	1903, Бреслау, Германия	П-41057	22.03.38	01.06.38	расстрел	16.06.38
Ашмонайд Эрна Петровна	1910, Дюссельдорф	29879	24.06.41	22.09.41	8 лет	
Байес Фриц Фидрихович	1901, Берлин	П-65669	02.08.37	29.12.37	10 лет	
Банд Готфрид Карлович	1887, Лейпциг	П-63362	22.11.37	29.07.38	расстрел	09.08.38
Банд Фриц Готфридович	1910, Лейпциг	14882	11.03.38	02.06.38	8 лет	
Бандельман Марта Дмитриевна	1905, Цангенберг, Германия	П-48083	10.09.41	22.04.42	5 лет	
Бандельман Франц Робертович	1899, Дрезден	П-33570	14.07.38 28.06.41	07.04.39 26.08.42	освобожден расстрел	
Барт Вилли Густавович	1902, Брауншвейг	П-65881	29.01.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Барта Александр Рудольфович	1897, Будапешт	П-44207	14.02.38	22.05.38	расстрел	03.06.38
Бартоломей Рейнвальд Карлович	1904, Шварцвальд, Вюртемберг	П-38864	14.03.38	08.06.38	8 лет	
Бартош Елизавета Леопольдовна	1888, Венгрия	П-51426	23.03.38	21.04.39	освобождена	
Бартошат Эмиль Эмильевич	1887, Германия	П-34146	28.10.38	05.09.39	освобожден	
Басси Эрнст Августович	1906, Найулок, Германия	П-21574	03.12.37	23.04.39	5 лет	
Баум Эрнст Францевич	1912, Берлин	П-29978	10.09.41	13.06.42	5 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Баумерт Вильгельм Фердинандович	1886, Грановка близ Торна, Польша	26384	04.02.38	29.07.38	расстрел	10.08.38
Баур Фред Антонович	1898, Штутгарт	П-38834	13.08.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Бауэр Людвиг Петрович	1918, Германия	П-64863	26.02.38	26.05.38	10 лет	
Бауэр Люци (Кениг Эльза)	1914, Хемниц, Германия	П-51957	20.09.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Бахман Павел Германович	1897, Радебург, Германия	П-72473	28.08.37	01.11.37	расстрел	05.11.37
Беверн Юлия Германовна	1905, Мюнхен	П-24689	10.02.38	14.05.38	5 лет	
Бег Карл Максимилианович	1910, Франкфурт- на-Майне	28137	02.08.37	29.12.37	высылка	
Беймлер Иоганн Гансович	1921, Мюнхен	П-4717	16.03.38	15.05.38	освобожден	
Беккер Анатолий Густавович	1903, Аккерман, Румыния	П-64343	12.05.36	29.05.37	расстрел	31.05.37
Беккер Антон Карлович	1910, Франкфурт- на-Майне	27938	30.07.37	28.11.37	высылка	
Беккер Роберт Карлович (Барницке Макс)	1899, деревня Дройзенхайден, Силезия	П-20486	27.06.41	23.09.42	расстрел	
Бергер Франц Францевич	1900, Галле, Германия	28235	31.07.37	29.12.37	10 лет	
Бергман Петер Германович	1921, Берлин	П-26535	10.09.41	13.06.42	5 лет ссылки	
Бергнер Рихард Вильгельмович	1895, Эрфурт	14493	30.07.37	22.12.37	высылка	
Беррат Андрей Генрихович (Шмидт Герман)	1886, деревня Етшау, Германия	П-55993	05.01.37	08.06.37	5 лет	
Бертрам Курт Адольфович	1905, Лейпциг	П-41225	02.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Бетгер Рудольф Эмильевич	1891, Цейтц, Германия	28459	14.02.38	04.12.39	высылка	
Бетинг Карл Вильгельмович	1894, деревня Бифанг, Рур, Германия	27939	10.09.37	28.11.37	высылка	15.01.39
Бетлинг Вильгельм Вильгельмович	1902, Берлин	28837	04.10.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Бетхер Вальтер Карлович	1911, Берлин	28752	28.08.37	27.12.37	10 лет	
Бидерман Карл Августович	1876, Лодзь	П-47883	12.03.38	24.06.38	8 лет	
Бисмарк Вилли Адольфович	1902, Витшток, Германия	28753	25.03.37	27.12.37	10 лет	
Биттер Вальтер Карлович	1901, Дюссельдорф, Германия	П-72804	14.03.38	02.08.38	расстрел	10.08.38
Бич Вильгельм Петрович	1893, Вальдорф, Германия	28754	30.07.37	27.12.37	10 лет	
Бланк Евгений Юльевич	1898, Москва	26645	06.10.37	23.04.38	8 лет	
Блох Ганс Генрихович (Клейн Арнольд)	1900, Будапешт	П-22720	08.03.38	05.02.40	высылка	
Боден Ганс Густавович (Собботка Густав)	1915, Ванне- Эйкель, Германия	П-22720	05.02.38		умер	22.09.40
Боинский Сильверст Бенцианович	1902, Бук, Позенский округ, Германия	28138	30.07.37	29.12.37	высылка	27.03.38
Бойтлинг Теодор	1898, Одесса	П-22720	30.01.38	07.04.41	8 лет	
Бонзак Эрих Маргинович	1907, Гюстров, Германия	28662	10.09.37	29.12.37	8 лет	
Бонцио Макс Людвигович	1895, Видлинген, Восточная Пруссия	27288	29.07.37	29.12.37	10 лет	
Бонюк Яков Давыдович	1903, Пинск, Россия	П-21575	24.11.37	02.06.38	8 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Борн Генри Павлович	1913, Данциг	30516	30.07.37	10.10.38	8 лет	
Борош Герман Карлович	1916, Гамбург	П-61496	06.10.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Борош Карл Вильгельмович	1892, Гамбург	П-61498	30.07.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Борош Фридрих Карлович	1913, Гамбург	П-61499	20.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Босс Адольф Иосифович	1903, Оффенбург, Германия	17414	13.03.38	08.06.38	8 лет	
Брамфельд Рудольф Рудольфович	1911, Гамбург	П-54124	12.03.38	23.05.38	расстрел	10.06.38
Брандт Рихард Георгиевич	1910, Позен, Германия	П-24982	11.03.38	29.07.38	расстрел	10.09.38
Браун Грета Карловна	1905, Гинденг, Германия	34879	12.09.41	14.11.42	5 лет	
Браух Адольф Вильгельмович	1906, Желона, Польша	28236	17.11.37	29.12.37	10 лет	
Бройниг Рудольф	1900, Гребба, Германия	28139	29.07.37	29.12.37	высылка	18.09.38
Брухгольц Вернер Фридрихович	1908, Берлин	П-27841	10.09.41	16.12.41	освобожден	
Брюн Густав Германович	1898, деревня Говелен, Германия	28755	03.08.37	27.12.37	10 лет	
Будих Вилли Христианович	1899, Котбус	П-22256	19.11.36	22.03.38	расстрел	22.03.38
Бург (Кениг) Альма Калевна	1899, Берлин	49210	02.11.36	01.06.37	10 лет	
Бург (Кениг) Густав Августович	1897, Берлин	49210	06.08.36	29.05.37	расстрел	29.05.37
Буссе Елена Эрнестовна	1909, Золинген, Германия	П-55933	11.09.41	21.11.42	8 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Бутков Исаак Моисеевич (Шуман Ян)	1909, Вильнюс	П-37931	27.09.37	28.08.38	расстрел	02.10.38
Бюрен Карл Карлович	1912, Эльберфельд, Германия	П-50139	04.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Бюрен Карл Робертович	1888, Эльберфельд, Германия	П-36817	28.03.38	17.05.38	расстрел	04.07.38
Вагнер Альфред Альфредович	1898, Итцело, Германия	28237	27.09.37	29.12.37	10 лет	
Вагнер Иван Георгиевич	1901, Гефресс, Бавария	28238	21.11.37	29.12.37	10 лет	
Вайсенберг Эрнст Оттович	1911, г. Лаурахютте, Германия	П-20793	28.02.38	27.07.38	8 лет	
Вайхельд Альфред Эрнстович	1907, Дрезден	28140	30.07.37	29.12.37	высылка	
Вальд Павел Густавович	1895, Берлин	П-65937	16.03.38	17.05.38	расстрел	29.05.38
Вальтер Курт Густавович	1916, Лейпциг	24496	21.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Вальтер Фриц Вальдемарович	1911, Глазхютте, Германия	27949	30.06.37	29.12.37	высылка	
Вассерман Лео Карлович	1905, Гусаков, Галиция, Австро- Венгрия	П-41230	20.02.38	28.08.38	расстрел	02.10.38
Вебер Ганс Германович	1916, Золинген, Германия	38513	25.06.41	12.11.41	расстрел	27.12.41
Вебер Герман Германович	1920, Золинген, Германия	35759	26.06.41	29.09.41	расстрел	
Вебер Герман Людвигович	1908, Пеккинен, Германия	П-62015	15.02.38	28.03.38	10 лет	
Вебер Эльза Берхардовна	1898, Золинген, Германия	35755	25.06.41	24.10.41	расстрел	27.12.41
Вегенер Ганс Германович	1906, Брауншвейг	П-21755	24.06.41	14.02.42	10 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Вейгельт Эрнст Августович	1900, деревня Гросс-Баудис, Нижняя Силезия	П-60727	30.07.37	19.11.37 10.10.38	высылка 3 года	
Вейс (Вендт) Гельмут Маркович	1913, Дрезден	П-23290	21.11.37	29.12.37	10 лет	
Вейс Стефан Стефанович	1906, Москва	15831	12.03.38	02.07.38	8 лет	
Вельзер Иоганн Михайлович	1901, Аугсбург	28694	18.11.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Венде Вилли Рудольфович	1897, деревня Альткерх, Познанский округ, Германия	14908	25.03.38	02.06.38	8 лет	
Вернер Альфред Куртович	1899, Кенигсберг	26034	17.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Вестер Ренатус Карлович	1891, Страсбург	13922	30.11.37	26.12.37	8 лет	
Веттин Отто Карлович	1889, Нойткруг, Германия	П-7338	02.04.38	03.11.39	оправдан	
Визе Отто Августович	1893, Берлин	28075	29.07.37	28.11.37	высылка	17.05.38
Вильке Отто Робертович	1903, Берлин	26032	05.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Вильнер Альберт Эрнстович	1893, Опельн, Германия	П-65023	31.07.37	30.12.37	расстрел	30.12.37
Вильнер Гедвига Павловна	1894, Опельн, Германия	П-23118	26.03.38	17.05.38	5 лет	
Вильнер Герхард Альбертович	1912, Опельн, Германия	14235	31.07.37	28.12.37	высылка	
Вильфюр Вилли Генрихович	1892, деревня Эйксе под Ганновером	29675	29.07.37	17.01.40	3 года	
Виндзберг Павел Моисеевич	1903, Лодзь, Польша	П-75119	16.08.36	10.09.36	5 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Виндт Эрна Детлевна	1907, Альтона, Германия	П-52949	26.02.38	17.08.39	освобождена	
Винклер Альфред Максович	1911, Хемниц, Германия	П-27981	30.06.37	23.12.37	расстрел	08.01.38
Винклер Вилли Рейнгольдович	1899, Берлин	24495	17.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Винценрид Матиас Томасович	1896, Ротвейль, Германия	П-65657	03.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Винценрид Паулина Фридриховна	1897, Ротвейль, Германия	П-65655	18.11.37	02.02.38	5 лет ссылки	
Витт Карл Юлиусович	1889, Берлин	38605	26.07.41	11.09.41	10 лет	
Виттенберг Эрих Германович	1902, Штеттин	П-32590	14.01.38	08.06.38	10 лет	
Войде Альфред Альфредович	1904, Берлин	15894	04.01.38	24.06.38	8 лет	
Воловец Фриц Матвеевич	1901, Марграбово, Германия	П-29696	12.03.38	26.05.38	5 лет	
Вольнер Рудольф Эммануилович	1912, Берлин	П-78206	10.10.36	01.06.37	5 лет	
Вольф Вилли Карлович	1903, Берлин	П-65557	16.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Вольф Лотар Эдуардович	1882, Висбаден, Германия	П-60323	27.11.37	03.10.38	расстрел	04.10.38
Вольф Эрих Максович	1911, Гамбург	П-27107	26.11.37	02.02.38	5 лет	
Вронке Эрих Оскарлович	1901, Альтдамм, Германия	П-23174	03.03.38	10.06.38	10 лет	
Врубель (Вробель) Павел Августович	1894, Виленбург, Германия	27940	29.07.37	28.11.37	высылка	
Вульш Вильгельм Фридрихович	1884, деревня Штикельсдорф, Германия	П-22258	23.06.41	16.08.41	расстрел	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Вюрц Эрх Максимович	1899, Виттенберг, Германия	П-48043	17.03.38	31.05.38	расстрел	23.06.38
Габелин Рольф Францевич	1907, Росвейн, Германия	28831	08.10.37	15.11.37	высылка	02.06.38
Габерль Фриц Михайлович	1911, Мюнхен	П-32950	20.02.38	02.06.38	8 лет	
Габершток Карл Карлович	1906, Висбаден, Германия	П-21670	21.11.37	29.12.37	10 лет	
Гагер Карл Кристианович	1882, Эльгерсбург, Германия	30327	29.07.37	25.04.40	высылка	
Гадроссек Луиза Куртовна	1902, Галле, Германия	П-65924	25.10.37	29.12.37	10 лет	
Гаймерль Антон Иванович	1897, Нюрнберг	20083	28.03.38	15.06.38	8 лет	
Галай Раиса Ивановна	1903, Гамбург	П-32735	10.04.38	08.05.38	5 лет ссылки	
Галле Феликс Альбертович	1884, Берлин	П-72961	05.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Гамбургер Михаил Евгеньевич	1909, Берлин	П-48734	05.09.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Гамм Людвиг Карлович	1906, Цвайбрюккен, Германия	П-64232	21.11.37	29.12.37	10 лет	
Гаммер Теодор Теодорович	1905, Виттенберг, Германия	П-71153	28.03.38	17.05.38	расстрел	31.05.38
Ган Людвиг Людвигович	1877, Рур, Германия	28830	20.09.37	15.11.37	высылка	18.03.38
Ганске Отто Оттович	1894, Берлин	П-52198	02.08.37	28.11.37 23.12.39	высылка освобожден	
Ганэ Валентин Генрихович	1892, Бреслау	П-22720	21.02.38	20.01.40	высылка	
Гарай Доротея Августовна	1899, Эмс, Германия	П-22270	20.01.37	17.04.37	5 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти послед- ственного
Гарер Евгений Людвигович	1910, Штутгарт	П-22128	29.09.37	29.12.37	10 лет	
Гаушильд Альфред Карлович	1910, Ильменау, Германия	П-24745	03.08.37	29.12.37	10 лет	
Гаушильд Гильда Карловна	1904, Лейпциг	29768	21.11.37	18.01.41	8 лет	
Гауштейн Отто Оттович	1886, Аннаберг, Германия	П-5101	05.01.38	10.12.38	освобожден	
Гебель Франц Юзефович	1879, Кобленц, Германия	П-77660	16.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Гебель Яков Георгиевич	1899, Франкфурт- на-Майне	П-23060	22.11.37	02.02.38	8 лет	
Геверт Фрида Фердинандовна	1900, Галле, Германия	28461	11.02.38	04.12.39	высылка	
Гейзлер Франц Альбертович	1897, Берлин	П-61307	12.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Гейне Альберт Альбертович (Хаан Альфред)	1905, Берлин	П-78046	11.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Гейслер Рудольф Артурович	1920, Пениг, Германия	П-21622	23.03.38	26.05.38	10 лет	
Геккер Алиса Юльевна	1913, Нью-Йорк	П-24846	10.09.41	25.07.42	5 лет	
Геккер Вера Юльевна	1922, Потсдам	П-24878	10.09.41	21.11.42	5 лет	
Геккер Вильгельм Фридрихович	1911, Дюссельдорф	П-60601	15.03.38	27.08.40	8 лет	
Геккер Ирма Юльевна	1916, Чикаго	П-24847	10.09.41	29.04.42	5 лет	
Гельвиг (Зингфогель) Карл Оттович	1888, Вюртемберг	28681	23.03.37	30.11.37	расстрел	10.12.37
Гельвиг (Зингфогель) Курт Карлович	1912, Берлин	П-78056	23.03.37	30.11.37	расстрел	10.12.37

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Гельви́г Эрнст Карлович	1898, Эльсниц, Саксония	П-8480	10.02.38	01.12.39	оправдан	
Гельман Ганс Густавович	1903, Вильгельмсхафен, Германия	П-56332	09.03.38	17.03.38	расстрел	29.05.38
Ген Вильгельм Филиппович	1892, Энсхайм, Германия	П-60487	16.03.38	08.06.38	8 лет	
Гендлер Павел Людвигович	1883, Лейпциг	28838	20.11.37	29.12.37	10 лет	
Гензель Отто Вильгельмович	1885, Ашерслебен, Германия	27941	26.09.37	28.11.37	высылка	20.01.38
Гениш Вальтер Конрадович	1906, Дортмунд	П-24638	11.03.38	17.05.38	расстрел	16.06.38
Генчке Вилли Робертович	1910, Берлин	П-24674	08.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Генчке Герберт Райнгольдович	1919, деревня Оберзайферсдорф, Германия	П-4662 П-5619	29.07.37 22.02.38	06.11.37 15.05.38	освобожден освобожден	
Геншке Каролина Иосифовна (Нейер Карола)	1903, Мюнхен	П-61632	25.07.36	16.07.37	10 лет	
Герман Георгий Юзефович	1901, Швандорф, Бавария	П-78032	12.03.38	02.08.38	расстрел	16.08.38
Гермилин Александр Карлович	1900, Дройзен Нейштадт, Восточная Пруссия	П-38361	19.02.38	01.06.38	расстрел	16.06.38
Гертрамф Артур Густавович	1889, Лангенфельс, Нижняя Саксония	22374	30.07.37	10.10.38	5 лет	
Герхарт Эрвин Готлибович	1910, Берлин	15188	21.03.38	08.06.38	8 лет	
Герцог Эрих Максимович	1899, Геснитц, Германия	П-23339	17.03.38	02.06.38	8 лет	
Гершинская Эрика Оттовна	1916, Берлин	32867	11.09.41	06.05.42	5 лет ссылки	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Гессе Пауль Карлович	1877, Гамбург	П-24964	20.11.37	24.12.37	10 лет	
Гефлих Гертруда Георгиевна	1911, Берлин	П-78055	20.06.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Гефлих Карл Антонович	1896, Будапешт	П-78068	22.05.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Гехстер Леонид Максович	1918, Оренбург, Россия	26404	09.02.38	26.05.38	10 лет	
Гехстер Эрнст Максович	1919, Франкфурт- на-Майне	П-32121	04.03.38	24.06.38	8 лет	
Гильде Зигфрид Оскарлович	1905, Штеттин, Германия	28465	19.02.38	13.12.39	высылка	
Гильдебрандт Фриц Фридрихович	1895, Эссен, Германия	28142	30.07.37	29.12.37	высылка	
Гильденбрандт Фриц Эрнстович	1895, Франкфурт- на-Майне	П-60666	30.07.37	22.12.37	высылка	
Гирих (Бонштенгель) Тамара Артуровна	1906, Баку	28829	09.09.37	15.11.37	высылка	09.05.38
Гирхе Герберт Рейнгольдович	1917, Лейпциг	23342	10.09.41	18.11.42	8 лет	
Гирхе Рейнгольд Германович	1888, Лейпциг	П-77994	15.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Гиршман Отто	1883, Гайгенгейм, Германия	27943	03.10.37	28.11.37	высылка	02.02.38
Гисберц Генрих Иоганович	1900, Сухтель, Германия	32392	30.06.41	14.02.42	10 лет	
Глекнер Карл Карлович	1889, Нидеральштадт, Австро-Венгрия	26568	21.03.38	26.10.38	5 лет	
Глобиг Марта Эдуардовна	1901, Киль, Германия	П-21529	30.11.37	28.12.37	10 лет	
Глобиг Фриц Фридрихович	1892, Лейпциг	П-26898	25.11.37	29.12.39	10 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Голланд Вилли Вильгельмович	1918, деревня Альбрехус, Тюрингия	П-51974	04.10.37	29.12.37 27.02.40	8 лет освобожден	
Голланд Роберт Вильгельмович	1916, деревня Альбрехус, Тюрингия	П-52233	04.10.37	29.12.37 27.02.40	10 лет освобожден	
Голланд Фрида Кристиновна	1893, Тюрингия	П-52230	04.10.37	29.12.37 27.02.40	10 лет освобождена	
Гольке Артур Густавович	1886, Данциг	П-23556	13.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Горстман Герман Германович	1893, Оснабрюк, Германия	П-67700	15.02.38	26.05.38	8 лет	
Гофман Вилли Рейнгольдович	1907, Галле, Германия	П-22058	11.09.37	27.12.37	10 лет	
Гра Эрнст Исакович	1891, Золинген, Германия	П-35494	31.08.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Грабнер Густав Веньяминович	1899, Пульфнек, Восточная Пруссия	29837	30.12.40	07.06.41	8 лет	
Гранц Курт Брунович	1906, Хемниц, Германия	П-56331	05.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Граф Эрнст Карлович	1879, Штральзунд, Германия	17343	16.03.38	24.08.38	8 лет	
Греч Альберт Альбертович	1905, Рудоольштадт, Германия	П-60920	08.02.38	20.03.38	расстрел	14.04.38
Гримм Вильгельм Фридрихович	1900, Лик, Германия	П-78589	08.02.38	17.05.38	расстрел	29.05.38
Гримм Густав Фридрихович	1891, Берлин	П-50867	08.02.38	26.05.38	10 лет	
Гропп Вернер Густавович	1918, Рур, Германия	26405	17.03.38	26.05.38	10 лет	
Гропп Эдмунд Фердинандович	1896, Рулла, Германия	П-78415	22.03.37	08.09.37	8 лет	
Гроппер Роберта (Бреннер Паула)	1897, Майнинген, Германия	52672	26.11.37	07.06.41	освобождена	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Гросс Людвиг Иванович	1902, Бавария	28243	25.11.37	29.12.37	10 лет	
Гросс Эмилий Эмильевич	1908, Готмантинген, Германия	П-34492	29.07.37	27.12.37	10 лет	
Грундман Роберт Готлибович	1907, Берлин	13651	10.09.41	10.06.42	5 лет	
Грюнберг Юрий Маркович	1895, Млава, Польша	П-40907	20.09.37	19.10.37	расстрел	21.10.37
Грюнвальд Генрих Генрихович (Гаврилович Хаим Хаимович)	1905, Франкфурт- на-Майне	П-78614	23.03.38	29.07.38	расстрел	13.08.38
Губер Георгий Георгиевич	1896, Вольфратсхаузен, Германия	17474	31.01.38	24.06.38	8 лет	
Губер Франц Францевич (Шварцмюллер Франц-Ксавье)	1910, Мюнхен	П-29790	11.09.41	13.06.42	5 лет	
Гумбель Зигфрид Густавович	1902, Берлин	П-8475	15.02.38	11.03.40	освобожден	
Гусс Рудольф Рудольфович	1903, Гейдельберг, Германия	П-24755	29.07.37	02.02.38	10 лет	
Гут Альфонс Иванович	1878, Шнейдемюль, Германия	П-34547	14.06.40	14.09.40	7 лет	
Гут Бернгард Альфонсович	1916, Берлин	П-44849	02.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Гут Иоганн Альфонсович	1908, Берлин	П-44928	03.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Гут Пауль Альфонсович	1913, Берлин	П-47569	29.01.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Гюбнер Эрика Артуровна	1915, Кенцлер, Германия	23689	09.02.38	нет	высылка	до 15.03.39
Гюнтер Маргарита Павловна	1913, Берлин	П-34147	13.02.38	17.06.39	освобождена	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Гюфтнер Фриц Эрнстович	1909, Эрфурт	27945	19.09.37	28.11.37	высылка	21.08.38
Давид Пауль Генрихович	1908, Бардо, Восточная Пруссия	П-34265	27.11.37	19.11.39	освобожден	
Дамериус Гельмут Рихардович	1905, Берлин	П-20440	17.03.38	28.09.38	8 лет	
Даниэль Рихард Францевич	1891, Штутгарт	П-29615	21.02.38	08.06.38	8 лет	
Де-Граф Джонни (Иоганн) Джонович (Иоганович)	1920, Ален, Германия	П-4665 19982	11.01.38 11.09.41	14.05.38 31.10.41	освобожден 8 лет	
Деккер Фриц Иосифович	1898, Бремен	28245	23.11.37	29.12.37	10 лет	
Де-Ля-Круа Эрих Евгеньевич	1889, Берлин	28677	30.07.37	30.11.37	расстрел	09.12.37
Деринг Артур Максович	1902, Майлиц, Тюрингия	35453	11.09.41	31.03.43	8 лет	
Деринг Карл Вильгельмович	1894, Грайц, Германия	П-22129	26.11.37	29.12.37	10 лет	
Детнер Фриц Фридрихович	1905, Кассель, Германия	28181	02.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Дирр Герта Герхардовна	1899, Бремен	П-29222	30.04.39	05.01.40	5 лет	
Дитрих Альма Густавовна	1875, Дрезден	П-55218	10.09.41	29.04.42	5 лет ссылки	
Дитрих Роберт Францевич	1868, Росвейн, Саксония	14637	29.11.37	14.05.38	8 лет	
Дитрих Франц Фридрихович	1893, Раковник- Гольден, Восточная Пруссия	П-50209	15.03.37	02.07.37	5 лет	
Диттбендер Вальтер Карлович	1891, Штеттин	49094	31.03.38	02.03.39	расстрел	02.03.39

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Дольский (Дальске) Альфонс Эдуардович	1909, Берлин	П-48725	02.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Домбровская Дора Иосифовна	1905, Берлин	П-31573	12.09.41	29.07.42	5 лет	
Домке Вальтер Петрович	1901, Берлин	П-43389	15.02.38	03.10.38	расстрел	03.10.38
Драх Ганс Эдуард Фрицевич	1914, Женева	49213	26.12.36	16.07.37 09.01.40	10 лет высылка	
Дункер Вольфганг Германович	1909, Штутгарт	17382	23.03.38	08.06.38	8 лет	
Егер Иосиф Христофорович	1899, Фюрт, Германия	9447	15.08.34	02.12.34	5 лет	
Ергес Пауль Августович	1898, Фогельсмюль, Германия	14670	08.03.38	08.06.38	8 лет	
Замтлебен Герман Карлович	1886, Роппен, Германия	П-27410	09.09.41	31.10.42	расстрел	
Занднер Отто Оттович (Ахтер Альфред)	1911, Вернитц- Грюн, Германия	П-78387	21.04.37	14.09.37	8 лет	
Зауэр Фриц Адольфович	1904, Чеперфельд, Германия	П-41224	11.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Зацгер Магнус Мartiнович	1902, Унтеррамминген, Бавария	П-14873 П-57210	18.03.38 11.09.41	09.12.39 31.10.42	освобожден 8 лет	
Зевтц Эрих Густавович	1913 Гельзенкирхен, Германия	28053	09.09.37	28.11.37	высылка	27.11.38
Зегнер Альфред Фридрихович	1902, Раштат, Германия	П-58368	18.11.37	03.10.38	расстрел	03.10.38
Зеегольцер Николай Николаевич	1908, Фрейзинг, Бавария	26387	28.02.38	17.05.38	расстрел	29.05.38
Зейдевиц Фридолин Максович	1919, Лейпциг	П-65921	08.03.38	23.04.39	8 лет	
Зейдевиц Хорст Максович	1915, Миллау, Германия	П-65886	17.02.38	10.10.38	10 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Зейферт Курт Альбертович	1920, Лейпциг	29902	24.06.41	27.09.41	8 лет	
Зелигман Михаил Беркович	1894, Бржезины, Польша	25703	04.09.37	06.10.37	расстрел	03.11.37
Зельбигер Иосиф Бениаминович	1910, Дуйсбург, Германия	П-22720	12.03.38	07.04.41	5 лет	
Зенглауб Рудольф Карлович	1911, Эльгерсбург, Германия	П-57756	04.03.38	17.05.38	расстрел	29.05.38
Зибенайхер Фридрих Павлович	1905, Фолькерсдорф, Германия	П-62945	24.11.37	02.02.38 29.05.39	высылка 8 лет	
Зиблер Герман Фрицевич	1901, Доротендорф, Германия	П-22349	14.02.38	23.04.39	8 лет	
Зиг Отто-Карл Генрихович	1905, Берлин	14539	17.02.38	08.06.38	8 лет	
Зильберман Курт Людвигович	1911, Берлин	29252	10.02.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Зингфогель Анна	1890, Берлин- Шарлоттенбург	28484	08.09.37	04.12.39	высылка	12.12.39
Зитзамштейн Макс Иоганович	1903, Вальзум, Рейнланд, Германия	27954	27.08.37	28.11.37	высылка	
Зоргац Альфред Генрихович	1891, Берлин	П-50170	11.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Зубклеве Фридрих Карлович	1911, Гамбург	28177	29.07.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Зурке Рихард Рейнгольдович	1899, Линден, Германия	24292	11.03.38	10.10.38	расстрел	19.10.38
Иохимс Генрих Яковлевич	1908, Рейдт, Германия	28012	20.11.37	24.01.38	расстрел	14.03.38
Кадеман Гельмут Макс	1914, Малич, Саксония	28246	30.11.37	29.12.37	10 лет	
Калиш Фриц Бернардович	1900, Йена, Германия	20211	17.02.38	15.06.38	8 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Канн Карл-Генрих Рихардович	1915, Маннгейм, Германия	27282	29.07.37	29.12.37	высылка	
Кантор Соломон Яковлевич	1894, Плонск, Польша	28248	04.11.37	29.12.37	10 лет	
Кан-Хуг Эдгард Данилович	1906, Гота, Германия	П-20811	18.11.37	29.12.37	10 лет	
Карлинский Макс Калманович	1913, Кенигсберг	П-26011	16.03.38	02.06.38	8 лет	
Карнац Иоганн Фридрих Иоганович	1907, Гамбург,	П-62017	25.09.37	29.12.37	10 лет	
Кауфман Георг Максимович	1899, Штеттин	П-46582	04.04.37	23.05.38	расстрел	01.07.38
Кауфман Франц Иоганович	1902, Лауэнбург, Германия	28004	22.11.37	02.02.38	10 лет	
Кауфман Фридрих Фридрихович	1906, Франкфурт- на-Майне	28143	30.07.37	29.12.37	высылка	17.03.38
Кац Сергей Александрович	1905, Дрезден	П-40741	20.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Кемпер Макс Бернгардович	1903, Саарбург, Германия	П-65670	25.06.41	25.04.42	8 лет	
Кензи Альфред Августович	1905, Гельзенкирхен, Германия	28176	20.06.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Кениг Гельмут Рихардович	1919, Берлин	П-59273	23.02.38	27.07.38	8 лет	
Кениг Рихард Германович	1883, Берлин	П-58718	11.09.41	05.01.42	10 лет	
Керков Вильгельм	1895, Креммен, Германия	28737	27.08.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Керн Георгий Георгиевич	1898, Вайсенфельз ан дер Заале	28758	17.06.37	27.12.37	10 лет	
Керхер Фридрих Альфредович	1887, Берлин	24731	16.03.38	02.08.38	расстрел	16.08.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти послед- ственного
Кетнер Отто Вильгельмович	1892, Бранденбург	29263	08.02.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Кизеветтер Пауль Францевич	1895 Веллисфурт, Силезия	29699	27.11.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Кислинг Карл Оттович	1906, Лейпциг	П-55991	28.04.37	02.07.37	5 лет	
Киш Маргарита Германовна	1904, Берлин	П-61513	11.02.38	26.05.38	8 лет	
Киш Фриц Фрицевич	1897, Пупен, Германия	25239	14.03.38	20.10.38	5 лет	
Класс Вильгельм Августович	1905, Лейпциг	П-39069	02.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Клеге Эльфрида Оттовна	1904, Берлин	П-49832	23.02.38	08.06.38	10 лет	
Клейн Альберт Альбертович	1922, Штутгарт	34716	11.09.41	04.11.42	10 лет	
Клейн Карл Карлович	1908, Познань	34424	23.06.41	22.08.42	10 лет	
Клейст (Керфф) Вилли Каспарович	1896, Аахен, Германия	П-7010	23.03.38	27.08.39	освобожден	
Клеппер Юлиус Иоганович	1897, Кельн	П-5699	24.03.38	07.04.38	освобожден	
Клингбайль Бернад Бернардович	1913, Берлин	15132	18.03.38	26.05.38	8 лет	
Кнауэ Ганс Мартинович	1916, Галле	П-72808	18.11.37	29.12.37	10 лет	
Кнауэ Мартин Эмильевич	1889, Дрезден	17412	08.03.38	08.06.38	8 лет	
Книпшильд Маргарита Генриховна	1922, Берлин	П-37930	12.09.41	22.04.42	8 лет	
Кнопф Карл Карлович	1913, Кведлинбург, Германия	28144	29.07.37	29.12.37	высылка	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Кнот-Андер Ганс Вильгельмович	1900, Эссен Германия	П-22720	21.02.38	07.04.41	8 лет	
Коварский Михаил Альбрехтович	1909, Берлин	26017	16.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Койтц Курт Павлович	1899, Засслебен, Германия	П-77353	14.02.37	10.10.37 27.04.40	10 лет высылка	
Койферт Франц Августович	1889, дер. Брандпенен, Восточная Пруссия	30927	23.06.41	16.12.41	10 лет	
Кок Макс Рудольфович	1903, Киль, Германия	28700	05.12.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Кольбе (Далле) Эрна Генриховна	1904, Берлин	П-20755	09.09.37	27.12.37	10 лет	
Кольбе-Шлютер Эрнст Фридрихович	1905, Берлин	П-25699	25.11.37	29.12.37	10 лет	
Кольпеницкий Салли Германович	1902, Кенигсберг	28175	02.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Констант Эрих Карлович	1902, Сталупенен, Германия	П-61126	05.06.36	07.10.36	расстрел	25.10.36
Кочмарский Иосиф Станиславович	1883, деревня Рудники, Позенский округ, Германия	П-52075	04.02.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Крамер Курт Рихардович	1901, Йена, Германия	28231	28.08.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Кратц Курт	1897, Пайне, Германия	28054	01.09.37	неизв.	высылка	21.08.38
Краузе Отто Карлович	1899, Кенигсберг	П-10352	10.09.41		умер	11.02.42
Крафт Альфред Фридрихович	1895, Берлин	28738	14.08.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Крафт Антония Павловна	1891, Данциг	П-56616	31.08.41	08.09.43	5 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Круппа Гуго Иосифович	1899, Реклингхаузен, Рур, Германия	П-26844	18.11.37	29.12.37	10 лет	
Крушвиц Ионий Мартынович	1909, Гамбург	П-59246	12.03.38	23.05.38	расстрел	10.06.38
Крюгер Карл Августович	1894, Торн, Германия	28013	03.08.37	00.02.38	высылка	
Крюгер Лотар Максимович	1895, Галле	27998	25.11.37	26.07.39	5 лет	
Крюцнер Фридрих Стефанович	1907, Эссен, Германия	28145	20.08.37	29.12.37	высылка	
Кульман Вильям Фридрихович	1903, Бремен	28701	04.11.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Кульман Эльза Христиановна	1908, Штуттгарт	28701	21.11.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Кульмс Ганс Евгеньевич	1913, Женева	28739	14.03.38	17.05.38	расстрел	29.05.38
Кульц Георг Карлович	1882, Ганновер	26392	14.03.38	17.05.38	расстрел	29.05.38
Кушнерайт Альберт	1882, дер. Лаблак под Кенигсбергом	П-52943	28.08.37	23.11.39	освобожден	
Кюн Макс Юлиусович	1904, Лаухникен, Германия	П-32899	04.02.38	02.08.38	расстрел	16.08.38
Кюне Вилли Вильгельмович	1909, Берлин	П-57752	02.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Кюнцель Вальтер Августович	1894 Хиршбах, Саксония	17438	02.02.38	02.07.38	8 лет	
Кюршнер Альфред Оскарлович	1894, Дрезден	П-10370	10.09.41		умер	23.02.42
Лабш Иосиф Петрович	1903, Опельн, Германия	24616	12.03.38	29.07.38	расстрел	13.08.38
Лакс Ганс Жак	1914, Берлин	28055	30.09.37	28.11.37	высылка	20.01.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти послед- ственного
Лампартер Альберт Яковлевич	1895 Карс, Турция	П-36238	16.02.38	14.05.38	расстрел	28.05.38
Лампартер Магдалина Оттовна	1900, Кельн	П-46740	11.09.41	29.08.42	5 лет	
Ланг Евгений Ксаферович	1910, Оберндорф, Германия	27608	09.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Ланг Феликс Ксаферович	1909, Оберндорф, Германия	27607	09.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Ланге Линна Готлибовна	1904, Волокебиш, Германия	П-32972	10.09.41	14.04.42	10 лет	
Лангер Маргарита Вильгельмовна	1903, Берлин	П-32972	10.09.41	14.11.42	10 лет	
Ландбек Петр Павлович	1910, Гамбург	28463	17.03.38	13.12.39	высылка	
Ланен Фриц Фридрихович	1904, Кенигсберг	28740	10.09.37	30.11.37	расстрел	19.12.37
Ласс Отто Августович	1901, Эльбинг, Германия	П-73311	16.12.37	30.12.37	расстрел	02.01.38
Левенштейн Гарри Ральф Рудольфович	1918, Николаев, Россия	П-72178	11.09.41	02.04.43	5 лет	
Леви Альфред Зигфридович	1885, Гамбург	24478	11.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Левин Макс Людвигович	1885, Москва	П-64361	10.12.36	16.06.37	расстрел	17.06.37
Лейбехер Эмма Фердинандовна	1894, Гераберг, Германия	П-20343	01.09.37	02.10.37	8 лет	
Лейбехер Эрна Эристовна	1919, Гераберг, Германия	П-23002	03.09.37	26.10.37	5 лет	
Лейбехер Эрнст Августович	1891, Гераберг, Германия	П-23392	20.02.37	01.08.37	расстрел	01.08.37
Лейстнер Пауль Вильям Антонович	1875 г. Цвиккау, Германия	14053	29.08.37	08.01.38	5 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Леов Ганс Вильгельмович	1907, Бранденбург	П-33225	10.09.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Лефлат Карл Готлибович	1908, Гамбург	П-38789	16.02.38	27.03.38	расстрел	07.04.38
Либкнехт Курт Оттович	1905, Франкфурт- на-Майне	П-7291	15.03.38	31.08.39	оправдан	
Линде Елизавета Оскарвна	1906, Берлин	П-47955	07.09.36	27.01.37	5 лет	
Линке Эмиль	1901, Апольда, Германия	27497	23.03.38	29.07.38	расстрел	16.08.38
Линне Ганс Павлович	1906, Берлин	28828	03.08.37	15.11.37	высылка	
Линник Гертруда Рудольфовна	1901, Хемниц, Германия	П-24911	05.09.41	22.04.42	5 лет	
Липшиц Павел Абрамович	1902, Друскеники, Польша	П-61126	29.08.36	07.10.36	расстрел	08.10.36
Лиссауэр Рейнгольд	1913, Кенигсберг	24476	11.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Лоршейдт Кэти Лоренцовна	1910, Тройсдорф, Германия	П-41041	08.12.37	02.02.38	8 лет	
Лощат Курт Карлович	1911, Кенигсберг	28146	16.09.37	29.12.37	высылка	18.09.38
Лубс Вильгельм Вильгельмович	1902, Берлин	П-60498	29.07.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Лутц Отмар Отмарович	1914, Мюнхен	П-4661	16.02.38	15.05.38	освобожден	
Людеман Макс Оттович	1906, Берлин	П-31814	07.02.38	27.03.38	расстрел	07.04.38
Лютгенс Луиза Альфредовна	1902, Майсен, Германия	32763	10.09.41	22.04.42	8 лет	
Лютер Эрих Рихардович	1903, Дюссельдорф	П-32551	29.07.37	02.02.38	10 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Магдалена Макс Максович	1917, Зинген, Германия	П-4718 13678	12.03.38 12.09.41	15.05.38 10.07.42	освобожден 5 лет	
Майзель Карл Генрихович	1891, Эссен, Германия	П-56275	18.09.41		умер	18.08.42
Маковская Шарлотта Августовна	1892, Берлин	П-44797	11.09.41	13.01.43	10 лет	
Манке Отто Густавович	1893, Берлин	П-33018	25.06.41	14.02.42	10 лет	
Манске Альберт Альбертович	1896, Берлин	28826	20.09.37	15.11.37	высылка	13.01.38
Марбель Конрад Эрнстович	1897, Ашерслебен, Германия	П-32654	26.08.37	02.02.38	10 лет	
Маргис Рудольф	1884, Пархау, Германия	П-64343	04.11.36	31.05.37	расстрел	31.05.37
Маргис Рудольф Рудольфович	1917, Бохум, Германия	28165	10.09.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Маркузе Владимир Максимович	1895, Москва	27950	03.08.37	29.12.37	высылка	18.05.38
Маркусон Гильда Георгиевна	1910, Берлин	П-37932	22.03.38	22.03.40	освобождена	
Маркусон Эрвин Зигфридович	1899, Берлин	П-37933	22.03.38	22.03.40	освобожден	
Мартенс Генрих Петрович	1910, Фленсбург, Германия	15200	20.03.38	08.06.38	8 лет	
Мартин Мария Дмитриевна	1903, Лейпциг	П-47252	14.03.38	26.05.38	5 лет ссылки	
Масман Вальтер Карлович	1888, Зегеберг, Германия	24474	21.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Масман-Матцке Эрна Павловна	1910, Ферстенберг, Германия	П-29241	25.06.41	03.01.42	15 лет	
Мейер (Майер) Вилли Эрнстович	1908, Ганновер	28759	29.08.37	27.12.37 30.12.40	10 лет высылка	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Мейер (Майер) Гертруда	1898, Кельн	П-35226	21.11.37	08.01.38	высылка	
Мейер Курт Фридрихович	1888, Кельн	П-35227	26.11.36	20.06.37	8 лет	
Мейер Эрнст Эрнстович	1903, Гильдесхайм, Германия	28164	29.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Мейснер Пауль Германович	1903, Фрайталь, Германия	П-54699	05.02.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Менгель Маргарита Ивановна	1901, Дюссельдорф	П-59362	14.02.38	29.07.38	расстрел	20.08.38
Менкес Маврикий Бернардович	1893, Чесань, Польша	24472	16.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Менцель Роберт Густавович	1888, Берлин	П-63479	11.02.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Мерингер Карл Рихардович	1882, Альтдорф, Германия	26324	12.03.38	31.05.38	расстрел	14.06.38
Мессершмидт Вальтер Карлович	1902, Берлин	14225	30.07.37	16.03.38	8 лет	
Меттер Герман Яковлевич	1884, Вяло, Польша	П-52235	21.11.37	29.12.37	10 лет	
Мецгер Арнольд Леонович	1892, Перемышль, Австро-Венгрия	П-41495	16.02.38	29.07.38	расстрел	16.08.38
Меч Эмилия Фердинандовна	1901, Генриххайм, Германия	П-22128	29.09.37	29.12.37	10 лет	
Милевский Эмиль Иоганович	1904, Нейденбург, Германия	П-63248	12.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Минцер Александр (Самуил) Львович	1888, Харьков, Россия	П-65027	09.11.36	02.07.37	8 лет	
Мозер Герхард Феликсович	1908, Берлин	П-7252	05.01.38		умер	27.07.39
Моравиц Эрн Вильгельмовна	1910, Бреслау, Германия	32870	19.09.41	02.05.42	5 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Моргнер Эрвин Альбинович	1884, Берлин	П-58724	11.09.41	16.12.42	5 лет	
Мориц-Гримм Ганс Карлович	1895, Берлин	П-7653	08.03.38	10.12.39	освобожден	
Моршадт Эрих Фридрихович	1903, Вальдорф, Германия	28057	28.08.37	28.11.37	высылка	12.12.38
Мундт Гайн Вильгельмович	1912, Гамельн, Германия	29222	11.02.38	23.02.38	расстрел	07.04.38
Мундт Рудольф Рудольфович	1888, Тойдорф под Гамбургом	28058	30.07.37	28.11.37	высылка	
Мюллер Август Германович	1880, Берлин	15830	17.02.38	02.07.38	8 лет	
Мюллер Герман	1904, Мюльгейм, Германия	27953	02.08.37	28.11.37	высылка	
Мюллер Герман Георгиевич	1902, Эльгерсбург, Германия	П-56127	30.07.37	28.11.37	высылка	18.01.38
Мюллер Густав Эрнстович	1891 Жгерш, Польша	П-63132	20.02.37	20.06.37	расстрел	21.06.37
Мюллер Отто Георгиевич	1887, Эльгерсбург, Германия	П-56127	30.07.37	28.11.37	высылка	18.01.38
Мюллер Пауль Карлович	1909, Рустринген, Германия	П-48538	16.02.38	27.03.38	расстрел	07.04.38
Мюллер-Брюкман Альберт Оттович	1903, Берлин	П-22720	29.06.38	07.04.41	8 лет	
Мюльберг Рудольф Густавович	1898, Берлин	П-40522	27.08.37	29.12.37	10 лет	
Мюльберг Фридрих Германович	1893, Кведлингбург, Германия	28147	29.07.37	29.12.37	высылка	12.02.39
Мюндель Пауль Оттович	1909, Галле	П-41191	11.09.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Мюнци Георг Альбертович	1905, Берлин	П-32780	19.09.37	29.12.37	10 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Найэ Карл Карлович	1884, Берлин	П-44927	19.11.37	29.12.37	10 лет	
Народницкая Елизавета Ивановна	1895, Германия	П-44753	31.05.38	04.08.38	5 лет	
Нейлицц Эрих	1902, Гроссмилдиц, Германия	П-67858	28.02.38	29.04.39	8 лет	
Нейман Карл Натанович	1919, Берлин	П-21686	21.03.38	24.06.38	8 лет	
Нейман Натан Абрамович	1897, Варшава	П-31489	05.08.37	01.11.37	расстрел	05.11.37
Нейман Фаина Натановна	1923, Берлин	П-22111	27.09.40	30.12.40	5 лет	
Нейман Эрих Карлович	1910, Лейпциг	П-64868	11.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Нейшефер Курт Дмитриевич	1906, Цангенберг, Германия	П-56324	26.02.38	15.06.38	8 лет	
Немировская Марта Максовна	1901, Грец, Германия	28841	19.11.37	29.12.37	10 лет	
Немировский Соломон Абрамович	1894 Елизаветград, Россия	П-20061	19.11.37	29.12.37	10 лет	
Неринг Альберт Бертольдovich	1898, Айзенах, Германия	П-21229	19.11.37	29.12.37	10 лет	
Нерих Гельмут Павлович	1903, Волау, Германия	29221	08.03.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Нидеркирхнер Павел Михайлович	1907, Берлин	24289	14.01.38	10.10.38	расстрел	19.10.38
Никитенко (Пухнер) Отто Августович	1913 Ольстенбург (Ортельсбург), Германия	14696	11.03.38	02.06.38	8 лет	
Нитцель Мина Фридриховна	1896, деревня Ротлейгерода, Саксония	32648	13.02.42	07.04.42	10 лет	
Ноак Курт Куртович	1906, Берлин	П-60108	12.03.38	29.07.38	расстрел	13.08.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Ольбрихт Рольф Эрнестович	1900, Лейпциг	28162	29.07.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Оссовски Маргарита Вильгельмовна	1906, Берлин	П-26221	25.06.41	27.09.41	8 лет	
Отнер Герман Карлович	1908, Брауншвейг, Германия	П-71482	20.03.38	08.06.38	8 лет	
Оттиллингер Гуго Людвигович	1885, Утцингер, Германия	24464	14.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Отто Кэти Степановна	1910, Гартмансдорф, Германия	32828	10.09.41	02.05.42	5 лет	
Ошинский Эрих Павлович	1912, Берлин	П-54680	02.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Пауль Герман Карлович	1889, Карбиц, Чехословакия	П-31942	09.02.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Пашке Рихард Августович	1901, Берлин	П-40908	17.02.38	27.03.38	расстрел	07.04.38
Пеце Карл Рудольфович	1900, Эйслебен, Германия	25693	08.04.38	даты нет	расстрел	08.06.38
Пезелер Макс Густавович	1906, Зоненбург, Германия	24288	10.08.37	10.10.38	расстрел	19.10.38
Пельц Рихард Брунович	1907, Берлин	П-33244	14.10.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Пельцер Матильда Самиуиловна	1889, Польша	28670	20.08.37	29.12.37	10 лет	
Перфанов Железко Дмитриевич	1898, София	30156	02.08.37	28.11.37	высылка	
Петерман Вернер Германович	1906, Берлин	П-38379	27.03.38	23.12.40	5 лет	
Петерман Эрна Францевна	1904, Берлин	П-22314	27.03.38	23.12.40	5 лет	
Петерсен Ганс	1909, Киль, Германия	П-72049	23.03.38	29.11.38	высылка	07.12.39

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти послед- ственного
Петерсон Вальтер Карлович	1905, Мерс, Германия	14278	15.11.37	02.02.38	высылка	
Петтер Маргарита Генриховна	1906, Пфримсдорф, Германия	П-36045	17.07.37	27.12.37	10 лет	
Пеша Вальтер Францевич	1918, Гейдельберг, Германия	П-55911	17.02.38	26.05.38	10 лет	
Пеша Фридрих Францевич	1913, Герлиц, Германия	П-43376	18.04.36	04.08.36	3 года	
Поллак Фриц Максович (Вермер Рихард)	1887, Лейпциг	П-28744	27.01.38	14.05.39	5 лет	
Поллачек Вернер Оттович	1906, Берлин	28060	17.08.37	17.11.37	высылка	
Поль Фриц Бернгардович	1903, Берлин	24445	16.02.38	05.08.38	10 лет	
Пор Нандор Бейлович	1898, Секешфехервар, Венгрия	24462	22.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Превальд Эльза Густавовна	1902, Берлин	28672	14.11.37	29.12.37	10 лет	
Принц-Фюрст Карл Оттович	1897, Берлин	П-32674	22.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Притвиц Мария Леонардовна	1898, Берлин	26398	08.02.38	17.05.38	расстрел	29.05.38
Пфау Вильгельм Фридрихович	1902, Гумбинен, Германия	П-67848	15.09.37	29.12.37	10 лет	
Пфейфер Карл Карлович	1909, Йена, Германия	28010	06.11.37	24.01.38	расстрел	03.04.38
Рабэ Вилли Иоганович	1905, Ютеборг, Германия	П-54430	04.03.38	08.04.39	3 года	
Раутенберг Луи Абрамович	1901, Гайльсберг, Германия	П-22169	22.03.38	26.05.38	8 лет	
Ребель Якоб Яковович	1892, Оффенбах, Германия	14833	29.07.37	17.05.38	5 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Рейбер Ида Фридриховна	1903, Берлин	П-28967	10.09.41	08.09.43	8 лет	
Рейзе Вернер Фридрихович	1912, Гамбург	П-29294	05.03.38	02.07.38	8 лет	
Рейзе Фридрих Христианович	1871, Гамбург	П-44754	20.11.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Рейнгольд Вальтер Фридрихович	1911, Эссlingen, Германия	28149	14.05.37	29.12.37	высылка	22.02.38
Рейтер Вальтер Павлович	1914, Берлин	П-57753	20.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Рейтер Павел Вильгельмович	1897, Эрфурт, Германия	17392	25.03.38	08.06.38	8 лет	
Рейтер Хорст Павлович	1915, Эрфурт, Германия	П-41508	21.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Рейхельт Альфред Павлович	1908, Шмитберг, Германия	П-45546	04.02.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Реперт Гарри Эдуардович	1917, Москва	28061	31.08.37	28.11.37	высылка	
Репке Карл Августович	1882, Штаргард, Германия	П-32549	09.02.38	02.07.38	8 лет	
Рерс Вилли Льюис	1897, Гамбург	25281	07.01.38	29.04.39	5 лет	
Рефельдт Вальтер Максович	1910, Гамбург	30101	28.01.38	03.05.40	8 лет	
Рецлаф Шарлотта (Ласс Вильгельмина)	1901, Гамбург	П-70234	26.11.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Реш Карл Карлович	1904, Штутгарт	П-78704	14.04.36	22.06.36	5 лет	
Ригутини Эрнесто Сильвиович	1898, Франкфурт- на-Майне	29220	17.01.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Ридель Ганс	1909, Ганновер	П-22759	11.09.37	27.12.37	10 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Рингман Вальтер Густавович	1899, Бранденбург	28745	22.09.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Риньковский Курт Куртович	1911, Бремен	П-72766	08.02.38	20.02.38	расстрел	05.04.38
Риппергер Эвальд Фердинандович	1902, Альбрехт, Германия	П-5530 П-41507	23.02.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Рис Адольф Адольфович	1902, Лодзь	П-39069	03.02.38	22.02.38	10 лет	
Рис Роберт Адольфович	1903, Лодзь	П-39069	27.01.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Ритдорф Отто Эрнестович	1905, Берлин	28462	14.03.38	13.12.39	высылка	
Рихтер Бернанд Робертович	1882, Вурцен, Саксония	24709	16.02.38	02.08.38	расстрел	10.08.38
Рицман Пауль Карлович	1901, Эссен, Германия	П-32141	19.11.37	29.12.37	10 лет	
Рогозинский Хиль Юзефович	1896, Берлин	25420	16.03.38	29.05.39	8 лет	
Родэ Альфред Вильгельмович (Маркер Вильгельм)	1899, Айсфельд, Германия	28746	02.08.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Родэ Эльза Германовна	1898, Берлин	38669	06.09.41		умерла	03.03.42
Розенбаум Арнольд Львович	1902, Берлин	28823	01.08.37	15.11.37	высылка	15.05.38
Розенбаум Екатерина Гавриловна	1899, Москва	28824	30.07.37	15.11.37	высылка	
Розенбаум Кэти Юльевна	1881, Берлин	28460	27.09.37	04.12.39	высылка	
Розенберг Рейнгард Максимович	1912, Берлин	П-63282	11.09.41	30.01.43	5 лет	
Розенберг Цилина Шимановна	1895 Млава, Польша	П-21988	01.11.37	22.12.37	10 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Розенталь Лео Иосифович	1908, Гамм, Германия	П-64802	23.03.38	02.08.38	расстрел	16.08.38
Розе-Розенке Вальтер Эдуардович	1902, Берлин	П-22720	17.03.38	07.04.41	8 лет	
Ройгер Альберт Генрихович	1903, Отенберг, Германия	28226	25.11.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Ройтш Альфред Георгиевич	1897, Берлин	14918	22.03.38	02.06.38	8 лет	
Рокштро Вольдемар Паулевич	1883, Плечен, Германия	51717	30.07.37	16.04.38	высылка	
Роландт Ганс Леович	1906, Тильзит, Германия	П-40582	23.02.38	27.07.38	8 лет	
Ротер Ганс Гансович	1905, деревня Бодельвиц, Германия	П-51424	21.03.38	08.05.38 26.12.39	высылка освобожден	
Ротгер Федор Теодорович	1891, Вена	П-71118	14.11.37	15.04.39	8 лет	
Ротцейг Бронек Нафталович	1902, Варшава	П-35492	01.02.38	17.05.38	расстрел	16.06.38
Ротцейг Эрика Густавовна	1893, Лейпциг	П-35490	20.02.38	02.06.38	5 лет	
Рубенс Иозеф	1900, Гельзенкирхен, Германия	П-52939	23.03.38	26.11.39	оправдан	
Рубинштейн Фриц Яковлевич	1905, Аугсбург, Германия	28822	29.07.37	15.11.37	высылка	
Руге Вальтер Эрвинович	1915, Берлин	П-23762	28.06.41	31.01.42	10 лет	
Рудольф Вальтер Эрнстович	1912, Берлин	П-54688	26.02.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Рунге Пауль Карлович	1905, Риштет, Саксония	П-66459	19.11.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Рут Людвиг Людвигович	1904, Франкфурт- на-Майне	П-60603	30.01.38	20.02.38	расстрел	05.03.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Рындхорн Бенно- Освальд Гершелевич	1913, Хемниц, Германия	П-61721	11.11.37	29.12.37	10 лет	
Рындхорн Виллиам Гершелевич	1911, Хемниц, Германия	П-61793	16.11.37	29.12.37	10 лет	
Рындхорн Гершель Шмулевич	1877, Пинчев, Германия	П-61955	26.09.37	01.11.37	расстрел	13.11.37
Рындхорн Лидия Гершелевна	1909, Шапрон, Венгрия	П-10422	10.09.41		умерла	12.07.42
Рындхорн Хорст Гершелевич	1915, Зикмар, Саксония	П-61719	12.03.38	23.03.38	расстрел	16.08.38
Саванов Карл Генрих Осипович	1919, Бреславль, Германия	19417	14.08.37	21.11.37	расстрел	09.12.37
Самайт Вальтер Густавович	1910, Гамбург	29257	20.02.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Слущкая Эльза Генриховна	1890, Лейпциг	П-56709	17.03.44	05.08.44	7 лет	
Соколов Вилли Пименович	1920, деревня Циккер, Германия	25271	12.04.38	03.11.38	3 года	
Стаффорд Генрих Генрихович	1889, Гамбург	П-34453	28.07.38	11.01.41	освобожден	
Стеффен Гельмут Эрихович	1920, Берлин	П-55530	10.09.41	24.06.42	5 лет	
Стеффен Иоганна Адамовна	1897, Германия	П-65301	19.09.41	16.04.42	10 лет	
Стопп Курт Германович (Сеймон Эрнст)	1910, Ауэ, Германия	15837	12.03.38	02.07.38	8 лет	
Таубе Жозефина Германовна	1889, Берлин	32340	21.11.41	05.12.42	5 лет	
Таубенбергер Гейнц Германович	1915, Франкфурт- на-Майне	П-60955	10.09.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Таубенбергер Герман Иосифович	1892, Мюнхен	П-64343	17.09.36	29.05.37	расстрел	29.05.37

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Таубенбергер Эльза Евгеньевна	1898, Мюнхен	П-64343	11.08.36	01.06.37	10 лет	
Таубе-Стаак Гертруда Петровна	1908, Берлин	П-32084	10.09.41	06.05.42	5 лет ссылки	
Тель Гертруда Александровна	1904, Берлин	30782	25.06.41	11.12.41	10 лет	
Тилеман Елена Антоновна	1900, Бонн, Германия	П-9856	10.09.41	13.04.42	освобождена	
Титтель Бруно Рейнгардович	1895, Берлин	32961	11.09.41	13.06.42	5 лет ссылки	
Титтель Иоганн Иоганович	1910, Германия	П-72311	22.03.38	26.05.38	10 лет	
Тифенау Гертруда Карловна	1907, Цана, Саксония	28485	30.07.37	29.11.39	высылка	
Тиц Макс Вильгельмович	1889, Кальберг, Германия	14604	06.03.38	08.06.38	8 лет	
Тобелер Карл Паулевич (Карл- Пауль)	1876, Дармштадт, Германия	П-76571	05.08.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Тойсерт Эрих Альбертович	1912, Берлин	28062	11.09.37	28.11.37	высылка	
Тольцинер Филипп Максимович	1906, Мюнхен	П-21624	20.02.38	03.09.38	8 лет	
Тонке Гейнц Августович	1914, Берлин	28761	28.08.37	27.12.37	10 лет	
Торглер Курт Эрнестович (Суш Марсель)	1919, Берлин	28760	29.07.37	27.12.37 25.04.40	10 лет высылка	
Торнер Владимир Самойлович	1900, Торн, Германия	П-24514	20.08.37	29.12.37	10 лет	
Трабский Яков Ильич	1902, Берлин	25459	26.08.38	21.07.39	3 года	
Траубе Гартмут Эрнстович	1901, Кенигсхютте, Германия	П-60604	31.01.38	20.02.38	расстрел	28.02.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Треттау Отто Робертович	1907, Слау, Германия	30517	30.07.37	10.10.38	8 лет	
Ульбрихт Рихард Христофорович	1873, Альтенбург, Тюрингия	27948	20.09.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Ульбрихт-Пленер Мария Карловна	1885, Хаммерштейн, Германия	30151	24.07.38	02.11.38	высылка	
Унгар Герман Германович	1886, Кассель, Германия	49063	10.08.37	16.11.37	расстрел	16.11.37
Унгар Эльфрида Густавовна	1892, Нордхайм, Германия	14764	21.12.37	22.03.38	высылка	
Урбан Фридрих Фридрихович	1907, Селенцих, Германия	П-60961	02.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Урих Соломон Менделеевич	1906, Берлин	27256	03.01.43	19.05.43	8 лет	
Фабиш Эрнст Германович	1910, Бреславль, Германия	28821	29.07.37	15.11.37	высылка	10.01.38
Фальтер Генрих Вильгельмович	1918, Эссен, Германия	28820	27.09.37	15.11.37	высылка	
Федина-Лейбниц Агнесса Иосифовна	1896, Дейбль, Саксония	15338	16.03.38	17.05.38	5 лет	
Фезе Гильда Ивановна	1903, Киль, Германия	32414	26.06.41	26.02.42	5 лет	
Фейергерд Берта Карловна	1893, Кишинев, Россия	нет	26.01.38	03.09.38	10 лет	
Фейергерд Вильгельм (Юлий) Карлович	1901, Кишинев, Россия	24455	16.02.37	17.05.37	расстрел	28.05.38
Фейергерд Лидия Карловна	1912, Кишинев, Россия	30515	26.01.38	31.12.39	высылка	
Фейергерд-Шульц Александр Карлович	1903, Кишинев, Россия	П-22203	13.03.38	02.08.38	расстрел	16.08.38
Фелер Анна Рейнгардовна	1905, Штокхайн, Вюртемберг	П-21858	12.03.38	02.07.38	5 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Фелькер Инга Францевна	1908, Берлин	30515	29.01.38	31.12.39	высылка	
Фивег Макс Максович	1911, Котбус, Германия	29613	04.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Фидлер Вильгельм Альфредович	1907, Шмидеберг, Германия	П-70763	25.02.38	29.07.38	расстрел	27.08.38
Фидлер Карл	1885, Ливен, Силезия	28063	11.09.37	28.11.37	высылка	18.09.38
Фидлер Марта Карловна	1882, Майсен, Германия	П-55334	10.09.41	22.04.42	5 лет ссылки	
Фидлер Эльфрида Карловна	1908, Альтвассер, Германия	П-70397	11.09.41	17.02.43	5 лет	
Фик Эрих Павлович	1910, Берлин	П-10448	10.09.41		умер	21.05.42
Филиппиак Вильгельм Вильгельмович	1898, Грауденц, Германия	28074	22.11.37	29.12.37	высылка	
Финкевиц Мартин Густавович	1901, Люкенвальде, Германия	28818	03.08.37	15.11.37	высылка	
Финкемейер Генрих Генрихович	1902, Оберхаузен, Германия	17418	17.02.38	08.06.38	8 лет	
Финкинзепп Вильгельм Вильгельмович	1880, г. Аннен, Германия	П-67369	10.09.41		умер	05.08.42
Фишер Оттилия Германовна	1909, Гамбург	П-71147	01.08.37	14.11.37	5 лет	
Флеммиг Эрик Густавович	1904, деревня Лихтентанне под Цвиккау, Германия	30518	30.07.37	10.10.38	5 лет	
Фогт Альфред Францевич	1894, Нойштадт, Германия	П-10291	10.09.41		умер	02.03.42
Форбергер Карл Карлович	1911, Хартмансдорф, Германия	П-59354	05.02.38	20.02.38	расстрел	22.03.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Фосс Фридрих Теодорович	1903, Брауншвейг, Германия	П-57755	11.02.38	23.03.38	расстрел	11.04.38
Франке Бруно Эристович	1873, Вильсдорф, Саксония	П-31530	21.11.37	14.05.38	5 лет	
Франке Эмилия Бруновна	1904, Бремен	П-51963	19.11.37	29.12.37	10 лет	
Франкен Пауль Карлович	1894, Золинген, Германия	14405	26.11.37	02.02.38 29.04.39	высылка 8 лет	
Франкенберг Вильгельм Вильгельмович	1905, дер. Луизендорф, Гессен-Нассау	25340	02.08.37	16.12.38	высылка	28.12.38
Фребель Альфред Августович	1893, Гераберг, Германия	П-23392	26.04.37	01.08.37	расстрел	01.08.37
Фребель Элла Фердинандовна	1895 Гераберг, Германия	П-61962	01.09.37	02.10.37	8 лет	
Фрейзе Карл Карлович	1905, Дуйсбург, Германия	14277	13.09.37	02.02.38	высылка	
Фрейман Фриц Фридрихович	1901, Растенбург, Германия	43046	12.09.36	16.09.37	расстрел	17.09.37
Фрейтаг Артур Бернардович	1899, Ольмиц, Саксония	28846	02.08.37	29.12.37	10 лет	
Фрелих Павел Адольфович	1897, Надьвард, Венгрия	П-21836	20.03.38	14.05.39	8 лет	
Френцель Карл Готлибович	1874, Форст, Германия	30153	30.07.37	28.11.37	высылка	02.05.40
Фридланд Отто Оттович	1906, Галле, Германия	П-60921	04.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Фридрих Вильгельм Вильгельмович	1897, Галле, Германия	П-62104	08.02.38	23.03.38	расстрел	17.05.38
Фрицше Елизавета Павловна	1909, Франкфурт- на-Майне	П-55917	18.01.38	23.03.38	расстрел	27.04.38
Фрук Гертруда Густавовна	1907, Вермлитц, Германия	15334	11.03.38	17.05.38	5 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Фрук Рихард Вильгельмович	1903, Галле, Германия	30329	27.08.37	15.11.37	высылка	11.02.38
Фукс Вильгельм Вильгельмович	1897, Лейпциг	П-76565	12.03.38	23.05.38	расстрел	10.06.38
Фульбрюгге Герман Германович	1907, Берлин	50496	25.06.36	10.04.37	высылка	
Функ (Цирт) Петер Юзефович	1909, Кельн	П-41532	03.08.37	23.12.37	расстрел	29.12.37
Функ Лео Александрович	1898, Варшава	П-40766	27.03.38	17.05.38	расстрел	31.05.38
Фурман Клара Яковлевна	1902, Волынская губерния, Россия	32397	23.06.41	11.02.42	10 лет	
Хагге-Штокс Карла Генриховна	1914, Гамбург	П-68161	17.12.42	13.03.43	10 лет	
Хагель Франц Иосифович	1909, Польшхайм Германия	14672	11.03.38	08.06.38 23.12.40	8 лет высылка	
Хеббранд Вернер Иосифович	1899, Берлин	П-33675	04.12.37	08.01.38	высылка	
Хейтеман Макс Альбертович	1903, Нюрнберг	П-35892	12.09.41	30.01.43	5 лет	
Хефер Вальтер Робертович	1903, Эстров, Саксония	П-22129	25.11.37	29.12.37	10 лет	
Хинц Эрих Густавович	1909, Кенигсберг	34156	27.06.41	22.08.42	10 лет	
Хокуин Вильям Готфридович	1883, Гольцхоф- Лейбус, Германия	П-49849	14.03.38		умер	22.03.38
Хюнерегер Фридрих Августович	1906, Висмар, Германия	П-32587	26.02.38	26.05.38	8 лет	
Цедлиц Ганс Вильгельмович	1890, Берлин	28017	14.11.37	29.12.37	высылка	15.05.38
Цербе Оскар Юльевич	1893, Хемниц, Германия	П-70784	03.02.38	27.03.38	расстрел	14.04.38
Цигенгаген Зигфрид Иосифович	1887, Белосток, Россия	28001	09.12.37	02.02.38	10 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Цик Франц Вильгельмович	1885, Берлин	27872	03.08.37	01.12.37	высылка	
Цимме Пауль Робертович	1902, Берлин	П-29084	23.09.41	30.01.43	10 лет	
Циммеример Фриц Карлович	1892, Берлин	28064	31.07.37	28.11.37	высылка	12.02.38
Циммт Рут Леонардовна	1905, Берлин	П-24836	09.09.41	25.03.42	8 лет	
Цинт Бернгард Иосифович	1885, Лаунау, Восточная Пруссия	П-29159	10.03.38	08.06.38	8 лет	
Цинт Отто Бернгардович	1911, Берлин	П-52548	03.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Цошке Вилли Оттович	1901, Берлин	40795	12.01.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Цунк Вилли Карлович	1905, Берлин	29610	29.01.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Шааф Фридрих Густавович	1906, Галле, Германия	П-44823	20.09.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Шанцер Арон Менделеевич	1913, Лейпциг	17366	14.02.38	08.06.38	8 лет	
Шарко Лео Иоганович	1904, Галиция, Австро-Венгрия	П-14195	12.03.38	02.06.38	8 лет	
Шарш-Каслер Георгий	1887, Берлин	П-22720	28.06.38	29.02.41	освобожден	
Шах Георг Готлибович	1903, Кенигсхютте, Германия	28065	26.09.37	28.11.37	высылка	
Швадтке Павел Вильгельмович	1903, Берлин	П-44108	03.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Швальбе Леонид Михайлович	1898, Бердичев, Россия	П-35567	09.10.37	30.11.37	расстрел	10.12.37
Швиппе Иосиф Теодорович	1897, Ален- Вестфален, Германия	29789	29.08.37	27.12.37	10 лет	
Шейбе Герберт Эдуардович	1919, Берлин	П-61792	04.12.37	02.02.38	10 лет	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Шейбе Елена Францевна	1894, Берлин	П-19714	12.09.41		умерла	10.03.42
Шейбе Рут Эдуардовна	1917, Берлин	32829	13.09.41	02.05.42	5 лет	
Шейбе Эдуард Фридрихович	1883, Либава, Россия	П-35491	09.12.37	23.03.38	расстрел	11.04.38
Шербер-Швенк Пауль Паулевич	1880, Майсен, Германия	П-34453	29.03.38	13.01.41	освобожден	
Шерер Станислав Карлович	1878, Мюнхен	26282	27.02.38	01.06.38	расстрел	14.06.38
Шефер Пауль Августович	1894, Эрфурт, Германия	26081	11.03.38	17.05.38	расстрел	26.06.38
Шефер Христиан Яковлевич	1914, Дюссельдорф, Германия	П-64872	18.11.37	29.12.37	10 лет	
Шефтер Герхард Рихардович	1920, Берлин	28066	30.07.37	28.11.37	высылка	
Шефтер Эрна Карловна	1892, Берлин	28067	30.07.37	28.11.37	высылка	
Шиллер Генрих Генрихович	1906, Берлин	П-71373	30.11.37	10.06.38	10 лет	
Шильде Вольфганг Вальтерович (Бросвиц Альфред)	1915, Данциг	28154	29.07.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Шильский Карл Карлович	1884, Берлин	П-51972	10.09.37	30.11.37	расстрел	09.12.37
Шиман Ян Карлович	1903, Рига	П-29140	04.12.37	25.01.38	расстрел	03.02.38
Шиманская Фрида Фрицевна	1893, Берлин	П-64338	29.10.36	31.05.37	8 лет	
Шиманский Ганс Францевич	1917, Берлин	П-31388	10.09.37	27.12.37	10 лет	
Шиманский Фриц Альбертович	1889, Тильзит, Германия	П-64338	17.08.36	01.06.37	10 лет	
Шимкевич Оскар Соломонович	1893, Эссен, Германия	П-52672	19.01.38	23.03.38	расстрел	07.04.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Шиппель Роман Адольфович	1884, Сдуньска Воля, Польша	П-9689	22.06.41	04.09.41	7 лет	
Ширман Борис Александрович	1901, Мюнхен	П-22414	29.03.38	26.07.39	5 лет	
Ширман Леонид Константинович	1903, Мюнхен	26639	25.06.38	14.05.39	5 лет	
Ширмахер Альфред	1890, Гамбург	28151	02.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Шиссель Ганс Михайлович	1902, Мюнхен	П-63881	11.02.38	15.06.38	8 лет	
Шифф Ганс Людвигович	1896, Карлсруэ, Германия	П-70525	30.08.37	30.11.37	расстрел	08.12.37
Шленкер Яков Яковлевич	1886, Швеннинген, Германия	26079	23.03.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Шлефель Иоганн (Жан) Карлович	1899, Бендорф под Кобленцем	П-72838	11.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Шлосберг Ганс Иосифович	1909, Берлин	П-7913	30.07.37	07.03.40	освобожден	
Шмельцер Курт Фрицевич	1888, Лейпциг	26077	21.03.38	29.07.38	расстрел	16.08.38
Шмидт Альфред Карлович	1906, Шмидельфельд, Германия	28008	05.11.37	24.01.38	расстрел	05.02.38
Шмидт Гарри Генрихович	1919, Галле, Германия	П-49868	17.02.38	10.10.38	5 лет	
Шмидт Гильда Вильгельмовна	1902, Берлин	П-11190	10.09.41		умерла	08.01.42
Шмидт Карл Карлович	1897, Прага	П-28447	22.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Шмидт Франц Адамович	1910, Зинген, Германия	П-51016	03.03.38	10.10.38	10 лет	
Шмидт Эрих	1907, Галле, Германия	П-32588	27.08.37	27.12.37 05.02.40	10 лет высылка	25.04.40
Шмидт Эрих Робертович	1900, Берлин	28016	29.07.37	29.12.37	высылка	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Шмидт-Шрейбер Елизавета Германовна	1910, Магдебург, Германия	П-1207	24.05.37	26.06.37	освобождена	
Шмицдорф Бруно Робертович	1908, Эберсвальде, Германия	П-57757	05.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Шмор Макс Карлович	1895, Берлин	П-40522	11.09.37	29.12.37	10 лет	
Шмюкле Карл Карлович	1898, Гампенштайн, Германия	П-72312	30.11.37	24.01.38	расстрел	14.03.38
Шнейдер Ева Иосифовна	1911, Инстенбург, Германия	П-20986	09.09.37	05.11.37	10 лет	
Шнейдратус Вернер Освальдович	1908, Берлин	П-22201	18.11.37	26.05.38	10 лет	
Шонтаг Альфред Самойлович	1886, Шведлар, Венгрия	15127	11.03.38	26.05.38	8 лет	
Шрамль Йозеф	1874, Вена	П-56204	10.09.41	30.01.43	5 лет	
Шрамм Гюнтер Брунович	1919, Берлин	П-53480 П-54737	19.06.37 08.02.38	10.11.37 28.03.38	освобожден 10 лет	
Шрамм Юзеф Юзефович	1896, Дюссельдорф	28751	03.08.37	30.11.37	расстрел	10.12.37
Шредер Георг Фридрихович	1904, Гамбург	24714	12.03.38	02.08.38	расстрел	20.08.38
Шредер Елена Юльевна	1897, Берлин	П-32818	29.06.41	30.10.41	8 лет	
Шредер Карл Францевич	1899, Берлин	П-48416	03.03.38	08.06.38	8 лет	
Шрейбер Гейнц Леонович	1905, Берлин	49083	17.08.38	02.03.39	расстрел	03.03.39
Шрепфер Ганс Вальтерович	1910, Берлин	28070	14.11.37	28.11.37	высылка	
Шриккель Арно Робертович	1909, Гешвенда, Германия	П-57754	11.03.38	17.05.38	расстрел	29.05.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Штангль Иоганн Гансович	1886, деревня Фридрихсхайм, Бавария	26084	09.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Штанке Иосиф Иосифович	1904, деревня Герцогсвальд, Моравия, Австро- Венгрия	28068	29.08.37	28.11.37	высылка	
Штаудингер Гильдебранд Михайлович	1878, Ландау, Пфальц, Германия	26085	16.03.38	17.05.38	расстрел	28.05.38
Штегмайер Анна Францевна	1899, деревня Шпигельберг, Германия	П-20533	12.03.38	14.05.38	8 лет	
Штейгер Вильгельм Эдуардович	1903, Мюнхен	П-65583	21.03.38	23.04.39	5 лет ссылки	
Штейнбергер (Левина) Эдит Львовна	1908, Берлин	П-56161	01.09.41	20.01.43	5 лет	
Штейнбергер Натан Пинхусович	1910, Берлин	П-46436	30.04.37	28.07.37	5 лет	
Штейнбринг Эрнст Карлович	1887, Берлин	П-60047	17.02.38	29.07.38	расстрел	16.08.38
Штейнер Иван Готфридович	1876, Аугсбург, Германия	П-39069	02.02.38	20.02.38	расстрел	28.02.38
Штейнингер Анна Францевна	1911, Адорф, Саксония	34668	11.10.41	17.10.42	10 лет	
Штейниц Вильгельм Готлибович	1890, Грауденц, Германия	28645	20.07.37	30.11.37	расстрел	15.12.37
Штейнметц Зигфрид Юльевич	1908, Фельберт, Германия	27875	30.07.37	28.11.37	высылка	
Штельцер Эмилия Матьясовна	1904, Тутвайлер, Германия	15826	12.03.38	02.07.38	5 лет	
Штельцер Эмиль	1904, Гален, Германия	24719	26.04.38	05.08.38	10 лет	
Штельцер Эрнст Густавович	1905, Цербиг, Германия	24715	12.03.38	02.08.38	расстрел	10.08.38

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Штенцель Артур Карлович	1889, Берлин	28069	29.08.37	28.11.37	высылка	22.01.39
Штенцель Франц Германович	1895, Тильзит, Германия	26075	08.03.38	29.07.38	расстрел	16.08.38
Штенцер Эмма Филипповна	1897, деревня Анспах, Таунус, Германия	П-5831	02.08.37	08.12.37	освобождена	
Штернберг Эрих Яковлевич	1903, Позен, Германия	П-98	23.02.38	23.04.39	5 лет	
Штилов Эдуард Эдуардович	1904, Штеттин, Германия	П-7856	15.02.38	16.11.39	оправдан	
Штоль Лотар Альбертович	1897, Верре, Эстония	П-48726	08.03.38	17.05.38	расстрел	04.07.38
Штоль Отто Готфридович	1880, Калленберг, Германия	П-33902	04.09.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Штрецель Георг Густавович	1885, Берлин	П-22720	07.07.38	07.04.41	освобожден	
Штюрмер Карл Августович	1894, Кенигсберг	П-41566	16.02.38	29.07.38	расстрел	09.08.38
Шуберт Эрвин Оттович	1912, Пласк, Германия	33963	10.09.41	20.06.42	5 лет ссылки	
Шудлик Георг Францевич	1903, деревня Меховиц, Верхняя Силезия	П-51954 П-62496	25.11.37 10.09.41	29.12.37 26.04.40	10 лет освобожден умер	29.01.42
Шульмайер Генрих Людвигович	1901, Мюрфельтен, Германия	28763	29.08.37	27.12.37 30.12.40	10 лет высылка	
Шульте-Швейцер Фриц Адамович	1890, Гюстен, Германия	П-22720	21.02.38	07.04.41	8 лет	
Шульц Вилли Германович	1886, Берлин	П-33431	03.03.38	10.10.38	10 лет	
Шульц Герберт Павлович	1911, Берлин	28071	30.07.37	28.11.37	высылка	
Шульц Макс	1906, Берлин	28015	03.08.37	29.12.37	высылка	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Шульце Эрих Вильгельмович	1905, Мюнкенберг, Германия	29261	07.02.38	23.03.38	расстрел	07.04.38
Шуман Ирина Альбертовна	1894, Альтона, Германия	П-21796	12.09.41	09.01.43	5 лет	
Шуман Курт	1892, Хемниц, Германия	28072	29.08.37	28.11.37	высылка	15.05.38
Шуман Эрих Эмильевич	1897, Лейпциг	П-46572	16.02.38	08.06.38	8 лет	
Шустек Леопольд Юхнович	1893, Силезия, Германия	П-72209	29.07.37	29.12.37	10 лет	
Шустер Карл Адольфович	1901, Варшава	П-26365	12.03.38	23.05.38	расстрел	10.06.38
Шютц Георгий Георгиевич	1903, Нюрнберг, Германия	28014	30.07.37	29.11.37	высылка	
Шютце Эрих Оттович	1906, Новавес под Потсдамом, Германия	П-36106	30.07.37	15.11.37	высылка	
Шюхель Рудольф Иосифович	1899, Румбург, Чехословакия	28216	03.08.37	01.11.37	расстрел	03.11.37
Эйкенберг Отто Карлович	1879, Золинген, Германия	П-46290	21.02.38	01.06.38	расстрел	14.06.38
Эйленберг Эмиль Августович	1898, Клейне Лейна, Германия	П-34479	17.03.38	19.06.40	освобожден	
Эйлер Ганс Луизович (Ласк Людвиг)	1903, Берлин	26753	26.03.38	23.08.38	5 лет	
Экштейн Генрих Генрихович	1911, Мюнхен	П-71294	28.08.37	28.11.37	высылка	
Элендер Фриц Георгиевич	1897, Ганновер, Германия	П-45067	11.04.35	21.11.35	2 года	
Эльфингер Иосиф Иосифович	1915, Мюнхен	34741	30.04.42	31.10.42	расстрел	
Эмме Артур Макс	1898, Дрезден	27876	03.08.37	28.11.37	высылка	

Фамилия, имя, отчество	Год и место рождения	Номер АСД	Дата ареста	Дата приговора	Приговор	Дата исполнения приговора или смерти подслед- ственного
Эндтер Христиан Фридрихович	1891, Альбрехт, Тюрингия	П-59773	18.11.37	29.12.37	10 лет	
Эрдман Иосиф Николаевич	1900, Лабишин, Позенский округ, Германия	П-78292	30.10.36	23.07.37	8 лет	
Эриг Мартин Максимович	1910, Эберсбах, Германия	П-23126	15.02.38	26.05.38	8 лет	
Эркеленц Антон Антонович	1904, Кеттвиц, Германия	28136	27.08.37	29.12.37	высылка	
Эттерер Анна Иогановна	1913, Мюнхен	П-64480	08.03.38	26.05.38 27.02.40	5 лет освобождена	
Эфелейн Карл Петрович	1909, Берлин	П-41504	08.02.38	23.03.38	расстрел	11.04.38
Ютерзонке Фриц Фридрихович	1906, Берлин	27873	03.09.37	28.11.37	высылка	
Якоб Генрих	1901, Вендельштайн, Германия	24716	15.03.38	02.08.38	расстрел	10.08.38
Ян (Ганн) Вильгельм Вильгельмович	1910, Вебель под Липпе, Германия	28215	30.07.37	01.11.37	расстрел	03.11.37

РОДСТВЕННЫЕ ГРУППЫ СРЕДИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

В основу списка близких родственников, репрессированных по политическим обвинениям в 1936–1941 гг., легла опубликованная выше база данных (упомянутые в ней лица выделены жирным шрифтом).

Семьи:

Борош Карл, его сыновья **Фридрих** и **Герман**, его вторая жена **Розенберг Екатерина**

Вебер Эльза, ее муж **Герман** (репрессирован в Одессе), их сыновья **Герман** и **Ганс**, ее второй муж **Герхард Эрвин**

Вильнер Гедвига, ее муж **Альберт**, их сыновья **Герхард** и **Ганс**

Геккер Юлий, его жена **Елизавета**, их дочери **Ирма**, **Вера** и **Алиса**

Гершинская Эрика, ее муж **Георг**, ее отец **Ледер Отто** Венцлавович (репрессирован в Челябинске)

Дитрих Альма, ее муж **Роберт**, их сын **Бандельман Франц** и его жена **Бандельман Марта**

Зинфогель Анна, ее муж **Карл**, их сын **Курт**

Лейбехер Эмма, ее муж **Эрнст**, их дочь **Эрна**

Розенбаум Кэти, ее сын **Арнольд**, его бывшая жена **Розенбаум Екатерина**, его жена на момент ареста **Харчистова Анна**

Розенберг Цилина, ее муж **Фальк Герберт**, ее сын **Розенберг Рейнхард**

Стеффен Иоганна, ее муж **Эрих**, их сын **Гельмут**

Таубенбергер Эльза, ее муж **Герман**, их сын **Гейнц**

Фидлер Марта, ее дети **Лютгенс Луиза**, **Курт Герберт** и **Вильгельм**, жена **Вильгельма Фидлер Эльфрида**, муж **Луизы Дернов Григорий**

Шейбе Елена и ее муж **Эдуард**, их дети **Герберт** и **Рут**, ее муж **Вайсенберг Карл**

Шефтер Эрика, ее муж **Ваго Бела**, их сыновья **Шефтер Герхард** и **Ваго Владислав** (репрессирован в Ленинграде)

Шиманская Фрида, ее муж **Фриц**, их сын **Ганс**

Родитель и дети:

Абрамовский Фриц, сын **Альфред**

Банд Готфрид, сын **Фриц**

Бергман Герман, сын **Петер**

Гагер Карл, сын **Павел**

Гирхе Рейнгольд, сын **Герберт**

Голланд Фрида, сыновья **Роберт** и **Вилли**

Гропш Эдмунд, пасынок **Гензель** **Георгий**

Гут Альфонс, сыновья **Пауль**, **Иоганн**, **Бернгард** и **Бруно** (репрессирован в Одессе)

Кениг Рихард, сын **Гельмут**

Кнауце Мартин, сын **Ганс**

Крюгер Лотар, дочь **Гюнтер** **Маргарита**

Маргис Рудольф, сын **Рудольф**

Нейман Натан, дети **Карл** и **Фаина**

Рейзер Фридрих, сыновья **Вернер** и **Пауль** (репрессирован на Урале)

Рейтер Павел, сыновья **Вальтер** и **Хорст**

Репке Карл, пасынок **Корн** **Карл**

Рындхорн Гершель, дети **Вильям**, **Бенно-Освальд**, **Лидия**, **Хорст**

Соколов Пимен (репрессирован в Горьковской области), сын **Вилли**

Фальтер Вильгельм (репрессирован в Тульской области), сын **Генрих**

Финкинзепп Вильгельм, сын **Вильгельм**

Франке Бруно, дочь **Эмилия**

Цинт Бернгард, сын **Отто**

Цвиккер Альберт, сын **Клейн Альберт**

Шнейдратус Освальд, сын **Вернер**

Штоль Отто, сын **Гранц** **Курт**

Братья и сестры:

Альтман Ганс и **Шрейбер Гейнц**

Гехстер Леонид и **Эрнст**

Зейдевиц Фридолин и Хорст

Ланг Евгений и Феликс

Ландбек Петер и Вальтер (репрессирован в Ворошиловграде)

Ласк Герман (репрессирован в Архангельске) и **Людвиг (Эйлер**

Ганс)

Мейер Вилли и Эрнст

Мюллер Герман и Отто

Нейман Эрих и **Герберт**

Нейшефер Курт, Мария (в замужестве **Мартин**) и **Марта** (в замужестве **Бандельман**)

Рис Адольф и Роберт

Фейергерд Берта, Лидия, Фридрих, Пауль, Вильгельм, Александр

Фурман Клара, Эрнст и **Евгения**

Цюльке Роберт и **Маргарита** (в замужестве **Петтер**)

Шаф Фридрих и **Гертруда** (в замужестве **Фрук**)

Супруги

(в том числе находившиеся в разводе на момент ареста):

Ашмонайд Эрна и **Эрнст** (репрессирован в Херсоне)

Бандельман Марта и **Франц**

Бартош Елизавета и **Келен Николай**

Беверн Юлия и **Сильва Арнольдо**

Беккер Анатолий и **Геншке Каролина**

Бич Елизавета и **Вильгельм**

Браун Грета и **Фик Эрих**

Буссе Елена и **Гра Эрнст**

Винценрид Павлина и **Матиас**

Гадроссек Луиза и **Карл**

Гарай Доротея и **Кюршнер Альфред**

Гаушильд Гильда и **Рудольф**

Геверт Фрида и **Рудольф** (репрессирован в Грузии)

Гефлих Гертруда и **Карл**

Глобиг Марта и **Фриц**

Даниэль Берта и **Рихард**

Дирр Герта и **Цыпкин Владимир**

Зацгер Антонина (репрессирована в Татарии) и **Магнус**

Клеге Эльфрида и **Гольдцвейг Вольф**

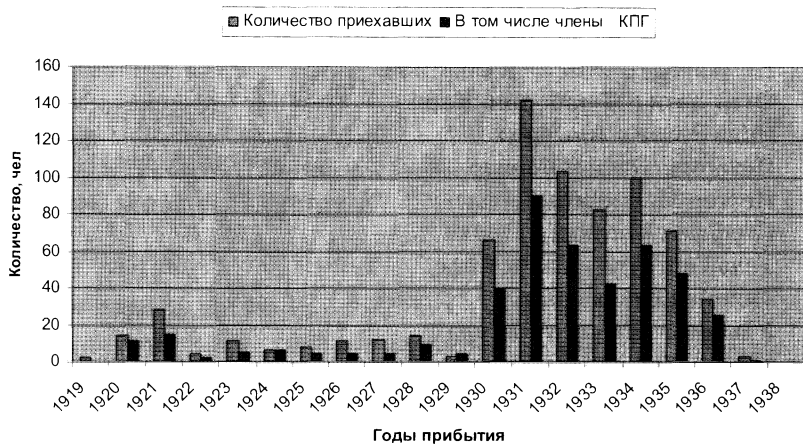
Кольбе Эрна и **Кольбе-Шлютер Эрнст**

Крафт Антония и **Альфред**

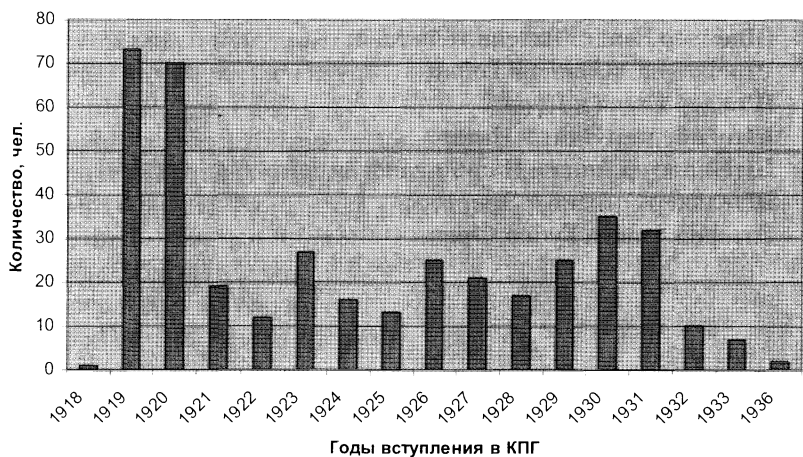
Кульман Эльза и Вильям
Линде Елизавета и Ганс
Линник Гертруда и Линник Николай
Лоршейд Кэти и Функ Петер
Маковские Шарлотта и Абрам
Мартин Мария и Бертольд (репрессирован в Ленинграде)
Масман-Матцке Эрна, ее мужья Баар Рихард (репрессирован
в Краснодаре), Масман Вальтер, Бен-Герарий М. И.
Мейер Гертруда и Курт
Моравиц Эрна и Нейман Эрих
Народницкие Елизавета и Мордок
Немировские Марта и Соломон
Отто Кэти и Форбергер Карл
Родэ Эльза и Альфред
Петерман Эрна и Вернер
Петтер Маргарита и Аватнов Е. С.
Стеффен Иоганна и Эрих
Тель Гертруда и Вильгельм
Тилеман Елена и Карл
Ульбрихт Мария и Рихард
Унгар Эльфрида и Герман
Фезе Гильда и Киш Фриц
Фребель Элла и Альфред
Фрицше Елизавета и Ригутини Эрнесто
Фрук Гертруда и Рихард
Шавер Мария и Мориц-Гримм Ганс
Шенфельд Бетти и Алин Константин
Шмидт Гильда и Карл
Шнейдер Ева и Лихтенштейн Макс
Шрейбер Елизавета и Гейиц
Шредер Елена и Карл
Штейнбергер Эдит и Натан
Штейнингер Анна и Паннинцапф Адольф
Штельцер Эмилия и Эрнст
Этгерер Анна и Губер Франц

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

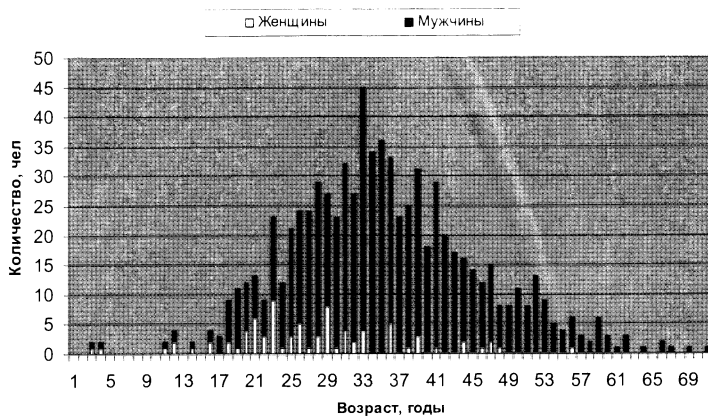
Даты приезда в СССР (данные по 715 чел.)

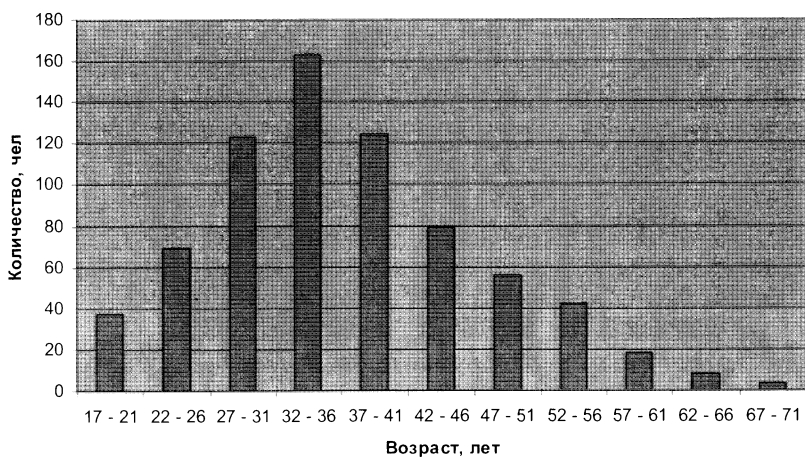
Даты приема в КПГ (данные по 405 чел.)

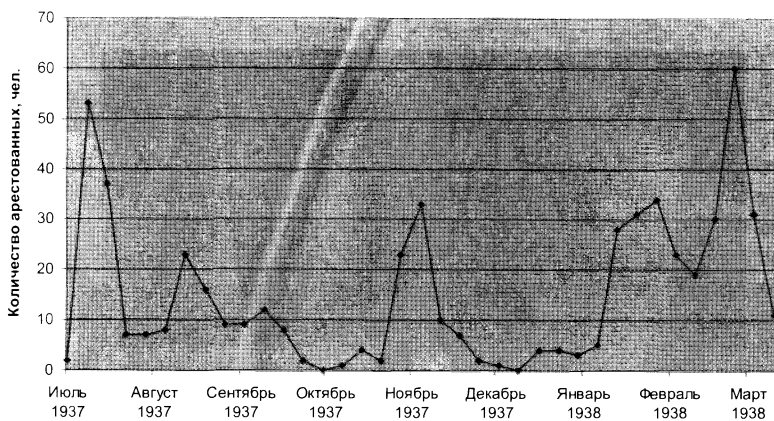
Возрастной состав эмигрантов на момент прибытия в СССР

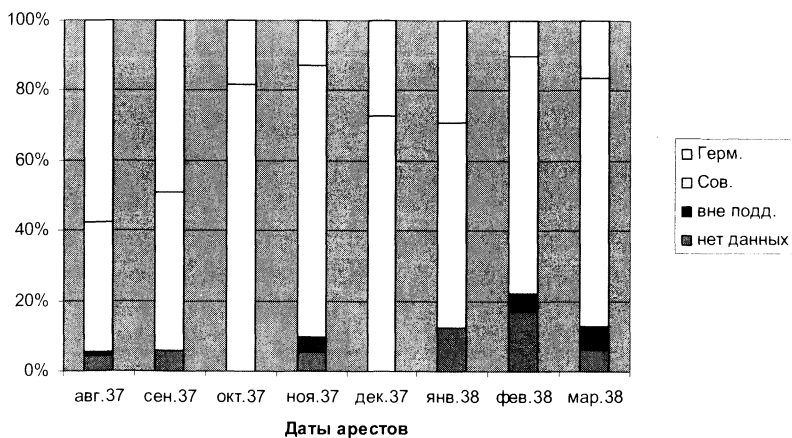
Возраст на момент ареста

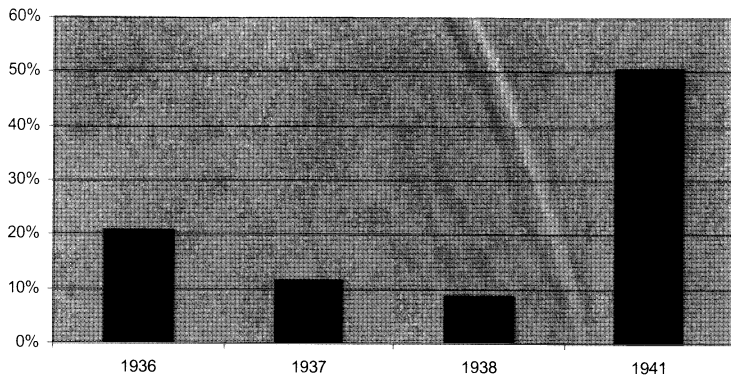
Динамика арестов с июля 1937 по март 1938 г.

Гражданство арестованных с июля 1937 по март 1938 г.

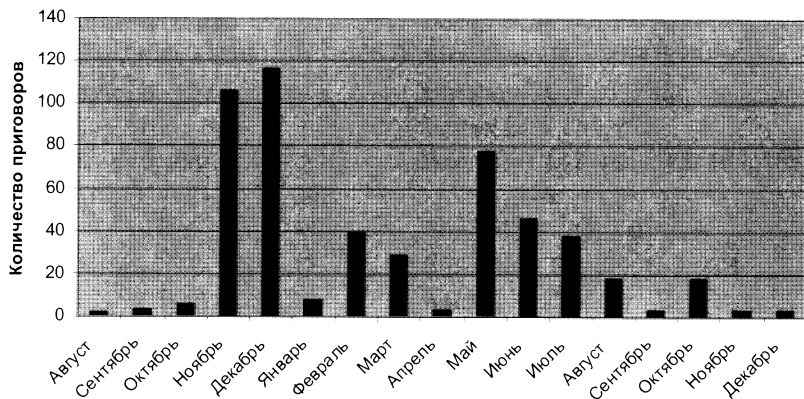

Доля женщин в общем числе репрессированных в 1936–1938 и 1941 гг.

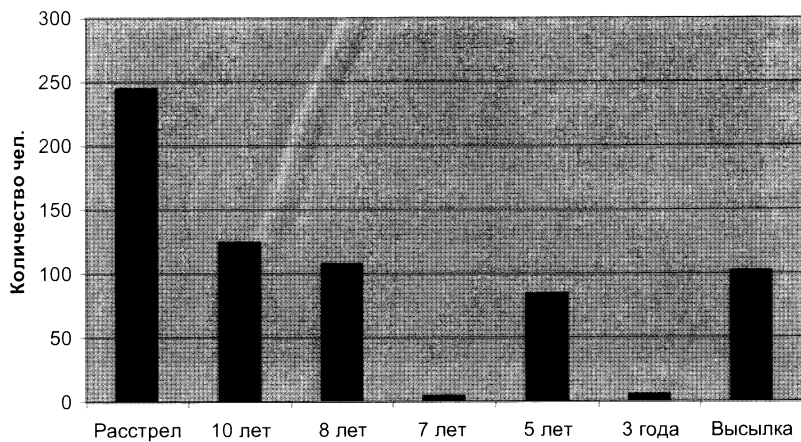

Приговоры с августа 1937 по декабрь 1938 г.

■ Приговорены к расстрелу ■ Осуждены к заключению в ИТЛ

Приговоры

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов-Миров А. — 260, 262, 264
Абрамовский Б.-П. — 185, 275
Аксельрод Т. Л. — 23, 30
Алин К. — 67, 155, 275, 324
Альбрехт Б. — 41, 42, 46, 76, 121, 133, 275
Альтман Г. — 147, 275
Андер-Кнот Г. — 216, 294
Арендзее М. — 207
Арендт К. — 216, 275
Арно А. — 73, 132, 276
Аргузов А. Х. — 52
Ауэрс Г. — 216
Ахтер А. — 79, 290
Ашмонайд Э. — 210, 276, 323
- Баберовский Й.** — 12
Байес Ф. — 219, 276
Байкова Е. — 196
Банд Г. — 45, 135, 276, 322
Бандельман Ф. — 45, 276, 321
Бартоломей Р. — 218, 276
Бартош Е. — 133, 177, 276, 323
Барц П. — 153
Баум (Оше) Э. — 39, 276
Баумерт В. — 219, 277
Баур Ф. — 49, 277
Бауэр Л. — 121, 173, 216, 277
Бахман П. — 28, 29, 277
- Бег К. — 143, 277
Беймлер Г. — 43
Беймлер И. — 43, 277
Бек Г. — 24, 25, 67
Бек Т. — 209
Бергер Ф. — 163
Беррат А. — 125, 156, 157, 277
Бертрам К. — 216, 277
Бетлинг В. — 125, 278
Бетхер В. — 211, 278
Бехер И. Р. — 109
Бидерман К. — 187, 278
Бисмарк В. — 35, 278
Бланк Е. — 136, 278
Блох Г. — 117, 144, 145, 165, 183, 216, 278
Боден Г. — 117, 140, 278
Бойтлинг Т. — 29, 189, 278
Бок М. — 259
Бонвеч Б. — 8
Бонзак Э. — 35, 278
Борн Г. — 71, 168, 216, 279
Борош В. — 43, 233, 234
Борош Герман — 43, 123, 233, 237, 240, 279
Борош Гретхен — 233, 241
Борош К. — 36, 43, 68, 84, 233–240, 279, 321
Борош Ф. — 43, 233, 236, 239, 240, 279

- Босс А. — 51, 53, 60, 75, 78, 205,
 217, 279
 Брамфельд Р. — 35, 43, 279
 Брандлер Г. — 161
 Брандт Э. — 57, 200, 279
 Броннер В. М. — 53
 Брюкман Г. — 106
 Брюкман-Мюллер Г. — 216
 Брюн Г. — 35, 279
 Бубер-Нейман М. — 26, 127
 Будих В. — 30, 36, 37, 45, 47, 279
 Букина А. — 207
 Булгаков М. А. — 213
 Бург (Кениг) Г. — 31, 155, 279
 Буссе Е. — 219, 279, 323
 Бутков И. — 50, 280
 Бухарин Н. И. — 104, 152, 257,
 258
 Бюргер В. — 147
- Вабра Э.** — 173
 Вайсенберг Э. — 53, 270, 271, 280
 Вайхельд А. — 219, 280
 Вальд Л. И. — 213
 Вальд П. — 41, 45, 280
 Вальтер Ф. — 219, 280
 Варга Е. — 202
 Вассерман Л. — 21, 50, 280
 Вебер Ганс — 139, 140, 196, 280
 Вебер Герман — 65, 95, 280
 Вебер И. — 192, 197
 Вебер Э. — 182, 192, 197, 280, 321
 Вегенер Г. — 195, 280
 Вегериш О. — 30
 Вейгельт Э. — 43, 178, 281
 Венде В. — 91, 281
 Вендт Э. — 103, 200
 Венер Г. — 17, 102, 146, 190
 Визер Г. — 106, 107
 Вильке О. — 62, 281
- Вильнер А. — 73, 80, 132, 281
 Вильнер Г. — 32, 80, 169, 179,
 281, 321
 Вильфюр В. — 178, 281
 Виндзберг П. — 52, 281
 Виндт Э. — 51, 213, 282
 Винцер О. — 99, 102, 103, 146
 Вистугб Г. — 36
 Витт К. — 192, 282
 Влох В. — 205
 Влох Э. — 205, 206
 Войтик К. — 200
 Воловец Ф. — 32, 282
 Вольф Л. — 53, 121, 164, 202, 271,
 282
 Вронке Э. — 49, 282
 Вульш В. — 192, 282
 Вышинский А. Я. — 11, 168, 172,
 186, 187, 190, 239
- Габелин Р. — 74, 122, 283
 Гадроссек Л. — 29, 45, 283, 323
 Гаймерль А. — 91, 92, 283
 Галле Р. — 9, 208
 Галле Ф. — 120, 127, 142, 181,
 283
 Гане В. — 117, 165
 Ганн Л. — 49
 Ганске О. — 185, 283
 Гарай Д. — 152, 283, 323
 Гаушильд А. — 49, 91, 284
 Гаушильд Г. — 101, 124–126, 171,
 181, 209, 284, 323
 Геббельс Й. — 36, 54
 Гебель Я. — 217
 Геверт Ф. — 121, 284, 323
 Гейдрих Р. — 179
 Геккер А. — 194, 284
 Геккер В. — 50, 194, 284
 Геккер И. — 194, 195, 284

- Геккер М. — 194
Геккер О. — 194
Гельви́г (Зингфогель) К. — 29, 39, 96, 284
Гельви́г Э. — 166, 184, 285
Гельман Г. — 95, 285
Гельц М. — 30, 37, 84
Ген В. — 217, 285
Гендлер П. — 111, 285
Гензель Г. — 94
Герасимов Р. — 89
Герварт Г. — 98
Герман А. — 192
Гермилин А. — 30, 285
Гертрамф А. — 135, 168, 186, 285
Герхард Э. — 159, 197
Гесс Р. — 38
Гехстер Л. — 133, 286, 323
Гильде З. — 53, 286
Гильдебрандт Ф. — 111, 112, 148, 178, 286
Гиммлер Г. — 38, 143
Гиршман О. — 59, 121, 286
Гисберц Г. — 37, 286
Гитлер А. — 13, 26–29, 32, 33, 36, 37, 39, 52, 54, 57, 60, 69, 79, 87, 88, 94, 107, 110, 140, 146, 153, 155, 156, 157, 159, 179, 181, 185, 195, 211, 220, 223, 227, 236, 242, 273
Глобиг М. — 216, 286, 323
Глобиг Ф. — 216, 286, 323
Гловацкий П. — 213, 214
Голланд Ф. — 187
Голубев А. В. — 150, 156
Гольке А. — 29, 287
Горстман Г. — 208, 287
Гра Э. — 219, 287, 323
Грабнер Г. — 30, 49, 135, 140, 168, 287
Гранц К. — 218, 287
Гримм Ганс — 31, 62, 131, 136, 170, 189, 212, 256, 258–267, 300, 324
Гримм Генрих — 258
Гроппер Р. — 29, 31, 126, 127, 170, 214, 216, 217, 241–250, 287
Грот Ф. — 270
Грундман Р. — 154, 288
Грюнвальд Г. — 130, 173, 189, 217, 288
Губер Г. — 30, 146, 158, 288
Гумбель З. — 56, 131, 185, 288
Гусс Р. — 138, 288
Гут А. — 122, 153, 206, 219, 288, 322
Гюбнер Э. — 78, 288
Гюфтнер Ф. — 215, 276, 289
Давид П. — 34, 111, 138, 289
Даниэль Р. — 95, 289, 323
Де-Граф Д. — 121, 193, 196, 197, 289
Дель О. — 13, 16, 22, 55, 67, 69, 72, 76, 101, 117, 202, 210
Демут Ф. — 258
Деннингхаус В. — 12
Деппе К. — 94, 147
Дерендингер Э. — 78
Деринг А. — 193, 289
Димитров Г. Д. — 50, 55, 99, 185, 186, 188, 189, 206, 211, 244, 250, 256
Дирр Г. — 107, 122, 206, 218, 289, 323
Дитрих Ф. — 45, 46, 289

- Диттбендер В. — 29, 37, 117, 122,
 130, 189, 210, 212, 253, 254,
 289
 Диттбендер Г. — 210–212
 Диттбендер К. — 212
 Домке В. — 53, 144, 217, 290
 Драх Г. Э. — 180, 183, 290

 Егер И. — 21, 78, 290
 Ежов Н. И. — 10, 99, 107, 113,
 115, 130, 131, 139, 141, 163,
 165, 166, 168, 201, 213, 225,
 227, 238, 240, 254, 255, 263

Жилкина А. — 252, 256
 Журавлев С. В. — 13, 15, 81, 105,
 111, 115, 121, 172, 218

Замтлебен Г. — 192, 290
 Занднер О. — 79, 290
 Зацгер М. — 171, 189, 192, 204,
 290
 Зевтц Э. — 121, 290
 Зелигман М. — 27, 85, 291
 Зельбигер И. — 172, 198, 291
 Зибольд Л. — 210
 Зильберман К. — 47
 Зингфогель А. — 39, 96, 140, 152,
 284, 291, 321
 Зиновьев Г. Е. — 31
 Зоргац А. — 219, 291
 Зубклеве К. — 95, 291
 Зурке Р. — 97, 168, 291

Йекель П. — 167, 201

Каганович Л. М. — 61, 95, 107,
 131, 233
 Кадеман Г. — 36, 186, 291
 Карлинский М. — 54, 292

 Кауфман Ф. — 124, 213, 292
 Кенен Б. — 37, 189
 Кенен Г. — 86
 Кензи А. — 47, 292
 Керн Г. — 35, 60, 100, 150, 152,
 155, 292
 Керф В. — 37, 189, 250–252, 256,
 265, 293
 Кислинг К. — 32, 293
 Киш Ф. — 110, 153, 209, 214, 293,
 324
 Клейн А. — 193, 195, 278, 293,
 322
 Клейст В. — 29, 37, 189, 217, 250,
 252–256, 293
 Клингбайль Б. — 137, 293
 Кнаутэ М. — 218, 293, 322
 Книпшильд М. — 195, 293
 Коварский М. — 50, 90, 294
 Койтц К. — 28, 73, 183, 294
 Койферт Ф. — 217, 294
 Кок М. — 294
 Кольбе Элли — 208
 Кольбе Эрна — 208, 294
 Кольбе Эрнст — 208
 Констант Э. — 50, 62, 77, 143,
 154, 158, 169, 294
 Концевитц И. — 23
 Крестинский Н. Н. — 13, 41, 42,
 53
 Крюгер Г. — 147
 Крюцнер Ф. — 148, 295
 Кульмс Г. — 219, 295
 Кульц Г. — 41, 295
 Курелла А. — 66
 Куусинен О. — 119

Лакс Г. — 54, 122, 229–233, 295
 Ламла Й. — 89
 Ланге Л. — 153

- Лангер М. — 196
Лангер П. — 31, 242
Ландбек П. — 60, 296, 323
Ласк Б. — 50
Ласс О. — 150, 168, 296
Леви П. — 39
Левин М. — 30, 296
Лейбехер Э. — 151, 153, 161, 169,
296, 321
Ленин В. И. — 9, 10, 124, 149
Лехнер А. — 210, 217
Лешницер Ф. — 205
Либкнехт К. — 29, 30, 74, 137,
145, 147, 151, 156, 171, 204,
217, 234, 252, 297
Литвинов М. М. — 96, 175, 176,
202
Лоршейд К. — 152, 297, 324
Лоцкат К. — 54, 64, 121, 297
Лурье (Эмель) М. — 25, 31, 116,
155, 164, 169
Лурье Н. — 25, 52, 158
Люксембург Р. — 29, 30, 124
Лютер Ф. — 210
Лягушкина Л. — 8
- Мадалена М.** — 134, 189, 193,
298
Май Э. — 50
Майер В. — 35, 298
Майер Э. — 35, 104
Майзель К. — 39, 298
Маковская Ш. — 153, 298
Манке Ф. — 111
Манн К. — 54
Марбель К. — 30, 104, 298
Маркуссон Г. — 181, 298
Маркуссон Э. — 30, 53, 141, 298
Маслов А. — 31
Матызик И. — 88
- Мейер В. — 35, 63, 180, 298, 323
Мейер Э. — 30, 79, 139, 299, 323
Мельхер Г. — 260
Мензинг В. — 14, 26
Менкес М. — 214, 299
Мец Э. — 209
Мироненко С. В. — 8
Михель В. — 238
Мозер Г. — 29, 31, 36, 50, 71, 151,
299
Молотов В. М. — 82, 172
Моргнер Э. — 194, 218, 300
Мориц-Гримм Г. — 31, 62, 131,
136, 170, 189, 212, 256, 260–
262, 264–267, 300, 324
Морозов П. — 202
Морштадт Э. — 77, 300
Мундт Р. — 139, 178, 300
Мюллер А. — 106, 300
Мюллер Г. — 179, 300, 323
Мюллер О. — 218, 300
Мюллер Р. — 14, 17, 101, 116,
122, 161, 185
Мюльберг Г. — 208
Мюндель П. — 89, 218, 300
Мюнц Г. — 57, 110, 111, 300
Мюнценберг В. — 243
- Нейер К.** — 66, 285
Нейлитц Э. — 45, 301
Нейман Г. — 9, 36, 56, 66, 127,
142, 243, 245
Нейман К. — 301
Нейман Н. — 301
Нейман Ф. — 206, 301
Немировская М. — 301, 324
Никитенко О. — 122, 301
Ноак К. — 145, 301
Нодия Д. Ч. — 8

- Отто К. — 205, 302
 Охотин Н. — 12, 17, 60, 68, 113
 Пезе К. — 121, 302
 Перфанов Ж. — 94, 177, 302
 Перцген Г. — 232
 Петерман В. — 91, 154, 302, 324
 Петерман Эрвин — 91, 216
 Петерман Эрна — 91, 101, 216, 302, 324
 Петерсен Г. — 133, 218, 302
 Петерсон В. — 150, 303
 Пик В. — 40, 104, 188, 189, 208, 242, 247, 252, 256, 262
 Поллак Ф. — 218, 303
 Притвиц М. — 74, 149, 303
 Рабэ В. — 150, 154, 155, 170, 303
 Радек К. — 124, 171, 269
 Раугенберг Л. — 149, 303
 Рейзе Ф. — 46, 304
 Рейтерах В. — 119
 Рейтерах Х. — 119
 Рейфилд Д. — 13
 Рейхельт А. — 92, 219, 304
 Репке К. — 104, 304, 322
 Рерс В. — 35, 166, 304
 Рефельд В. — 47, 60, 137, 159, 200, 304
 Ридель Г. — 37, 216, 304
 Рингман В. — 47, 92, 305
 Рихтер Б. — 189, 216, 305
 Рихтер О. — 209
 Рихтер С. — 194
 Рицман П. — 156, 305
 Рогинский А. — 12, 17, 60, 68
 Рогинский Г. К. — 186
 Роговая Л. А. — 8
 Рогозинский Х. — 130, 170, 305
 Розе В. — 165
 Розенбаум Е. — 71, 241, 305, 321
 Розенталь С. М. — 8
 Розе-Розенке В. — 126, 189, 216, 306
 Ройгер А. — 33, 306
 Ротер Г. — 32, 152, 177, 185, 306
 Ротцейг Б. — 219, 306
 Рубен-Вольф М. — 202, 203, 208
 Рубенс Й. — 53, 75, 76, 141, 157, 171, 189, 306
 Рубинштейн Ф. — 49, 139, 306
 Рут Л. — 218, 306
 Рыков А. И. — 46, 133, 152
 Рьндхорн Г. — 75, 125, 307, 322
 Рьндхорн Л. — 75, 195, 307
 Саванов К.-Г. — 168, 307
 Сина Я. — 85
 Сливкин Б. — 261, 262, 264
 Слуцкая Э. — 21, 307
 Собботка Г. — 140, 278
 Сорокин А. К. — 8
 Сталин И. В. — 5, 10–13, 17, 26, 50, 53, 54, 61, 67, 69, 79, 87, 96, 99, 107, 117, 121, 142, 150, 153, 156, 158, 162, 166, 168, 175, 176, 178, 179, 181, 185, 187, 190, 196, 200, 203, 255, 257, 258, 261, 263, 273
 Стаффорд Г. — 37, 117, 139, 185, 189, 217, 307
 Стош К. — 148, 307
 Таубенбергер Г. — 169, 212, 307
 Тель В. — 219, 324
 Тель Г. — 196, 210, 308, 324
 Терентьева А. — 8
 Тилеман Е. — 194, 308, 324
 Типман Н. — 195
 Титтель И. — 219, 308

- Тифенау Г. — 42, 140, 216, 308
Толстой Л. Н. — 230
Тольцинер Ф. — 50, 308
Томашек А. — 205, 218
Тонке Г. — 37, 308
Торнер В. — 31, 218, 308
Трабант В. — 159
Трабский Я. — 134, 308
Третгау О. — 155, 168, 309
Троцкий Л. Д. — 52, 203, 214, 248
Туточкин Ю. Т. — 8
Тышлер К. — 13, 17, 179, 181, 184
- Ульбрихт В. — 92, 102, 103, 209,
211, 246, 249, 252, 256, 265
Ульбрихт Р. — 29, 247, 309, 324
Урих С. — 54–56, 309
- Фабииш Э. — 180, 183, 200, 213,
309
- Фальтин Э. — 238
Федин А. — 108, 109, 134
Фезе Г. — 209, 309, 324
Фейергерд А. — 159
Фейергерд Б. — 120, 309, 323
Фейерхерд В. — 41, 309, 323
Фелендорф В. — 43
Фелер А. — 38, 158, 309
Фивег М. — 34, 310
Филиппиак В. — 46, 310
Финкевиц М. — 120, 310
Финкемейер Г. — 148, 310
Фишер Р. — 31
Флеммиг Э. — 217, 310
Флиг Л. — 56, 258, 259
Флорин В. — 265
Флорин П. — 103, 104
Флухер Ф. — 122, 199
Форбергер К. — 205, 218, 310,
324
- Франке Э. — 91, 311, 322
Франкен П. — 29, 39, 40, 95, 106,
188, 311
Франкенберг В. — 76, 110, 311
Фребель А. — 161, 311, 324
Фребель Э. — 169, 311, 324
Фрейзе К. — 96, 311
Фрейман Ф. — 30, 104, 108, 111,
143, 164, 311
Фрелих П. — 74, 311
Френцель К. — 140, 311
Фридлянд О. — 218, 311
Фридляндер Л. — 25
Фридрих В. — 205, 218, 311
Фрицше Е. — 217, 311, 324
Фролов К. — 130, 157
Фрук Г. — 120, 311, 323
Фрук Р. — 58, 59, 76, 312
Функ К. — 146, 190, 200
- Хагге-Штокс К. — 107, 196, 312
Хагель Ф. — 180, 312
Хартманн А. — 14, 109
Хасслингер М. — 272
Хватов В. И. — 161, 165, 166
Хебербанд В. — 78, 312
Хейтеман М. — 53, 54, 75, 312
Хильгер Г. — 88
Хобсбаум Э. — 84
Хокуин В. — 140, 312
- Цвиккер А. — 216
Цедлиц М. — 54, 312
Цербе О. — 47, 312
Цеткин К. — 124, 241
Цехлин Э. — 182
Цик Ф. — 96, 150, 313
Цимле П. — 195, 313
Циммериммер Ф. — 218, 313

- Шааф Ф.** — 58, 313, 323
Шавер М. — 261, 265, 324
Шаксель Ю. — 164
Шарш-Каслер Г. — 29, 117, 313
Шафранек Г. — 14, 180, 183
Швальбе Л. — 79, 313
Швенк П. — 254
Швиппе И. — 71, 313
Шейбе Г. — 269, 313
Шейбе Е. — 268, 272, 274, 314, 321
Шейбе Р. — 267, 269, 270, 273, 314
Шейбе Э. — 41, 51, 268, 269, 271, 314, 321
Шепелев В. Н. — 8
Шербер-Швенк П. — 29, 100, 117, 122, 123, 160, 189, 207, 216, 314
Шефер Х. — 95, 314
Шефтер Г. — 314, 322
Шефтер Э. — 29, 159, 162, 314, 322
Шеффер П. — 210, 217, 314
Шеффер Х. — 65
Шиллер Г. — 32, 101, 314
Шиманский Ф. — 35, 169, 314
Ширман Б. — 54, 131, 135, 139, 171, 315
Ширмахер А. — 83, 315
Шиссель Г. — 37, 38, 116, 315
Шлефель И. — 217, 315
Шлосберг Г. — 76, 77, 185, 186, 315
Шмельцер К. — 159, 315
Шмидт А. — 218, 315
Шмидт Э. — 34, 315
Шмидт-Шрейбер Э. — 209, 316
Шнейдратус В. — 137, 316
Шпан Г. — 117
Шрамм Й. — 35, 139
Шредер Е. — 210, 218, 316, 324
Шредер К. — 210, 316, 324
Шрепфер Г. — 29, 103, 316
Штаудингер Г. — 148, 317
Штейгер В. — 133, 317
Штейнбергер Э. — 194, 317, 324
Штейнбринг Э. — 216, 317
Штейнметц Э. — 216, 317
Штельцер Эмилия — 122, 209, 317, 324
Штельцер Эрнст — 37, 217, 317, 324
Штенцель А. — 63, 216, 318
Штенцер Ф. — 38, 217, 318
Штенцер Э. — 318
Штернберг Э. — 53, 174, 200, 318
Штилов Э. — 41, 92, 93, 120, 136, 141, 171, 214, 318
Штреземан Г. — 257
Штрещель Г. — 82, 106, 174, 318
Штрещель-Франке Г. — 117
Шуберт Э. — 154, 318
Шудлик Г. — 186, 187, 318
Шульмайер Г. — 39, 180, 183, 318
Шульте-Швейцер Ф. — 29, 318
Шульце Э. — 217, 319
Шуман И. — 125, 319
Шуман К. — 31, 63, 100, 319
Шуман Э. — 200, 217, 319
Шуманский Ф. — 140
Шустер К. — 39, 319
Эберлейн Г. — 46
Эйзенгардт В. — 182
Эйленберг Э. — 190, 319
Эйлер Г. — 37, 78, 190, 319, 323
Экштейн Г. — 95, 178, 319
Элендер Ф. — 5, 30, 62, 149, 150, 319

Эрдман М. — 205, 320
Эриг М. — 320
Этгерер А. — 185, 202, 208, 320,
321

Юст Э. — 211
Ягода Г. Г. — 201
Ян В. — 28, 75

СОДЕРЖАНИЕ

Вводные замечания	5
Часть первая. Чистилище	
Глава 1. Отправные точки исследования	9
1. Современное понимание сталинского террора	9
2. Следственные дела как исторический источник	14
3. Формирование базы данных	20
Глава 2. Повороты истории и личные судьбы	26
1. Веймарские коммунисты	26
2. Антифашистская борьба до и после 30 января 1933 г.	33
3. Совзагранслужащие	40
Глава 3. Пути в Советскую Россию	43
1. Свет с Востока	43
2. Нелегалы и перебежчики	46
3. «Интуристы» навсегда	48
4. Носители знаний	50
5. Еврейская ветвь эмиграции	52
Глава 4. Обустройство на новой родине	57
1. Проблемы легализации	57
2. Социальная мобильность	60
3. Эмигрантские семьи, повседневная жизнь	65
4. Специфика политэмигрантов	68
5. Принятие советского гражданства	72
6. Попытка социально-психологической систематизации	80
Глава 5. Контроль сверху и снизу	86
1. Германское посольство	87
2. Структуры Коминтерна и КПП	98
3. Сексоты и доносы	105
Часть вторая. Скорбный путь	
Глава 6. Лишение свободы	113
1. Отбор жертв	113
2. Арест	119

3. Обыск.....	123
4. Тюрьма.....	125
Глава 7. Получение признаний.....	128
1. Начальный этап следствия.....	129
2. Психологическое давление.....	132
3. Избиения и пытки.....	134
4. Сопrotивление подследственных.....	138
Глава 8. Иерархия обвинений.....	141
1. Шпионаж.....	144
2. Антисоветская агитация.....	149
3. Сравнение как преступление.....	152
4. Троцкисты-террористы.....	157
Глава 9. Динамика репрессий.....	160
1. Директивы и исполнители.....	160
2. Осуждающие инстанции.....	168
3. Тяжесть приговоров.....	172
Глава 10. Высылка германских граждан из СССР.....	175
1. Первая волна.....	176
2. После пакта.....	180
Глава 11. Пересмотр дел, реабилитация.....	184
1. Оправдание и освобождение.....	184
2. Заступники из Коминтерна.....	187
Глава 12. Немецкая операция НКВД после 22 июня 1941 г. ...	191
1. Вторая немецкая операция.....	191
2. Характер обвинений.....	194
Глава 13. Последствия репрессий.....	198
1. Попытки постичь происходящее.....	199
2. Оставшиеся на воле.....	204
3. «Осиное гнездо».....	209
4. «Квартирный вопрос».....	212
5. Топография террора.....	215
Заключение.....	219

Часть третья. Судьбы людские

Ганс Лакс: экскурсия в ГУЛАГ.....	229
Семья Борош: они искали спасенья, а нашли смерть.....	233
Роберта Гроппер: четыре года под следствием.....	241

Вильгельм Керф: исключение из правил	250
Ганс Мориц-Гримм: хозяин радиоволн и создатель киногрез	256
Рут Шейбе: «Она знала о предстоящем нападении Германии на СССР»	267

Приложения

Жертвы немецкой операции УНКВД в Москве и Московской области	276
Родственные группы среди репрессированных	322
Статистические материалы	326
 Именной указатель	 331

Научное издание

История сталинизма

Ватлин Александр Юрьевич

**«НУ И НЕЧИСТЬ».
Немецкая операция НКВД
в Москве и Московской области
1936–1941 гг.**

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *М. С. Курбак*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Н. В. Филиппова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 26.09.2012.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 7551

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14